ЛОКОН С ИЗУМРУДНОГО МОРЯ

БРЕНДОН САНДЕРСОН

ХУДОЖНИК ГОВАРД ЛАЙОН

ЛОКОН
С ИЗУМРУДНОГО
МОРЯ
БРЕНДОН
САНДЕРСОН
ХУДОЖНИК ГОВАРД ЛАЙОН

Annotation

На планете, где в океанах не вода, а чрезвычайно опасные организмы, на острове посреди Изумрудного моря живет юноша, которому совсем не в радость его судьба – судьба единственного сына герцога, будущего наследника престола. И однажды Чарли приходится покинуть остров: отец увозит его на поиски знатной невесты, чтобы заключить выгодный династический брак. Прощаясь, Чарли обещает юной простолюдинке, в которую влюблен, вернуться и жениться именно на ней. Обещает – и не возвращается. Вместо него герцог привозит совсем другого юношу, своего дальнего родственника, которого и объявляет своим приемным сыном и наследником. Однако девушке все же удается выяснить, что Чарли был брошен в Полуночном море, самом опасном из двенадцати морей планеты. И теперь, чтобы отправиться к нему на выручку, мало нарушить строжайший запрет герцога покидать остров – необходимо изобрести способ его нарушить…

С цветными иллюстрациями знаменитого фэнтезийного художника Говарда Лайона!

Впервые на русском!

- Брендон Сандерсон
  -
  - Благодарности
  - Часть 1
    - 1. Девушка
    - 2. Садовник
    - 3. Герцог
    - 4. Сын
    - 5. Принцесса-невеста
  - Часть 2
    - 6. Инспекторша
    - 7. Отец
    - 8. Заяц на борту
    - 9. Крыса

        - 10. Споровщик
        - 11. Вор
        - 12. Капитан Ворона
    - Часть 3
        - 13. Юнга
        - 14. Дуги
        - 15. Баталер
        - 16. Труп
        - 17. Плотник
        - 18. Еще один труп
        - 19. Канонир
        - 20. Рулевая
        - 21. Пиратка
    - Часть 4
        - 22. Идиотка
        - 23. Помощница канонира
        - 24. Про́клятый
        - 25. Добыча
        - 26. Снайпер
        - 27. Спорофаг
        - 28. Благодарный слушатель
        - 29. Фамильяр
        - 30. Королевская маска
        - 31. Полуночная сущность
        - 32. Освободительница
        - 33. Лгунья
        - 34. Тошер
    - Часть 5
        - 35. Любительница чая
        - 36. Исследовательница
        - 37. Ученая
        - 38. Ученица
        - 39. Птичница
        - 40. Кок
        - 41. Философ
        - 42. Проводник
        - 43. Музыкант

        - 44. Погибший
        - 45. Заступница
        - 46. Информатор
        - 47. Поэт
        - 48. Кошмар наяву
        - 49. Мученица
        - 50. Убийца
        - 51. Дракон
        - 52. Жертва
        - 53. Выжившая
    - Часть 6
        - 54. Камердинер
        - 55. Лицемер
        - 56. Предатель
        - 57. Кто подставил модного эксперта?
        - 58. Чудовище
        - 59. Пленница
        - 60. Колдунья
        - 61. Человек
        - 62. Охотник
        - 63. Лоцман
        - 64. Герой
    - Эпилог
    - Постскриптум
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

Брендон Сандерсон
Локон с Изумрудного моря

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭМИЛИ, которую я люблю всей душой

Brandon Sanderson
TRESS OF THE EMERALD SEA

Copyright © 2023 by Dragonsteel Entertainment, LLC
Symbols and illustrations by Howard Lyon Copyright © 2023 by Dragonsteel Entertainment, LLC
Published by permission of the author and his literary agents, JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA) via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)
All rights reserved

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрации Говарда Лайона, © Dragonsteel Entertainment, Llc

Издательство благодарит Веру Эслауэр, Марию Кантор и Марию Аль-Ради за участие в подготовке книги.

© И. Е. Лебедева, перевод, 2023
© А. В. Третьяков, перевод, 2023
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

Благодарности

Приступая к работе над книгой, я понятия не имел, к чему это в конце концов приведет. (Обязательно ознакомьтесь с постскриптумом, где я рассказываю – возможно, даже слишком откровенно – о том, что вдохновило меня.)

Я догадывался, что кампания на «Кикстартере»[1], запущенная в связи с четырьмя моими новыми романами, станет чем-то особенным. Однако результат превзошел все ожидания! Я знаю, что многие из вас предпочитают формат аудиокниги, у которого, безусловно, есть свое особое очарование, но, если будет возможность, хотя бы просто подержите в руках печатную версию. Потому что это вау!

И именно по этой причине я считаю необходимым выразить благодарность прежде всего Говарду Лайону. Я хотел, чтобы в этих проектах художник мог раскрыться, то есть самостоятельно создать книги практически с нуля. Говард отлично справился с задачей! Оформление обложки и форзацев, внутренние иллюстрации – едва ли не полностью дизайн этой книги разработан им. Спасибо тебе, Говард, за то, что согласился взяться за эту работу. Результат получился потрясающим!

Также я бы хотел поблагодарить Айзека Стюарта, арт-директора нашего издательства «Dragonsteel Books», сделавшего все возможное, чтобы собрать части в единое целое. Рейчел Линн Бьюкенен помогла нам с художественным оформлением. Билл Уирн из типографии «American Print and Bindery» приложил все силы, чтобы книга вышла из печати, учитывая сложности с поставками материалов в наше непростое время. Билл, огромное тебе спасибо! Я также хотел бы поблагодарить всех, кто делал тираж: работников бумажных фабрик, поставщиков полиграфических материалов, печатников, переплетчиков и водителей.

Выражаю отдельную благодарность Эмили Сандерсон, которая является операционным директором «Dragonsteel», и нашему редакционному отделу: Питеру Альстрому, Карен Альстром, Кристи

Гилберт и Бетси Альстром. Благодарю Кристи Куглер, нашего редактора, и весь наш операционный отдел: Мэтта «Ты собираешься в каждой книге делать нечто подобное, Брэндон?» Хэтча, Эмму Тан-Стокер, Джейн Хорн, Кэтлин Дорси Сандерсон, Макену Салуоне и Хейзел Каммингс. Спасибо и нашим рекламщикам: Адаму Хорну, Джереми Палмеру и Тейлору Хэтчу.

Как правило, эти люди не получают должного признания за все, что они делают для реализации моих проектов. В частности, кампания на «Кикстартере» вряд ли состоялась бы, если бы не их энтузиазм и замечательные идеи. (Например, первоначально идею собрать деньги методом краудфандинга предложил Адам несколько лет назад.) Мы поработали на славу, чтобы воплотить замысел в жизнь, так что, если вам представится возможность, поблагодарите лично каждого участника моей команды.

И конечно же, необходимо выразить особую благодарность отделу логистики. Команда Кары Стюарт усердно работала, чтобы сейчас вы могли держать книгу в руках. Все они заслуживают аплодисментов: Кристи Джейкобсен, Лекс Уилхайт, Келлин Нойманн, Мем Грейндж, Майкл Бейтман, Джой Аллен, Кэйти Айвз, Ричард Руберт, Шон ван Бускирк, Изабель Крисман, Тори Мечам, Элли Рип, Джейкоб Крисман, Алекс Лайон и Оуэн Ноултон.

Я хотел бы также поблагодарить Марго Этвелл, Ориану Лекерт и остальных членов команды «Кикстартера». Кроме того, я хотел бы сказать спасибо Анне Галлахер, Палмеру Джонсону, Антонио Росалесу и остальным членам команды «Бекеркит»[2].

У этой книги есть одна особенная читательница – Дженна Биком, которая оказала нам неоценимую помощь. Если вам когда-нибудь понадобится создать персонажа с нарушениями слуха, обращайтесь к Дженне. Она поможет все сделать правильно.

Первыми читателями рукописи стали Адам Хорн, Рейчел Линн Бьюкенен, Келлин Нойманн, Лекс Уилхайт, Кристи Джейкобсен, Дженнифер Нил и Джой Аллен.

Наши бета-ридеры – Мишель Уокер, Мэттью Винс, Тед Херман, Робт Уэст, Евгений «Арджент» Кириллов, Джесси Лейк, Кальяни Полури, Бао Фам, Линнея Линдстром, Джори Филлипс, Дарси Коул, Крейг Хэнкс, Шон ван Бускирк, Фрэнки Джером, Джулия Костантини, Элиягу Береловиц Левин, Трэй Купер и Лорен Маккэффри.

Гамма-ридеры: Джой Аллен, Джейден Кинг, Крис Макграт, Дженнифер Нил, Джошуа Харки, Эрик Лейк, Росс Ньюберри, Боб Клутц, Брайан Хилл, Шеннон Нельсон, Сьюзан Мусин, Глен Фогелаар, Иэн Макнатт, Гэри Сингер, Эрика Кута Марлер, Дрю Маккэффри, Дэвид Беренс, Розмари Уильямс, Тим Чалленер, Джессика Эшкрафт, Энтони Экер, Алексис Хорайзон, Лилиана Кляйн, Кристофер Коттингем, Аарон Биггс и Уильям Хуан.

И последнее, но не менее важное: огромное спасибо всем, кто поддержал наш проект на «Кикстартере». Я и не предполагал, что мы так легко наберем необходимую сумму, не говоря уже о том, чтобы набрать вдвое бóльшую. Я просто хотел сделать что-то необычное, что-то интересное и прикольное. Ваша поддержка по-прежнему значит для меня очень много. Еще раз спасибо!

Брендон Сандерсон

Часть 1

1. Девушка

На Скале посреди океана жила девушка.

Однако океан был совсем не похож на тот, который, возможно, вы себе вообразили.

И Скала была совсем не похожа на ту, что вы представили.

А вот девушка вполне может быть той, что возникла в вашем сознании, – при условии, что вам она видится вдумчивой, нежной и обожающей коллекционировать чашки.

Люди частенько называли девушку обладательницей роскошных волос пшеничного цвета. Однако некоторые считали, что у ее волос цвет карамели, а другие – что он медовый. Девушка иногда задумывалась, почему люди предпочитают описывать внешность через ассоциации с едой. Вероятно, они испытывают определенного рода голод и таких людей следует избегать.

По мнению самой девушки, ее волосы были светло-каштановыми. А впрочем, цвет – не самая интересная их черта. Они были ужасно непослушными. Каждое утро девушка героически усмиряла их с помощью щетки и расчески, а затем заплетала в тугую косу и перехватывала лентой. И все же некоторые локоны ухитрялись выбиться из прически и свободно развевались на ветру, радостно приветствуя каждого, с кем девушке доводилось встречаться.

При рождении девушке было дано весьма неудачное имя Глорф (не судите строго, ведь это родовое имя), однако из-за непослушных волос ее нарекли иначе – Локон, и под этим именем девушку знали все вокруг. Это прозвище, по мнению Локон, и было самой интересной ее чертой.

Локон была воспитана в определенных традициях неискоренимого прагматизма. Подобный недостаток нередко развивается у обитателей суровых безжизненных островов, которые не суждено покинуть. Ежедневная встреча с пейзажем из черного камня, несомненно, влияет на вашу жизненную позицию.

Остров, где жила девушка, формой напоминал скрюченный палец старика, который будто торчал из океана, указывая на горизонт. Он целиком состоял из черного соляного камня и был достаточно велик,

чтобы на нем поместился целый город и герцогский особняк в придачу. Хотя местные жители называли остров Скалой, на картах он значился как Пик Диггена. Никто уже не помнил этого Диггена, но, очевидно, он был смышленым малым, потому что навсегда покинул Скалу вскоре после того, как дал ей свое имя.

Локон имела привычку по вечерам сидеть на крыльце фамильного дома с одной из любимых чашек в руках, потягивать соленый чай и глядеть на зеленый океан. Да, я не оговорился: океан действительно был зеленым. Кроме того, он не был мокрым. Но об этом чуть позже.

На закате Локон размышляла о людях, которые посещали Скалу на своих судах. Остров едва ли можно было назвать туристической меккой. Черный соляной камень постоянно крошился, из-за чего было почти невозможно заниматься сельским хозяйством – любая почва, завезенная на остров, вскоре перенасыщалась солью. Единственная пища, которую производил остров, выращивалась в компостных чанах.

На Скале работали важные скважины, достигавшие глубокого водоносного горизонта, – именно за водой из этих скважин приплывали гости. Однако машины, работавшие в соляных шахтах, постоянно извергали потоки черного дыма.

В общем, атмосфера была мрачной, местность – убогой, пейзаж – удручающим. А еще я забыл рассказать вам о смертоносных спорах.

Пик Диггена располагался рядом с Зеленым Лунагри. Термин «лунагри», как вам должно быть известно, означает места, где двенадцать лун висят на гнетуще низких стационарных орбитах. Луны эти достаточно велики, чтобы заполнить собой треть неба, и одна из двенадцати видна всегда, где бы вы ни находились. Словно бельмо на глазу, она будет доминировать в поле вашего зрения.

Местные жители чтили эти луны как богов, и тут я с вами полностью согласен: едва ли возможно найти более нелепый предмет для обожествления. Однако легко понять, откуда взялось это суеверие, если учесть тот факт, что на поверхность планеты сыпались споры, похожие на разноцветные песчинки.

Они падали с лунагри, а Зеленое Лунагри виднелось в пятидесяти или шестидесяти милях от поверхности острова – рукой подать до этого огромного фонтана разноцветных пылинок, ярко мерцающих и чрезвычайно опасных. Споры заполнили собой океанские впадины, и из этой инопланетной пыли – а не из воды – сотворились огромные

моря. Корабли плавали по спорам, как в вашем мире они плавают по воде. Находите это необычным? Позвольте спросить, а на скольких планетах вы успели побывать? Возможно, обитатели большинства миров бороздят океаны пыльцы и именно ваша родная планета – самая необычная из всех.

Споры становились опасны, только если их намочить. И, учитывая, сколько жидкости выделяет человеческое тело даже в здоровом состоянии, это представляло собой немалую проблему. Всего одна капля воды приводила к тому, что споры мгновенно начинали разрастаться, и результаты варьировались от неприятных до смертельных. Например, если вы вдохнете зеленые споры, то благодаря слюне из вашего рта – или, в более интересных случаях, из носовых пазух – тут же вырастет лоза и обовьется вокруг головы.

Споры могли быть нейтрализованы двумя веществами: солью и серебром. Вот почему жители Пика Диггена ничего не имели против соленой пищи или воды. Своих детей они заставляли выучивать наизусть главное правило выживания: сольца да серебришко – спорам верная крышка. Вполне приемлемый стишок, если вы из тех дикарей, которым чуждо понятие размера.

Как бы то ни было, если учесть споры-убийцы, смог и соль, становится понятным, почему король, которому подчинялся герцог, в конце концов утвердил закон, запрещающий местному населению покидать Скалу. Он объяснил свое решение на военный манер, пользуясь высокопарными словосочетаниями вроде «необходимый персонал», «стратегическое снабжение» и «дружественная якорная стоянка». Однако все знали правду. Это место было настолько негостеприимным, что даже у смога оно вызывало тоску. Суда периодически подходили к острову для ремонта, сдачи отходов в компостные чаны или набора свежей воды. Но каждый местный житель покорно соблюдал королевский запрет покидать Пик Диггена.

Вот потому-то Локон и просиживала вечера на своем крылечке, наблюдая, как отчаливают корабли, как споры валом валят с лунагри, как солнце выходит из-за луны и ползет к горизонту. Девушка потягивала соленый чай из чашки с лошадками и думала: «На самом деле в этом есть своя прелесть. Мне здесь нравится. И я верю, что прожить на Скале всю оставшуюся жизнь – не такая уж плохая перспектива».

2. Садовник

Возможно, вас удивили мысли Локон. Ей хочется остаться на Скале? Ей нравится здесь жить?

А как же тяга к приключениям? Страсть к путешествиям? Желание увидеть как можно больше нового?

Что ж, это не та часть истории, где вы можете задавать вопросы. Так что, пожалуйста, держите их при себе. Тем не менее вы должны понимать: я рассказываю о людях, которые одновременно и являются, и не являются тем, чем кажутся. Я рассказываю о противоречиях. Другими словами, я рассказываю о человеческих существах.

Вот почему Локон нельзя назвать героиней в привычном смысле этого слова. На самом деле она была совершенно обыкновенной. Сама себя считала категорически скучной. Она предпочитала пить чай подостывшим. Ложилась спать вовремя. Любила родителей, иногда ссорилась с младшим братом и была очень чистоплотной. Она неплохо вышивала, и у нее определенно имелся кулинарный талант, однако другими заслуживающими внимания навыками девушка не обладала.

Никаких тайных уроков фехтования или способности понимать язык животных. В ее роду не было королевских бастардов или божественных существ, хотя, по слухам, Глорф, ее прабабушка, однажды помахала королю с вершины Скалы, когда тот проплывал мимо. Но то место находилось за много миль от крыльца, на котором сиживала Локон, а потому девушка не считала, что данный факт имеет к ней какое-то отношение.

Короче говоря, Локон была обычной девочкой-подростком. Поскольку другие девочки часто упоминали, что они не такие, как все остальные, то через некоторое время Локон поняла: она как раз из этих «остальных». Другие девочки, очевидно, были правы насчет своей уникальности – у них так хорошо получалось быть особенными, что они целыми днями только этим и занимались.

Локон была рассудительнее большинства людей: ей не нравилось навязываться или просить. Она молчала, когда другие девушки смеялись или отпускали шуточки в ее адрес. Ведь они получали от этого такое удовольствие, что было бы невежливо его испортить. А

еще было бы несколько самонадеянно требовать от них больше так не делать.

Некоторые бойкие парни говорили о поисках приключений, о плаваниях в чужих морях и океанах. Локон находила эту идею пугающей. Как можно бросить родителей и брата? И потом, у нее же собственная коллекция чашек.

Локон чрезвычайно трепетно относилась к чашкам: фарфоровым с изящной росписью, глиняным с грубоватой текстурой, деревянным с потертостями от постоянного использования.

Некоторые моряки из тех, кто частенько причаливал к Пику Диггена, знали о ее пристрастии к чашкам и иногда привозили ей сувениры с берегов всех двенадцати морей, из далеких краев, где споры, по слухам, были багряными, лазурными или даже золотыми. В благодарность девушка дарила морякам пироги, продукты для которых покупала на гроши, что зарабатывала мытьем окон.

Чашки, которые ей привозили, нередко были не новыми, но Локон не имела ничего против их несовершенства. У каждой чашки со сколом или трещиной была своя история. Девушка любила их все, потому что они подарили ей целый мир. Каждый раз, когда Локон делала глоток из чашки, ей казалось, что она ощущает вкус незнакомых блюд и напитков, а также, возможно, немного понимает людей, которые их приготовили.

Любое пополнение коллекции Локон непременно показывала Чарли.

Чарли утверждал, что работает садовником в поместье герцога на вершине Скалы, но Локон знала, что на самом деле этот юноша – сын герцога. Руки его были мягкими, как у ребенка, а не мозолистыми, и питался он лучше, чем кто-либо другой в городе. Волосы всегда были аккуратно подстрижены, а на пальце, на котором представители знати обычно носили кольцо с печаткой, бледнел чуть заметный след. Похоже, Чарли снимал кольцо, едва заметив девушку.

Кроме того, не существовало сада, за которым, по словам Чарли, он ухаживал. Ведь замок герцога стоял на вершине Скалы. Когда-то там росло дерево, но оно благоразумно скончалось несколько лет назад. Однако в поместье имелись немногочисленные растения в горшках, которые позволяли парню и дальше притворяться садовником.

Ветер кружил серые пылинки у самых ног девушки, пока она поднималась по тропинке к замку. Умирая, споры делались серыми – сам воздух вокруг Скалы был достаточно соленым, чтобы их убить, – но Локон по привычке задерживала дыхание, когда шла этим путем. На развилке девушка повернула налево – правая тропа вела к шахтам – и начала взбираться по откосам к выступу.

Замок зиждился на специальной опоре и напоминал тучную лягушку, взгромоздившуюся на цветок лилии. Локон могла лишь догадываться, чем именно привлекло герцога это место. Оно находилось совсем близко к смогу, – возможно, герцогу просто нравился сосед со схожим темпераментом.

Путь к поместью нельзя было назвать простым, но по тому, как сидела одежда на членах благородного семейства, можно было предположить, что они не чураются физических упражнений.

Обычно поместье охраняли пятеро солдат (хотя сейчас дежурили только Снагу и Лид), и они неплохо справлялись со своими обязанностями. По крайней мере, уже невесть сколько лет никто из семьи герцога не становился жертвой какой-нибудь из многочисленных опасностей, подстерегающих любого знатного человека, живущего на Скале. (К таковым относятся и скука, и ушибы пальцев ног, и возможность задохнуться, подавившись куском пирога.)

Разумеется, Локон принесла солдатам угощение. Пока они уплетали пирог, девушка раздумывала, не показать ли им новое приобретение – жестяную кружку с выбитыми на ней буквами неизвестного алфавита, которые явно полагалось читать сверху вниз, а не слева направо. Но все же Локон не рискнула навязываться.

Стража охотно пропустила девушку, хотя сегодня была не ее очередь мыть окна в замке. Локон нашла Чарли на внутреннем дворе: он упражнялся с мечом. Увидев девушку, парень отложил оружие и поспешно снял с пальца кольцо.

– Локон! – воскликнул он. – Не думал, что ты заглянешь к нам сегодня.

Чарли совсем недавно исполнилось семнадцать, он был всего лишь на два месяца старше Локон. Девушка знала наизусть все улыбки, которыми он мог ее приветствовать. Например, вот эта говорила: «Я искренне рад поводу закончить тренировку». Он не так сильно любил это занятие, как хотелось бы его отцу.

– Фехтование, Чарли? – удивилась Локон. – Разве умение владеть мечом входит в обязанности садовника?

– Ты про это? – Он взял тонкий дуэльный меч. – Так ведь он предназначен как раз для садоводства!

Чарли нерешительно ткнул мечом в горшок с каким-то чахлым растением. Удар клинка, разрубивший лист, определенно не прибавил бедняге шансов на выживание.

– Садоводство, – эхом повторила Локон. – С помощью… меча?

– Именно так ухаживают за растениями на королевском острове, – не растерялся Чарли и вновь ударил по листу. – Там вечно воюют, ты же знаешь. Если подумать, вполне закономерно, что королевские садовники научились стричь растения мечом. Удобно же, когда оружие всегда при тебе.

У Чарли плохо получалось лгать, но отчасти именно поэтому он нравился Локон. Юноша был слишком открытым. Он даже лгал открыто. И, видя, как тяжело он вымучивает неправду, невозможно было направить ее против него самого. Ложь Чарли – такая откровенная – была лучше откровенности многих других людей.

Чарли еще раз нерешительно махнул клинком в сторону несчастного растения, затем посмотрел на девушку и вопросительно приподнял бровь. Локон покачала головой. На его губах заиграла ухмылка, которая говорила: «Я попался, но не могу в этом признаться». После чего он воткнул меч в землю, которой был наполнен горшок, и плюхнулся на низкую садовую стену.

Сыновьям герцогов не полагается плюхаться на что бы то ни было. Поэтому Чарли вполне можно считать исключительно одаренным юношей.

Локон устроилась рядом, поставив корзинку себе на колени.

– Что ты мне принесла на сей раз? – поинтересовался юноша.

Локон достала из корзинки пирожок.

– С голубем и морковью, – пояснила она. – И с соусом из тимьяна.

– Благородное сочетание, – одобрил Чарли.

– Сын герцога, будь он здесь, вряд ли согласился бы с тобой.

– Сыну герцога дозволено есть только блюда с разными диакритическими знаками в названиях, – сказал парень. – И ему точно не позволили бы прервать тренировку ради еды. Так что мне повезло, что я не он.

Чарли откусил от пирога. Локон замерла в ожидании очередной улыбки, и та не заставила себя ждать: улыбка наслаждения. Локон полдня ломала голову, что бы приготовить из продуктов с портового рынка, чтобы заслужить эту особенную улыбку.

– А что еще ты мне принесла?

– Садовник Чарли, – строго проговорила девушка, – ты лопаешь дармовой пирог да еще смеешь просить добавки?

– А вот и смею! – воскликнул Чарли с набитым ртом и ткнул пальцем в корзинку. – Знаю, тут еще кое-что лежит. Давай же, показывай.

Девушка усмехнулась. Кому другому она бы не посмела навязываться, но Чарли не был кем-то другим. Локон достала из корзинки жестяную кружку.

– А-а-а, – протянул Чарли, после чего отложил недоеденный пирог и благоговейно взял кружку в руки. – Что-то необычное на этот раз?

– Тебе знакомо это письмо? – нетерпеливо спросила Локон.

– Это древнеириальский, – ответил Чарли. – Знаешь, они ведь исчезли, эти ириали. Целый народ взял и – пуф! Жили себе не тужили и в один прекрасный день будто испарились, оставив свой остров необитаемым. Это случилось триста лет назад, так что никто из ныне живущих не встречал ириали, но считается, что у них у всех были золотые волосы. Как у тебя, цвета солнечных лучей.

– Мои волосы не цвета солнечных лучей, Чарли.

– Твои волосы были бы цвета солнечных лучей, если бы солнечные лучи были светло-каштановыми.

Следует заметить, что Чарли обожал играть со словами. Правда, нередко он им проигрывал.

– Держу пари, у этой кружки богатая история, – с энтузиазмом продолжил Чарли. – Наверняка ее смастерили для какого-нибудь ириалийского аристократа за день до того, как он вместе со своей челядью отправился к праотцам. А забытую на столе посудину прибрала к рукам бедная рыбачка, первой прибывшая на остров и обнаружившая – о ужас! – что целый народ исчез в мгновение ока. Она подарила кружку своему внуку, который стал пиратом. В конце концов он похоронил нечестно нажитое богатство в толще спор. И вот недавно клад, уйму лет пролежавший во тьме, подняли со дна, и так кружка попала к тебе.

Юноша поднял кружку так, чтобы на нее падал свет.

Локон слушала и улыбалась. Время от времени, мо́я окна в замке, девушка слышала, как родители ругали Чарли за болтливость; они считали это глупым и неподобающим его положению. Родители редко давали Чарли договорить. Локон считала это досадным. Чарли частенько давал волю языку, но лишь потому, что любил разные истории так же сильно, как Локон – свои чашки.

– Спасибо тебе, Чарли, – прошептала девушка.

– За что?

– Ты дал то, чего мне не хватало.

Чарли понял, что имела в виду Локон. Вовсе не чашки и не истории.

– Всегда пожалуйста. – Он накрыл ее руку своей. – Я всегда готов дать то, чего тебе хочется. И ты всегда можешь сказать мне, чего именно тебе хочется. Я знаю, обычно ты этого не говоришь.

– А чего хочешь ты, Чарли?

– Я не знаю, чего хочу, – признался он. – Кроме, пожалуй, одного. Того, чего хотеть не должен. А должен хотеть приключений. Как в сказках. Ты знаешь какие-нибудь сказки?

– Про прекрасных дев, что попадают в плен и могут там лишь сиднем сидеть? Да время от времени молить о помощи?

– Думаю, так тоже бывает.

– Почему все героини сказок непременно красавицы? – спросила Локон. – Чем не устраивают дурнушки? Например, девы, красивые не внешне, а внутренне? Что-то вроде хорошо приготовленного блюда? Я могла бы стать такой девой. Я разбираюсь в еде. – Поморщившись, Локон добавила: – Хорошо, что мы не в сказке, Чарли. Я бы наверняка попала в плен.

– А я, вероятно, там сразу бы помер, – сказал юноша. – Я ведь трус. Это чистая правда.

– Чепуха. Ты всего лишь обычный человек.

– Ты… когда-нибудь видела, как я веду себя с герцогом?

Локон промолчала. Потому что видела Чарли рядом с герцогом, и не раз.

– Если бы я не был трусом, – продолжал он, – то мог бы сказать тебе то, что сказать не в силах. Но если бы ты, Локон, попала в плен, я бы непременно тебя выручил. Я бы надел доспехи. Сияющие доспехи. Ну или просто доспехи. Пожалуй, если бы кто-нибудь из моих знакомых попал в плен, я не стал бы тратить время на чистку доспехов. Как думаешь, герои сказок надраивали свои латы перед тем, как отправлялись кого-то спасать? Это же пустая трата времени.

– Чарли, – прервала его Локон, – разве у тебя есть доспехи?

– Я бы непременно их раздобыл, – заявил он. – Я бы наверняка что-нибудь придумал. Даже трус станет храбрым в надежной броне, верно? В сказках, как правило, много убитых. Я бы мог снять доспехи с…

Тут из замка донесся крик, прервавший разговор молодых людей. Отец Чарли явно был чем-то недоволен. Насколько Локон могла судить, единственной обязанностью герцога было кричать на всех подряд, и он относился к ней очень серьезно.

Чарли весь напрягся, глядя на замок; улыбки как не бывало. Но поскольку источник воплей не приближался, юноша снова посмотрел на кружку, которую держал в руках. Момент был упущен; ему на смену тут же явился другой, как обычно и происходит. Этот другой момент был уже не таким интимным, но тоже очень ценным для Локон, потому что она все еще была с Чарли наедине.

– Прости, – тихо извинился юноша, – за то, что заговорил о прекрасных девах и доспехах мертвецов. Но спасибо тебе, Локон, – ты

все равно меня слушаешь. Мне это нравится.

– А мне нравятся твои истории. – Локон забрала у Чарли кружку и перевернула ее. – Как думаешь, что-нибудь из того, что ты наплел об этой вещице, правда?

– Что-нибудь может быть и правдой, – кивнул Чарли. – Это ведь самое замечательное свойство любой истории. Взгляни на эту надпись – она подсказывает, что когда-то кружка принадлежала королю. Тут написано его имя.

– А древнеириалийский ты выучил…

– …в школе садоводства, – невозмутимо закончил Чарли. – На случай, если инструкции на упаковке некоторых опасных растений будут написаны на нем.

– А на какой случай ты носишь и штаны знатного человека?

– Чтобы отвлечь на себя наемных убийц, когда они придут к сыну герцога.

– Ну, допустим… Но почему тогда ты снял кольцо с печаткой?

– Э-э-э… – протянул юноша, взглянув на свою руку. Затем он посмотрел на Локон. – Наверное, просто для того, чтобы ты не принимала меня за другого. За того, кем я не хочу быть.

За словами последовала робкая улыбка, которая говорила: «Пожалуйста, согласись со мной, Локон». Потому что сын герцога не может запросто общаться с мойщицей окон. А дворянин, притворяющийся простолюдином, чтобы узнать получше своих подданных? Это же в порядке вещей! В сказках такое случалось столько раз, что давно уже стало клише.

– Что ж, – сказала наконец Локон, – звучит правдоподобно.

– А теперь, – Чарли взял недоеденный пирог, – расскажи, как прошел твой день. Я должен знать все до мельчайших подробностей.

– Я ходила на рынок за продуктами, – принялась рассказывать Локон, заправив выбившуюся прядь за ухо. – Купила кусок лосося с острова Эрик, где много озер. Полони счел его испортившимся и отдал задешево, но на самом деле испортилась рыба в другой бочке. Так что я получила фунт отличного лосося практически задаром.

– Подумать только, – вздохнул Чарли. – Никто не устраивает переполох, когда ты приходишь с визитом. Никто не зовет детей, чтобы ты пожимал им руки… Расскажи что-нибудь еще, пожалуйста. Например, как ты поняла, что рыба не протухла?

Поощряемая подобными вопросами, Локон продолжила рассказ о своей повседневной жизни. Так бывало при каждой встрече с Чарли. И он слушал очень внимательно, что лишний раз доказывало: его болтливость – не порок. По какой-то непостижимой для Локон причине Чарли находил ее жизнь интересной.

Повествуя о своей рутине, Локон чувствовала, как тепло разливается по телу. Это происходило всякий раз, когда она навещала Чарли в отцовском замке, потому что тот стоял высоко, ближе к солнцу. Конечно же, здесь было теплее, чем где-либо еще на острове.

Вот только сейчас солнце пряталось за луной и воздух был на несколько градусов прохладнее, чем обычно в это время дня. Локон ощутила усталость от лжи, которую внушала себе. Ей тепло вовсе не от солнца, а от очередной улыбки на лице юноши. И от улыбки на ее собственном лице.

Чарли внимательно слушал Локон не только потому, что интересовался жизнью простых людей.

Локон пришла навестить Чарли не только потому, что ей были интересны его рассказы.

Вообще-то, на самом глубинном уровне это история не о чашках и даже не о сказках. Это история о перчатках.

3. Герцог

Локон заметила, что перчатки помогают ей лучше справляться с повседневными обязанностями. Конечно, если это добротные перчатки, из мягкой кожи, что плотно облегает каждый палец. Такие нужно как следует смазывать маслом и не оставлять на солнце, и они никогда не утратят мягкости. Они настолько удобны, что вы, идя мыть руки, с удивлением обнаруживаете, что они все еще на вас.

Добротные перчатки – незаменимая вещь. И Чарли очень напоминал Локон добротные перчатки. Чем больше времени она проводила с этим юношей, тем более удачным казалось это совместно проведенное время. Чем четче становились лунные тени, тем меньше весила ее ноша. Локон любила интересные чашки еще и потому, что каждая из них давала повод для встречи с Чарли.

То, что возникло между ними, было таким прекрасным, таким чудесным, что Локон боялась называть это любовью. Судя по словам сверстников, любовь опасна, ведь где она, там и ревность, и неуверенность в себе, и пылкие ссоры, и еще более пылкие примирения. Такая любовь совсем не похожа на хорошие перчатки, она куда сильнее смахивает на раскаленный уголь, норовящий обжечь руку.

Любовь всегда пугала Локон. Но когда Чарли снова накрыл ее кисть своей ладонью, девушка вдруг вспыхнула, как от огня. Должно быть, любовь – это все же раскаленный уголь, просто укрощенный, как в прочной печи.

Девушке захотелось окунуться с головой в жар любви, отбросив всякую логику.

Чарли замер. Конечно, они и прежде касались друг друга, но сейчас все было иначе. Момент. Мечта. Юноша покраснел, но руку не отдернул. А когда наконец поднял ее, то смущенно провел пальцами по волосам, застенчиво улыбаясь. Поскольку это был Чарли, жест не испортил момент, а скорее наоборот – сделал его приятнее.

Локон силилась подобрать правильные слова. Существовало множество вариантов, которые помогли бы ей извлечь выгоду из этого момента.

Она могла бы сказать: «Чарли, давай немного пройдемся» – и вновь протянуть ему руку.

Она могла бы сказать: «Помоги мне, Чарли, я задыхаюсь. От одного взгляда на тебя спирает дыхание».

Она могла бы сказать даже нечто совершенно безумное, например: «Ты мне очень нравишься, Чарли».

Вместо всего этого Локон произнесла:

– Ух, какие теплые у тебя руки, – а затем засмеялась и поперхнулась воздухом, отчего ее смех по чистой случайности стал похож на крик морского слона.

Можно сказать, что и Локон любила поиграть со словами. И тоже нередко им проигрывала.

В ответ Чарли одарил ее очередной улыбкой. Чудесная и незнакомая, эта улыбка с каждой секундой становилась увереннее. «Кажется, я люблю тебя, Локон, и крик морского слона этому не помеха» – вот что говорила эта улыбка.

Девушка улыбнулась в ответ. И тотчас в окне замка позади юноши она заметила герцога – высокого, с военной выправкой. Даже одет он был на военный манер: мундир как будто приколот к телу многочисленными медалями.

Герцог не улыбался.

Локон лишь единожды видела улыбку на лице герцога, когда наказывали старого Лотари – бедняга пытался улизнуть с острова, спрятавшись на торговом судне. В отличие от улыбок сына, улыбки герцога, по мнению девушки, не отличались разнообразием. Должно быть, Чарли расходовал квоту всей семьи. Но хотя улыбался герцог крайне редко, он не упускал случая показать зубы.

Герцог вскоре растворился в тени здания, но Локон все еще ощущала его присутствие, когда прощалась с Чарли. Спускаясь по ступенькам, девушка ожидала услышать крики за спиной. Но вместо них в воздухе повисла напряженная тишина, как после вспышки молнии.

Она преследовала Локон до самого дома. Девушка пробормотала родителям что-то насчет усталости и прошмыгнула в свою комнату, чтобы там дождаться окончания этой тишины. Она трепетала при мысли, что вот-вот в ее дверь постучат солдаты и потребуют

объяснить, как посмела простая мойщица окон прикоснуться к сыну герцога.

Однако никто не постучал, и Локон пришла к выводу, что придала выражению лица хозяина острова слишком большое значение. Но затем она вспомнила странную улыбку герцога – и всю ночь не могла сомкнуть глаз, беспокойно ерзая в постели.

Рано утром она встала, собрала волосы в хвост и поплелась на рынок, чтобы перебрать кучу лежалого товара в поисках чего-нибудь пригодного для стряпни и приемлемого для ее кармана. Несмотря на ранний час, на рынке было довольно многолюдно. Пока одни сметали с тропинок мертвые споры, другие собирались небольшими компаниями, чтобы оживленно поболтать.

Локон прислушивалась к разговорам, разумно полагая, что никакие новости не могут быть дурнее предчувствий, мучивших ее всю ночь.

Она ошибалась.

Утром герцог объявил, что вместе с семьей он сегодня же покинет остров.

4. Сын

Покинуть остров?!

Но местным запрещено покидать остров!

Впрочем, логика подсказывала Локон, что запрет касается далеко не всех. Королевские чиновники имеют свободу передвижения. Герцог время от времени уплывал, чтобы отчитаться перед королем. И потом, он ведь как-то заслужил все эти причудливые медали – вероятно, занимаясь уничтожением чужеземцев, не совсем непохожих на обитателей Скалы. Наверняка герцог проявил стойкость и героизм в ходе этих войн. Ведь большинство сражавшихся вместе с ним солдат погибло, а он остался жив.

Но никогда прежде герцог не брал с собой семью.

«Герцогский наследник достиг совершеннолетия, – говорилось в объявлении, – и должен быть представлен принцессам цивилизованных морей для женитьбы на одной из них».

Локон была практичной юной особой. И потому лишь на мгновение ее охватило желание в отчаянии швырнуть корзинку наземь и растоптать ее содержимое. Лишь на краткий миг девушка задалась вопросом, позволительно ли ей грязно выругаться во весь голос. Лишь на долю секунды ее посетила идея пойти в замок и потребовать, чтобы хозяин пересмотрел свое решение.

Вместо всего этого она продолжила оцепенело выполнять привычные действия, чтобы придать некое подобие нормальности своей стремительно рушащейся жизни. Локон выудила из кучи отбросов чеснок, который еще мог на что-то сгодиться, несколько не слишком жухлых картофелин и даже немного пшеницы, не сожранной долгоносиками, – наиболее крупных жуков удавалось отделять от зерен.

Еще вчера Локон была бы весьма довольна таким уловом. Сегодня же она не могла думать ни о чем и ни о ком, кроме Чарли.

Это так мучительно несправедливо! Не далее как вчера Локон призналась себе в своих чувствах, а уже нынче ее мир перевернулся вверх тормашками. Да, она знала, что может быть больно. Любовь и боль ходят рука об руку. Локон представлялось, что эта боль – как соль

в чае. Но разве там не должна быть еще и капелька меда? Разве в любви не должно быть – робко мечтала она – страсти?

Выходило, что девушка получала все минусы романтического увлечения без каких бы то ни было плюсов.

К сожалению, ее практичность уже давала о себе знать. Пока Локон и Чарли притворялись, реальный мир не имел никаких прав на их чувства. Но дни притворства миновали. Чего она, собственно говоря, ждала? Что герцог позволит сыну жениться на мойщице окон? Что могла бы Локон предложить такому человеку, как Чарли? Она же никто. И уж точно рядом не стояла ни с одной принцессой. Ведь принцессы могут себе позволить гораздо более обширную коллекцию чашек!

В идеальном мире брак всегда зиждется на любви. В реальном мире фундаментом любого брака является политика. Это слово наполнено огромным количеством смыслов, хотя большинство из них сводится к следующему: политика – это то, что обсуждают знатные и (пусть и неохотно) богатые. Не простолюдины.

Закончив с покупками, Локон отправилась домой, где надеялась обрести сочувствие в лице своих родителей. Но похоже, герцог не терял времени даром – к порту уже выстроилась целая процессия челяди.

Девушка свернула с привычного пути и приткнулась в самый конец процессии; слуги уже начали грузить вещи семьи на торговый корабль. Никто не имеет права покинуть остров, если только этот никто не… кое-кто. Локон боялась, что ей не удастся поговорить с Чарли до его отплытия. Потом девушка забеспокоилась, что, даже если такая возможность и появится, юноша не захочет ее видеть.

К счастью, Локон заметила Чарли немного в стороне от процессии – он явно искал кого-то в толпе. Едва заметив девушку, устремился к ней.

– Локон! – воскликнул он. – О луны! Я переживал, что не увижу тебя до отплытия.

– Я… – Локон не знала, что сказать.

– О прекрасная дева! – Чарли отвесил ей поклон. – Я вынужден с вами проститься.

– Чарли, – мягко ответила Локон, – не пытайся быть тем, кем ты не являешься. Я ведь знаю, кто ты на самом деле.

Чарли слегка поморщился. Он был в дорожном плаще и шляпе. Герцог считал, что шляпу допустимо носить исключительно в путешествиях.

– Локон, – так же мягко произнес юноша, – боюсь, я солгал тебе. Видишь ли… никакой я не садовник. Я… хм… сын герцога.

– Поразительно! Кто бы мог подумать, что садовник Чарли и наследник герцога Чарльз – одно и то же лицо! Учитывая, что они ровесники, выглядят одинаково и носят неотличимую одежду?

– В общем, все верно. Ты злишься?

– Злость ждет в очереди, – ответила Локон. – Седьмая по счету, между замешательством и усталостью.

Девушка заметила, что отец и мать Чарли уже поднялись на корабль. Слуги последовали за ними с последним багажом.

Чарли потупил взор:

– Похоже, меня собираются женить. На принцессе какой-нибудь страны. Что ты об этом думаешь?

– Я… – Что она должна была ответить? «Желаю тебе счастья»?

Чарли поднял глаза и встретился с Локон взглядом.

– Всегда, Локон, – ответил он. – Помнишь?

Не без труда, но Локон разыскала нужные слова, забившиеся в уголок разума.

– Я бы не хотела… – Девушке удалось подцепить слова языком. – Я бы не хотела, чтобы ты так поступил… Не хотела бы, чтобы ты женился на другой.

– Ух ты! – заморгав от удивления, воскликнул Чарли. – Не шутишь?

– Ну… я уверена, что все они очень милые. Эти принцессы.

– Полагаю, это прописано в их должностных инструкциях, – сказал Чарли. – Вроде того, что они обычно делают в сказках. Воскрешают земноводных, сообщают родителям о том, что дитя намочило постель. Нужно быть довольно добрым человеком, чтобы оказывать подобные услуги.

– И все равно… – девушка глубоко вздохнула, – я бы предпочла, чтобы ты не женился на ком-нибудь из них.

– Что ж, тогда и не женюсь, – кивнул он.

– Не думаю, что у тебя есть выбор, Чарли. Твой отец хочет, чтобы ты женился. Это политика.

– Да, но, видишь ли, – он взял девушку за руки и наклонился к ней, – у меня есть секретное оружие.

Локон заметила, что отец юноши поднялся на бак и теперь хмуро смотрит вниз. Чарли в ответ криво улыбнулся. Его улыбка говорила: «Учти, я довольно коварен». Чарли пользовался ею, когда ему недоставало храбрости на какое-нибудь коварство.

– Что еще за секретное оружие, Чарли? – спросила Локон.

– Я могу быть невероятно скучным.

– Это не оружие.

– На войне оно вряд ли пригодится, спору нет. Но при сватовстве… разит не хуже самой острой рапиры. Ты же знаешь, что я могу болтать часами. Днями. Неделями.

– Мне нравится твоя болтовня, Чарли. И я даже не против, чтобы ты болтал недели напролет.

– Ты – особый случай, – сказал Чарли. – Ты… Как бы глупо это ни звучало, Локон, но ты как перчатки.

У Локон перехватило дыхание.

– Я… как что? – переспросила она, не веря ушам.

– Как перчатки, – повторил юноша. – Не обижайся. Видишь ли, если перед тренировкой с мечом я надеваю перчатки, то…

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – прошептала девушка.

С корабля донесся крик – это герцог велел Чарли поторапливаться. И тут Локон поняла: как у Чарли есть разные улыбки, так у его отца – разные хмурые взгляды. И сейчас хмурый взгляд явно говорил что-то нехорошее о ней.

Чарли сжал руки девушки.

– Послушай, Локон, – торопливо зашептал он, – обещаю тебе, что не женюсь ни на ком. Я намерен посетить все заморские страны, но при этом буду до того скучен, что ни одна принцесса не захочет взять в мужья такого зануду. У меня мало что получается действительно хорошо. Я не выиграл ни одного очка у отца в спаррингах. Я непременно пронесу ложку с супом мимо рта на официальном приеме. Я так много болтаю, что даже мой лакей, которому платят, чтобы слушал, выдумывает различные причины, лишь бы не терпеть до конца. На днях я рассказывал ему историю о рыбе и чайке, а он притворился, будто уколол палец на ноге…

Раздался новый окрик.

– У меня получится, Локон, – твердо произнес Чарли. – Из каждой страны я буду присылать чашку, хорошо? Как только я смертельно наскучу очередной принцессе и отец решит, что нам нужно плыть дальше, я отправлю чашку. В подтверждение того, что план работает. – Он вновь сжал ее руки. – Я иду на это не только потому, что ты слушаешь мою болтовню. Еще и потому, что ты понимаешь меня, Локон. Ты всегда могла разглядеть во мне то, что оставалось невидимым для других.

Чарли повернулся, чтобы ответить на зов отца. Локон держала его за руки, не желая, чтобы он покинул ее.

Чарли одарил ее последней улыбкой. И хотя он пытался казаться увереннее, чем был на самом деле, Локон знала все его улыбки. В этой звучал неуверенный вопрос, полный надежды и беспокойства.

– Для меня ты тоже как хорошие перчатки, Чарли, – сказала Локон.

После этого пришлось отпустить его руки, чтобы он мог подняться по сходням. Ей не хотелось показаться слишком навязчивой.

Герцог заставил сына спуститься на нижнюю палубу. Корабль соскользнул с мертвых серых спор, окружавших Скалу, в океан. Ветер надул паруса, и судно понеслось к горизонту, оставляя за собой след в изумрудной пыли. Локон, вернувшись домой, наблюдала с уступа за кораблем, пока тот не стал размером с чашку. Затем с крупинку. А затем и вовсе исчез за горизонтом.

И началось ожидание.

Говорят, что ожидание – самая мучительная из жизненных мук. Говорят так главным образом писатели, которым больше нечего делать, кроме как убивать время в размышлениях о том о сем. Любой человек, занятый настоящим делом, скажет вам уверенно, что ждать сложа руки – для него непозволительная роскошь.

Локон приходилось мыть окна. Приходилось готовить. Приходилось присматривать за младшим братом. Лем, ее отец, так и не оправился после несчастного случая на шахте. И хотя он старался быть полезным, у него это получалось плохо, ведь он едва ходил. Поэтому он помогал Ульбе, матери Локон, вязать носки на продажу морякам. Но пряжа стоила так дорого, что прибыль была мизерной.

Поэтому Локон не тратила времени на простое ожидание. Она трудилась и ждала.

Все же девушка испытала огромное облегчение, когда получила первую чашку от Чарли. Доставил ее юнга Хойд[3]. (Да, это я. Что вас насторожило? Может, дело в имени?) Красивую фарфоровую чашку, без единой трещинки.

В тот день мир словно озарился новым светом. Локон живо представляла себе поведение Чарли, читая вложенное в посылку письмо, в котором подробно описывались чувства первой принцессы. С героической монотонностью Чарли перечислял звуки, которые издавал его желудок по вечерам в зависимости от позы, принимаемой юношей. Поскольку этого оказалось недостаточно, Чарли поведал бедняжке, как бережно он хранит обрезки ногтей с ног и какие имена он им дал.

«Борись, мой любимый болтун, – подумала Локон, мо́я окна в замке на следующий день. – Будь храбрым, мой странноватый воин».

Вторая чашка была высокой и узкой, сделанной из чистого красного стекла. На вид она казалась вместительнее, чем на самом деле. Наверняка она прежде служила в какой-нибудь бедной таверне. Принцессу Чарли отпугнул подробнейшим рассказом о том, что он ел на завтрак, с классификацией кусочков яичницы-болтуньи по форме и размеру.

Третий подарок был не чашкой, а внушительного размера и веса оловянной кружкой. Возможно, она происходила из тех придуманных Чарли мест, где люди вынуждены не расставаться с оружием. Локон предположила, что такой посудиной вполне можно оглушить врага. Принцесса не выдержала обстоятельной лекции о преимуществах различных знаков препинания, в том числе существующих лишь в воображении сына герцога.

К четвертой посылке прилагалась карточка, на которой не было написано ни слова, но имелся рисунок: две руки в перчатках, держащиеся друг за друга. На чашке была изображена бабочка, парящая над красным океаном. Локон показалось странным, что бабочка не испугалась спор. Может, это пленница, вынужденная лететь над океаном навстречу гибели?

Пятая чашка не пришла.

Локон пыталась убедить себя, что посылка просто потерялась. В конце концов, с кораблем, плывущим по спорам, может случиться всякое. Пираты там или… знаете ли… собственно споры.

Но месяцы тянулись один за другим, и каждый последующий был томительнее предыдущего. Всякий раз, когда к острову причаливал корабль, Локон спрашивала, нет ли на борту посылки для нее.

Но увы.

И вот прошел целый год с того дня, как Чарли с семьей покинули остров. Лишь тогда пришло извещение (и не лично Локон, а всему городу) о том, что герцог наконец-то возвращается на Пик Диггена вместе с женой, наследником… и невесткой.

5. Принцесса-невеста

Локон сидела на крыльце в обнимку с матерью и смотрела на горизонт. В руках девушка держала последнюю присланную Чарли чашку. С бабочкой-самоубийцей.

Теплый чай был с привкусом слез.

– Любовь такая непрактичная штука, – пожаловалась Локон.

– Любовь редко бывает практичной, – отозвалась Ульба.

Мать была полновата и жизнерадостна. Еще пять лет назад она была тощей как тростинка. Но, узнав, что мама отдает часть своей еды дочери и сыну, Локон стала сама ходить за покупками, и семейного бюджета с тех пор хватало на больший срок.

На горизонте появился корабль.

– Я наконец поняла, что должна была сказать ему. – Локон убрала волосы с лица. – На прощанье. Я тогда сравнила его с добротными перчатками. Ничего тут странного нет – еще раньше он сам сказал, что я похожа на перчатки. Целый год я размышляла и поняла, что могла бы сказать кое-что еще.

Мать сжала плечо дочки, когда корабль почти вплотную приблизился к острову.

– Я должна была признаться, – прошептала Локон, – что люблю его.

Девушка двинулась к порту бравой походкой солдата авангарда под пушечным огнем; мать не отставала. Отец, с его больной ногой, остался дома, и Локон это вполне устраивало. Она боялась, что Лем закатит скандал, – очень уж нелестно он отзывался о герцоге и его сыне в последние месяцы.

Локон не находила в себе сил, чтобы обвинять Чарли в чем бы то ни было. Не его вина, что он родился в семье герцога. Подобное могло случиться с кем угодно.

Собралась большая толпа. В объявлении герцога говорилось, что он хочет устроить праздник по случаю своего возвращения: будут бесплатные яства и напитки. Какого бы мнения ни были люди о новой герцогине, упускать шанс выпить задарма они не собирались. (Важный

секрет популярности – подарки. Второй важный секрет популярности – власть, позволяющая рубить головы тем, кто вам несимпатичен.)

Локон с матерью примкнули к толпе и вскоре заметили, что пекарь Холмс машет им рукой. Он предлагал женщинам встать рядом, чтобы лучше видеть происходящее. Добряк Холмс всегда припасал горбушки для Ульбы и отдавал их за гроши.

Девушке было отлично видно палубу корабля, и первой там появилась принцесса. Она была прекрасна: розовые щеки, блестящие волосы и тонкие черты лица. Ну прямо само совершенство: лучший художник в мире не смог бы ничего добавить в ее портрет, чтобы сделать его лучше оригинала.

Чарли наконец-то стал персонажем сказки.

Сделав над собой усилие, Локон порадовалась за него.

Следующим на палубу вышел герцог. Он махнул рукой толпе, давая понять, что сейчас самое время для восторженных возгласов.

– Я представляю вам, – прокричал он, – своего наследника!

Молодой мужчина поднялся на палубу и стал рядом с принцессой. Вот только это определенно был не Чарли.

Юноша был почти ровесником Чарли, но ростом шесть с половиной футов и с таким мужественным подбородком, что многие мужчины в толпе засомневались в собственной мужественности. А мускулы-то, мускулы! Когда он поднимал руку в приветственном жесте, Локон могла бы поклясться, что слышала, как швы рубашки взмолились о пощаде.

Во имя двенадцати лун, кто это вообще такой?!

– После того как в моей семье случилось несчастье, – объявил герцог притихшей толпе, – я вынужден был усыновить Дирка, моего племянника, и назначить его наследником. – Он дал людям время осознать услышанное. – Этот юноша отлично фехтует, – продолжил герцог, – и отвечает на вопросы одной фразой. Иногда даже одним словом! Кроме того, он герой войны, потерял десять тысяч солдат в битве при Отхожем озере.

– Десять тысяч? – переспросила Ульба. – О луны! Это ведь очень много!

– Сегодня мы отмечаем свадьбу Дирка и принцессы Дремании! – прокричал герцог, высоко воздев руки.

Толпа молчала, все еще пребывая в замешательстве.

– Я привез вам тридцать бочонков вина! – сообщил герцог.

Только теперь раздались аплодисменты.

Итак, праздник начался. Горожане двинулись к пиршественному залу. Они восхищались красотой принцессы и удивлялись тому, как хорошо Дирк сохраняет равновесие при ходьбе, учитывая, что его центр тяжести, должно быть, располагается где-то в верхней части торса.

Мать заверила Локон, что на празднике та наверняка получит ответы на свои вопросы, а потому женщины последовали за толпой. Однако, когда Локон оправилась от шока, она заметила, как ей кто-то машет с причала. Это был Флик, слуга герцога, – добряк с такими огромными ушами, что казалось, они только и ждут возможности наполниться ветром, оторваться и улететь.

– Флик, что произошло? – тихо спросила девушка, пробившись сквозь толпу. – Что за несчастье? Где Чарли?!

Флик взглянул на вереницу людей, тянущуюся к пиршественному залу. Герцог с семьей присоединился к гостям; он теперь находился далеко, так что его хмурые взгляды теряли свою силу из-за сопротивления ветра и перепада высот.

– Он просил передать вам это. – Флик протянул девушке мешочек.

Когда девушка взяла мешочек, внутри брякнуло. Судя по звуку, керамические осколки.

Пятая чашка.

– Он так старался, мисс Локон, – прошептал Флик. – О, вы бы видели молодого господина. Он сделал все, что мог, чтобы отвадить этих девиц. Он запомнил восемьдесят семь сортов фанеры и все способы их применения. Он обстоятельно рассказывал каждой принцессе, к которой его сватали, о питомцах, что были у него в детстве. Он даже говорил о… религии. Я думал, ему придется жениться на принцессе из пятого королевства, потому что она была глухой, но молодой господин и тут не растерялся – за обедом его вырвало.

– Вырвало? – изумленно переспросила Локон.

– Прямо на колени принцессе, мисс Локон. – Флик огляделся по сторонам, дал девушке знак следовать за ним, взял с причала какой-то багаж и понес его в более уединенное место. – Но его отец в конце концов догадался, мисс Локон. Понял, чего добивается молодой

господин. Герцог страшно разозлился, будто с ума спятил. – И Флик кивнул на мешочек в руках Локон.

– Понятно, но что же все-таки случилось с Чарли? – спросила девушка.

Флик опустил глаза.

– Пожалуйста, ответь! – взмолилась Локон. – Где он сейчас?

– Отправился в Полуночное море, мисс Локон, – грустно ответил слуга. – Прямо под Танасмиеву луну. И там его сцапала Колдунья.

У Локон по спине пробежал холодок. Полуночное море? Владения Колдуньи?

– Зачем ему понадобилось плыть к Колдунье? – растерянно осведомилась девушка.

– Ну… э-э-э… видать, отец заставил. Колдунья ведь не замужем. И король уже давно мечтает ее как-нибудь обезвредить. Так что…

– Король отправил Чарли свататься к Колдунье?

Флик не ответил.

– Нет, – наконец догадалась Локон. – Он послал Чарли на верную смерть.

– Я ничего такого не говорил! – испуганно зачастил Флик. – Если кто-нибудь спросит, я ничего такого не говорил!

Ошеломленная, Локон присела на причальную тумбу. Она прислушалась к шелесту спор – звук напоминал шуршание песка. Даже на таком отдаленном острове, как Скала, знали о Колдунье. Ее корабли периодически совершали рейды к границам Изумрудного моря, и противостоять этой армаде было невероятно трудно. Свою крепость Колдунья спрятала где-то в Полуночном море, наиболее опасном из всех двенадцати морей. Чтобы добраться туда, нужно пересечь Багряное море, чуть менее смертоносное, чем Полуночное, но совершенно необитаемое.

Узнать о том, что Чарли пленила Колдунья, – все равно что узнать о его путешествии на какую-нибудь луну. Но нельзя же поверить на слово одному человеку. В столь серьезном вопросе – нельзя. Девушка не осмеливалась беспокоить расспросами других слуг, но прислушалась к их разговорам с портовыми рабочими, спешившими разгрузить корабль и принять участие в празднике. Все слуги на разные лады пересказывали историю Флика: Чарли действительно отправили в Полуночное море; решение принято герцогом совместно с

королем; так что, видать, идея-то неплохая – кто-то должен дать Колдунье укорот; и Чарли… э-э-э… очевидный выбор по определенным причинам.

Услышанное привело Локон в ужас. Герцог с королем поняли, что добиться от юноши подчинения невозможно, и решили избавиться от него! Дирк был назначен наследником через несколько часов после того, как пришла весть об исчезновении корабля Чарли.

В глазах знати это элегантное решение проблемы. У герцога наконец-то появился наследник, которым он может по-настоящему гордиться. Король получил выгодный брачный союз с принцессой из другого королевства. А Колдунья теперь повинна еще в одной смерти, так что общество получило лишний повод для войны с ней.

Три дня спустя Локон наконец осмелилась обратиться к Брансвику, управляющему имением герцога, с просьбой рассказать все, что ему известно на данный момент. По достоинству оценив кулинарный талант девушки, Брансвик признался, что от Колдуньи пришло письмо с требованием выкупа. Но мудрый герцог заподозрил, что это уловка, чтобы заманить больше кораблей в Полуночное море. Король официально объявил Чарли погибшим.

Еще несколько дней прошли как в тумане, поскольку девушка наконец осознала, что никому нет дела до случившегося. Люди считают это политикой. Хотя у нового наследника ума не больше, чем у размокшей горбушки, он популярен, красив и очень хорош в деле убийства других людей. В то время как Чарли… Собственно, Чарли – это Чарли.

Локон несколько недель собиралась с духом, прежде чем отправиться к герцогу с просьбой заплатить выкуп. Такой смелый шаг дался ей нелегко. Она не была трусихой, но навязываться людям… Это было противно самой ее природе. Однако в этом решении Локон поддержали ее родители, и она, в очередной раз взобравшись по тропинке к замку, спокойно высказала его хозяину свою просьбу.

Герцог обозвал ее шлюхой с патлами лещинного цвета и запретил мыть окна не только в замке, но и вообще в городе. Локон была вынуждена вязать носки вместе с родителями, что значительно сократило семейный бюджет.

Шли недели, и Локон впала в нечто вроде летаргического сна. Она чувствовала себя не человеческим существом, а человеком, который

влачит существование.

Остальные обитатели Скалы быстро вернулись к обычной жизни. Никто не собирался ничего предпринимать, им было все равно.

Спустя два месяца после возвращения герцога девушка приняла решение. Ей-то не все равно, и она должна что-то предпринять. Локон не из тех, кто свои беды перекладывает на чужие плечи.

Она решила, что сама спасет Чарли.

Часть 2

6. Инспекторша

Сделав выбор, Локон испытала громадное облегчение – будто наконец сумела распутать упрямую прядь волос.

Она сделает это. Пусть сейчас понятия не имеет, как хотя бы выбраться с острова, но она обязательно пересечет ужасное Багряное море, войдет в Полуночное и спасет любимого. Да, каждая из этих задач выглядит невыполнимой. Но почему-то не такой невозможной, как попытка прожить остаток жизни без Чарли.

Однако прежде всего Локон решила поговорить с родителями. (Хотелось бы, чтобы герои подобных историй поступали как Локон.) Она усадила обоих за стол, рассказала о своей любви к Чарли, о намерении ему помочь, а также об опасениях, что ее отсутствие может причинить семье определенные трудности.

Родители выслушали молча. Отчасти молчание объяснялось тем, что Локон испекла пироги с перепелиными яйцами. С набитым ртом гораздо труднее возражать против временного помешательства дочери.

Как только Локон закончила говорить, Лем попросил добавки. Похоже, чтобы понять услышанное, одного пирога ему было мало. А вот Ульба съела только половину своего пирога, после чего откинулась на стуле. То есть для осознания всего масштаба бедствия ей хватило половины порции?

Отец принялся за второй пирог с нарочитой осторожностью: откусил сначала сверху, затем прогрыз середину и двинулся к краям, приберегая корочку на потом. Наконец Лем доел и уткнулся взглядом в тарелку. Неловкая пауза затягивалась.

Может, ему требуется аж три пирога, чтобы переварить рассказ дочки?

– Я вот что думаю, – сказал Лем, поворачиваясь к Ульбе. – Не будем ее отговаривать.

– Но это же чистой воды безумие! – воскликнула мать. – Покинуть остров? Отправиться в Полуночное море? Украсть пленника у Колдуньи?

Лем взял салфетку и стряхнул ею крошки с усов.

– Ульба, разве ты не считаешь нашу дочь более практичной, чем мы?

– Ну, в нормальных обстоятельствах я бы с тобой согласилась.

– И более рассудительной?

– Она всегда подумает, прежде чем что-то делать, – согласилась мать.

– Как часто она навязывается людям с просьбами?

– Почти никогда.

– Следовательно, – подвел итог отец, – ее решение правильное. Наверняка она перебрала все варианты. Покинуть остров ради спасения любимого? Это может показаться безумием, но если все остальные варианты отброшены, то безумие может быть и практичным.

Локон вся затрепетала. Так отец не против?

– Локон, – Лем подался вперед, положив некогда сильные руки на стол, – мы позаботимся о твоем брате и о себе. Пожалуйста, не беспокойся; ты чересчур о нас печешься. Но никто из семьи не сможет составить тебе компанию. Ты это понимаешь?

– Да, отец, – кивнула Локон.

– Мне всегда казалось, что наш остров слишком мал для таких, как ты, – заключил Лем.

Локон нахмурилась.

– Тебя что-то смутило в моих словах? – спросил он.

– Не хочу показаться грубой.

– Тогда говори – молчание станет еще большей грубостью.

Нахмурившись еще сильнее, Локон спросила:

– Отец, почему ты считаешь, что остров слишком мал для таких, как я? Во мне нет ничего необыкновенного. Если на то пошло, это я слишком мала для острова.

– Все в тебе необыкновенно, Локон, – возразила мать. – Вот почему ничто в отдельности не бросается в глаза.

Что ж, родителям положено так считать. Они должны видеть лучшее в своих детях, иначе жизнь с маленькими социопатами сведет их с ума.

– Значит, я получила ваше благословение? – на всякий случай уточнила Локон.

– Я все же считаю это ужасной идеей, – вздохнула Ульба.

– И ты права, – согласился Лем. – Но ужасная идея, блистательно воплощенная, лучше блистательной идеи, воплощенной ужасно. Взять хотя бы пеликанов.

– Верно говоришь, – кивнула мать. – Но способны ли мы совершить нечто блистательное?

– Нет, – сказала Локон. – Но быть может, если мы совершим много маленьких поступков, все вместе они покажутся блистательными тому, кто нас не знает.

Затем все трое взялись за дело. Локон прекрасно понимала, что Чарли в плену, скорее всего, несладко, но решила не торопиться. Раз уж она вознамерилась совершить такую глупость, как побег с острова, то прежде всего необходима осторожность. Возможно, последняя разбавит глупость, подобно тому как хорошей мукой разбавляют лежалую.

Прихватив вязанье, Локон шла к прибрежному обрыву, чтобы наблюдать за приходящими и уходящими кораблями. Ульба теперь устраивалась вязать носки за столом возле пристани. По вечерам мать и дочь обсуждали добытые сведения, а Лем слушал и высказывал собственное мнение.

Локон всегда интересовалась судовождением, а теперь появилась возможность вникнуть в нюансы этого ремесла. Разумеется, в первую очередь она выясняла поведение моряков. Высадившись на берег, те шли за покупками или оседали в тавернах. В этом отношении Скала ничем не выделялась, разве что пиво, которое варил Брик, славилось в окрестных морях. Когда щедро зальешь этого пива в брюхо, прочие радости жизни доставят куда больше удовольствия.

Кроме моряков, право регулярно покидать Скалу имели королевские чиновники. К их числу принадлежали не только герцог со всей семьей, но и другие администраторы, такие как сборщики налогов, посланники и инспекторы. Аристократы, посещавшие Скалу, тоже могли уплыть в любой момент. Обычно они так и поступали, едва осознав, насколько опрометчивым было решение заявиться на Пик Диггена.

Самую большую проблему представляла собой инспектор портового контроля. Эта суровая женщина проверяла грузовые декларации и осматривала трюмы на наличие зайцев. Хотя мало кому

нравилось жить на Скале, остров мог кое-что предложить жителям других морей. Соль из шахт, отменное пиво и даже пух и перья чаек.

Островитяне имели право продавать все это только морякам с кораблей, получивших особое королевское разрешение. Его наличие и проверяла портовый инспектор. Обладательница сей должности приступила к своим обязанностям в начале года. Она категорически отказывалась открыть свое имя, требуя, чтобы ее называли просто инспектором. Женщина была уверена, что не задержится на Пике Диггена, а потому не видела смысла в разглашении личной информации.

Не было на памяти Локон более строгого инспектора в порту. Эта особа всегда носила палку и пускала ее в ход по малейшему поводу. Сущая мегера. Как будто ее не родили, а выродили, и потом она не росла, а метастазировала.

Локон вместе с матерью часами украдкой изучала работу инспекторши: как та взвешивала мешки с перьями и в поисках безбилетников прокалывала до дна содержавшуюся в бочках соль. Но не любую тару можно вскрыть без риска испортить товар. Что, если человек спрячется в бочке с пивом? А оставшийся объем заполнит солью или чем-нибудь, по весу и плотности похожим на жидкость?

К сожалению, инспекторша предусмотрела и такой вариант. У нее имелась штуковина, похожая на стетоскоп. Поговаривали, что она обладает феноменальным слухом и способна уловить даже сердцебиение нарушителя.

Существует ли вообще способ сбежать с острова при таком строгом досмотре?

Однажды ночью, спустя две недели после того, как Локон решила отправиться на поиски Чарли, она перелистывала свой блокнот, полный безумных идей. В небе ярко светила Изумрудная луна, как всегда стоически неподвижная. Где-то вдалеке падали споры – как будто светящиеся кристаллы сыпались с небесного тела.

Лем, прихрамывая, подошел к дочери, сел рядом и дал знак показать записи. Внимательно прочитав, он сказал:

– Может получиться.

– Мочь-то оно может… – Локон протяжно зевнула, – но, скорее всего, не получится. Допустим, я обману толпу моряков, но мне

нипочем не провести Брика, Гремми или Сора. Они обязательно заподозрят неладное.

Девушка потерла глаза. Она готовила план побега, не тратя времени на сон, презрев усталость и беспокойство. (Беспокойство можно назвать падальщиком среди эмоций. Другие, более положительные эмоции, притягивают его, как поле боя притягивает ворон.)

– А зачем их обманывать? – спросил Лем. – Возможно, они захотят помочь.

– Я не могу просить их о помощи, – возразила Локон. – Что, если инспекторша меня разоблачит? Тогда моим помощникам не избежать неприятностей.

Лем понимающе кивнул. Разумеется, его дочь не могла ответить иначе. Он предложил ей лечь спать. У нее слипались глаза, и это кое о чем говорило, если учесть, сколько болтовни она выслушала от Чарли, даже ни разу не зевнув.

Когда Локон поднялась к себе, Лем взял трость, надел пальто и вышел из дому. Отцу предстояло доказать, что он достоин такой дочери.

7. Отец

Лем не был беден.

Вы можете возразить: «Хойд, но ведь все, что ты нам поведал, говорит об обратном. Семья Лема вечно экономит, чтобы свести концы с концами». И я вам отвечу: «Пожалуйста, не перебивайте».

Лем не был беден. У него просто было мало денег.

Когда Локон отправилась спать, Лем, прихрамывая, спустился по длинной дороге к таверне Брика. Он точно знал, что застанет там Гремми и Сора. Ведь таверна открыта до двух часов ночи.

Было еще достаточно рано для привычного шума и веселья. Вечера в таверне, как вы знаете, подобны огню в очаге. Эти заведения живут двойной жизнью.

В одной жизни они полны шума и веселья, в них царит атмосфера праздника. Но на исходе вечера таверна наполняется холодом, темнотой и тишиной. Обитателям этой второй жизни нужно общество – но не общение.

Вторая жизнь должна была начаться еще не скоро, так что Лем увидел в таверне шахтеров, оживленно болтающих за игрой о своих будничных делах. Заметил он и Гремми с Сором – эти сидели вдвоем, как обычно. Портовый рабочий и начальник порта, два конца одного гвоздя. Гремми был приземист и плоскоголов; волосы подстрижены на самый дешевый манер. Сор редко упоминал о своем высоком статусе – опасался, как бы ему не пришлось платить за двоих. В отличие от Гремми, он был высоким и стройным. В таверне он всегда потягивал пиво, чтобы никто не догадался, что он может позволить себе вино.

Брик, конечно же, трудился за стойкой: чтобы ловить взгляды посетителей, ему приходилось забираться на табурет. Локон нуждалась в помощи всех троих, но Лем не подошел ни к одному из них. Вместо этого он встал рядом с мишенью для дротиков. Джул, собравшийся бросить дротик, предложил это сделать Лему. Тот с радостью согласился.

Дротик вонзился на несколько футов ниже мишени в доску, рядом с двумя сучками, где уже имелась тьма дырочек от таких же промахов.

Джул одобрительно хмыкнул и метнул, попав в доску рядом с дротиком Лема.

– Слышал, ты снова выручил Гремми, – сказал Лем перед своим вторым броском. – Очень правильный поступок.

Джул признательно кивнул.

Следующая игра была против Рода, старого тавернщика. К сожалению, Лему не удались два броска. Первый дротик полетел так плохо, что даже попал в мишень. Однако третий вновь воткнулся около сучков.

– Недурно, Лем, – прокомментировал Род. – Должно быть, это трость помогает тебе не шататься. Сдается, после аварии ты стал играть намного лучше.

– Трости не помогают метать дротики, – возразил Лем. – Чего не скажешь о вынужденном безделье.

Род хмыкнул.

– Ты все еще помогаешь Брику с пивом по выходным? – спросил Лем.

– Чаще да, чем нет. – С этими словами Род сделал бросок.

Он отошел, уступив место другим игрокам, и пропустил две игры подряд. Подходя к доске, каждый игрок читал на лице Лема молчаливые вопросы.

Они вспомнили, как однажды вечером Лем помог в стельку пьяному Роду добраться домой. Еще он пособил Джулу в укладке новой черепицы на крышу, после того как старую сорвала буря. Подобных историй были десятки. Для этих людей Лем был как глубокий колодец, из которого всегда можно напиться чистой воды. Он предлагал свою помощь, ничего не требуя взамен. И не напоминал после о сделанном.

Если только ему не требовалось нечто исключительно важное.

Так что, пожалуй, с деньгами для уплаты налогов у Лема было туговато. Но если мерить состояние человека в той единственной валюте, которая имеет настоящую ценность, то Лем был сказочно богат.

В ту ночь по городу пополз слушок, что Лему что-то нужно от Гремми, Сора и Брика. Лем – человек без долгов – так сильно нуждается в этой услуге, что может даже попросить о ней. На языке таких людей это означало, что он молит о помощи.

Лем продолжал метать дротики, причем довольно успешно. Дело в том, что целью был вовсе не центр мишени. Пару лет назад кто-то заметил, что группа сучков на доске очень похожа на человеческое лицо. А точнее, на лицо герцога, если представить, что древесные волокна – это его волосы, а мишень – фамильный герб на его груди.

И конечно же, под мишенью на стене имелись два сучка, примерно там, откуда растут ноги.

Лем сделал бросок, и стоявшие рядом мужчины поморщились, как от боли.

– Точнехонько, – отметил один из них.

В течение этой ночи был сведен баланс в невидимых гроссбухах. Решения были приняты, но не озвучены – в этом не было необходимости. А утром, задолго до начала рабочего дня, Локон увидела на пороге своего дома троих: бармена, начальника порта и портового рабочего. Эти люди изъявили готовность помочь во всем, что бы она ни задумала.

Дней через десять Гремми доставил на пристань огромную бочку. Вместе с пятью точно такими же.

В тот день к Скале причалило идеальное для осуществления плана судно под названием «Мечта Ута». Оно не часто посещало Пик Диггена, и у капитана имелось королевское разрешение на покупку Брикова пива.

Матросы с «Мечты Ута» уже было взялись катить бочки, однако капитан хорошо помнил текст королевского разрешения.

– Разве груз не положено досматривать? – осадил он подчиненных. – Без этого нас не выпустят из порта.

Вызвали инспекторшу. Вид у нее был настолько хмурым, что способен был убить споры, а рука сжимала палку, всегда готовую покарать нарушителя. Женщина осмотрела первую бочку, затем приложила к ней свой прибор.

Рядом с ней стоял Сор и глядел на свои карманные часы, считая секунды. Его сердце бешено колотилось. Гремми вытер пот со лба, когда инспекторша двинулась к следующей бочке. Брик пихнул его локтем, чтобы не вел себя так подозрительно.

Наконец инспекторша добралась до последней бочки, достаточно вместительной, чтобы внутри могла свернуться калачиком юная

девушка. Как ни прислушивалась инспектор, она не уловила ничего необычного.

Взмахом руки женщина разрешила грузить бочки на борт. Трое заговорщиков переглянулись.

Но вдруг инспектор резко обернулась. И резким движением опрокинула последнюю бочку.

Раздался тяжелый удар.

За ним последовало приглушенное «ой!».

– Так я и думала!

Инспектор взяла с настила пристани фомку, вскрыла ею бочку и обнаружила страшную правду: с острова пыталась улизнуть молодая особа с волосами цвета воронова крыла.

– Наполнитель – перья! – воскликнула инспекторша. – И ты надеялась, что они обманут мой слух?

С этого момента события понеслись вскачь.

– Без посторонней помощи тут не обошлось! – заявила инспекторша начальнику порта. – Это явный заговор!

Бедный Гремми не выдержал и разрыдался. Брик пытался успокоить его, а Сор размышлял вслух, не приказать ли Гремми, чтобы принял кару вместо своего начальника.

– Король обеспокоен вашей нелояльностью, – продолжала инспекторша с усмешкой. – Он меня предупреждал на этот счет. Ему непременно доложат, что вы сообща пытались обойти закон. Капитан, заплатите только за пять бочек.

Досмотренный груз переправили на борт «Мечты Ута», и та взяла курс на Срединный архипелаг Изумрудного моря. На этом же судне уплыла и инспекторша, оставив порт на попечение своего помощника. Напоследок пообещала, что лично доложит королю о творящемся на Пике Диггена беззаконии.

Возможно, вы решили, что обнаруженная молодая женщина – вовсе не Локон. Если да, то вы совершенно правы.

Возможно, вы решили, что Локон спряталась в одной из остальных бочек. Если да, то вы ошиблись.

Локон не пряталась в другой бочке.

Локон вообще не пряталась.

Локон была инспекторшей.

8. Заяц на борту

Локон видела, как вдалеке к порту приближается настоящая инспекторша – крошечная фигурка яростно машет руками в сторону уходящего корабля. Ей скажут, что капитан настоял на отплытии без досмотра. К этому времени Грет, дочь начальника порта, уже вылезет из пустой бочки и спокойно пойдет домой. На Скале не останется других свидетелей произошедшего, кроме Брика, Гремми и Сора, чьи долги теперь выплачены.

Отныне Локон свободна. Пик Диггена все уменьшается по мере того, как корабль набирает скорость. Практически все, кого Локон знает, живут на этом острове. Вскоре он скроется из виду.

Локон не чувствовала воодушевления. На сердце было тяжело. Каждый ребенок с нетерпением ждет того дня, когда он сможет выбрать путь, отличный от пути его родителей. Локон искренне надеялась, что ее путь не закончится обрывом.

Побег прошел без сучка без задоринки. Девушка надеялась, что ей удастся с такой же легкостью решить все остальные свои проблемы. А почему она на это надеялась? Да потому, что не получила гуманитарного образования. Иначе бы она знала, что такое злая ирония.

Девушка перевела взгляд на небо. Здесь, вдали от шахтного смога, оно было таким голубым. Это почему-то казалось аморальным – как будто небо голое. А пахло… уже не солью, а чистотой. И опасностью. Отсутствие соли означало наличие живых спор.

К счастью, фальшборт был инкрустирован серебром. И конечно же, люди не стали бы путешествовать по Изумрудному морю, будь это слишком опасно. Паруса вздымались и хлопали, когда судно делало очередной поворот; вахтенные матросы перекликались друг с другом.

Королевское разрешение обязывало капитанов брать на борт государственных чиновников, которым требовалось уплыть со Скалы. Поэтому никто не обращал внимания на «инспекторшу», стоявшую в кормовой части корабля, на шканцах, недалеко от штурвала, возле которого капитан болтал с рулевым. Локон была одета в ярко-красный с золотом длинный камзол. Его украли минувшей ночью; это была

запасная форменная одежда, которую инспекторша хранила в своем шкафу. Мать идеально подогнала камзол под фигуру дочери. И разумеется, в журнале регистрации, хранившемся в комнате инспекторши, время отплытия «Мечты Ута» было указано неверно, поэтому женщина и опоздала.

Локон взяла в дорогу лишь небольшой сверток с одеждой и сумку с чашками. Ее любимой была четвертая чашка Чарли, та, что с бабочкой. Что-то в простом дизайне одновременно манило и тревожило.

Локон была рада отсутствию внимания со стороны матросов, потому что никак не могла перестать таращиться на зеленый океан спор. Она совершенно не понимала, что заставляет корабль плыть. На самом деле это довольно интересный механизм. Находящиеся глубоко внизу, в океанском дне, отверстия исторгают вверх потоки воздуха. Возбуждаемая таким образом масса спор уподобляется жидкости. Это явление возможно в любом мире, включая ваш собственный. Оно называется флуидизацией. Подавайте снизу в ящик с песком воздух под давлением, и вы увидите нечто похожее на то, что наблюдала Локон.

Повсюду, куда ни глянь, лопались пузырьки воздуха, заставляя массу спор бурлить и колыхаться. Эта масса билась в корпус судна, разлетаясь брызгами и разбегаясь волнами. Однако при этом споровая «вода» совсем не походила на обычную; она была слишком густой, и гребни волн распадались на клубы зеленых спор. Это море было неправильным – но в том смысле, в каком может быть неправильным только нечто почти правильное. Одновременно знакомое и чужое. Словно бестактный кузен, рассказывающий пошлые анекдоты на похоронах бабушки.

Корабль плыл, как плыл бы любой корабль по воде. Но он мог двигаться, только пока снизу, из отверстий в океанической плите, поступал воздух; на планете Локон этот феномен назывался кипением. Он появлялся и исчезал случайным образом, превращая в «жидкость» огромные толщи спор в течение нескольких дней кряду. Периодически кипение прекращалось, и наступал полный штиль. Перерывы обычно бывали короткими, но могли длиться часами и даже сутками.

Внезапно о борт разбилась высокая волна, подбросив кверху россыпь спор. Локон невольно вскрикнула и попятилась, но споры

тотчас стали серыми, мертвыми.

– Что, не часто доводилось выходить в море? – спросил девушку стоявший рядом капитан.

Дыхание у него было зловонным, лицо смуглым, а волосы – жесткими и спутанными. Его облик как бы отвечал на вопрос: «Что, если бы вся гадость, годами копившаяся в сливе вашей ванны, вдруг ожила?»

Однако за несколько недель наблюдения за портом Локон не нашла более подходящего для своих целей судна, так что конфликтовать с капитаном она не собиралась. Даже если этот тип вновь посмеется над ее реакцией на споровую волну.

– У нас достаточно серебра. – Капитан повел вокруг рукой, имея в виду инкрустированные планширы и серебряную вязь на настиле палубы. Блестящей нитью этот металл вился и по мачте. – Убивает любые споры, которые подлетают слишком близко. Инспектор, вам нечего опасаться.

Локон кивнула, пытаясь изобразить равнодушие. Однако не удержалась от того, чтобы поплотнее закутаться в камзол, и почувствовала, как участилось ее дыхание, и поймала себя на мысли, что соленая маска была бы очень кстати.

Девушка достала блокнот и принялась работать над своим планом. Итак, она выбралась со Скалы. Теперь остается только ждать. Судно доставит ее на королевский остров в Срединном архипелаге. Там нужно будет найти дорогу во дворец, а во дворце как-то добыть копию письма от Колдуньи, с требованием выкупа.

Это наиболее простой способ освободить Чарли. Да, заплатить выкуп самой не представляется возможным, и все же это легче, чем тайком пересечь Полуночное море и дать Колдунье бой. Остается надеяться, что, если Локон найдет деньги или убедит короля в необходимости выкупа, Чарли вернется к ней целым и невредимым.

Скрипнули доски, и девушка поняла, что капитан вновь рядом.

– У вас красивые волосы, инспектор, – заметил он. – Цвета хорошей медовухи!

Локон захлопнула блокнот:

– Пожалуй, мне стоит удалиться в каюту.

Капитан улыбнулся. Он был из той породы людей, которые убеждены, что все женщины вокруг думают только о них. Так оно и

было, вот только каждая женщина при этом мысленно надеялась, что такой человек пройдет мимо, направляясь в противоположную сторону. Капитан жестом предложил Локон вместе с ним спуститься на жилую палубу, где находились каюты.

К счастью, он оставил девушку еще до того, как ей пришлось бы его прогонять. Каюта Локон была тесной, но зато одноместной и запиралась изнутри. Локон почувствовала себя намного лучше, уединившись в замкнутом пространстве. Она налила воды в чашку с бабочкой и опустилась на койку, чтобы все хорошенько обдумать.

Теперь происходящее казалось гораздо более реальным. Неужели она действительно это сделала? Неужели покинула свой дом? И что это за странные разноцветные голуби, разговаривающие с ней человеческими голосами?

Последняя мысль была побочным эффектом яда, который капитан приказал добавить в воду в каюте девушки. К сожалению, в нашей истории нет говорящих голубей. Только говорящие крысы.

9. Крыса

Локон открыла глаза. Очнуться было чрезвычайно приятно.

Девушку сильно ободрила мысль, что удалось не умереть в первый же день приключения. Однако голова раскалывалась, а вокруг была сплошная чернота. Можно ли видеть сплошную черноту? Или это явный признак того, что ты ослеп? А слышать тишину? Ощущать отсутствие вкуса?

Судя по скрипу дерева, Локон находилась в трюме. Девушка со стоном села, затем, пошарив вокруг, нащупала решетку. Она в клетке.

– Даже не пытайся найти выход.

Вроде мужской голос, но звучит слабенько, будто кто-то взял слова и выжал из них весь сок.

– Кто здесь? – тихо спросила девушка.

– Такой же узник, как и ты. Я слышал, наверху говорили о тебе. Ты ведь инспектор?

– Да, – солгала Локон. – На королевской службе. Не могу поверить, что они осмелились напасть на меня.

Девушка вся трепетала от страха. Капитан, должно быть, разгадал ее уловку. Он вернется на Пик Диггена, вызовет настоящую инспекторшу, и план Локон пойдет прахом.

Нет. Он уже пошел прахом.

Девушка прислонилась спиной к решетке.

– Странное решение, инспектор, – взойти на борт этого корабля в одиночку. У подобных историй всегда один конец. Как ты собиралась справиться со всей командой?

– Справиться с командой? – переспросила Локон. – Что ты имеешь в виду?

– Ты что, не в курсе?

На случай, если вы сталкиваетесь с подобным впервые, поясню: за таким вопросом никогда не следует ничего хорошего.

– Это судно контрабандистов, – пояснил странный голос. – Они подделали королевское разрешение, чтобы торговать, не платя пошлин.

Локон стукнулась головой о решетку и застонала от боли.

– Контрабандисты решили, что я их подозреваю? Потому и села на корабль?

– А что, разве не в этом причина? – Собеседник засмеялся.

По крайней мере, Локон приняла за смех отрывистые хрипы, похожие на учащенное дыхание осла.

– Еще скажи, что это было чистой случайностью. Ох, бедняжка!

Локон сложила руки на груди, стоически снеся насмешку. Плюс в том, что ее не вернут на Пик Диггена и не отдадут на расправу герцогу. Скорее всего, контрабандисты просто убьют ее и избавятся от тела.

Локон твердо решила: плакать она не станет. Впасть в истерику – это же совершенно непрактично. Так что никаких слез.

Однако глаза девушки наложили вето на это решение.

– Эй! – вновь раздался странный голос. – Не горюй. Хорошо уже то, что ты сбежала со Скалы.

– Ты слышал о Скале? – спросила Локон, вытирая глаза.

Или, лучше сказать, вытирая парочку глупцов, которые решили занять себя хоть чем-то, лишь бы не видеть происходящего.

– Я как раз плыл туда, – ответил голос, – когда матросы обнаружили мое присутствие. И заперли меня в клетке.

– Что тебе понадобилось на Пике Диггена? – требовательно спросила Локон.

– Это тебя не касается, – твердо ответил собеседник. – Тут я ни в чем не уступаю сородичам – также люблю скрытность.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Локон.

– Я поясню. Только для начала прикрой глаза.

Мгновение спустя в корпусе судна возникло крошечное отверстие и в трюм хлынул свет. Локон проморгалась, убрала с глаз растрепанные волосы и принялась рассматривать помещение, в котором очутилась против собственной воли. Это была клетка, встроенная в трюм, четыре на четыре фута или чуть больше.

Возле нее, привязанная к каким-то ящикам, стояла клетка гораздо меньшего размера, и там сидела… обыкновенная черная крыса. В лапках она держала пробку, извлеченную из отверстия.

– Я стараюсь не вынимать ее без крайней необходимости, – пояснила крыса, – чтобы никто не догадался, понимаешь? Иначе клетку передвинут…

Крыса умолкла, повернувшись и взглянув на Локон, затем склонила голову набок.

– Ты чего? – спросила Локон.

Но крыса не отвечала. Было отчетливо слышно, как топают сапоги по палубе корабля, раскачивающегося на спорах. Локон подалась назад под пристальным взглядом глаз-бусинок.

– Что не так? – напряженно спросила она.

– Когда тебя тащили вниз, я не успел тебя разглядеть… Не понял, что ты такая юная. Ты не королевский инспектор.

– Просто я молодо выгляжу.

– Слишком молодо. – Крыса подобралась к стене клетки и села на хвост, наклонившись вперед и соединив крошечные ладошки.

Очень уж по-крысиному, показалось Локон.

– Ты тайком покинула остров, – заключил зверек. – Зачем, во имя всех лун, ты это сделала?

– Я уже сказала, – буркнула Локон. – Никому не хочется жить на Пике Диггена. И не нужно так пялиться. Мой план побега сработал, матросы приняли меня за инспекторшу.

– Вот только вряд ли в нем был пункт «Случайно напугать шайку контрабандистов».

Локон еще раз потерла глаза.

– Может, начнем сначала? Похоже, мы упустили главное. Не хочу показаться грубой, но ты… крыса.

– С этим не поспоришь.

– И при этом ты… разговариваешь.

– Снова верно.

– Да, но… как?

– Ртом, – ответила крыса. – Что опять-таки очевидно.

Локон закусила губу. Она не любила приставать с расспросами, а в общении с этой крысой явно поступилась принципом. Не бестактно ли выпытывать у говорящей крысы, почему она, собственно, может говорить? Сама Локон, вероятно, сильно обиделась бы, если бы с таким же вопросом кто-нибудь насел на нее.

Крыса взяла пробку и встала на задние лапки.

– Почему я умею говорить? О, это целая история. Но она не из тех, которые мне нравится рассказывать.

– Хм… – вырвалось у Локон.

– Что?

– Просто… я не привыкла слышать нечто подобное от людей.

Крыса слегка обгрызла пробку, прежде чем поднести ее к отверстию.

– Нельзя ли оставить дырочку открытой? – попросила Локон. – Хоть ненадолго?

Крыса вздохнула, потому что ей уже почти удалось затолкать пробку обратно. Но она послушно опустила затычку на пол клетки. Топот наверху усилился. Может, судно меняет курс?

– Значит, контрабандисты… – начала Локон.

– Контрабандисты, – кивнула крыса, принюхиваясь. – Меня поймали на краже съестных припасов, и пришлось выдать тайну – иначе я был бы выброшен за борт как простой вредитель. Люди решили, что говорящую крысу можно продать. Я хотел было предупредить, что вряд ли смогу рассказать нечто интересное, но потом рассудил, что неразумно давать им повод усомниться в моей ценности. – Крыса еще погрызла пробку. – Предстоит война, и сейчас каждый второй капитан – контрабандист. Прямо скажем, у тебя было мало шансов избежать встречи с кем-нибудь из них.

– Из-за войны? – перепросила Локон.

– С Колдуньей, – пояснила крыса. – Она отправляет все больше кораблей в набеги, а король наращивает свой флот, сгребает торговые суда, как малыш – конфеты. Учитывая, с какой легкостью теперь можно оказаться мобилизованным, стоит ли удивляться моральному падению многих моряков?

– Как думаешь, с ними можно договориться? – спросила Локон. – Объяснить им, что никакая я не инспекторша?

– Ого! Быстро же ты перестала ею быть.

– Я стану кем угодно, лишь бы вырваться из клетки. Мой друг попал в беду, и мне нужно его спасти.

– Друг? – переспросила крыса. – Ты сбежала из дома ради какого-то мужчины?

Локон не ответила.

– Дорогая, ни один мужчина не стоит того, чтобы из-за него умирать. Если сумеешь выбраться отсюда, отправляйся прямиком домой, на свою Скалу.

– Он не просто какой-то мужчина, – проворчала Локон. – К тому же…

Снаружи раздался громкий хлопок, и Локон навострила уши. Подобный звук никак не ожидаешь услышать посреди океана. Что бы это могло быть?

Судьба ответила ей, прислав экспресс-доставкой пушечное ядро сквозь корпус корабля.

10. Споровщик

Пушечное ядро пробило дальний борт, пролетело через все помещение и разбилось вдребезги; мокрые осколки керамики и что-то вроде металлических бусин разлетелись по полу вперемешку со щепками. Сверху отчетливо доносились шарканье ног и крики.

– Что это? – воскликнула Локон.

Крыса забилась в угол своей клетки.

– На нас напали! – пискнула она, дрожа.

– То есть тебе видно, что происходит снаружи? – спросила Локон. – Через дырку в борту?

Ядро проделало еще одну дыру, и довольно большую, но так далеко от Локон, что через нее ничего не было видно. Зато каждый раз, когда в борт корабля ударяла волна, вторая дыра оказывалась так низко, что внутрь легко проникали споры. Вот их-то девушка видела отлично.

– Там другой корабль, – сообщила крыса. – Но я не вижу флага.

– Пираты? – предположила Локон.

– Пираты не начинают стрельбу, не потребовав у капитана настигнутого судна сдаться, – ответила крыса. – Это логично, ведь они не хотят утопить свой потенциальный приз в море спор. Должно быть, это королевский корабль. На нем сообразили, что мы контрабандисты, и решили разобраться с нами цивилизованным способом.

– Цивилизованным? – Локон попыталась перекричать очередной выстрел.

Похоже, в этот раз ядро пролетело мимо.

– Изготовить пушку может только развитая цивилизация. Или ты думаешь, что пушки где-то растут на деревьях, точно яблоки?

Каждый выстрел заставлял Локон вздрагивать, но непосредственную опасность представляли споры. Чем сильнее раскачивался корабль, тем больше их попадало в трюм, растекаясь по полу зеленой лужей. Некоторые тотчас погибали, становясь тускло-серыми, однако верхняя палуба с серебром находилась достаточно далеко, поэтому многие выживали. И медленно приближались к клетке

Локон всякий раз, когда корабль взбирался на волну и кренился в соответствующую сторону.

Хотя эфирные споры иногда называют пылью, они больше похожи на мелкий песок из-за своей плотности. Поэтому парят в воздухе, как пыль, только если дует сильный ветер. Все же Локон натянула на рот воротник рубашки, с ужасом наблюдая за происходящим.

Споры подбирались к осколкам пушечного ядра – и к воде, которую оно разбрызгало по всему борту. В этот момент Локон пришлось освоить ускоренный курс тактики военных действий в споровых морях. Да, враг мог бы применять банальные металлические ядра. Однако он предпочитал метать заполненные водой керамические шары, что делало выстрел куда более интересным. (Если вы, как и я, интересуетесь необычными способами убийства.)

Наконец несколько живых спор коснулись воды.

И мгновенно начали разрастаться. Представьте себе молнию, состоящую из лоз. Они вытягивались и обвивали друг друга, чтобы очень быстро образовать кудрявый куст высотой около десяти футов. За считаные мгновения в трюме вырос целый букет лоз, отдаленно похожих на древесные; их «корни» пробивались сквозь днище, а «ветви» тянулись вверх, к палубе.

Локон невольно вообразила, как эти споры прорастают у нее во рту или в носу. Возможно, кое в чем ее представления были неверны, но в целом она не ошиблась.

Если у вас куда менее буйная фантазия, чем у Локон, поясню: все начинается с ощущения, будто чьи-то руки раздвигают вам челюсти. Затем лозы заполняют горло и, не удовлетворившись этим, проникают в легкие. Под нажимом ростков вываливаются зубы, а другие ростки, продырявив мягкое нёбо, вторгаются в носовые пазухи. Но до мозга они обычно не добираются, поэтому вы не теряете сознания, умирая от удушья, и явственно ощущаете, как лозы выпихивают ваши глаза из глазниц.

К счастью для Локон, вскоре в трюм, спотыкаясь, спустился матрос в матерчатой маске. В руках он держал фонарь и какие-то незнакомые ей снасти, в том числе странной формы ящичек под названием дозатор. (По чистой случайности таких размеров, что мог бы вместить человеческую голову.)

Матрос поднес дозатор к пробоине, затем осторожно уронил через отверстие в крышке несколько капель воды. Из передней стенки быстро вырос лист красновато-розового камня. Полупрозрачный, как мутный хрусталь, камень накрепко соединился с древесиной, закупорив отверстие.

Матрос серебряным ножом отрезал лист от ящичка. На каждом судне в мире Локон был как минимум один член экипажа, обученный обращению со спорами. Такие специалисты назывались споровщиками.

Локон с изумлением наблюдала за происходящим. Девушка слышала об этом веществе, розеите. Оно вырастало из розово-красных спор Розового моря, которое граничило с Изумрудным морем. В отличие от Багряного или Полуночного моря, Розовое было обитаемо, а это означало, что его споры не настолько смертоносны, как споры других морей. И все же девушка боялась их. Разросшиеся лозы во рту уж точно не прибавят здоровья, что уж говорить о кристаллах.

Однако матросу они явно были привычны – он ловко наложил розеит на пробоину, точно заплатку на прореху в одежде.

Споры можно использовать? В практических целях?

Урок морского военного дела плавно перешел в занятие по утилитарной экономике.

Заделав пробоину, споровщик снял с плеча еще один диковинный инструмент – шест с прикрепленной к его концу пластиной. Как только он взмахнул этой штуковиной над полом, выжившие споры стали тускло-серыми. Локон поняла, что пластина сделана из серебра.

Матрос глянул на лозу, разросшуюся посреди трюма, но, очевидно, решил, что в данный момент она не представляет опасности. Он направился к трапу, ведущему на верхнюю палубу.

– Стой! – выкрикнула Локон, схватившись за прутья передней решетки клетки. – На нас напал королевский корабль, да? По нам стреляют, не потребовав капитуляции и выкупа? Хотят разделаться с контрабандистами?

– Молись, чтобы они этого не сделали! – процедил матрос. – Иначе тоже попадешь под раздачу, инспектор ты или нет.

С этими словами он сделал жест, будто выплескивает в сторону девушки воду, что на их планете считалось весьма грубым.

– Так я о том и говорю! – воскликнула Локон. – Если они узнают, что на борту королевский инспектор, думаешь, не прекратят метать ядра?

Споровщик смерил девушку долгим взглядом, а затем поспешно достал ключ от ее клетки.

11. Вор

Зрелище, открывшееся глазам Локон, когда та вышла из трюма, могло бы напугать дракона. Враждебный корабль находился гораздо ближе, чем ей представлялось, – даже можно разглядеть матросов на его палубе.

У вражеского корабля было две пушки: одна находилась на носу, другая на корме. Возможно, вы слышали истории о больших парусных суднах с дюжиной пушек по каждому борту. Однако в мире Локон столь тяжеловооруженных кораблей не водилось; многие имели лишь одну пушку на круговой станине. Обычно за нее отвечал специальный матрос, канонир.

На носу «Мечты Ута» также стояла маленькая пушка. Но в данный момент корабль контрабандистов сильно накренился, выполняя маневр уклонения, и не мог вести огонь.

Локон понятия не имела о мореходных качествах кораблей; она просто с отвисшей челюстью наблюдала за тем, как вражеский корабль подошел еще ближе и выстрелил из носового орудия. Ядро упало, чуть не долетев до середины правого борта. В отличие от ядра, которое пробилось в трюм, это взорвалось при соприкосновении с поверхностью моря, расплескав вокруг свою водяную начинку.

Тотчас буквально в нескольких дюймах от Локон выросло очередное дерево из лоз, сплетя ветви в тугой клубок, запутанный куда хитрее, чем любовные похождения библиотекаря (уж поверьте, библиотекари – чрезвычайно странный народ), и продолжало расти, извиваясь и закручиваясь все пуще. Лозы напомнили Локон ее собственные волосы, которые приходилось распутывать с помощью щетки каждое утро.

Узловатые ветви карабкались по корпусу судна, цепляясь за его планшир. Натыкаясь на серебро, они моментально серели, умирали, подобно спорам, но не выпускали корабль из своей хватки. Так что даже без прямого попадания «Мечте Ута» не поздоровилось бы – вскоре лозы разорвали бы ее на части. И количество серебра на палубе не играло никакой роли. Впрочем, если лозы и не растерзают судно, то пригвоздят к месту, превратив в легкую добычу.

Матросы набросились на них с топорами, чуть не сбив Локон с ног.

– Почти попали! – прокричал капитан рулевому. – Продолжай уклоняться, Густаль! – Капитан находился в двух шагах от Локон, и девушку аж затошнило от его зловонного дыхания, когда он повернулся к споровщику. – Дорп, зачем, во имя всех лун, ты привел сюда эту бабу?

– Она как-никак королевский инспектор, капитан. – Дорп кивнул на Локон. – Вот я и подумал: может, они перестанут нас топить, когда увидят ее!

На лице капитана злость сменилась возбуждением.

– Дорп, это первая здравая мысль за все то время, что ты служишь на моем корабле! Тащите ее на шканцы. Да повыше поднимите, – может, и впрямь эти канальи прекратят палить.

Локон перенесла неучтивость, оказанную ей командой, со всем достоинством, на какое только была способна. Вскоре она уже стояла на краю юта, размахивая всем, что у нее было, в надежде, что красный камзол королевского инспектора по досмотру груза убедит противника прекратить военные действия.

К сожалению, противник либо не замечал, либо не желал замечать инспектора. Очередное ядро пробило стенку квартердека и устроило жуткий беспорядок в капитанской каюте.

Споровщик грязно выругался.

– Глупая была затея, – проворчал он, направляясь к сходному люку и увлекая за собой Локон.

Он должен был проверить, не появилось ли новых дыр в бортах, а также вернуть пленницу в клетку. Однако не успели они добраться до трюма, как корабль резко накренился.

Локон оступилась и рухнула ничком, прямо в мертвые споры. Она тотчас взвилась на колени и в ужасе трясущимися руками смахнула споры с лица. Что, если среди них остались живые?

Споровщик отпустил ворот рубашки, за который тащил Локон.

– О нет! – повернувшись, воскликнул он. – Нет, только не это!

Корабль тихо стонал, замедляя движение, и вскоре остановился. Воцарилась тишина. Даже шаги на палубе смолкли – Локон не сразу поняла, что произошло. Кипение прекратилось.

Корабль все равно что сел на мель посреди моря. Пока потоки воздуха, разжижающие споры, не возобновятся, он никуда не двинется. Ловушка захлопнулась.

– О нет-нет-нет! – запричитал споровщик.

И бросился вверх по трапу, напрочь забыв про Локон.

Девушка почти сразу поняла причину его паники. Дуло вражеской пушки смотрело прямо на «Мечту Ута», стоящую на месте.

Секундой позже ядро врезалось в корму, проделав здоровенную дыру. Локон закричала и прикрыла голову руками, когда второе ядро пролетело прямо над ней и упало в носу судна, не разлетевшись на осколки.

Локон съежилась на полу, ожидая следующего выстрела. Однако вскоре ужас сменился столь свойственной ей практичностью. Девушка стряхнула со спины щепки и выглянула наружу через новую дыру в корпусе. Вражеский корабль так же мертво стоял на месте лишь в нескольких сотнях футов от «Мечты Ута».

Море сделалось плотным, как песчаная дюна. Оно состояло из смертоносных спор, но по нему можно было идти. И хотя люди на другом корабле тоже могли оказаться враждебно настроенными по отношению к Локон, насчет экипажа «Мечты Ута» сомневаться не приходилось – он-то уж точно настроен отнюдь не дружелюбно.

Решение пришло довольно скоро. Локон вскочила на ноги и, протиснувшись мимо сплетения лоз, занимавшего бóльшую часть трюма, направилась к большой дыре.

– Берегись! – крикнула крыса сзади, и в то же мгновение что-то тяжелое свалилось сверху прямо на девушку.

Это споровщик, разгадав замысел Локон, спрыгнул с разбитого трапа и схватил ее за рукав.

– А ведь и вправду неплохая идея, – тихо произнес он. – Ты отдашь мне камзол, а я уговорю этих типчиков сохранить мне жизнь.

Споровщик принялся стягивать с Локон камзол, а она в отчаянии зашарила по полу в поисках чего-нибудь тяжелого. Наконец под руку подвернулся какой-то металлический предмет, и она без колебаний ударила матроса по голове. Тот рухнул, как бегун, выигравший тяжелую гонку на пределе сил.

Хрипя, Локон отдышалась и посмотрела на предмет в своей руке.

Оловянная чашка.

Ее чашка.

«Ха! – подумала она. – Все-таки я в тебе не ошиблась».

Девушка осмотрелась и обнаружила поблизости кое-что из своих пожитков, а также разные прочие вещи, которые разбросало по трюму взрывом. Она вскрикнула, когда пушечное ядро попало в корабль где-то наверху и несколько человек заорали.

Локон схватила свою сумку с чашками, затем, спотыкаясь, подошла к крысиной клетке.

– Чуть про тебя не забыла, – сказала она. – Прости, пожалуйста.

– С людьми это случается сплошь и рядом, – отозвался зверек. – А какими эпитетами вы награждаете грызунов…

– Приготовься, – сказала Локон. – Мне нечем разрезать прутья клетки, так что…

Взмахнув оловянной чашкой, девушка со всей силы ударила по металлическому замку.

Крыса высунула острую мордочку, затем прыгнула на руку Локон и вскарабкалась ей на плечо. Осуждать ее девушка не собиралась: весь пол усыпан спорами, так что вполне естественно желание забраться как можно выше.

– Меня зовут… – Крыса закашлялась. – Меня зовут… Хак. Выговорить настоящее имя почему-то не получается, ну да ничего, и так сойдет.

– Оно на крысином языке, непереводимое на человеческий?

– Вроде того, – кивнула крыса.

Локон продолжила путь к большой пробоине.

– А тебя как зовут?

– Локон, – коротко ответила девушка.

– Так что же, Локон, – спросил Хак, – ты намерена совершить очередной абсолютно безумный поступок?

– К сожалению, это становится лейтмотивом моей жизни.

С этими словами девушка ступила на споры.

12. Капитан Ворона

Под ногами захрустели споры.

Локон старалась дышать медленно и неглубоко. Даже натянув ворот рубашки аж на нос, она чувствовала себя незащищенной. Чтобы ее убить, хватит и одной-единственной споры.

Очередное ядро просвистело над головой девушки, пробив борт. Однако Локон продолжала шагать – очень осторожно, чтобы не подбрасывать споры. А еще приходилось учитывать, что в любой момент из отверстия в дне океана может вырваться струя воздуха, и это опять же будет означать немедленную смерть.

– Ну и зрелище! – ахнул Хак, сидя на плече девушки.

Локон осторожно посмотрела назад. Над «Мечтой Ута» кружила стая чаек. И на то была причина: несколько матросов получили ранения в результате последнего попадания, а один свалился за борт.

Бедняга бился в истерике, разбрызгивая кровь по спорам, которые тотчас расцветали лозами, цеплявшимися за борт подобно щупальцам гигантского спрута. Несчастный матрос исчез в этом буйстве, но его крики по-прежнему доносились будто из-под толщи земли – чем сильнее давили лозы, тем больше крови лилось в ненасытный океан. Чайки пикировали, с явным удовольствием атакуя растения. Что бы это значило?

Локон вновь повернулась к вражескому кораблю и продолжила путь – шаг за шагом. Из трюма ей казалось, что второе судно находится совсем близко, однако здесь, под открытым небом, расстояние до него представлялось непреодолимым.

– Я никогда прежде этого не делал, – посетовал Хак. – В смысле, никогда не ходил пешком по спорам.

– Я тоже. – Локон пыталась дышать ровно, хотя сердце неистово колотилось.

Продолжать! Двигаться! Вперед!

– Не хочу тебя пугать, – заговорил Хак, – но мне кажется, что кипение вот-вот возобновится…

Локон кивнула. Она знала, как это бывает. Через каждые сутки-двое возникает длительная, на несколько часов, пауза; океан

полностью затихает. Он может не бурлить и целый день, но такое случается редко.

Обычно паузы в жизни океана продолжались лишь несколько минут. Как у певца, набирающего воздух перед очередным куплетом.

Локон попыталась ускорить шаг, но идти по спорам было чрезвычайно трудно. Девушка то и дело оступалась, и только лунам ведомо, почему в этот раз она зашнуровала башмаки недостаточно туго. Локон чувствовала, как споры проникают в обувь, проскальзывают между волокнами носков и трутся о кожу.

Сколько пота нужно, чтобы одна из них взорвалась?

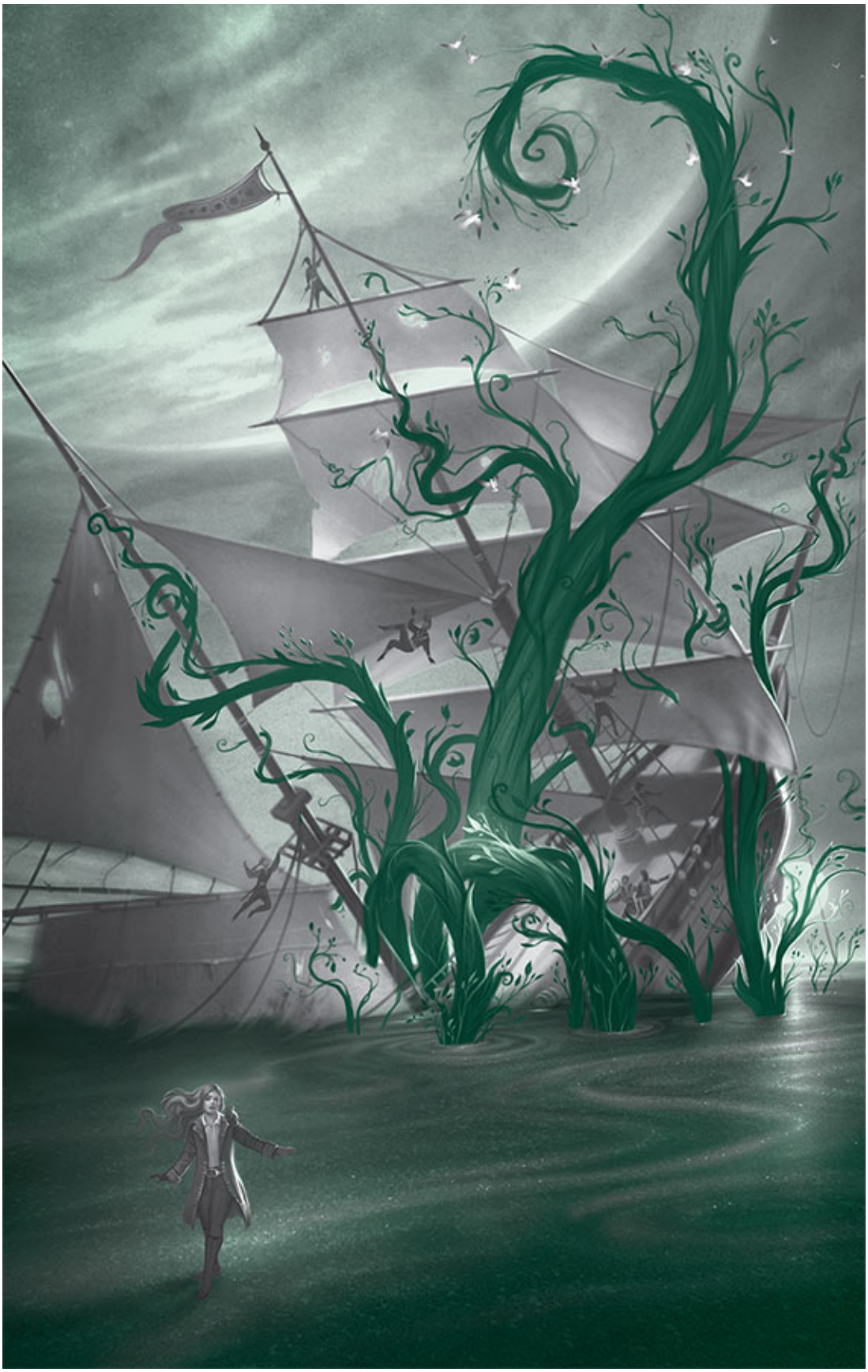
Просто продолжай двигаться.

Шаг. Еще один. И еще.

Локон услышала хруст за спиной и оглянулась. Один из контрабандистов понял ее замысел и тоже поспешил к вражескому кораблю. Споры разлетались из-под его ног во все стороны. Локон напряглась всем телом, боясь, что…

Хрясь!

Из глаз несчастного матроса вырвался пучок лоз. Они упали и принялись извиваться; вокруг сразу же выросло еще несколько кустов. Локон продолжила путь, но тут еще один матрос прошел мимо нее уверенной походкой. Он двигался со скоростью, намного превышавшей разумные пределы.



Локон поняла, что им с Хаком удалось преодолеть полпути до вражеского корабля.

– Прошу, Изумрудная луна! – взмолилась девушка. – Пожалуйста, еще чуточку времени.

Локон уже хорошо различала врагов. Они собрались на баке, оставив орудия без прислуги. В обстреле больше не было нужды. Корабль контрабандистов разваливался вдалеке под натиском лоз, что выросли из спор, смоченных кровью упавшего за борт бедолаги.

Локон чувствовала на себе взгляды матросов. На самом носу корабля была отчетливо различима зловещая фигура в шляпе с длинным черным пером. Вдруг кто-то поднял длинный мушкет и направил его на Локон.

Мушкет дрогнул, и через долю секунды раздался хлопок. Матрос, быстро шагавший к кораблю, рухнул, и кровь из его раны запустила новый жуткий фонтан вьющихся лоз.

Локон остановилась, ожидая второго выстрела. Однако его не последовало, и девушка вновь пошла вперед. Пути назад не было – там бы ее ждала неминуемая смерть.

Все тело было напряжено, как до отказа натянутая тетива лука. Вот-вот снова громыхнет мушкет, или земля задрожит под ногами, или спора попадет в нос или глаз.

Когда девушка наконец вступила в тень корабля, она испытала громадное облегчение – как будто убрали нож, который продержали приставленным к горлу целую вечность.

Матросы, собравшиеся у фальшборта, смотрели на нее сверху. Ни на ком Локон не заметила королевской формы; правда, одежду человека, стоявшего в середине ряда, разглядеть не удалось, поскольку прямо за его спиной горело солнце. А лицо скрывалось в тени шляпы с черным пером.

Матросы безмолвствовали. Они не предложили Локон подняться на борт, но и не застрелили ее. Девушке ничего не оставалось, как привязать к поясу сумку с чашками и поискать способ взобраться наверх. Но корпус был изготовлен из гладкого коричневого дерева, и после нескольких тщетных попыток Локон убедилась, что залезть по нему невозможно.

– Прости меня, Локон, – сказал Хак. – Боюсь, я ошибся – они не похожи на людей короля.

Девушка на мгновение задумалась, затем тщательно, чтобы не осталось ни единой споры, вытерла палец и поднесла ко рту. Плюнув на ноготь, девушка глубоко вздохнула и стряхнула слюну.

В нескольких футах от нее ожили споры, породив среднего размера деревце из лоз, которые, обвивая друг друга, потянулись к небу. Локон схватилась за лозу, оказавшуюся прочной и жесткой, как канат, и полезла.

– Правильно, молодчина! – подбадривал девушку Хак. Он шмыгнул с ее плеча на лозу чуть повыше той, по которой взбиралась Локон. – Давай поторапливайся!

Сил хватило ровно на то, чтобы взобраться футов на десять и оказаться напротив иллюминатора. Хак вернулся на плечо к Локон, как только она ухватилась за опору. Отсюда ей удалось прочитать название корабля, написанное золотой краской: «Воронья песнь».

Несколько матросов со смехом обсуждали потуги Локон, преодолевавшей последние футы. Споры потоком падали с ее башмаков, пока она висела, пытаясь зацепиться ногой за узкий козырек, идущий вдоль борта под иллюминаторами.

– Вот оно! – пискнул Хак. – Прислушайся.

Локон уловила низкий гул, от которого завибрировал весь корабль. Мгновение спустя толща спор заколыхалась, там и тут сквозь нее прорывались струи воздуха. Корабль накренился, и Локон едва не сорвалась. По палубе разнесся приказ ставить паруса.

Лестница из лоз ушла обратно, ее поглотил внезапно оживший океан. Локон оглянулась на «Мечту Ута» – та накренилась, затем перевернулась кверху килем и наконец затонула под напором обвивших ее лоз.

Новый куст вырос на месте исчезнувших под спорами обломков. Последние члены экипажа страшно закричали, отдавая свою воду океану, и чайки бросились врассыпную. Вражеский корабль с висевшей на его борту Локон проплыл мимо места крушения. Только три моряка еще боролись за жизнь: двое цеплялись за обломки, один сидел в маленькой спасательной шлюпке. Все трое обмотали шарф вокруг головы, закрыв им рот, и крепко зажмурились.

Грянули выстрелы, убив тех двоих, что цеплялись за обломки. Однако почему-то человека в шлюпке было решено оставить в живых. Единственного из всей команды контрабандистов свидетеля первого неудачного плавания Локон.

Девушка продолжала висеть на корпусе «Вороньей песни». Ее пальцы пылали от боли, ныли мышцы рук. Но не на что было опереться ногами. Локон сомневалась, что ей хватит сил или ловкости перелезть через планшир, если вообще удастся до него дотянуться.

Периодически кто-нибудь заглядывал через борт и сообщал товарищам, что девица еще не сверзилась.

Еще не сверзилась…

Еще не сверзилась…

– Хак, давай, – прошептала Локон. – Ты же крыса; тебе нетрудно взобраться.

– Сомневаюсь, – отозвался Хак.

– Ты можешь хотя бы попытаться.

– Факт. Попытаться могу…

Однако они продолжали висеть, как казалось Локон, целую вечность. И вдруг девушка поняла, что вот-вот сорвется. Пальцы скользкие, мышцы вопят от боли…

Рядом о доски стукнулась веревка. Девушка оцепенело уставилась на нее, гадая, хватит ли сил взобраться. Решив, что их совсем не осталось, она просто схватилась за веревку и повисла.

К счастью, та вскоре пришла в движение – несколько матросов дружно тянули Локон наверх. Наконец очень крупный мужчина с черными волосами, заплетенными в дреды, ухватил ее под мышки, а затем бросил на палубу. Последние споры на одежде девушки посерели, убитые серебром «Вороньей песни».

– Капитан Ворона позволила вытащить тебя, если продержишься пятнадцать минут, – пояснила женщина невысокого роста. – Не верится, что ты справилась. Ты сильная.

Локон закашлялась, корчась на палубе. Потом села и обхватила себя измученными руками. Всего лишь пятнадцать минут? Казалось, прошло несколько часов.

– Я не сильная, – хрипло возразила Локон. – Просто упрямая.

– Еще лучше.

Хак благоразумно промолчал, хоть и щелкнул зубами на матроса, попытавшегося схватить его за хвост.

– Кто вы такие? – обратилась Локон к своим спасителям. – Люди короля? Приватиры?

– Ни те ни другие, – ответил матрос. – Мы скоро поднимем флаг в цветах короля, но это будет притворство. Дуг шьет нам настоящий флаг; в следующий раз у нас над головой будет виться черное на красном.

Черное на красном? Значит, пираты. Интересно, попасть к пиратам после контрабандистов – это вверх по карьерной лестнице или вниз? И почему они потопили корабль, не обчистив его хорошенько?

Сквозь толпу матросов протиснулась смуглая коренастая женщина – судя по плюмажу на шляпе, капитан «Вороньей песни». Ворона обладала резкими чертами лица и хмурым взглядом глубоких как океан глаз. Я знавал похожих на нее людей. Она была чересчур сурова. Переполнена злостью. Словно это лишь набросок человеческого существа, в который время еще не добавило смягчающих черт вроде юмора или милосердия.

– За борт ее, – приказала капитан.

– Но ты же сама разрешила ее поднять! – возразила невысокая женщина.

– Я разрешила, вы подняли. А теперь – за борт!

Никто не кинулся выполнять приказ. Все матросы стояли неподвижно.

– Гляньте, какая она тощая, – процедила капитан. – Инспектор? Знавала я парочку инспекторов… Они стали инспекторами в поисках легкой жизни. Им неизвестно, что такое настоящий труд, а бездельникам не место на «Вороньей песни».

Пиратам речь капитана явно показалась неубедительной. Интересно, почему им не все равно? Однако их нерешительность давала Локон шанс. Преодолев смертельную усталость и сильнейшее головокружение, девушка встала на колени, взяла замеченное поблизости ведро со щеткой и принялась методично, насколько позволяли измученные руки, драить палубу.

Капитан Ворона молча смотрела на нее. В повисшей над палубой тишине отчетливо слышалось шипение спор и ерзанье щетки: вжих-

вжих.

Наконец, сняв с пояса флягу, капитан сделала большой глоток. Фляга была отменная, обшитая кожей с тисненым узором из перьев. Даже в полуобморочном состоянии Локон по достоинству оценила эту посудину.

Вскоре Ворона спустилась с бака, не повторив последнего распоряжения. Пираты разошлись по своим постам.

Девушка продолжала драить палубу, а Хак шептал ей на ухо слова поддержки. Локон работала допоздна, и лишь окончательно выбившись из сил, она заползла в уголок, свернулась калачиком и уснула.

Часть 3

13. Юнга

Проснувшись на следующий день, Локон ничего перед собой не увидела – волосы за ночь спутались наглухо. А чувствовала она себя как одеревеневшая от высохшей грязи тряпка. Девушка привстала и попыталась собрать жесткие волосы в хвост, смутно припоминая, как ночью ее пинали, требуя подвинуться, чтобы не мешалась под ногами. Она подчинилась, но вскоре снова посыпались пинки, и так повторилось еще дважды все по той же причине. Казалось, на палубе просто невозможно не мешаться под ногами.

Ее следующая мысль была вовсе не о еде. И не о питье. И не об иных физиологических потребностях.

Ее следующая мысль была о Чарли.

Никогда еще Локон не считала себя такой наивной. Неужели и впрямь верила, что покинуть родной дом и отправиться на поиски кого-либо – это так просто? Ведь доселе она ни разу не поднималась на борт корабля. А теперь чувствует себя полной дурой. Хуже того: стоит подумать, что Чарли где-то вдали один-одинешенек, пленен и напуган до смерти, как сердце сжимается до боли. Его страдания – это ее страдания.

У вас может возникнуть мысль, что человек, способный сочувствовать другим, обречен. Разве боли одного не достаточно? Почему такие, как Локон, должны страдать за двоих? Однако я обнаружил, что самые счастливые люди – это те, кто лучше других умеет сочувствовать. Известно же, что практика ведет к совершенству. Чтобы чего-то достичь, нужно приложить определенное усилие. А тот, кто на своем веку посочувствовал двум людям, трем или тысяче… Тот имеет преимущество над всеми остальными.

Эмпатия, как ничто иное, ведет к эмоциональным потерям. Но в конце концов она себя окупает.

Подобные соображения слабо утешали Локон. Она была глубоко несчастной от осознания того простого факта, что, прежде чем помогать Чарли, ей придется помогать самой себе. Она прижалась к фальшборту и услышала крики с нижней палубы: кок объявлял, что «первая вахта» может идти на камбуз.

Хак что-то прошептал девушке на ухо и отправился на разведку. У Локон заурчало в животе, и она вспомнила, что ее последней пищей была отравленная контрабандистами вода. Превозмогая боль, Локон поднялась на ноги. Камбуз – это ведь там, где дают еду, верно? Быть может, никто не заметит, если она тихонечко…

Внезапно перед Локон выросла долговязая фигура в расстегнутом бушлате. Голова была лысой, зато подбородок – щетинистый. На боку висела шпага, а за пояс были заткнуты два пистоля. Лаггарт – канонир и первый помощник. Его крепкие мускулы, длинная шея и гладкая лысина будто намекали, что в число его предков затесался канюк.

Лаггарт оглядел Локон с ног до головы.

– Первая вахта может поесть, – сказал он. – То есть мужчины и женщины, которым предстоит весь день трудиться. Ты, златовласка, займешься парусами или такелажем?

– Э-э-э… нет, – тихо ответила Локон.

– Вторая вахта завтракает после первой, – продолжил Лаггарт. – Они вкалывали всю ночь и смогут подкрепиться, как только их место займет дневная вахта.

– А к какой вахте отношусь я? – осведомилась Локон.

– Капитан сказала, к третьей, – улыбнулся Лаггарт, после чего развернулся и ушел.

Наконец на камбуз позвали вторую вахту, и матросы поменялись местами. Локон, невыспавшейся и встревоженной, оставалось только ждать. И она ждала и ждала… у моря погоды.

Третью вахту на камбуз так и не вызвали. Локон заподозрила, что эта вахта состоит из нее одной. Поэтому она изо всех сил старалась не замечать урчания в животе, наблюдая за работой пиратов. Может, если она поймет, что́ каждый из них делает на судне, то сможет не мешаться под ногами?

За этим занятием Локон провела все утро. К счастью, большинство пиратов как будто забыли о ее существовании. Экипаж нельзя было назвать веселым, но он, похоже, был предан своему делу. Несколько раз Локон ловила взгляд капитана – та наблюдала со стороны, периодически прикладываясь к фляге. Под ее свирепым взором Локон чувствовала себя пятном на окне, никак не желавшим оттираться.

Поэтому девушка решила с головой погрузиться в работу. Но для начала открыла свою сумку: проверила, все ли чашки целы, и достала щетку для волос. Приведя волосы в порядок и заплетя их в косу, Локон вновь взялась за ведро – но оказалось, что вода и мыло в нем закончились.

Девушка так и продолжала стоять, глупо уставившись в пустое ведро, пока кто-то не принес наполненное. Локон поблагодарила матроса и вздрогнула, поняв, что видела его прежде. Это же Хойд, юнга со «Свистящего лука»! Ошибка исключена: те же неуклюжая походка и белоснежная шевелюра… Хотя все называли его мальчиком, на вид ему было чуть больше тридцати, и он казался вполне вменяемым… пока не открыл рот.

– Мои десны обожают, когда их лижут! – С этими словами он удалился походкой пьяного пингвина.

Да, это был я.

И нет, я не хочу об этом говорить.

После того как я отошел, чтобы засунуть шнурки себе в нос, Локон поднялась на ют, где было не так многолюдно. И снова принялась трудиться. Оказалось, что она неплохо умеет драить палубы, поскольку эта работа мало отличается от мытья окон, разве что отмываемая поверхность не становится прозрачной. Возможно, драить палубу даже легче, чем мыть окна, так что Локон растрачивала свой талант впустую. Это как если бы хирурга мирового класса наняли срезáть горелую корочку с хлеба.

Время от времени Локон позволяла себе перерыв и наблюдала за командой. Она узнавала и другие лица, хотя и не могла точно вспомнить, на каких судах эти люди плавали прежде. Нередко с корабля, вошедшего в бухту Скалы, списывался матрос, а то и несколько. Они получали от инспектора письменное разрешение пожить в порту, пока не наймутся на какое-нибудь другое судно.

Похоже, народ на «Вороньей песни» подобрался не особо суровый. Команда была разноплеменной, и женщин почти столько же, сколько мужчин. Такое было нормальным для споровых морей: на борт принимали всех, кто был готов ходить под парусом. Сексизм плохо сказывался на прибыли.

Но почему столь миролюбивые люди превратились в пиратов? Причем пиратов весьма специфических – кровожадных монстров,

способных потопить корабль, не обыскав его хорошенько?

«Они даже не завесили тряпьем название своего судна, – подумала Локон. – И оставили в живых одного матроса. С этим кораблем явно что-то не так».

– Я хотел простирнуть мои рубашки! – сказал я мимоходом, протянув к девушке руки, а затем подмигнул. – Но я съел их на прошлой неделе.

Локон склонила голову набок, наблюдая за моим странным поведением. Как только я двинулся прочь, по палубе просеменил Хак и вскарабкался девушке на плечо.

– Что это с ним? – тихо осведомилась крыса.

– Теряюсь в догадках, – прошептала Локон. – Мы прежде встречались. Он милый. Хотя и со странностями.

– Со странностями – так можно сказать про филателиста. А у этого парня явно шариков в голове не хватает. А те, что есть, за ролики зашли.

Вздох.

Что ж, так и быть, расскажу, как так вышло.

Дело в том, что несколько лет назад судьба меня свела – или правильней сказать «столкнула»? – с Колдуньей. Не стану отпираться: у нее было кое-что интересующее меня, и умыкнуть это оказалось сложнее, чем я предполагал. Чем все закончилось, спросите? Колдунья «наградила» меня одним из своих знаменитых проклятий. Не судите меня строго. Конь о четырех ногах и тот спотыкается.

Проклятие лишило меня чувства вкуса, а заодно и остальных четырех чувств.

– Что тебе удалось выяснить? – поинтересовалась Локон.

– Я стащил немного еды, – ответил Хак, – правда, немного – это по крысиным меркам. Прости, пожалуйста. Но еще я узнал, что матросы действительно шьют пиратский флаг. Хотя, похоже, в пиратстве они мало смыслят. Может, потопление нашего корабля – случайность?

– Нет, – тихо сказала Локон, возвращаясь к работе. – Они намеренно оставили в живых одного матроса и не спрятали перед нападением название своего судна. Наш корабль они пустили ко дну не из-за неопытности…

– Хотели заявить о себе, – согласился Хак. – Пиратская версия магазина, объявляющего о распродаже обуви. Лунные тени! Эти дилетанты убили без малого тридцать человек!

Локон окинула взглядом людей, трудившихся на своих постах. Раньше их движения казались осознанными и четкими, но теперь она почувствовала кое-что еще. Отчаянное желание раствориться в работе.

Для чего? Чтобы не думать о случившемся накануне?

«С этим кораблем точно что-то не так», – снова подумала Локон.

Но прежде чем она смогла хорошенько обмозговать эту догадку, другие вопросы – скатологического характера – потребовали ее внимания.

14. Дуги

«Воронья песнь» была гораздо больше «Мечты Ута» – двухмачтового судна, имевшего некоторое сходство с тем, что вы бы назвали бригантиной. Она имела четыре мачты, просторный грузовой трюм, несколько палуб и обладала чрезвычайной быстроходностью. Вы могли бы сравнить ее с небольшим галеоном. И у него была довольно многочисленная – для мира Локон – команда: шестьдесят человек.

Я не заставляю вас запоминать всех поименно. В основном потому, что и сам не помню каждого.

Поэтому ради краткости повествования и сохранения коллективного здравомыслия я назову только наиболее значимых. Остальные пусть будут Дугами, независимо от пола.

Вы удивитесь, насколько это распространенное имя во всех мирах. Да, где-то оно пишется «Даг» или даже «Дух», но все это варианты одного имени. Несмотря на требования тех или иных языковых норм, в конце концов родители начинают звать своих детей Дугами. Как-то я провел целых десять лет на планете, где единственными представителями разумной жизни были существа, похожие на блины, и они общались посредством метеоризма. И одного из них – кроме шуток! – звали Дуг. Хотя спору нет, при «произнесении» это имя сопровождалось очень характерным запахом.

«Дуг» – это еще и термин, эквивалентный конвергентной эволюции. Стоит ему где-нибудь появиться, и он пускает корни. Великий лингвистический фильтр, тревожный звоночек. Как только общество достигает пика Дуг, ему пора встать в угол и подумать о своем поведении.

Уж точно на «Вороньей песне» была по крайней мере одна женщина по имени Дуг, вот только я не припомню ее судовую роль. Так что пусть все они будут Дугами.

Локон подошла к матросу и нерешительно спросила, где туалет. Этот Дуг указал ей на трап, объяснив, что гальюн на средней палубе предназначен для низшего командного состава.

Вместе с Хаком, который по-прежнему сидел у девушки на плече, она принялась исследовать судно. У «Вороньей песни» было четыре яруса. Самый верхний, обращенный к небу, Дуги называли верхней палубой. На средней находились камбуз и оружейная, а также небольшие каюты офицеров. На тесной нижней палубе держали свои койки большинство матросов.

Под нижней палубой находился трюм, громадное помещение для обильной добычи, которую пираты наверняка получат, если перестанут топить встреченные корабли до того, как хорошенько их обыщут.

На корабле – слава лунам! – нашлось несколько туалетных комнат с исправной сантехникой. Локон заглянула в одну и обнаружила унитаз, но не обнаружила ванны. Где же команда моется? Локон отчаянно хотелось принять ванну; в складках ее одежды то и дело обнаруживались споры. При мысли о том, сколько спор она подцепила во время перехода, девушка вся покрывалась мурашками.

Локон сделала свои дела в тесном помещении с крошечным иллюминатором в стене, откуда лился тусклый свет. Ей даже не пришлось просить, чтобы Хак остался снаружи; для крысы он поступил очень по-джентльменски. Почувствовав себя немного лучше, Локон вышла из гальюна, и Хак вновь запрыгнул к ней на плечо. Как утилизируются человеческие отходы здесь, посреди океана? Их сохраняют до первой высадки, чтобы сдать на компост? А как насчет более длительных путешествий? Выбрасывать за борт? Это представляется опасным, если не сказать – мерзким. Опасерзким.

Возвратившись на среднюю палубу, Локон услышала голос из помещения по соседству с гальюном. Девушка заглянула туда и увидела за стойкой крупного мужчину с дредами, который днем ранее втащил ее на палубу. Возможно, при слове «крупный» вы представили себе грузного или мускулистого человека. Да, тут имели место и грузность, и мускулистость, но ни одно из этих слов не отдавало должного Форту, исполнявшему на судне обязанности баталера и кока.

Форт не был крупным в смысле «эй, тебе бы сесть на диету» или «эй, каким спортом занимаешься?». Он был крупным в смысле «эй, как ты протиснулся в дверной проем?». И дело не в тучности, хотя несколько лишних фунтов у Форта имелось. Он выглядел как человек, созданный по иному лекалу, нежели все прочие люди. Можно легко представить, как Осколки, сотворив его, сказали нечто вроде: «Может,

мы и перестарались в паре мест» – и решили бережливости ради тратить на остальных людей поменьше ресурсов.

Форт держал керамическое пушечное ядро, казавшееся в его руках крошечным. Его пальцы были скрючены то ли от старой травмы, то ли от врожденного заболевания. Наверное, он был не особенно ловок.

Рядом с баталером стояла долговязая женщина в жилете и брюках, с очень короткой стрижкой. Нос Энн, корабельного плотника, был похож на дротик. К разным местам на ее теле крепились не один, не два, а целых три пистоля.

Форт передал Энн ядро, которое в женских руках не выглядело ни крошечным, ни легким. Затем он поднял нечто похожее на деревянную вывеску с черной лицевой стороной, фута два в длину и чуть поменьше в ширину.

– Ты осмотрел все ядра в оружейной? – спросила Энн.

Форт взглянул на обратную сторону дощечки и кивнул.

– И больше дефектных не нашел?

Форт постучал по своей стороне дощечки, и на обратной появились слова: «Ни одного. У каждого ядра надлежащий запал. Оно должно взорваться до попадания в корабль, чтобы можно было захватить и разграбить».

Энн бросила ядро на стойку:

– Что ж, если все остальные исправны, не нужно беспокоиться о том, что мы случайно еще кого-нибудь потопим.

Форт снова постучал костяшкой указательного пальца по задней стороне дощечки. И тотчас спереди возникли новые слова:

«Странные дела, Энн. Наши ядра должны были только остановить корабль, а не уничтожить. Зачем было убивать людей? А как мерзко вела себя тогда капитан? Во всем этом нет ни малейшего смысла».

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила Энн.

«Только то, что совсем не так я представлял себе пиратство».

– Я тоже не в восторге от случившегося, – кивнула Энн. – Но слишком поздно идти на попятный. По крайней мере, это лучше, чем пойти на войну по призыву.

«Ты правда так считаешь? Я не желал смерти этим людям, не хотел брать такой грех на душу».

Женщина не ответила. Повисло молчание. Наконец Энн выпрямилась и направилась к двери. Локон испугалась, что ее обнаружат за подслушиванием чужих разговоров, и поспешила укрыться в гальюне.

Донеслись шаги поднимающейся по трапу Энн.

– Что ты об этом думаешь, Хак? – прошептала девушка.

– Не знаю, что и сказать, – отозвалась крыса. – Похоже, пираты не собирались топить «Мечту Ута», что, в общем-то, разумно. Но после того как первое пушечное ядро пробило корпус и судно начало тонуть, они, видимо, решили довести дело до конца.

Локон кивнула, хотя по-прежнему терялась в догадках.

– Но они все равно виновны, – добавил Хак. – Как они себе представляли будущее, когда решали заняться морским разбоем? Убив кого-нибудь при попытке ограбления, одной печалью не отделаешься. Эти люди теперь вне закона.

– Несправедливо как-то, – рассудила девушка. – Баталер не стрелял из пушки, но король все равно его повесит?

– Закон суров. А конкретно закон о предумышленном убийстве. Преступление, приведшее к гибели человека, называется убийством. Даже если ты не хотел убивать. Королевский флот будет охотиться за этим кораблем и его командой, и нам лучше не находиться на борту в момент поимки. Чиновники могут не поверить в то, что ты здесь оказалась недобровольно.

Предложение было мудрым. Корабль стал для Локон смертельным капканом: либо она в конце концов утомит капитана своим присутствием, либо погибнет в неизбежном бою. Нужно спасать Чарли, и нельзя терять ни минуты.

Но как сбежать с корабля? Не прыгнуть же за борт. Кроме того, сухость во рту предупреждала о наличии других, более насущных проблем. Если Локон не дадут поесть, она просто не доживет до побега.

Она снова подкралась к камбузу и, заглянув внутрь, увидела, что здоровяк за стойкой повернулся спиной к двери. Он раскладывал вещи по многочисленным сундукам и коробкам. Нельзя ли здесь добыть еды? Может, обратиться за помощью к Хаку? Локон посмотрела на своего спутника.

– Что? – громко спросила крыса.

Локон впилась в Хака взглядом, давая понять, что нужно говорить тише.

– Да он вроде глухой, – пояснила крыса. – Когда я здесь рыскал, кто-то обмолвился, что баталер не слышит.

Форт продолжал заниматься своим делом, не оборачиваясь. Похоже, не слышал разговора девушки и крысы.

– Имел я как-то дело с глухим человеком, – продолжил Хак. – Она была танцовщицей, причем одной из лучших под лунами – уж точно лучшей из тех, чьи выступления мне довелось посмотреть. Мне было с ней очень хорошо, однако нас довольно грубо разлучили, к моему великому сожалению. Но в жизни всякое случается. Я не мог заговорить с ней, рассказать, кто я и откуда. Не хотел раскрывать себя.

– Возможно, и сейчас не самое подходящее время для разговоров, – предположила Локон. – Если только ты не хочешь, чтобы пираты узнали о присутствии на их корабле болтливой крысы, которую можно продать за большие деньги.

– Твоя правда, – согласился Хак. – Просто я несколько недель прятался на корабле контрабандистов, прежде чем меня обнаружили. Было малость одиноко. Хорошо, когда есть с кем пообщаться…

Локон вновь выразительно посмотрела на собеседника.

– Понял, понял, умолкаю…

Локон повернулась, чтобы уйти, но тут под ее ногой скрипнула половица. Форт немедленно развернулся и прищурился, разглядывая гостью. Возможно, он действительно был глухим, но у всех баталеров, насколько мне известно, есть что-то вроде шестого чувства, улавливающее присутствие постороннего вблизи их хозяйства.

Девушку будто к полу пригвоздил пристальный взгляд здоровяка. Сразу захотелось убежать подальше и спрятаться. Но ведь не кто иной, как этот мужчина, днем ранее втащил ее на палубу. Так что девушка осталась на месте. Форт взял со стойки свою удивительную дощечку.

«Подойди-ка, девочка».

Бежать было бесполезно. Поэтому Локон, чувствуя себя рыцарем перед пещерой дракона, вошла в помещение.

15. Баталер

Форт оглядел ее с ног до головы, потирая подбородок толстыми пальцами. Наконец постучал по задней стороне дощечки, и спереди появились слова, предназначенные для Локон:

«У тебя имя есть?»

– Локон, сэр.

«И ты действительно королевский инспектор?»

– Я… – Локон сглотнула. – Нет. Это не мой камзол. Я его украла.

«Теперь ты пират, – написал Форт. – Краденые вещи отныне являются твоей собственностью».

– Я не пират, – возразила Локон.

«Ты должна стать пиратом, если хочешь остаться в живых, – возразил Форт. – Никому не говори, что не собираешься стать пиратом. Из-за подобных разговоров можешь легко улететь за борт».

– Благодарю вас, сэр, – кивнула Локон.

«Не называй меня „сэр“. Я давно не пользуюсь этим именованием. Меня зовут Форт. Тебя уже покормили?»

В ответ у Локон заурчало в животе. Девушка покачала головой.

Форт исчез под стойкой и появился вновь с тарелкой, сжимая тонкий керамический край двумя пальцами. Локон было подумала, что ему не хватит ловкости удержать тарелку – пальцы выглядели так, будто каждый был сломан в нескольких местах и заживал без шин. Но справился с задачей Форт неплохо. Было видно, как дрожат его руки, но он явно был способен делать то же, что и все остальные люди, просто немного иначе.

Поставив тарелку перед Локон, Форт достал кастрюлю, поскреб дно и вывалил на блюдо несколько пересушенных картофельных оладий. А после добавил пару кусков недожаренной яичницы.

«Остатки от завтрака, – решила Локон. – Отбросы, которые другие не стали есть».

Локон была готова наброситься на еду, но сдерживалась. Форт внимательно посмотрел на девушку, затем бросил на тарелку вилку. Локон восприняла это как знак, что можно приступать к трапезе, и принялась за дело.

Пережаренные оладьи напоминали панцири жуков, а яичница – внутренности этих панцирей. Не нужно быть великим кулинаром, чтобы понять, насколько ужасна эта еда, но для Локон все было еще хуже. Кормить ее холодными остатками испорченных продуктов, да еще без всякой приправы, – все равно что запереть великого пианиста в комнате и фальшиво наигрывать ему на казу отрывки из классических фортепианных шедевров.

Однако Локон не жаловалась. Ей необходимо было насытиться, и она не собиралась отказываться от пищи. Хотя на вкус это была не пища, а скорее то, во что она превращается в кишечнике.

Чтобы не думать о грустном, Локон кивнула на дощечку, которую Форт использовал для общения:

– Странное устройство.

Форт протянул девушке чашку с водой (красивую бронзовую чашку совсем без рисунка, но блестящую на свету). Вода была чистой и приятной на вкус. Локон выпила залпом.

«Странное, говоришь? – написал Форт. – Твои слова появляются на задней стороне доски, как только ты их произносишь. Она даже может различать голоса и ставит пометку рядом с новым участником разговора».

– Ух ты! – только и сказала Локон.

Вам, возможно, интересно, почему Форт не читал по губам. Как и многие слышащие, я когда-то предполагал, что это идеальное решение для людей, лишенных возможности ориентироваться в мире звуков. Но на случай, если вы еще не слышали (намеренный каламбур), – чтение по губам не так легко освоить, как кажется. Это муторное дело, совершенно ненадежное и чрезвычайно хлопотное. Даже для самых талантливых.

Несмотря на всю сомнительность данного метода, Форт все же пользовался им, пока не обзавелся этим устройством. У дощечки было много функций, включая те, о которых Форт и не подозревал. Например, слова писались чуть крупнее, если их было немного, и занимали всю поверхность. Когда же Форт делал более длинные сообщения, слова сокращались в размерах, чтобы фразы могли уместиться целиком.

«Чудесное приспособление, – резюмировал Форт. – Я получил его от волшебника несколько лет назад».

– От волшебника? – переспросила Локон.

«Прибывшего, вероятно, со звезд. Очень странный парень. Он пользовался этим устройством для перевода слов на наш язык. Я упорно торговался, чтобы выменять эту вещь. Казалось, волшебник был несколько удивлен, узнав, насколько она может быть для меня ценной. Мне трудно было бы писать слова привычным для слышащих людей способом, поскольку изображать некоторые буквы не получается никак».

Кстати, тем «волшебником со звезд» был не я. Мне всегда хотелось узнать, у кого Форт выменял это устройство. Это налтийская технология с использованием пробужденных прогностических схем на основе Связи.

Форт продемонстрировал обратную сторону дощечки. Локон увидела кнопки с буквами на них, а также списки самых распространенных слов. Дощечка словно предугадывала нужды Форта, предлагая различные варианты. При этом устройство работало со сверхъестественной скоростью, казалось предвосхищая даже мысли хозяина.

«Я должен держать его на солнце раз в неделю, иначе перестанет работать, – написал Форт. – Его магия реагирует только на меня. Так что красть не имеет смысла».

– Я и не думала красть! – вздрогнув, заверила Локон. – Ты же так добр ко мне.

«Это не доброта, – написал Форт. – А обмен».

– Чего на что?

«Я пока не решил. Доедай, девочка».

Локон подчинилась. А что еще оставалось?

Пока девушка отважно боролась с «едой», в помещение вошел еще один моряк – та самая невысокая женщина, которая накануне воспротивилась приказу капитана. Черные волосы падали ей на плечи упругими кудряшками. Войдя, женщина едва удостоила Локон взглядом и положила что-то на стойку.

Как описать Салэй, рулевую? Она принадлежала к тому же народу, что и Форт; как и он, родилась на архипелаге Лобу в Сапфировом море, чьи зефирные споры при соприкосновении с водой выбрасывают порции воздуха. У Салэй были тонкие черты лица, но при этом хрупкой ее назвать было никак нельзя.

– Хорошо, Форт, – заявила она. – Даю три.

С этими словами Салэй выложила на стол три крошечные сережки.

«Салэй, я же сказал, – написал Форт, – не нужны мне твои серьги. У меня от них уши чешутся».

– Тогда четыре. – Салэй опустила на прилавок еще одну сережку. – Я выиграла их у Дуга в карты, и больше у меня ничего нет. Они из чистого золота. Лучшей сделки тебе никто не предложит.

При слове «сделка» Форт заметно оживился и пригляделся к серьгам.

– Ну же, Форт, – подначивала его Салэй. – Меня ждет работа.

Форт потер подбородок, затем почесал голову. Наконец достал что-то из-под прилавка и протянул женщине.

Карманные часы.

– Вот так-то лучше.

Салэй забрала часы со стойки и поспешно вышла.

Форт с улыбкой осмотрел серьги – одну за другой. Ему действительно они были без надобности, но… это и впрямь хорошая сделка. А хорошая сделка, по мнению Форта, уже сама по себе награда.

Локон удалось запихать в себя остатки «еды». Она решила, что за это ей полагается медаль. Форт снова наполнил чашку водой, а после прогнал девушку, написав на прощание: «Приходи, когда поужинают все остальные. Может быть, у меня найдется еще какая-нибудь снедь».

Локон поблагодарила кивком.

Заметив меня у порога, она аж подпрыгнула от неожиданности. Я же прошел к стойке и устроился на табурете. Баталер достал еще «еды» и протянул мне.

– Мое любимое! – воскликнул я.

«В этот раз постарайся не съесть тарелку», – написал Форт.

Я ел и аж мурлыкал, до того аппетитной мне казалась пища.

Что? Да, я вполне ощущал ее вкус. А почему бы не…

Ах, пять чувств? Да, я сказал, что потерял чувство вкуса из-за проклятия Колдуньи. И вы подумали… Вы подумали, что я имел в виду *это* чувство вкуса? Ах, какая наивность!

Она забрала у меня другое чувство вкуса. Самое важное из имевшихся.

А вместе с этим чувством вкуса исчезли чувство юмора, чувство приличия, чувство цели и чувство собственного «я». Исчезновение последнего задело меня больше всего, поскольку вместе с ним пропала способность остроумно шутить, что закономерно, учитывая имя?

В результате получился юнга Хойд.

В любом случае я успел представить всех членов экипажа, которых вам нужно знать на данный момент. Капитан Ворона. Старпом (и канонир) Лаггарт. Форт, баталер и кок. Плотник Энн и Салэй, рулевая. Всех остальных вполне можно называть Дугами…

Ах да! Чуть не забыл. Улаам. Но поскольку он уже мертв, то не считается.

16. Труп

Набив желудок «едой», Локон вернулась на верхнюю палубу и возобновила работу с новой энергией. Оставалось лишь догадываться, когда в последний раз мыли эти доски – они были покрыты слоем мертвых спор. Требовалось много сил, чтобы наконец из-под слоя грязи показалось дерево, поэтому дело двигалось крайне медленно.

– Ух ты! – воскликнул на плече девушки Хак, сравнивая темную палубу впереди с ярко-коричневыми отмытыми досками.

Между ними теперь сверкали нити серебра.

– Разница разительная.

– Споры прилипают практически ко всему, – пояснила Локон, оттирая очередную планку. – Лучшее средство от них – мыло и усердие. Но когда я закончу, дерево нужно будет хорошенько просмолить.

Для человека, который почти ничего не знал о морских путешествиях, Локон знала довольно много о самих моряках. Она слышала, как многие мужчины и женщины жаловались на корабельную жизнь, которая, по их словам, представляла собой тяжкий труд. Матросам, работавшим в таверне между плаваниями, приходилось драить палубу; от них Локон узнала, что смола заполнит щели и укрепит доски, а кроме того, сделает их гораздо менее скользкими. И мыть нужно не вдоль, а поперек, чтобы не стереть канавки с серебром.

Ее память была полна подобной мудрости – мудрости жалоб. Кроме прочего, матросы поведали девушке о морской иерархии. Большинство матросов были равны между собой, но над ними стояли офицеры. Локон уже познакомилась со всеми ключевыми членами экипажа, за исключением двоих: врача и споровщика. Девушка не представляла себе, чем занимается последний, пока не увидела его за работой на предыдущем корабле.

День перевалил за половину, и Локон пришлось игнорировать желудок, когда тот снова заурчал. После завтрака, которым девушка его угостила, желудку следовало бы вести себя осторожнее. Зато Локон теперь знала, где хранятся бочки с питьевой водой, и ей разрешали

выпивать полную чашку всякий раз, когда она спускалась в трюм, чтобы заново наполнить ведро.

Все остальное время Локон драила палубу. К сожалению, это занятие, как и мытье окон, сопровождалось огромной мыслительной работой. Как нам уже удалось выяснить, мысли частенько наполняли голову девушки.

Это одна из величайших человеческих ошибок – считать, что чернорабочие не любят думать. Физический труд крайне полезен для ума, поскольку оставляет уйму времени для размышлений о мире. Любое другое занятие, вроде работы счетовода или писца, мало требует от тела, но откачивает энергию из мозга.

Если хотите стать сказителем, то вот вам подсказка: продавайте свой труд, но не ум. Заставьте меня драить палубу по десять часов в день, и мое воображение породит кучу историй! Заставьте меня заниматься сложением и вычитанием по десять часов в день, и все, что мое воображение сможет выдать вам в конце дня, – это мечту лежать в теплой постели и не думать ни о чем вообще.

Мысли Локон крутились вокруг слов баталера о пушечных ядрах. Что же пошло не так? Девушка была до того заинтригована, что в качестве следующего поля деятельности выбрала местечко рядом с носовым орудием.

Чуть позже ее окликнул Дуг:

– Эй, новенькая! Иди сюда, мне нужна твоя помощь!

Слишком хорошо воспитанная, чтобы ответить «нет», Локон убрала ведро и щетку. Слегка обеспокоенная, она отряхнула колени и последовала за Дугом в трюм. Там Дуг вынул из специального короба несколько пушечных ядер.

– Бери вот это. – Он кивнул на бочонок у стены.

Локон нерешительно подошла и взялась, но обнаружила, что бочонок весит гораздо меньше, чем показалось на первый взгляд.

– Что это? – спросила она.

– Зефирные споры, – ответил Дуг. – Из Сапфирового моря.

От ужаса Локон чуть не выпустила бочонок из рук. Целый бочонок спор? Теперь она понимала, почему Дугу понадобилась ее помощь. Он предпочел нести гораздо более тяжелые пушечные ядра, чем легкие, но смертоносные споры.

– Зачем вам бочонок со спорами? – поинтересовалась девушка.

– Для стрельбы из пушек, – объяснил Дуг. – Загнать в ствол ядро – этого мало. Еще нужно сделать «пуф» и отправить ядро в полет.

Споры? Они применяются для стрельбы из пушек? Локон несла бочонок со всей осторожностью, особенно при подъеме по трапу.

– Поскольку стрельба не обходится без спор и всякого такого, – продолжил Дуг, – этим занимался старина Уив.

– Уив? Наверное, это корабельный споровщик?

– Угу, бывший корабельный споровщик. – Лицо Дуга омрачилось. – Славный был малый, мне нравилась его компания. Он, знаешь ли, совершенно не умел блефовать, и я постоянно обыгрывал его в карты.

– Что с ним случилось?

– Не захотел стать пиратом.

– И он покинул вас в одном из портов?

– Ну да, покинул, – подтвердил Дуг. – Вот только порт здесь ни при чем…

Дуг взглянул на Ворону, которая, стоя на юте, прикладывалась к фляге. Ветер развевал черное перо на ее шляпе.

– Капитан убила его? – прошептала Локон.

– Он единственный не согласился, – пояснил Дуг, – с предложенным ею новым направлением деятельности. Так что Уив направился прямо ко дну океана. Споровщики – странный народ, они слишком увлечены возней со спорами. Но Уив не заслужил такой участи. Он пострадал только за то, что озвучил мысли всех нас.

Так Локон узнала, почему до сих пор не встретила на борту споровщика. А вы теперь поняли, почему я не предложил запомнить, как его зовут. И потом… нет, он не труп. В смысле, труп-то он труп, но не на корабле. Есть еще один. Постарайтесь впредь следить за моей мыслью.

Дуг повел Локон к посту канонира. Лаггарта там не оказалось, а носовая пушка прочно стояла на месте в окружении своих аксессуаров. Дуг стал укладывать ядра в снарядный ящик.

– Вот что, – обратился он к Локон, – я схожу еще за ядрами: надо пополнить запас. Видишь вон ту большую бочку? Как и бочонок, что ты держишь в руках, она покрыта специальным веществом, защищающим споры от нашего серебра. Нам нужны живые споры, чтобы стрелять ядрами по кораблям.

Но канониру нужно разложить эти споры по зарядным картузам – мешочкам, которые можно легко засунуть в пушку. В бочке ты найдешь пустые картузы. Все, что от тебя требуется, – это наполнять спорами мешочек, не просыпав, и завязывать горловину узлом. А работать тебе предстоит в большой бочке, отделанной специальным веществом, защищающим споры.

Дугу явно стало неловко – он засунул руки в карманы и опустил взгляд.

– Отлично, – сказала девушка.

– Жаловаться потом не будешь? – спросил Дуг.

Локон отрицательно покачала головой. Ей не хотелось лезть в бочку, потому что она боялась спор. Но девушка не могла позволить собственному страху причинять неудобства другим людям. Ведь она на корабле новенькая. Вполне понятно, что именно ей придется выполнить опасную работу, за которую никто не желает браться.

Локон подошла к бочке и сняла крышку. На дне лежало несколько мешочков, полных спор; пачка пустых картузов нашлась в сетке, подвешенной к бочке снаружи.

– Ты… правда не будешь жаловаться? – уточнил Дуг. – Сам-то я жаловался, когда меня заставили это делать.

– Должно быть, ты умнее меня, – ответила Локон. – Дашь какой-нибудь совет?

– Там есть воронка, очки и маска. И еще… постарайся не волноваться. Это не самый опасный вид спор. Надеюсь, все обойдется.

От этого «надеюсь» веяло множеством разнообразных угроз. Но Локон осталась в живых только потому, что команда воспротивилась приказу бросить ее за борт. Девушке не хотелось терять расположение матросов, поэтому она коротко кивнула и приступила к работе.

17. Плотник

Голубые споры завораживали Локон. Это были первые споры с другой луны, из другого моря, которые она увидела вблизи. Они были прекрасны, почти прозрачны. Тот факт, что споры могли с легкостью прикончить Локон на месте, делал их еще более привлекательными. Как искусно выкованный меч, созданный с любовью, тщанием и потом кузнеца – для того, чтобы вершить чудовищные деяния максимально элегантно.

Чтобы не подвергать Хака опасности, Локон тихо попросила его удалиться. Затем девушка помолилась лунам и вспомнила о Чарли. Завоевать доверие команды «Вороньей песни» – важнейший этап в ее плане. Работа, за которую не желает взяться ни один член экипажа, должна открыть перед Локон новые возможности. В свое время даже мытье окон открыло перед ней новые возможности. Самая важная из них – встреча с Чарли.

Учитывая все это, а также маску и очки на лице, Локон испытывала лишь легкий ужас, опуская бочонок со спорами в большую бочку. Сбоку у последней имелись крючки, чтобы подвесить бочонок, на дне которого был кран, как для наливания пива, позволяющий спорам высыпаться с безопасной скоростью. Однако при наполнении первого картуза с помощью воронки у Локон заметно дрожали руки.

Девушка завязала картуз и аккуратно уложила на дно бочки рядом с остальными. Постепенно Локон поймала ритм. Она заполняла картузы, стараясь не просыпать ни одной споры. Это была напряженная работа, гораздо менее подходящая для размышлений о смысле жизни, чем мытье палубы. Но Локон – будучи Локон – не могла не думать совсем.

Она размышляла о том, как именно споры заставляют пушку стрелять. Она размышляла о том, есть ли в корабельной оружейной споры других видов, и о том, кто заведует ими теперь, когда корабельный споровщик мертв.

Кроме того, она размышляла о том, зачем большой бочке фальшивое дно.

Локон поняла, что оно фальшивое, очень скоро. Ведь она немало недель изучала конструктивные особенности бочек в поисках возможности что-нибудь спрятать в них. Так, на одном из устройств, подготовленных девушкой для бегства со Скалы, имелась секретная задвижка, спрятанная… где-то тут.

Локон обнаружила ее рядом с окантовкой. Маленький металлический выступ, который можно легко сдвинуть с места. Когда Локон это удалось, в фальшивом дне открылось отверстие размером примерно с кулак. Несколько мешочков со спорами провалились в образовавшуюся дырку, и у девушки перехватило дыхание. Локон просунула пальцы в отверстие, чтобы вытащить их, и наткнулась на что-то еще.

Пушечное ядро. Спрятанное под фальшивым дном.

И там хватило бы места для трех или четырех ядер.

Локон быстро извлекла упавшие в потайной отсек картузы и вернула задвижку на место. Она продолжила наполнять мешочки спорами, но теперь руки дрожали еще сильнее. Мозг работал в таком бешеном темпе, что, будь он автомобилем, ему бы вскоре пришлось менять резину.

Локон поняла, что произошло. Как будто видела собственными глазами.

Канонир должен зарядить орудие, прицелиться и выстрелить. Ему наверняка приносят целую кучу ядер, и никто не заметит, если одно из них он подменит ядром из потайного отсека.

Локон была уверена на сто процентов, что эти ядра не пройдут проверку у Форта – ими вряд ли можно остановить приз с помощью лоз. Канонир Лаггарт намеренно потопил корабль.

Но зачем? Вся эта ситуация не имеет смысла по множеству причин. И дело не только в отсутствии добычи. Зачем скрывать тот факт, что пираты изначально намеревались уничтожить встреченное судно? К чему эти увертки?

Все это имеет смысл только в том случае, если…

– Значит, тебе доверили зефирные споры, – раздался голос за спиной Локон. – Мне было очень интересно, кому Дуги поручат эту работенку теперь, когда Уив мертв.

Локон обернулась и увидела долговязую женщину с острым носом и короткой стрижкой, недавнюю собеседницу Форта.

Энн, корабельный плотник.

Каждому судну нужен хороший плотник. Споровщик может заткнуть дыру в обшивке выбросом спор, но серебро со временем разрушит даже полностью затвердевший розеит. До моряка быстро доходит, насколько тонка грань между жизнью и верной смертью. Не толще бортовой доски. Если вы когда-нибудь захотите в полной мере ощутить конечность бытия, то сможете легко это сделать ночью на палубе, глядя в окружающую вас бесконечную тьму. И вы поймете, что тьма под вами еще обширнее, чернее и страшнее.

А еще вы убедитесь, что хороший плотник на борту стоит своего двойного жалованья. На самом деле он стоит намного больше.

– Да я совсем не против, – сказала Локон, заполняя очередной картуз. – Согласна постоянно этим заниматься, если предложат.

Вообще-то, девушке было не по себе в присутствии Энн, которая прохаживалась вдоль пушки, водя пальцем по стволу. Эта особа разговаривала с Фортом о ядрах. На чьей она стороне? И сколько их, сторон, всего? Во что Локон ввязалась?

Она не знала и половины того, что творилось на «Вороньей песни».

– Не зарекайся, Локон, – хмыкнула Энн. – Моряки не выбирают службу. Уж такая традиция.

– Ты знаешь мое имя? – удивилась Локон.

– Новости на борту разносятся быстро, – ответила женщина. – Я Энн. Корабельный плотник и помощник канонира.

Помощник Лаггарта? Локон нервно облизнула губы, но тут же одернула себя. Лизать что бы то ни было – не самое полезное дело при работе со спорами. Локон завязала наполненный картуз.

Видела ли Энн, как Локон обнаружила в бочке потайной отсек?

– Что ты обо всем этом думаешь? – С этими словами Энн уселась на ближайший ящик и положила ладонь на один из своих пистолей, будто получая от него поддержку. – Ты теперь пиратка, Локон. Неожиданный поворот жизни.

– Всяко лучше, чем неожиданный поворот к смерти, – пожала плечами Локон.

– Ага, – согласилась Энн. – Твоя правда.

Локон хотела задать несколько вопросов, но боялась показаться навязчивой. Эти люди пощадили ее. Кто она такая, чтобы обращаться к

ним с просьбами? Поэтому девушка сказала уклончиво:

– Вы все, похоже, неплохо справляетесь в своем новом статусе пиратов.

– Неплохо справляемся? Что еще за разговорчики? – Энн подалась вперед. – Ты хочешь знать, почему мы стали пиратами, да?

– Э-э-э… да, мисс Энн. Хочу.

– Почему бы прямо не спросить об этом?

– Я не хочу показаться невежливой.

– Показаться невежливой? Пиратам?

Локон покраснела.

– Я не прочь обсудить этот вопрос. – Энн устремила взгляд по курсу, где нос корабля торил путь сквозь споры. – Капитан предложила соблазнительный расклад: либо принять участие в предстоящей войне короля, либо работать на себя, наплевав на указы и тарифы. К тому же капитан пообещала, что мы будем выполнять благородные и важные обязанности.

– Важные обязанности? – переспросила Локон.

– Станем крайне важным элементом экономики.

– Хм… понятно.

– Что, правда?

– Вообще-то, нет.

– Почему же сразу не сказать, девочка? – Энн укоризненно покачала головой. – Так вот, наша работа действительно важна. Ты же знаешь богатеев – наживаются на том, что люди плавают по морям, продают и покупают, и все для них. И что им потом делать с деньгами? Запереть на сто замков? Но какая польза от денег, которые лежат мертвым грузом? Вряд ли кому-то понравится, если богатство так и проваляется до скончания века в сейфе вместе с бабушкиным обручальным кольцом. Поэтому мы должны изъять частичку богатства. Впрыснуть ее обратно в экономику в качестве стимула. Чтобы помочь местным торговцам, этим ничего не значащим людишкам, выжить. Мы оказываем ценную услугу.

– Путем… грабежа?

– Точняк. – Энн откинулась назад, вновь положив руку на пистоль. – По крайней мере, таков был изначальный план. Мы не должны были стать беглецами-висельниками. Но полагаю, каждый из

нас учитывал риск. Хотя то, что мы облажались при первом нападении, стало для меня полной неожиданностью.

Локон склонила голову набок, едва сдерживаясь, чтобы почесать место, где очки соприкасались с лицом. Несмотря на наличие серебра на палубе, споры на пальцах девушки могли выжить и остаться опасными.

– Не понимаю, – сказала Локон. – Беглецы-висельники?

– А ты что, не в курсе? – спросила Энн. – Сама-то к какому типу моряков принадлежишь?

– Видимо, к тому, который не в курсе, кто такие беглецы-висельники.

Локон раздражало, что ее ругают за утаивание вопросов, а затем высмеивают за неутаивание.

– Существует две разновидности пиратов, Локон, – принялась объяснять Энн. – Это обычные пираты и висельники. Обычные пираты грабят, но не убивают, по крайней мере до тех пор, пока по ним не откроют огонь. Они плавают на быстроходных кораблях, легко догоняют другие суда, и те платят выкуп. Затем настигнутые уходят живыми, а обычные пираты уплывают богатыми. Что-то вроде соревнования, понимаешь? Гонки на скромный интерес. Королевские чиновники ведут учет. Если ты отпускаешь людей, если не убиваешь… тебя посадят, когда попадешься. Но не повесят.

– Выглядит очень культурно, – сказала Локон.

Энн пожала плечами:

– Культура существует потому, что каждому хочется сохранить свои внутренности у себя внутри. Ты не набрасываешься с кулаками на первого встречного, потому что не хочешь, чтобы при каждой встрече на тебя набрасывались с кулаками. Король это понимает. Пока он сквозь пальцы смотрит на пиратов, которые не беспредельничают, они у него на крючке. И потом, кто предпочтет гонке битву? Матросы на торговых судах не хотят лишиться жизни из-за денег своего хозяина. Хозяева не хотят лишиться своих кораблей. Да и не пробыть тебе долго пиратом, если в каждой стычке будешь окроплять палубу своей кровью. Правда, в бою можно случайно прикончить какого-нибудь бедолагу…

– Или целый корабль со всем экипажем, – закончила Локон.

Энн кивнула:

– В этом случае ты становишься висельником. Никакой тебе пощады, если поймают. Даже другие пираты возненавидят тебя. Никто не возьмет к себе в экипаж матроса с корабля-убийцы. И будешь ты болтаться по морям в полном одиночестве, как фасолина в супе бедняка.

Во имя всех лун, во всем этом был смысл. Локон изменила свое мнение об Энн. Грусть на лице, сожаление в голосе… Если и существовал какой-то заговор по уничтожению корабля контрабандистов, Энн в нем участия не принимала.

А вот Лаггарт, похоже, о нем знал. Как и капитан. Они хотели стать беглецами-висельниками. Отсюда и потайной отсек с ядрами, и гибель «Мечты Ута». Иначе зачем оставлять в живых одного-единственного моряка, если не для того, чтобы он сообщил миру о случившемся?

Локон была настолько поглощена своими мыслями, что забылась и рассеянно почесала зудящие от очков щеки. И замерла.

Лунные тени!

Что ж, теперь по крайней мере…

И тут ее лицо взорвалось.

18. Еще один труп

Очнувшись после мимолетного забытья, Локон обнаружила себя лежащей на палубе: защитные очки слетели и валяются в стороне.

А что это за звуки? Крики агонии?

Вовсе нет! Смех!

Хохотала Энн. Громко и раскатисто. Локон невольно дотронулась до обожженного лица. Кожу саднило, но щека, к счастью, была на месте. Судя по всему, споры, оказавшиеся под защитными очками, вступили в реакцию с капелькой пота и взорвались. Слава лунам, их под ободок попало ничтожно мало, иначе Локон разорвало бы в клочья.

– Не смешно! – сказала девушка и села.

(И ведь она права, это было не смешно, а преуморительно!)

– Давай, споровщица, поднимайся! – Энн схватила Локон под локоть. – Отведу тебя к судовому врачу, пускай осмотрит.

Кликнув Дуга, что нагрузил Локон столь опасной работенкой, Энн велела ему убрать образовавшийся при взрыве мусор и повела ошеломленную девушку на среднюю палубу.

– Как же тебе удается работать с этими гремучими спорами? – спросила Локон. – Ты ведь помощница канонира?

– Ну да… помощница, – подтвердила Энн. – Но только когда прикажут.

– А почему пушки не взрываются?

– Как – не взрываются?.. Еще как взрываются! Иначе ядром и не запулишь!

Локон решила, что обдумает услышанное позже. Сейчас не время и не место: голова совсем не соображает. Мытье окон, как вы уже и сами догадались, глубоких познаний в баллистике не дает.

Пробравшись через беспорядок, учиненный взрывом спор, они оказались в носовой части корабля и остановились подле двери. Ранее Локон уже присматривалась к ней, но та была заперта. Теперь же Энн распахнула дверь легким толчком плеча. Помощница канонира провела Локон в каюту, где их глазам предстал мужчина в строгом костюме. Подобного фасона Локон видывать еще не приходилось,

однако сразу вспомнился мундир отца Чарли. В отличие от броского облачения герцога, костюм корабельного врача выглядел сдержанно. Но от этого он ничуть не проигрывал, даже наоборот – вполне мог побороться за пальму первенства в элегантности. Сказать, отчего создавалось такое впечатление, Локон затруднилась бы. Вероятно, оттого, что сюртук целиком был черного цвета и не имел с фронта ни единой пуговицы или иной застежки, а брюки щеголяли идеально отглаженными стрелками.

Волосы у врача были смоляные, а черты лица до того резкие, что казались искусственными и придавали ему сходство с портретом или восковой фигурой. Кожа имела пепельно-серый оттенок, глаза были кроваво-красными. Если бы владыка преисподней задался целью обзавестись адвокатом, то кандидатуру этого малого он рассмотрел бы в первую очередь.

Локон следовало бы испугаться, однако она испытала не страх, а благоговейный трепет. Какими ветрами занесло на пиратский корабль это странное существо? Определенно, оно явилось из мест, что находятся за гранью известной человеку реальности, где не властны законы пространства и времени.

И отчасти Локон была права.

Между прочим, он все еще не вернул мне мой костюмчик.

– Ба! – сдержанно воскликнул доктор Улаам голосом, не лишенным вежливого радушия. – Чем ты решила порадовать меня на этот раз, Энн? Никак свежей человечинкой?

– Девушка наполняла картузы зефирными спорами, – объяснила Энн, усаживая Локон на лавку у стены тесной каюты, – и ей немного попало под защитные очки.

– Бедняжка, – посочувствовал Улаам. – Новенькая на борту? Хм… А у тебя интересные глаза!

– Если попросит продать их, обязательно торгуйся, – шепнула Энн. – Обычно можно выгадать в два раза больше.

– Глаза?! – возмутилась Локон. – Он хочет забрать мои глаза?

– Разумеется, только после твоей смерти. – Улаам отпер один из шкафчиков с бесчисленными ящичками, извлек склянку с лекарственной мазью и повернулся к Локон. – Или ты хочешь расстаться с ними прямо сейчас? У меня есть несколько достойных вариантов на замену. Глазные яблоки что надо!

Локон решительно замотала головой.

– Не желаешь? Может, хоть один согласишься обменять?

– Кто… Что вы такое? – спросила Локон.

– Это наш зомби, – ответила Энн будничным тоном.

– Какой грубый термин! – упрекнул Улаам. – И как я уже не раз отмечал, совершенно неточный.

– О чем ты говоришь? Ты же холодный, как мокрая рыба! – воскликнула Энн. – А сердце так и вовсе не бьется!

– Адаптации позволили мне снизить потребление калорий, – объяснил Улаам. – Мой метод и в самом деле очень эффективен. Я думаю, вскоре все смогут обходиться без сердца. Осталось только добиться, чтобы человеческий организм перестал погибать в его отсутствие. – С этими словами врач протянул Локон склянку с мазью. – Нанеси на пораженное место, и боль сразу утихнет.

Локон взяла склянку и робко макнула кончик пальца.

– Как легко согласилась! – воскликнул Улаам. – Такая храбрая? Или просто глупая?

– Мы еще не успели выяснить, – пожала плечами Энн.

– Судя по тому, как ты ухмыляешься, это какая-то проверка? – спросила Локон. – А с другой стороны, чего мне тревожиться? Задумай вы от меня избавиться, я бы уже давно пустила корни на дне спорового моря.

– Ого! А она мне нравится! Я собираюсь положить на эту девчонку глаз. Вот, держи! – Улаам сунул ей что-то в ладонь.

Локон опустила взгляд и увидела…

Человеческий глаз!

Она взвизгнула и выронила глаз, но Улаам ловко подхватил его.

– Осторожней! Это один из моих любимых экземпляров. Ты только глянь на радужку. Кстати, отличная замена твоему левому. Ты будешь эффектно смотреться. Один глаз темно-синий, а другой зеленый! Гетерохромия!

– Э-э-э… Спасибо, конечно, но мне и так живется неплохо.

– Ну что ж, ладно! – уступил Улаам, пряча глаз. – Может, потом… С мазью, кстати, все в порядке. Не бойся, никакая это не проверка и не розыгрыш. Смею тебя заверить, что я, вероятно, самое безобидное существо на этом корабле.

– Улаам, ты же ешь людей! – сказала Энн. – В прямом смысле этих слов!

– Ай-ай-ай, какой опасный Улаам!.. Энн, я ем не людей, а их трупы! Кроме шуток, я ничуть не страшнее моих коллег – всесильного могильного червя или какой-нибудь бактерии разложения.

Поколебавшись, Локон мазнула лицо снадобьем, и боль как рукой сняло. Поразившись мгновенному исцелению, она растерла остатки мази по щеке. Когда взглянула в зеркальце, любезно поднесенное Улаамом, девушка не обнаружила ни обожженной плоти, ни даже покраснения.

– Вот поэтому-то мы и держим его на корабле, – сказала Энн. – Хоть он и жуткий, как двуглавая змея.

– В этом болоте я единственный светоч современной медицины, – похвалился Улаам. – Да, кстати… образ хоть и весьма яркий, но, увы, неточный. Для рептилий нет ничего необычного в частичной аксиальной бифуркации. В следующий раз, если захочешь выставить меня в странном свете, для вящего эффекта проводи сравнение с птицей или каким-нибудь млекопитающим – среди этих позвоночных двуглавые особи встречаются гораздо реже, чем среди змей.

Девушки уставились на Улаама, пытаясь переварить услышанное.

– Как-то раз эксперимента ради я съел нескольких двухголовых змей, – продолжал Улаам. – Я стал жутким, как двуглавая змея, в буквальном смысле. Для чего я это сделал? Я мимикрировал под двухголовое пресмыкающееся в надежде разделить сознание на две части и соображать вдвое быстрее. Но увы, фокус не удался! Жаль все-таки. Вот была бы потеха! – Он забрал у Локон склянку с мазью. – Впредь постарайся не подрываться. Изуродованные трупы мне ни к чему. К тому же у мяса появляется металлический привкус.

Если вам захотелось получше узнать, что за змеюка такая этот Улаам, то вот еще один прелюбопытный факт. Надежный источник поведал мне, что Улаам вволю покуражился в период моего прискорбного недомогания. Улаам палец о палец не ударил, чтобы снять проклятие! Вместо этого он принялся наблюдать за мной и описывать во всех неприличных подробностях мои страдания, чтобы затем разослать эти заметки нашим общим друзьям.

Признаю, что мой случай отнюдь не простой и условия того проклятия запрещали мне давать кому бы то ни было прямые

инструкции, как его снять или разрушить. Но ведь от Улаама я ожидал большего. Все, что он сделал, когда обнаружил сначала меня, а затем и мой недуг, так это поселился на корабле. В прежние времена я не раз слышал от него, что он мечтает стать путешественником.

«Приключения добавляют остроты ощущений в нашу пресную жизнь, не находишь? – Так он вопрошал и неизменно мычал: – Мм?..»

– Команда поначалу не знала, что с ним делать. Капитан даже несколько раз пыталась застрелить Улаама, но вскоре утратила к его персоне всякий интерес. «Смертельно скучный тип» – так, кажется, она его охарактеризовала. Подобных ему существ и вправду практически невозможно убить. Однако со временем выяснилось, что Улаам способен не только поедать трупы, но и приносить пользу. Его оставили в покое и негласно приняли в команду. Так больной мирится с зудящей сыпью и благодарит судьбу за то, что это лишь сыпь, а не открытая язва. К тому же Улаам нас не объедает, он довольствуется случайными трупами, на которые никому и в голову не приходит претендовать. Пожалуй, это цинично, но, заполучив целителя-чудотворца, сам не замечаешь, как идешь на сделку с совестью и закрываешь глаза на его эксцентричные выходки.

Понятное дело, знакомство с корабельным врачом потрясло Локон до глубины души. Энн усадила ее на палубу неподалеку от ведра со щеткой, а сама отправилась по делам. Потирая уже полностью зажившую щеку, Локон решила вернуться к своему прежнему занятию.

Однако не успела она взяться за щетку, как почувствовала на себе цепкие лапки Хака.

– Намечается что-то нехорошее, – шепнул он.

– Что именно? – спросила Локон. – Нападение на корабль?

– Нет-нет… Ты меня отпустила погулять, и я решил раздобыть еды. Проголодаться, конечно, еще не успел, но разве угадаешь заранее, когда заурчит в брюхе? Короче говоря, я спустился в трюм, а там, как тебе известно, съестное можно добыть, только разодрав мешки. Как же люди бесятся, когда наш брат так делает! Не могу взять в толк, зачем завязывать мешок, если не хочешь, чтобы его прогрызли. Ну не завязывай ты мешок, человечишко, и не пострадает твое добро! И мешки целы, и крысы сыты, понимаешь?

– Хак, ближе к делу, – перебила его Локон. – Что происходит?

– К этому я как раз и веду. Внизу я наткнулся на Лаггарта, он осматривал корабельные запасы. И знаешь что? Он тырил пушечные ядра! Локон, я собственными глазами видел, как он припрятал парочку в своей сумке.

Локон была заинтригована этой новостью, а кроме того, ей представилась отличная возможность проверить догадку. Девушка взяла ведро со щеткой и расположилась неподалеку от пушки, чтобы драить палубу и наблюдать. В ожидании канонира Локон вся обратилась в зрение и слух.

Ждать пришлось недолго.

19. Канонир

Вскоре к пушке подошел Лаггарт. Вытянув шею, канонир долго рассматривал на дне бочки картузы со спорами. Наконец объявил, что работа сделана хорошо, и похвалил Дугов. В тот самый момент Дуги изведали всю силу магии делегирования. Прочувствовали все преимущества власть имущих. Познали, каково это – пожинать плоды чужих трудов и не переживать за возможные неудачи, ведь при таком раскладе удар всегда принимает на себя исполнитель. Однако Локон это было даже на руку. Все, чего она в ту минуту хотела, так это чтобы Лаггарт не глядел в ее сторону.

Дуги отправились выполнять поручения, а Лаггарт засуетился вокруг пушки, чистить которую никому не доверял. И надо сказать, он устроил из этого настоящее представление.

Между тем Локон продолжала драить палубу, оставаясь незаметной на самом виду. Когда Лаггарт воровато оглядывался, Локон успевала опустить голову и погрузиться в работу. Канонир вел себя чрезвычайно осторожно, но от Локон не укрылось, как он вытащил из сумки пушечное ядро величиной с кулак и спрятал его в той самой бочке с двойным дном.

Догадка подтвердилась. Лаггарт и вправду хранил в потайном отсеке снаряды, способные топить корабли. Но зачем ему понадобилось подвергать экипаж такому риску? Какой резон вступать в ряды вечных беглецов-висельников? Ведь это гораздо опаснее, чем просто пиратствовать. А как же пожива? Разве добыча не самое главное для пирата? Не считая, разумеется, корабля и всего прочего, что с ним связано?

Выходит, Лаггарт, не считаясь с мнением товарищей по экипажу, намерен внести их всех до единого в списки висельников?

Закончив возиться с пушкой, Лаггарт прикрикнул на ленившихся невдалеке Дугов, взвалил на плечо сумку и вразвалочку подошел к каюте капитана. Впустив канонира, Ворона выставила перед входом стража – тучного моряка, едва ли подходившего на роль привратника, – и захлопнула за Лаггартом дверь. Своими медлительными манерами Дуг напомнил Локон двоюродного брата

Брика. Безымянного верзилу на островке ставили перед дверьми таверны в те вечера, когда намечались особенно буйные пирушки.

– Вот бы узнать, о чем пойдет разговор, – сказала Локон.

– Ага… очень было бы недурственно, – отозвался Хак, восседая у нее на плече. – Зуб даю, секретничать будут!

– Вот бы кто-то прокрался и подслушал…

– Может, уговорим какого-нибудь Дуга? – спросил Хак.

– Нам нужен маленький и проворный соглядатай, – сказала Локон. – Тот, чьего присутствия не заметят.

– Проклятье, даже и не знаю, удастся ли нам найти такого Дуга-проныру, – посетовал Хак. – Разве ты не слышала, как они топают по палубе? Я вчера ночью насилу уснул. Клянусь, такое ощущение, что у них свинец в сапогах! Как будто… – Тут он, заметив пристальный взгляд Локон, умолк, а затем протянул: – О-о-ох… Тебе нужна крыса. Ладно, ладно, намек понял.

Хак соскочил с плеча Локон, перебрался на планшир и засеменил по нему из тени в тень по направлению к каюте капитана. Скользнув по небольшому выступу с внешней стороны судна, он юркнул в иллюминатор так шустро, что охранник Дуг не заметил.

Вероятно, вы задались вопросом, отчего это Хак так быстро сблизился с Локон? Что ж, причин я мог бы привести великое множество, однако достаточно будет сказать, что за свою короткую крысиную жизнь Хак не встречал человека, который не пытался бы его убить, посадить в клетку или продать. Ни одного, кроме Локон.

О людях он знал мало, поскольку бóльшую часть жизни провел в изоляции, однако Локон ему нравилась. Хаку не хотелось, чтобы его новая подруга вдруг умерла. Значит, надо шпионить.

Стараясь унять волнение, Локон принялась пуще прежнего скрести палубу. Из-за раздумий о том, что она подвергла Хака опасности исключительно ради удовлетворения собственного любопытства, тревожные минуты тянулись, словно часы. В прежней жизни она никогда бы не осмелилась просить кого-нибудь о подобной услуге, однако пиратская жизнь уже наложила на нее свой отпечаток.

«Разве есть у меня выбор? Для Чарли, вероятно, каждая минута промедления – тяжкое испытание. Где-то там, в безвестности, он сейчас трясется от страха и страдает, – думала Локон. – Нет, я должна

найти способ сбежать с корабля и продолжить поиски! Может, и нет ничего дурного в том, чтобы научиться быть малость навязчивой».

– Эй, на палубе! – воскликнул Хак, подбегая к ней по планширу. – Есть чего перекусить? От этого шпионажа у меня разыгрался зверский аппетит!

Локон с укоризной глянула на Хака. Упоминание о еде заставило ее желудок заурчать.

– Луны всемогущие! Я же просто спросил. Смотришь так, будто я съел целую буханку, а тебе оставил лишь корки да крошки.

– Удалось узнать что-нибудь интересное? – спросила Локон.

Хак дернул носом в сторону, приглашая следовать за собой. Спрыгнув с планшира, он поспешил в укромный уголок. Локон, не оглядываясь на Дугов, чтобы не привлекать лишнего внимания, двинулась в том же направлении. Со стороны выглядело так, будто она продолжает чистить палубу. Разглядеть крохотную крысу за ее спиной, разумеется, было невозможно.

– Сейчас я тебе перескажу их разговор, – повернувшись к Локон, сказал Хак. – Дай только вжиться в образ.

– Образ? – переспросила Локон.

Сев на хвост, Хак сложил лапки перед собой и задрал нос.

– Я капитан Ворона, – произнес Хак, на удивление точно передав аристократический выговор. – Слушай внимательно и отвечай сознательно… Ого, а в этой фляжке отменная водица! Лаггарт, что с пушкой? Есть новости? Все ли готово?

Склонив голову, Локон с интересом наблюдала.

– Ты же Лаггарт!.. – зашипел Хак. – Отвечай!

– Но меня там не было! Откуда мне знать, что он говорил?

– Ты справишься! – отмахнулся Хак розовой лапкой. – Давай! Прикинься Лаггартом!

– Э-э-э… готовы ли пушки, спрашиваете?

– Побольше хрипотцы, – шепнул Хак. – И шею вытяни, как он обычно делает. Это поможет вжиться в роль.

– Но…

– Превосходно, Лаггарт, – продолжил Хак голосом Вороны. – Однако у меня плохие вести. Связной из Королевского порта прислал ворона с запиской. Найдены останки потопленного нами корабля и один-единственный труп – того самого моряка, оставленного нами в

живых. Скончавшись от ран, о которых никто из нас не подозревал, он пренебрег моей добротой и оскорбил мои чувства!

– Что, так и сказала? – прошептала Локон. – Слово в слово?

– Это драматическая инсценировка, – зашипел Хак. – Ты думала, я буду конспектировать? Чем? Вот этим, что ли? – всплеснул он лапками. – Я рассказываю настолько точно, насколько могу припомнить. Давай, теперь реплика Лаггарта.

– Гм… Выходит, не повезло нам, капитан? – хрипло спросила Локон.

– Но он же совсем не то сказал! Лаггарт спросил: «И что, получается, все наши труды насмарку и теперь придется топить еще один?» – Хак замахал лапкой, призывая Локон продолжать дальше самой.

Она обреченно вздохнула:

– Все наши труды насмарку. Ничего не остается, как топить еще один.

– Не верю! Лунные тени, может, вложишь хоть немножечко чувств?! – воскликнул Хак. – Ты не воспринимаешь свою роль всерьез!

– Я не…

– Лаггарт, у нас проблема, – сказал Хак голосом капитана Вороны. Он встал на все четыре лапки, задрал нос и принялся расхаживать взад-вперед по палубе. – Команда в смятении! Как бы кто не дезертировал!

– Что происходит? – спросила Локон.

– Сейчас узнаешь, – сказал Хак. – Давай-ка я сам сыграю Лаггарта, а ты пока передохни. И в следующий раз учи свою роль получше, ладно?

– Но…

Хак вытянул шею и заговорил жутким хриплым голосом:

– Удивительно, как вы сохраняете присутствие духа, капитан. Форт готовит нам неприятности. И Салэй, похоже, тоже. Чтобы воплотить ваш план в жизнь и полностью подчинить экипаж, мы должны повязать его кровью невинных! И сделать это необходимо как можно скорее.

Перебежав с места на место, Хак вновь сел на хвост, передними лапками уперся в фальшборт и изобразил, как Ворона вглядывается в

морскую даль за иллюминатором.

– Экипаж нипочем не согласится отправиться в грозные моря. Но если лишить его выбора… Потопим еще одно судно, и тогда матросы забудут о суше! На этот раз, Лаггарт, оставь в живых больше людей. Думаю, будет достаточно двоих. – Хак повернулся к Локон и принял привычную для крысы позу. – Вот, собственно, и все.

– Грозные моря… – прошептала Локон.

Изумрудное море считалось одним из наименее опасных. Однако капитан Ворона почему-то желает покинуть его споры и направиться туда, куда рискуют заходить только самые отчаянные моряки.

– Ну и что думаешь? – спросил Хак. – Похоже, она готовится наложить на экипаж какое-то особое проклятье. Повязать кровью…

– Это не проклятье, – шепнула Локон, продолжая работать щеткой, чтобы не вызвать подозрений.

– Но Лаггарт же сказал…

– Хак, это была метафора, – пояснила Локон. – Ясно же: капитан считает, что команда недостаточно предана ей. Ворона хочет отправиться в грозные моря, однако отдать такой приказ пока не решается. Боится повального дезертирства, и поэтому…

– И поэтому под предлогом пиратства она задумала «случайно» потопить несколько судов, чтобы обратить весь экипаж в беглецов-висельников! Преследуемые законом, отвергнутые пиратским братством, эти люди будут вынуждены подчиниться Вороне. – Хак сморщил носик и покивал в подтверждение собственных слов. – Да, похоже, все так и есть… А ты чего приуныла?

– Не приуныла, а кое-что придумала, – ответила Локон.

– И что же?

– Придумала, как нам сбежать!

20. Рулевая

Вскоре капитан и канонир появились на пороге каюты. Оставив Лаггарта важно расхаживать по носовой палубе, Ворона направилась к корме. Локон спустилась в трюм, чтобы наполнить ведро чистой водой, а Хак принялся рыскать в поисках съестного. Вернувшись на верхнюю палубу, Локон не упустила возможности сменить место работы. Забравшись на ют, она расположилась невдалеке от капитана и рулевой, которой оказалась та самая женщина, что выменяла у Форта карманные часы за серьги.

Чтобы не выглядеть подозрительно, Локон не спешила привести свой план в действие. Покачиваясь вместе с кораблем на волнах спор, она работала щеткой, слушала разговоры Дугов и скрип деревянного настила. Звуки, что издает скользящий по волнам корабль, даруют ощущение свободы. Есть, определенно есть что-то в этом беспрестанном движении вперед – движении к далеким неведомым берегам. Каждый моряк знает, что в море невозможно оставаться на одном месте, даже если это море кипящих спор. Либо ты подчиняешь стихию своей воле, либо волны и ветры подчиняют тебя. Однако на деле это зачастую осторожное противостояние двух многоопытных борцов.

Локон встала размяться и окинула взглядом волны изумрудных спор. Судно вышло в открытое море, и пейзаж вокруг изменился до неузнаваемости. Луна, обычно нависавшая над головой, переместилась по небосклону и теперь находилась на несколько градусов ниже прежнего.

Локон невольно призналась себе, что море выглядит восхитительно. Переливаясь в солнечном свете, споры бурлят и мерцают. Бесконечные смертоносные просторы готовы в любой миг разразиться буйной жизнью. Как и зефирные споры, изумрудная морская гладь околдовала девушку.

Наш разум заставляет нас думать об опасности не иначе как о чем-то уродливом, однако Локон нашла накатывающие волны изумрудных спор чарующими. Она на миг представила, как эти споры бегают по ее коже, но это не заставило ее содрогнуться. Кто сказал, что

опасность должна непременно повергать в ужас? Она и в самом деле нередко манит. Так мотылька привлекает свет горящей в ночной тьме свечи. Роковая красота притягивает. И вряд ли сыщется красота столь же пьянящая, завораживающая и в то же время убийственная, как красота моря.

– Салэй! На север! – скомандовала капитан, держа перед собой компас. – К Семи Проливам!

– Но ведь там проходят основные торговые пути, – сказала Салэй.

– Вот именно, – кивнула Ворона, убирая компас. – Идеальное место для выбора нашей следующей цели.

Локон почувствовала, что это ее шанс. Опустившись на колени, она принялась драить настил.

– Значит, хочешь крови, да? – пробормотала Локон под нос и услышала, как капитан за ее спиной насторожилась. Спустя пару мгновений, низко склонившись над палубой, девушка продолжила: – Они были хорошими людьми, а вы взяли и убили их. Бедный Каплан… бедная Марпл… бедная Мэллори… Всех их пожрали споры…

Настил скрипнул. На Локон упала тень Вороны. Ох и опасную игру затеяла девушка! Еще никогда в жизни Локон не подвергала себя такому риску. Да и откуда ж ему взяться на одинокой Скале? Однако новое окружение уже давало о себе знать: пиратский корабль посреди океана спор – лучшая школа хитрости и коварства.

– Эй, девчонка! – рявкнула Ворона. – О чем это ты бормочешь? Выказываешь неуважение к моей команде? Такова твоя плата за благородство?

Локон в испуге замерла, выронила щетку, а затем робко взглянула на Ворону:

– Капитан! Я не знала, что вы… То есть…

– Такова твоя благодарность? – повторила Ворона.

– Я благодарна, что вы сохранили мне жизнь, но… – потупившись, прошептала Локон.

– Но?

– Но, капитан, на том судне путешествовала вся моя семья! А я ее так любила!

– Зачем королевскому инспектору брать с собой семью?

– Помилуйте! – усмехнулась Локон. – Инспекторский камзол я нашла в таверне. И носить его стала на потеху родственникам. А

теперь… теперь они все мертвы!

Локон замолчала, дожидаясь, когда Ворона осмыслит сказанное. Затем взглянула на капитана и убедилась, что та задумалась.

«Наконец-то до Вороны дошло, что она убила не всех на „Мечте Ута“, – размышляла Локон. – Про одну из выживших запамятовала. Наверняка сейчас думает, что если отпустить меня, то я непременно растрезвоню про безжалостных пиратов с „Вороньей песни“. И тогда команда беглецов-висельников окажется у нее в кармане».

Ворона повернулась к Салэй и свинтила пробку с фляги. Если верить слухам, ходившим на этом судне, то капитан не пьянела лишь потому, что пила простую воду.

– Эй, рулевая! Я передумала, – объявила Ворона и сделала глоток. – Курс на восток, к Мерцающей бухте. Нужно пополнить запас воды.

– Как прикажете, капитан, – ответила Салэй. – Правда, мне казалось, что воды у нас достаточно. Нет?

– Воды никогда не бывает много, – произнесла капитан. – Ты же не хочешь, чтобы моя фляга опустела? Кроме того, у нас завелись крысы – возьмем на борт кота.

Салэй быстро отдала приказ Дугам-такелажникам и крутанула штурвал, закладывая курс на свободу. От одной только мысли о спасении из пиратского плена у Локон радостно зашлось сердце.

Многие не верят в существование телепатии. Соглашусь, люди и в самом деле не способны передавать друг другу мысли невербально. Но каким-то образом вы, слушая мой рассказ, как наяву видите то, что я описываю. Чем не телепатия?

А ведь встречаются среди нас и те, кто обладает другой удивительной способностью – читать эмоции. И никакой, заметьте, магии, мистических Связей и прочей абракадабры. Таких людей называют знатоками человеческой души. Они распознают настроение по едва различимым элементам языка тела, будь то невольное движение глаз или случайное сокращение мышц. Одни становятся целителями ума, другие находят себя в духовенстве и лечат душу. А есть такие, как капитан Ворона, кому талант считывать чувства окружающих дает преимущества несколько иного характера.

В ту минуту Ворона, а точнее, какая-то область ее подсознания уловила воодушевление Локон. Капитан почувствовала, что своим

решением сменить курс она осчастливила эту девчонку, драившую палубу у нее под ногами! Ворона, сама не понимая, что происходит, ощутила глубокую неудовлетворенность – точно так некоторые предчувствуют несварение желудка. И всему виной была Локон! Испортить капитану Вороне настроение на весь день очень просто – достаточно сказать, что она кого-то обрадовала. Если же вы задумали омрачить капитану существование на целую неделю, то прибавьте к сказанному, что вышло это у нее совершенно случайно.

Ворона не изменила решения идти в порт. Она была не из тех, кто отказывается от своих слов. Вместо этого капитан отвела ногу и со всей силы пнула девушку в живот.

Локон взвыла, из глаз брызнули слезы. Она повалилась в мыльную лужу и свернулась калачиком. Капитан же, беззаботно насвистывая и завинчивая флягу, пошла прочь. Надо заметить, что Ворона – яркий пример того типа людей, из-за которых слово «негодяй» обросло множеством забористых синонимов. Даже перебрав их все, вряд ли вы найдете словцо достаточно точное, чтобы охарактеризовать эту женщину. Воистину работенка для поэта, что исповедует грязный реализм!

Салэй, в отличие от Вороны, придерживалась иных моральных принципов. Эта крепко сбитая особа слыла у Дугов обладательницей крутого нрава, однако ей и самой приходилось сносить незаслуженные побои. Едва ли задумываясь, что она делает, Салэй закрепила штурвал – а это дозволялось только в экстренных случаях – и подбежала к Локон.

– Эй, – мягко сказала Салэй, переворачивая Локон, – дай-ка гляну. Если сломано ребро, надо показать тебя врачу.

– Нет, только не к нему! – воскликнула Локон. – Он разрежет меня на кусочки!

– Что за вздор! Улаам и мухи не обидит.

– Разве?..

– Точно тебе говорю. Муху не забальзамируешь. – И Салэй подмигнула.

Не сразу распознав шутку, Локон, превозмогая боль, улыбнулась.

Салэй ощупала нижние ребра Локон и внимательно выслушала жалобы, где болит. Убедившись, что девушка цела и невредима – если не считать испорченного настроения, – Салэй вернулась на свой пост.

Глядя, как Локон, приуныв, сидит на палубе, Салэй не выдержала и спросила:

– Доводилось стоять за штурвалом?

Локон нерешительно поднялась и вопросительно посмотрела на рулевую. Отступив от штурвала, Салэй жестом предложила занять ее место.

Мне прекрасно известно, что на вашей планете управление кораблем – дело вполне рутинное. Во многих случаях за штурвал поставят даже ребенка, лишь бы у него имелись стандартное число пальцев на руках и привычка не засовывать в нос хотя бы один из них на протяжении достаточно долгого времени. Но на планете, где бурлили океаны спор, профессия рулевого считалась почетной. Ведь рулевой – офицер, на которого возложены серьезные обязанности. И хотя Локон соврала, что была на кораблях частой гостьей, она не рискнула утверждать, что держала в руках штурвал. Учитывая сказанное выше, в этом не было ничего странного.

Локон с благоговейным трепетом приблизилась к штурвалу, дважды глянула на Салэй, удостоверилась, что та не шутит, и лишь после этого осмелилась положить ладони, куда показала рулевая.

– Отлично, – кивнула Салэй. – А теперь сожми его покрепче. Чувствуешь вибрацию? Это кипят споры под килем. Твоя задача править так, чтобы корпус дрожал как можно меньше. Даже при малейшем изменении курса ты должна держать штурвал мертвой хваткой и вращать его медленно и плавно.

– А если вдруг споры перестанут кипеть? – спросила Локон.

– Тогда ты незамедлительно выровняешь руль вдоль продольной оси судна, чтобы его не оторвало. В такие минуты надо быть особенно внимательной. Одно неловкое движение рулевого может стоить жизни матросам-такелажникам: дернешься – и они кувырком полетят с рангоута на палубу.

Локон задумчиво покивала. Наверное, это не лучшая идея – доверить ей штурвал. Слишком большая ответственность.

Салэй была похожа на Ворону, но лишь отчасти. В той мере, в какой обычно похожи друг на друга люди, являющие собой полную противоположность.

Умевшая, как и капитан, распознавать чужие эмоции, рулевая не могла не подивиться истовости, с какой Локон драила палубу.

Девушка, способная выполнять простую работу с таким тщанием, заслуживала, по мнению многоопытной Салэй, уважения и поощрения. Так, вероятно, вы пожелали бы одолжить свою флейту человеку, который, обладая инструментом значительно худшим, играет на нем с должным талантом и мастерством.

Локон почувствовала ладонями вибрацию, что передавалась от хаотично кипящих спор сначала штуртросу, а затем рулевому колесу. Крепко держась за штурвал, она ощущала глубокую связь с морем и… нет, вовсе не власть над стихией, но возможность подчинить ее своей воле. Такая сила всегда переполняет человека, которому выпал случай встать у руля любого транспортного средства. Это была свобода, какой девушка прежде не ведала. До сей минуты Локон даже не подозревала, что нуждается в чем-то подобном. Одна из величайших трагедий заключается в том, что бесчисленное множество людей даже не узнают никогда, что они рождены летать, рисовать, петь… или править.

Всякий раз, когда человек открывает для себя момент радости, мир озаряется красотой. Мы, люди, не можем создавать энергию – только направлять ее. Мы не можем создавать материю – только придавать ей форму. Мы не можем даже создавать жизнь – только питать ее.

Однако мы можем создавать свет. Это один из способов впустить в наш мир красоту, и в этом наше главное предназначение.

Локон окинула взглядом корабль и увидела вышагивающую по палубе Ворону. Боль в животе, вызванная жестоким пинком и голодом, вернулась с удвоенной силой.

– А разве капитан не разозлится, увидев меня за штурвалом?

– Может, и разозлится, – ответила Салэй, – но мешать не станет. Есть традиция, такая же древняя, как и само море: рулевой сам решает, кому править кораблем. Ворона не посмеет ее попрать. Я вправе вообще не подпускать ее к штурвалу.

Словно в подтверждение своих слов Салэй повернулась к нактоузу, достала из него корабельный компас и карту звездного неба и попросила Локон скорректировать курс на пару градусов, чтобы разминуться с большими скалами, выпиравшими из океана спор на востоке прямо по ходу судна.

– Вот это и есть работа рулевого, – сказала Салэй с бесстрастным выражением лица. – Крепко сжимать штурвал и держаться подальше от штормов и взрывов спор. Короче говоря, обеспечивать безопасность корабля.

Локон заметила, что Салэй пристально следит за капитаном.

– Она толкает всех нас к пропасти, – произнесла Локон, стараясь тщательно подбирать слова. – Не думаю, что команде это по нутру.

– Это общее решение, – возразила Салэй. – Каждый из нас сам отвечает за свои поступки.

– Но разве ты не видишь, что она безрассудна? Поодиночке никто из вас не зашел бы так далеко. Она…

Локон хотела было рассказать про сговор Вороны и Лаггарта, но спохватилась. Выдвигать подобные обвинения против капитана сродни самоубийству. Салэй она знает едва ли лучше, чем других членов экипажа «Вороньей песни».

– Ворона – суровая женщина, – сказала Салэй. – Что есть, то есть. Как знать, быть может, именно такой капитан и нужен нам. Особенно теперь, когда мы пополнили ряды беглецов-висельников.

Салэй сама направила разговор в нужное русло. От Локон не укрылось неодобрение, сквозившее в голосе рулевой.

– Не понимаю, зачем вы пошли на это, – тихо проговорила девушка. – Что сподвигло вас стать теми, кем вы стали?

– Законный вопрос, – сказала Салэй. – Думаю, у каждого были на то свои причины. Передо мной, например, стоял выбор: либо разлучиться с морем навсегда, либо это… Может, и стоило разлучиться. Но видишь ли, когда стоишь за штурвалом… В этом что-то есть. Что-то особенное… О луны, я свихнулась! Такой вздор несу!

– Никакой не вздор, – сказала Локон. – Я прекрасно вас понимаю.

Салэй внимательно посмотрела на Локон, а затем кивнула.

– Если отбросить романтику, то у меня имеется и вполне реальная причина находиться на этом борту. Я путешествую по морям в поисках отца. Живу надеждой, что рано или поздно встречу его в каком-нибудь порту. Я заплачу его долги, и мы вместе отправимся домой… – Салэй взглянула на компас, а затем всмотрелась в горизонт.

Девушка уловила тоску в голосе Салэй, которая всей душой стремилась избавить родного человека от невзгод. Судя по всему, у ее отца в целом свете не осталось никого, кроме дочери.

«Но почему же я сейчас испытываю стыд?» – задалась вопросом Локон.

Тут штурвал в ее руках вдруг дрогнул, и корабль затрясло.

Испугавшись за Дугов на рангоуте, Локон крепче сжала рулевое колесо и плавно повернула его вправо, ставя руль прямо. Ее борьба со штурвалом возымела действие: «Воронья песнь» прекратила дрожать и постепенно сбросила ход. Бурлящее море спор утихло.

Потная, задыхающаяся от натуги Локон воззрилась на Салэй. Невозмутимая рулевая лишь сдержанно кивнула в ответ.

– Могло быть и хуже, – проговорила она.

Внезапная остановка изрядно встревожила Локон. Заметив это по глазам девушки, рулевая прибавила:

– Думаю, тебе не помешает передохнуть.

21. Пиратка

Дневная вахта, как и корабль, застыла в бездействии, дожидаясь, когда море спор закипит вновь. Чтобы не терять времени даром, Лаггарт объявил перерыв на ужин. В то время как остальные отправились отдыхать, Локон, не желая более раздражать капитана, возобновила мытье палубы. Как это обычно и бывало, за работой она погрузилась в размышления.

Когда я встречаю таких задумчивых людей, как Локон, мне хочется их предостеречь. Ибо задумчивость отнюдь не безобидна. Она разит, точно обоюдоострый меч… Каждый раз ловлю себя на мысли, что этой метафоре чего-то не хватает. Ведь если рассуждать логически, то подавляющее большинство мечей – обоюдоострые. Кроме того, нет на моей памяти случая, когда бы меч с двойной заточкой оказался для своего обладателя хоть чуть-чуть опаснее клинка одностороннего. Если провести аналогию, то можно заключить, что задумчивому человеку надлежит опасаться отнюдь не склонности к рефлексии, а самого себя.

На беду, разум Локон был в ту минуту остер как меч. Только она мысленно проложила себе путь к свободе, как все стало усложняться. Как бы ей хотелось не слышать Энн, которая, опершись о мачту, болтала с Лаггартом!

– Спрашиваешь, кто наполнил мешочки спорами для твоей ненаглядной пушки? Уж явно не эти лентяи Дуги! – И Энн показала большим пальцем себе за спину, на Локон. – Думаю, тебе следует знать, что это заслуга нашей новенькой.

«Пожалуйста, не надо! Зачем ты так добра ко мне? – взмолилась про себя Локон, чувствуя очередной укол стыда. – Пожалуйста, не напоминай о том, какая ты хорошая!»

Вскоре опустилась ночь. Море вновь закипело, и корабль вернулся на прежний курс. Локон попыталась забыться в работе, однако от чувства вины не отделаешься так просто, как от налета спор.

– Классный сюртучок, – шепнул я, приближаясь к Локон вразвалку. – А если бы ты еще выкрасила половину в оранжевый цвет, было бы совсем замечательно!

– Оранжевый? – переспросила Локон. – Это… вызывающе.

– Поверь мне, нет ничего плохого в том, чтобы выглядеть вызывающе. Кстати, Форт просил передать, что он приберег для тебя съестного. – Я подмигнул. – Ты ступай, а я пока ногти на ногах пообгрызу. Пробовала когда-нибудь? Нет?.. Роковой вкус!

Локон хотела было проигнорировать мое предложение, но вскоре к ней прискакал Хак:

– Эй! Есть хочешь? Что до меня, то я помираю с голоду! Ну?.. Мы идем добывать еду или да?

Со вздохом Локон позволила Хаку взобраться на плечо и поплелась к баталеру. На камбузе, в свете тусклого фонаря, Форт протянул ей тарелку. В отличие от апокалиптичного завтрака, ужин оказался менее катастрофичным. Вероятно, оттого, что после утренней трапезы ее вкусовые сосочки совершили массовое ритуальное самоубийство.

Сидя на табурете перед Фортом, Локон хотела поблагодарить своего благодетеля, но тот лишь отмахнулся и написал на дощечке, что это не благотворительность, а сделка. Однако Локон видела Форта насквозь. Едва пустела бронзовая кружка (та самая, из которой она пила утром), как баталер наполнял ее вновь. Когда девушка доела, Форт явил на свет кусок пирога, припасенный для нее десерт. Признаться, хуже Локон в жизни не едала. Как и вся остальная снедь, пирог был лежалый, зачерствевший. Однако ей польстило внимание Форта.

«О луны! Как же тяжко!» – вздохнула Локон.

Она имела в виду, конечно же, не пищу, а свои предательские замыслы. Локон знала этих людей всего лишь день, однако уже успела прикипеть к ним. Девушка поймала себя на мысли, что улыбается с того момента, как на пороге камбуза возник Улаам. Доктор не спеша подошел к Форту и стал торговаться за оставшиеся после ужина кости чаек, которые тот специально для него сохранил. Однако Локон умилял не сам факт торга, а любезная манера, с какой они друг друга увещевали. Команда этого корабля была самой настоящей семьей. Семьей, обреченной своей безжалостной матерью на погибель.

Локон не покидала мысль, что она должна помочь.

– Форт… – произнесла наконец Локон, уткнувшись взглядом в тарелку и ковыряя вилкой последний кусок чаячьего мяса. Очень

хотелось верить, что это и вправду чайка, а не что-то неопознанное. – Мне кажется, капитан Ворона действует совсем не в интересах команды.

Полировавший кружку Форт оцепенел. Добротная оловянная посудина с очаровательными вмятинками на кромке, образовавшимися от частого использования, притягивала взгляд. Сказать наверняка Локон не могла, но вполне могло статься, что кружку сделали еще в седьмом веке. Или это очень качественная стилизация под традиции Хоргсвеллоу. Как бы там ни было, экземпляр радовал глаз.

– Э-э-э… мне довелось подслушать разговор, – поспешила объяснить Локон. – Ворона и Лаггарт…

«Замолчи! – написал Форт на дощечке. – Еще слово, и тебя выбросят за борт! С мятежниками разговор короткий!»

– Но, Форт, – понизив голос, продолжила Локон, – ты так тревожился из-за пушечных ядер, вот я и провела расследование…

Хлопнув ладонью по стойке, Форт заставил девушку умолкнуть, а затем написал огромными буквами: «НИ СЛОВА БОЛЬШЕ» – и постучал по дощечке.

«Лунные тени! А ведь он не на шутку перепугался», – подумала Локон, глядя, как дрожат узловатые от множественных переломов пальцы.

«Ко мне заходила капитан Ворона, сказала, что я сую нос куда не следует. Мне даже этого нельзя писать! Мой тебе совет: лучше помалкивай! Кроме шуток, Ворона очень опасна!» – обливаясь потом, нацарапал Форт и с опаской зыркнул на дверь. Затем, встряхнув дощечкой, он стер написанное. Убедившись, что ничего компрометирующего на ней не осталось, приписал: «Хватит болтать, доедай и уматывай!»

– Почему вы так ее боитесь? – спросила Локон. – Вас ведь много, а она одна!

Глаза Форта округлились.

«Ты не знаешь, с кем имеешь дело. Да и откуда тебе знать! Однако я ничего не расскажу. Не мне обсуждать начальство. Поверь, она может убить любого из нас. Причем с легкостью. Поэтому держи язык за зубами и выброс эти мысли из головы навсегда!»

Словно в подтверждение своих слов Форт бросил дощечку на стойку и отвернулся.

«Вот и предупредила экипаж о коварных планах капитанши!» – подумала в сердцах Локон.

Заставив себя проглотить последний кусок мяса, она выскользнула за дверь. Еле переставляя ноги, будто скованные цепями, Локон поднялась на верхнюю палубу. Наевшись от пуза, она стала вялой, как сонная муха.

– Луны! – прошептал Хак, восседая на плече у Локон. – Пока не поздно, надо рвать когти. Кстати, какой у нас план побега? Ты ведь еще ни словом не обмолвилась…

Вместо ответа Локон показала пальцем на горизонт. Вдалеке полыхнула и сбросила споры Изумрудная луна. Вспышка оказалась достаточно яркой, чтобы палубу озарило зеленым сиянием. Впереди они различили темные очертания Мерцающей бухты и множество огней портового города, что сулил им свободу.

– Мне-то вырваться на волю проще простого, – сказал Хак. – А вот за тобой будут следить. Капитан выставит стражу. Тебя не выпустят.

– Не переживай, как миленькие выпустят! – сказала Локон, морщась от тяжести в желудке.

Когда «Воронья песнь» зашла в порт, Ворона объявила, что стоянка будет недолгой. Пригрозив любителям самоволки плетьми, капитан отправила матросов в кубрики, оставив Лаггарта на ночную вахту. Корабль замер, и Локон, как и в прошлый раз, улеглась прямо на палубе с мыслью, что этой ночью об нее уже никто не споткнется.

Около полуночи Лаггарт побрел в гальюн, нарочито громко топая по ступенькам. Но старался он зря, Локон не спала. Хотя его предупредительность она оценила по достоинству. Локон поднялась, тихо взвалила сумку с чашками на плечо и двинулась к трапу.

– Хм… – сказал Хак. – Если Ворона не хочет, чтобы команда сошла на берег, зачем же тогда она приказала опустить на причал сходни?

– Вороне нужно, чтобы я растрезвонила, что она потопила «Мечту Ута», – прошептала Локон, останавливаясь у сходни. – Ты что, уже успел забыть ее коварный план? Она хочет лишить своих людей выбора, сделать их беглецами-висельниками. По замыслу Вороны, сбежав, я непременно расскажу о ее злодеяниях. И тогда команда окажется в ловушке, а капитан станет ее единственной надеждой на

избавление от верной гибели. Матросы слишком боятся Вороны, чтобы поднять бунт. И слишком напуганы грозящим им наказанием, чтобы сбежать. Точно рабы, они подчинятся воле Вороны и отправятся в самые опасные моря, какие ей только взбредет в голову посетить.

– Жаль, конечно, этих безумцев, – сказал Хак. – Давай же смоемся отсюда, чтобы не закончить, как они.

Но Локон отчего-то медлила. Королевский порт находился на значительном удалении от причалов Мерцающей бухты, однако не расстояние удерживало ее в ту минуту. Оказавшись в городе, она сможет вернуться к изначальному плану: выяснит, какой выкуп требует Колдунья, и найдет способ освободить Чарли из плена. И все же…

– Локон, – напомнил о себе Хак, – не хочу показаться занудой, но мы стоим на месте.

– Я должна остаться и помочь команде, – прошептала Локон.

– Что?! – воскликнул Хак. – Нет, не должна!

– Но эти люди так добры ко мне…

– Да ты едва знакома с ними! Ты здесь никому и ничего не должна!

– А тебя все же спасла, – резонно заметила Локон. – Хотя мы и пяти минут не были знакомы.

– Так-то оно, конечно, так… – замялся Хак, потирая лапки. – Что ж… Ну да…

Получится ли вызволить Чарли из плена, Локон не знала. Разумеется, она желала этого больше всего на свете. Однако сей же час избавить любимого от страданий она была не в силах, хоть и мучилась, вероятно, не меньше его самого.

А вот с командой «Вороньей песни» дело обстоит иначе. Ей Локон способна помочь здесь и сейчас.

– Что, если я помогу им, а они в благодарность довезут меня до Полуночного моря, чтобы я могла спасти Чарли? – задалась вопросом Локон.

– Не забывай, что эти люди – пираты.

– Они одна большая семья, а я… – возразила Локон, у которой уже созревал план, как остановить Ворону, прежде чем случится непоправимое. – Слушай, Хак, я должна сделать для них все, что в моих силах.

Едва она озвучила это решение, будто гора свалилась с плеч. Нет, Локон вовсе не отрекалась от Чарли, она просто делала что должно.

– Ой-ой-ой… – запричитал Хак, глядя, как Локон возвращается к своему спальному месту на палубе.

– А ты уходи, – сказала Локон. – Беги, Хак. Никто тебя не осудит. Так поступил бы любой на твоем месте.

Хак щелкнул зубами, что на крысином языке жестов, вероятно, было эквивалентно человеческому пожатию плечами.

– Хоть у меня и нет дурного предчувствия на твой счет, но ты точно уверена, что тебе нужны эти проблемы? – спросил Хак.

«Ну конечно я не уверена! – воскликнула про себя Локон. – Я вообще ни в чем не уверена с тех пор, как покинула родную Скалу!»

Вдруг в ночи вспыхнуло. Спичка! В озарившейся оранжевым светом тьме Локон различила знакомый абрис лица. На ступеньках, ведущих на ют, раскуривала трубку капитан Ворона.

Видела ли она Локон и Хака? Слышала ли их разговор?

Выпустив дым, Ворона тряхнула рукой и потушила спичку. Лицо вновь погрузилось в ночную мглу, чуть разбавленную тусклым сиянием луны.

– Капитан? – позвала Локон.

– Беги, пока не поздно, – откликнулась Ворона. – За эти два дня ты доказала мне, что достойна жизни, как никто другой. Так что давай не задерживайся. Просто растворись в ночи.

– Я… – начала Локон и перевела дыхание. – Я хочу присоединиться к вашей команде.

– Присоединиться?.. – хохотнула Ворона. – Ты не далее как сегодня проклинала нас за убийство твоей семьи!

– Капитан, я солгала. Хотела разжалобить вас, чтобы меня накормили. Похоже, вы и сами догадались, что я лгу. И ваш пинок – прямое тому доказательство. Каюсь, мне не следовало даже пытаться…

– То есть ты хочешь сказать, что путешествовала на том корабле в одиночку? Без семьи?

– Да, – созналась Локон. – На борт я пробралась тайком. По правде говоря, мне что на «Мечте Ута», что в Мерцающей бухте – все едино. Думаю, с тем же успехом я могу жить и здесь, на «Вороньей песни».

Ворона поначалу ничего не ответила. В ночной тиши раздался лишь металлический скрежет – капитан свинтила крышку с фляги. Локон могла поклясться, что знает, какие сейчас у Вороны мысли.

«Наверняка решила, что раз я не потеряла близких и не злюсь на команду, то я и…»

Темный силуэт сидящего человека выпрямился.

– Все равно беги. Здесь для тебя нет места. Нам не нужно, чтобы кто-то целыми днями драил палубу и путался под ногами. Эта работа для провинившихся. Взяв на себя такую обязанность, ты лишаешь меня рычага воздействия на корабельную дисциплину. У каждого здесь есть своя судовая роль. А у тебя ее нет. Если только не желаешь испытать себя в роли якоря.

Когда Ворона, попыхивая трубкой, закончила тираду и повернулась, чтобы уйти к себе в каюту, девушка едва не поддалась соблазну и не бросилась прочь. Однако…

Локон терпеть не могла запугивания. И этого оказалось достаточно, чтобы поступиться принципом не навязываться людям. Она видела, как герцог запугивает Чарли, как инспекторы запугивают портовых работников. А теперь эта пиратка, что стоит прямо пред ней. Вообразившая, будто ей дозволено вершить судьбы и вообще делать все, что заблагорассудится.

– У вас нет споровщика, – сказала Локон.

Ворона замерла перед дверью в каюту.

– Он погиб, и вам нужна замена, – продолжила Локон. – Дуги ни за что не возьмутся за эту работу. Иначе бы вы уже давно заставили кого-нибудь из них стать споровщиком. Но вы прекрасно знаете, что ни к чему хорошему такое принуждение не приведет. Ведь при любой возможности он сачканет, как это было с картузами зефирных спор. Ведь это Дуги заставили меня их наполнять. А почему? Да потому, что сами боятся спор до одури!

– Ты и в самом деле не боишься спор, девочка? – спросила Ворона из темноты.

– Конечно боюсь, – ответила Локон. – Но думаю, если относиться к спорам с должным уважением, это значительно продлит споровщику жизнь.

Воцарилась тишина. Ворона стояла тенью в ночи, пуская дым в изумрудное небо и оценивая слова Локон.

– А ведь ты права, – наконец произнесла капитан. – Допустим, тебе найдется место на моем корабле. Но по плечу ли тебе это дело? Ты не понаслышке знаешь, что такое споры. Рискуя жизнью, прошлась по морю от одного корабля к другому, пережила взрыв зефирных спор прямо на лице… Неужто после всего этого осталось желание работать со спорами? Можешь не отвечать. Вижу, что ты упряма. Думаю, я найду тебе применение. Даже больше скажу: пожалуй, у меня найдется для тебя идеальное местечко!

Локон нахмурилась. У нее сложилось впечатление, будто капитан превратно ее поняла.

– Что ж, тогда добро пожаловать на «Воронью песнь»… корабельная споровщица! – заявила Ворона, открывая дверь в каюту. – По традиции долю с первых трех призов отдашь команде. После станешь получать офицерскую долю. Трапезничать с остальными запрещаю, будешь питаться остатками. Обращайся, если что, к Форту. Споровщики – престранная братия. Не хотелось бы, чтобы споры попали в еду.

– Я… Конечно, капитан!

– И больше не смей мне врать. Иначе проведем эксперимент: заставим тебя съесть споры и посмотрим, что будет. То-то Улаам обрадуется! Он давно гадает, что произойдет, если человек проглотит целый картуз зефирных спор. – Ворона глотнула из фляги и захлопнула за собой дверь.

Ноги вдруг стали ватными, колени подломились, и Локон бухнулась на палубу. Плотнее закутавшись в инспекторский камзол, она с ужасом осознала, во что впуталась.

Несмотря на сиюминутную слабость, она была полна решимости. Локон знала, чувствовала, что поступает правильно.

К добру ли, к худу ли, Локон сделалась пираткой.

Часть 4

22. Идиотка

На следующий день Локон проснулась от окрика капитана Вороны. И сразу поняла: что-то не так. Ведь капитан не упустила бы возможности отвесить ей хорошего пинка. Чтобы Ворона да отказалась причинить боль? Ни в жизнь! Скорее банки начнут выдавать всем желающим беспроцентные ссуды!

Подняв Локон на ноги, Ворона подвела ее к двери с амбарным замком. Он выглядел настолько внушительно, что за ним просто не могло не скрываться нечто крайне важное.

– Неужто эта девчонка и впрямь не боится спор? – спросила Ворона, перебирая ключи на связке.

– Капитан… я уже сказала вам, что боюсь. Но поскольку в последнее время меня пытаются убить все кому не лень, то я воспринимаю споры всего лишь как одну из угроз моей жизни. Ничуть не страшнее прочих.

– Не страшнее? – хмыкнула Ворона. – Что ж, мне по душе такой фатализм. Добро пожаловать на твое новое поприще, девочка. Кто бы мог подумать, что мой новый споровщик будет щеголять красным инспекторским камзолом!

Замок зловеще щелкнул, точно сработавшая крысоловка. Капитан сняла с кольца ключ и протянула его Локон:

– Теперь он твой.

Локон взяла ключ и отметила, что на связке остался дубликат. Толкнув плечом дверь, Ворона шагнула в проем. От Локон не укрылось, как несколько шептавшихся поблизости Дугов в ужасе отшатнулись при виде распахнувшейся двери.

Собравшись с духом, Локон вошла в каюту вслед за Вороной. Там оказалось совсем не так страшно – и чего, спрашивается, испугались Дуги? Узкое помещеньице с единственным иллюминатором в глубине, за которым плещется море. Споровые волны, рассекаемые форштевнем, иногда вздымаются так высоко, что закрывают обзор и на мгновение погружают каюту в сумрак.

Койка в дальнем углу каюты представилась Локон настоящей роскошью: одеяло, матрас и даже подушка! Конечно, матрац

прохудившийся, подушка крошечная, а одеяло выглядит так, будто его не стирали со времен изобретения стирки. Но после нескольких ночей на палубе под открытым небом на подобные вещи начинаешь смотреть по-новому.

У противоположной стены примостился столик, а над ним утопленные в стене полки. Больше ничего примечательного, не считая большого зеркала, благодаря которому каюта казалась просторнее. Но это была лишь иллюзия, чего нельзя сказать про спутанные космы Локон. Из зеркала на нее взирало чудовище, пробудившееся от векового забытья. Оно простерло свои косматые щупальца во все стороны, угрожая раскроить мир на лоскуты и высосать жизненные соки из всех невинных дев, если в жертву ему не будут немедленно принесены сотни фиалов королевского кондиционера.

Ворона подошла к изголовью койки, открыла в углу неприметную дверь и жестом велела девушке заглянуть. Внутри оказалась кабинка с краном под потолком и утопленным на полметра полом со сливным отверстием. Локон не могла поверить глазам. Кран?! Слив?! Это что, ванна?.. Если койка показалась роскошью, то ванна – настоящим раем на корабле.

– Наверху бочка, – объяснила Ворона. – Когда надо будет долить воды, дай знать. Уив много ее тратил на эксперименты.

– Эксперименты?..

– Со спорами, – вздохнув, пояснила Ворона. – Тебе стоит побыстрей достичь его уровня, если и впрямь хочешь называться нашей споровщицей. Возиться со спорами разрешается только здесь. Разве что я дам четкий приказ работать в другом месте. Вообще-то, я бы предпочла, чтобы даже зефирные споры ты засыпала в картузы тут.

– Как скажете, – кивнула Локон.

– Надеюсь, что так и будет, – сказала Ворона, – иначе пеняй на себя. Изнутри каюта обшита алюминием, а снаружи – серебром. На тот случай, если что-то вдруг захочет вырваться на волю. Однако на защиту уповай, а сама не плошай. Не будешь осторожна – корабль разнесет в щепы, и никакая защита не поможет.

Локон кивнула.

– Ты совсем не понимаешь, да? – спросила Ворона. – Что предстоит делать, чего от тебя ждут? Есть ли хоть малейшее

представление, как опасна твоя новая работа? Ты уверена, что знаешь, на какой риск идешь?

– Мне ведь можно будет спать на этой койке?

– Да.

– Ну тогда я в деле!

Ворона растянула губы в белоснежной улыбке. Более естественной улыбки можно было бы ожидать разве что от настоящей вороны.

– Пришлю Улаама, он тебя проинструктирует. И восторгаться своим новым пристанищем не спеши… Для начала взгляни под ноги.

С этими словами Ворона, прихлебывая из фляги, неторопливо двинулась к выходу. Локон села на койку, гадая, что имела в виду капитан. Пол выглядит нормально. Половицы хоть и малость пыльные – похоже, после смерти Уива никто здесь не прибирался, – но в остальном самые обыкновенные.

Почему каюту никто не занял? Эта мысль насторожила Локон. Каюту с кроватью, зеркалом, ванной… Да матросы должны были передраться за одну только призрачную возможность вселиться в жилище споровщика!

И тут Локон сообразила. На полу отсутствовала серебряная инкрустация!

Будь у нее опыта в морском деле чуть больше, она бы заметила это сразу. «Воронья песнь» – добротное, даже роскошное торговое судно, сплошь покрытое серебряными жилами, которые отсутствуют только на артиллерийской площадке и в трюме. При постройке не поскупились на алюминий. Конечно, теперь этот металл гораздо доступнее, чем в прежние времена, однако цена по-прежнему кусается. В общем, корабль сработан на совесть: комфортный и, что самое главное, безопасный…

Но только не в этой каюте. Лаборатория споровщика и безопасность – взаимоисключающие понятия. Локон бросила взгляд в иллюминатор, на неспокойное Изумрудное море. Каждый раз, когда корабль взрезал толщу споровой волны, свет в каюте мерк и сердце Локон начинало биться чуть чаще.

«Луны! – воскликнула про себя девушка. – Неудивительно, что никто не захотел занять каюту. Надо быть безумцем, чтобы решиться здесь ночевать…»

Хак вскоре разыскал Локон и обнаружил, что подруга мирно посапывает в койке. Упрекнуть ее за это нельзя, ведь сон на палубе под открытым небом вряд ли можно назвать здоровым.

– Локон, – прошептал Хак, – это что, твоя собственная каюта?

Сонная девушка села в постели:

– Ага. Моя собственная уютная западня. Где ты пропадал, Хак?

– Они завели кошку, – проворчал Хак, с опаской поглядывая на дверь. – Кошку! Это смертельное оскорбление! В том смысле, что приведет к моей смерти.

– Держись меня, – сказала Локон. – Постараюсь тебя защитить.

– Ненавижу кошек, – содрогнулся Хак. – Какими дураками надо быть, чтобы взять на борт такое чудовище из-за одной крысы? Кто, в конце концов, больше съест? Я или зверюга вдесятеро крупнее? Людишки все как один идиоты! Ой… Не все, конечно. К тем, кого зовут Локон, это не относится.

– Не переживай, я тоже идиотка. Причем идиотка, каких поискать! Учитывая, что я все еще торчу на этом корабле…

Со вздохом Локон поднялась с койки и сходила на палубу за своим мешком. Вернувшись, принялась расставлять на столе чашки, припоминая истории, что Чарли придумывал для каждой, когда они вместе любовались ими.

Локон чувствовала себя предательницей. Это ж надо было додуматься: она останется на корабле и будет помогать едва знакомым людям, вместо того чтобы искать способ спасти Чарли! Шепча молитвы всем лунам и выстраивая коллекцию чашек, она клятвенно пообещала себе, что обязательно найдет такой способ.

«Я спасу этих пиратов, даже если они откажутся идти в Полуночное море, – размышляла Локон. – Быть может, они все же принесут мне пользу… Например, помогут собрать нужную для выкупа сумму».

От этих мыслей стало только хуже. Локон вовсе не хотела грабить честных людей, чтобы вызволить Чарли. И в этот момент, разглядывая чашку с бабочкой, Локон окончательно и бесповоротно решила, что план с выкупом никуда не годится. Во-первых, пиратствовать она не собирается. Во-вторых, нужной суммы, кроме как грабежами, ей ни в жизнь не раздобыть.

«Нужен другой способ, – задумалась Локон. – Но какой? Что я могу сделать?»

Локон размышляла, стараясь не поддаваться унынию, как вдруг за порогом раздался веселый голос:

– Смотрю, ломаешь голову? Нужна помощь? Мм?..

– Надеюсь, вы не в буквальном смысле, доктор? – спросила Локон.

– Вы обо мне столь ужасного мнения, мисс Локон?

– Иначе бы и не спрашивала.

Пепельное лицо врача растянулось в ухмылке. Локон никак не могла понять, что он собой представляет. Человеческое существо? Инфернальную сущность?

Улаам прошел в каюту. Я хотел было войти следом, но, не обнаружив у Локон ни одной мартышки, в последний момент передумал.

– Вы разбираетесь во всем этом, доктор? – Локон кивнула на ванную. – Капитан сказала, эта комнатушка предназначена для экспериментов.

– О да! Это был главный и самый любимый эксперимент в жизни Уива. И назывался он «Обдурить всех и заиметь личную ванную». Вот почему бочка стоит в таком месте, куда не падает тень. Воду, конечно, горячей не назовешь, но и уши не отморозишь. – Улаам глянул на Локон и прибавил: – Но если все-таки отморозишь, прибереги их для меня, хорошо?

– Выходит, это настоящая ванна, – заключила Локон.

– В защиту Уива скажу, что ему действительно требовалось место для опытов со спорами. Иногда он даже оживлял их, но так, чтобы не причинить вреда кораблю или экипажу. Поэтому без этой керамической емкости, что так похожа на ванну, ему было не обойтись. Уив был дальновидным малым и из любой ситуации мог извлечь выгоду. За исключением той последней переделки. – Улаам сокрушенно покачал головой. – Какого прекрасного трупа мы лишились!

– Капитан сказала, что мне придется занять место Уива, если я хочу остаться на борту. Чем он еще занимался, кроме зефирных спор?

– Тебе нужно научиться обращаться с розеитом, чтобы быстро латать пробоины, – сказал Улаам. – А еще проращивать изумрудные

лозы, не развалив при этом корабль. Это на случай, если иссякнут съестные припасы. Вижу, ты удивлена, но их можно есть. В принципе, есть можно все. Главное – оставаться при этом оптимистом!

– А я еще тот оптимист! – сказал я, снова заглянув в каюту. – Однажды я съел целый булыжник! Правда, сначала пришлось отбиваться от его родни. – Сказав это, я зарычал и побрел прочь.

Похоже, мои речи казались Локон полнейшей чепухой. Но ее заинтересовал мой недуг.

– Доктор, а что с ним?

– С Хойдом много чего, – произнес Улаам, изучая содержимое ящиков над столом. – Но ты за него не беспокойся. Проблемы он решает почти так же искусно, как и создает.

Локон кивнула и посмотрела на свою койку. Когда Улаам уйдет, она с удовольствием вздремнет еще. Или за сон в рабочее время ее накажут?

– Н-да… – рассеянно произнес Улаам. – Хватило же Хойду ума связаться с Колдуньей. На самом деле ума-то у него достаточно, вот только пользуется он им пугающе редко.

Весь сон как рукой сняло.

– С Колдуньей?

– Ну а кто же еще мог его так отделать? Хойд еще и подыгрывает своему недугу, стараясь выглядеть обычным идиотом. Но поверь, он – не обычный идиот, а необычайный! В одном я с ним согласен: что бы ни случилось, надо держать лицо. Или парочку про запас…

– Выходит, в нашей команде есть человек, – заговорила Локон, тщательно подбирая слова, – который знает дорогу к Колдунье? Он побывал у нее и сумел выбраться живым?

– И побывал, и выбрался, да, – ответил Улаам. – Но я понятия не имею, как Хойд это проделал. Когда я получил от него письмо и прибыл на вашу планету, он уже был идиотом.

– На нашу планету? – удивилась Локон. – Так вы со звезд?

Локон слышала разное о пришельцах со звезд, но считала эти слухи выдумками, хоть они и множились в последнее время среди моряков.

– Мм? – промычал Улаам. – Да, оттуда. Не со звезд, конечно, а с планеты, которая вращается вокруг одной из них. Но это не важно…

Что касается Хойда, то вряд ли тебе удастся из него что-нибудь вытянуть. Ведь Хойд проклят.

Мысли о далеких планетах – и о чашках, из которых там пьют, – отошли на задний план. На корабле есть человек, способный помочь в поисках Чарли!

Локон воодушевилась, но в следующий миг ее охватила паника. Если бы она сошла с корабля, то никогда бы не совершила этого открытия!

Девушка обессиленно опустилась на койку, ошеломленная догадкой, что я – ключ к спасению Чарли. Наконец-то у нее начал зреть план. И возможно, ему даже суждено исполниться. Осталось только узнать у меня, как добраться до Колдуньи. И как ее одолеть, если придется.

Будущее по-прежнему выглядело окрашенным в мрачные тона.

«И все же теперь получше, чем раньше, – подумала Локон. – Кто знает, быть может, именно эти добрые люди, запертые на собственном корабле, как в самой настоящей тюрьме, помогут мне вызволить любимого?»

23. Помощница канонира

– Морей двенадцать, – объясняла Энн, сидя на планшире и ритмично постукивая каблуками сапог по фальшборту. – Соответственно, и видов спор всего двенадцать. Неужели ты этого не знала?

– Так я ведь всю жизнь прожила в крохотном шахтерском городке, – сказала Локон. – Разумеется, нам рассказывали, что существует двенадцать лун и двенадцать морей. Но с недавних пор я взяла за правило все подвергать сомнению.

«Она разумно делает, что спрашивает, Энн, – написал Форт на дощечке. – Потому что видов спор на самом деле не двенадцать, а тринадцать».

– А вот и не тринадцать, – возразила Энн. – Хоть ты не распространяй эту ересь, ладно?

«Никакая это не ересь, – возразил Форт. – Это легенда, а легенды не могут быть ересью».

– Все эти ваши легенды – полнейшая чепуха! – воскликнула Энн. – Разве можно верить в подобную чушь, когда даже сами рассказчики не способны прийти к единому мнению, какого цвета эти так называемые легендарные костяные споры? Черные? Белые? Или черно-белые? Локон, никого не слушай. Всего существует двенадцать видов спор.

Локон покорно кивнула. Она и еще несколько членов команды стояли на верхней палубе, сгрудившись вокруг носового орудия. Девушка ничуть не удивилась, когда обнаружила на баке Энн. Долговязая судовая плотница частенько околачивалась возле пушки, поминутно стреляя в нее глазами, точно влюбленный без ума подросток. А вот кого Локон не ожидала увидеть, так это Форта. Этим утром баталер поднялся на палубу и уселся штопать носки. Девушка искренне полагала, что Форт никогда не покидает своего камбуза, но оказалось, что она ошибалась.

Что же касается самой Локон, то она с величайшей осторожностью пересчитывала зарядные картузы, перекладывая их в алюминиевый ящик, защищающий споры от воздействия корабельного

серебра. Лаггарт наказал следить, чтобы в бочке канонира всегда было не меньше сорока таких мешочков. Это Локон было только на руку. Она рассудила, что ревизия – отличная возможность добраться до потайного дна.

– Двенадцать морей… – задумчиво произнесла Локон. – Сколько из них тебе довелось повидать, Энн?

– Три – вот сколько, – с гордостью сказала Энн. – Изумрудное, Сапфировое и Розовое.

«Впечатляет!» – написал Форт.

– Настоящая морская волчица, да?

«А я видел десять».

– Что?.. – подалась вперед Энн. – Врешь!

«Зачем мне врать?»

– Ты же пират до мозга костей, – сказала Энн. – Все знают, что таким, как ты, доверять нельзя.

На это Форт лишь выразительно закатил глаза и продолжил штопать носки. Отвлекшись на разговор, Локон теперь тупо смотрела на алюминиевый ящик и никак не могла припомнить, сколько мешочков она уже переложила – двадцать два или двадцать три? Тихо застонав, она вернула их в бочку и начала заново.

– Ну и что же это за моря? – дотронувшись до Форта, чтобы тот поднял взгляд, спросила Энн. – В каких из двенадцати тебе не довелось побывать?

«Догадаться не так уж и трудно», – написал Форт.

– Полуночное и Багряное?

Форт кивнул.

– Полуночное море… – повторила Локон, продолжая считать. – Это то самое, где обитает Колдунья?

– Ага, – отозвалась Энн. – А Багряное море – вотчина дракона. Однако это не главная причина, почему корабли не ходят этими морями. Споры – вот что останавливает мореходов. Локон, если всерьез метишь в споровщики, ты просто обязана все это знать. Споры большинства морей смертоносны, но споры Багряного и Полуночного – просто катастрофа. Держись от них подальше, хорошо?

– Хорошо. Чтобы попасть в Полуночное море, необходимо пересечь Багряное, так? Вряд ли мне придется это делать, – сказала

Локон и наморщила лоб. – Хотя… что мешает обойти Багряное море стороной, чтобы попасть в Полуночное?

– Что мешает? Горные хребты мешают! Их при всем желании не преодолеешь, – пояснила Энн. – Конечно, можно совершить кругосветку и войти в Полуночное море с противоположной стороны…

«Это одна из причин, по которым Колдунья обосновалась именно там, – написал Форт. – Она держит торговые пути через Полуночное море, позволяя ходить по ним только своим кораблям. В сущности, ее регион разделяет планету на два полушария».

– И вот уже который год, как вся торговля замерла, – заметила Энн. – Однажды король отказался платить пошлину и объявил Колдунье войну.

«Что было весьма опрометчивым поступком, – написал Форт и покачал головой. – Потому что он даже не может навязать Колдунье морское сражение. Ведь для этого нужно сперва переправить флот через Багряное море, что, как вы понимаете, чрезвычайно опасное предприятие».

Локон кивнула, сознавая, что ей, в ее-то возрасте, пора бы уже знать такие вещи. Однако на деле выходило так, что в очередной раз приходится нагонять упущенное. Вот уже во второй раз она порадовалась, что не бросила этих людей. И хотя лишь один член команды имел дело с Колдуньей лично, Локон почерпнула много полезных сведений и от остальных.

– Итого двадцать пять, – объявила Локон, заканчивая перекладывать мешочки со спорами. – Значит, нужно еще пятнадцать.

– Только, пожалуйста, лицо себе не взорви на этот раз, – сказала Энн.

– Я его не взрывала.

– Чисто физически какие-то кусочки от него наверняка оторвались. Зря Улаам дал тебе целебную мазь. С парой-тройкой шрамов ты бы выглядела зверски круто.

На это Локон лишь пожала плечами. Когда Энн вновь переключилась на Форта, девушка тихо подняла ложное дно бочки и пересчитала припрятанные Лаггартом ядра – каждое размером с кулак.

Чуть ранее, попросив Хака покараулить, Локон проникла в трюм и вынесла несколько обыкновенных ядер. Артиллерийский запас не

охранялся: кому взбредет в голову красть снаряды?

И вот, обливаясь потом, она принялась выполнять свой хитроумный план. Девушке все казалось, что ее вот-вот поймают с поличным. Однако беспокоилась она зря. Окружающим нет до вас дела, ведь зачастую им самим кажется, будто за ними кто-то следит. Раз за разом опуская руку в сумку, она подменила все снаряды Лаггарта на те, что умыкнула из трюма. Затем, вернув на место фальшивое дно, вновь переместила в бочку двадцать пять мешочков с зефирными спорами.

Закончив эту работу, Локон тщательно вытерла руки. На этот раз ни лица, ни защитных очков она не касалась. Вряд ли найдется человек, который, однажды чуть не лишившись физиономии (а кто от такого застрахован?), захочет прилюдно выставить себя полным дураком).

«А что делать с ядрами Лаггарта? – задумалась Локон, затягивая веревочки сумки. – Спрятать в моей каюте? Или украдкой сбросить за борт?»

– Эй, Локон! – окликнула Энн. – Наполнишь для меня несколько мешочков? Я хотела бы попрактиковаться в стрельбе.

– Если капитан не будет против, то почему бы и нет?

– Ну да, конечно… – Судя по тону, спрашивать у капитана разрешения Энн не собиралась – по крайней мере, сегодня.

Помощница канонира спрыгнула с планшира, пробежала пальцами по стволу пушки и неспешно пошла прочь.

Форт, сосредоточенно штопавший носки, пропустил этот разговор мимо ушей. И хотя таким, как Форт, по жизни приходится туго, я всегда завидовал их способности опустить взгляд и в ту же секунду выключиться из происходящего. Как же здорово не слышать весь тот вздор, что болтают люди!

Локон, сев на палубу, обратилась к Форту:

– Что за история с Энн и пушками? Ведь она была помощницей канонира, разве нет?

«Полагаю, она и сейчас ею является, – написал Форт. – Официально с должности ее не снимали. Но стрелять в ближайшее время она не будет».

У Локон перехватило дыхание.

– Что же Энн такого сделала? – прошептала она, наклоняясь к Форту.

«Ты что, шепчешь?» – написал Форт.

– Э-э-э… да.

«Какая прелесть!»

– Так ты расскажешь об Энн или нет?

«А что предложишь взамен?»

– Форт, неужели мы каждый раз будем торговаться? – спросила Локон. – Разве не можем просто поболтать? Как друзья?

«Но ведь торговаться так увлекательно! – написал Форт. – За этим занятием я смогу лучше тебя узнать. Понять, что для тебя крайне ценно, а чем ты готова поступиться. Давай попробуем. Как будто тебя не воодушевляет перспектива заключить удачную сделку?»

– Я даже не знаю…

«Что ты готова мне рассказать, чтобы получить сведения об Энн? Устроим обмен информацией. Это будет честно хотя бы потому, что ты отвлекаешь меня от починки носков. Я не могу штопать и одновременно писать. Поэтому баш на баш».

– Но у меня нет никаких интересных сведений…

«Да неужели? А как насчет ответа на вопрос, что ты здесь делаешь? Какая муха укусила эту симпатичную девчушку, что она стянула у инспектора камзол, сбежала из родного городка и теперь притворяется пиратом?»

Локон вновь наклонилась к Форту и зашептала, позабыв, что ее собеседнику без разницы, громко она говорит или тихо.

– Неужто я нисколечко не похожа на пирата?

«Девочка, да я готов собственной стряпни отведать, если кто-нибудь мне докажет, что ты за всю жизнь провела в море больше недели, в конце которой мы тебя подобрали. Итак, зачем ты сбежала из родного дома?»

– Я ищу кое-кого, – ответила Локон. – Того, кто дорог мне.

«Ах вот оно что! Значит, как и Салэй, ты отправилась бороздить моря в поисках порта, надеясь в конце концов воссоединиться с носком… – Форт удалил последнее слово. – Извини, дощечка предугадывает не всегда точно. Итак, ты надеешься воссоединиться с человеком, которого однажды потеряла?»

Локон глянула на Салэй. Рулевая, крепко сжимая штурвал, стояла непоколебимо, точно грот-мачта. Как и всегда, взор ее темных глаз был прикован к горизонту. В них читалась та напряженная сосредоточенность, с какой люди пытаются решить особенно трудную задачу. Например, отыскать единственную конфету в сумке, полной пустых оберток.

Салэй без устали искала своего отца. Непоколебимая решимость рулевой впечатляла. На таком фоне попытки Локон отыскать Чарли выглядели жалко.

– Обстоятельства несколько разные. Салэй понятия не имеет, где повстречает своего отца. А где Чарли, я знаю наверняка, – потупив взгляд, произнесла Локон.

Пару мгновений спустя Форт дотронулся до девушки и указал на дощечку.

«В самом деле? То есть, чтобы вызволить его, тебе нужно скопить денег?»

– Боюсь, что все гораздо сложнее, – сказала Локон. – Чарли у Колдуньи. Она напала на корабль и захватила его в плен.

«Ох… – написал Форт и поник. – Мне жаль».

– Мне тоже. Я едва ли отдаю себе отчет в том, что делаю. Нужно как-то вызволить Чарли… – Локон поморщилась. – Мне говорили, что я даже до Полуночного моря не доберусь. Я намерена доказать обратное. Правда, каким именно образом, пока не знаю.

«Если Колдунья напала на корабль, то твой Чарли мертв. Извини, но это так. Тебе надо забыть его и жить дальше».

– Нет, он не погиб, – твердо возразила Локон. – Колдунья потребовала у короля выкуп. Вот я и думаю: может, удастся собрать достаточно денег и попросить короля, чтобы он заплатил?

«Локон, – написал Форт, – Колдунья никогда не требует денег. Обычно цена ее выкупа – душа человека королевской крови. Деньги для нее ничто».

Локон покраснела, осознав, что в ее поступках полностью отсутствует здравый смысл. Уж не сумасшедшая ли она?

«Я ведь с самого начала понимала, что не смогу купить Чарли свободу! – мысленно воскликнула девушка. – Нет бы остановиться на секундочку и подумать!»

Все это время Локон билась как рыба об лед. Она стремилась решить свою проблему, совершенно не пытаясь вникнуть в ее суть.

«Давай рассуждать здраво. Если за Чарли требуют выкуп, значит он благородных кровей, так?» – написал Форт.

– Так, – прошептала Локон.

«Поверь, этой братии совершенно наплевать на таких, как мы с тобой. Жаль расстраивать тебя, но такова правда жизни. Ее надо принять и двигаться дальше».

– Может, ты и прав, – сказала Локон.

«Итак, свою часть сделки ты выполнила. Теперь настал мой черед. Как и обещал, я поведаю тебе об Энн».

– Но, Форт, я ведь не сообщила ничего важного, – растерялась Локон. – Ты не обязан засчитывать мне сказанное.

«Ах, не переживай, – написал Форт. – Информация об Энн едва ли чего-то стоит. Ее знают все, кроме тебя. Рано или поздно кто-нибудь другой рассказал бы».

– Но ты вел себя так, будто это тайна за семью печатями!

«Вовсе нет. Я всего лишь спросил, что ты хочешь дать мне в обмен на историю Энн. – Форт ухмыльнулся, дружески ткнул Локон кулаком в плечо и продолжил писать. – Не возмущайся понапрасну, да и вообще остерегайся выставлять чувства напоказ. Зачем давать людям возможность читать себя, к тому же бесплатно? Что касается Энн… она стала помощницей канонира, когда предыдущий скончался. Между прочим, сама напросилась на эту должность. Никому и в голову не пришло попросить ее сперва выстрелить из треклятой пушки…»

– И что случилось? – спросила Локон.

«Да пьяница верхом на трехногой ламе стреляет лучше, чем эта женщина! – написал Форт. – Однажды она пальнула из мушкета по мишени, но попала в меня. А ведь я стоял рядом с ней! А когда Энн доверили навести пушку, в опасности оказалось все, кроме ее цели. Вот такая она меткая!»

– Луны, – пробормотала Локон. – Может, ей просто нужно потренироваться?

«Что ж, тренируйтесь… Только предупреди меня, пожалуйста, заранее! Я облачусь в броню и запрусь у себя на камбузе. – Форт посмотрел на Локон. – Не всем нашим желаниям суждено сбыться, и надо просто принять эту истину».

– Кажется, ты сейчас говоришь про меня и мое желание любой ценой спасти Чарли.

«Вполне возможно… Слушай, Локон… даже если Чарли еще жив, Колдунья прокляла его, как и нашего беднягу старину Хойда. Проклятий у нее целый арсенал, однако суть их одна: сломить волю пленника».

– Откуда тебе известны все эти подробности? – спросила Локон.

«Я узнал эти подробности от нашего капитана, когда она попросила меня выкупить для нее Хойда, – объяснил Форт. – Очень уж ей хотелось заполучить его на корабль».

– Ворона просила тебя торговаться за Хойда? – удивилась Локон. – Но зачем он ей понадобился?

«Не знаю. Она заинтересовалась, когда услышала о его путешествии к Колдунье и о проклятии. Товарищи по кораблю с радостью избавились от Хойда. Я предупреждал, что сделка никудышная, однако Ворона была настроена решительно». Форт сокрушенно покачал головой.

Какой ущерб он нанес своей репутации! Когда прознают, сколько он заплатил, чтобы нанять безумца в юнги, его поднимут на смех.

А между тем интерес Локон к происходящему на корабле все возрастал. Капитан заставила своих подчиненных пиратствовать, а затем сделала из них беглецов-висельников – только для того, чтобы они отправились с ней в грозные моря. И теперь выяснилось, что Ворона взяла на борт еще и жертву Колдуньи, живущей в тех самых морях.

Неужели Ворона намерена посетить Колдунью?

Локон взглянула на капитана, а затем совершила по-настоящему геройский поступок. В том смысле, что поступила не так, как свойственно поступать героиням историй, к которым мы все привыкли. Локон настолько поразила меня своим подвигом, что я едва ли могу выразить мое восхищение словами.

Что же она сделала, спросите вы?

А всего лишь подумала: «Прежде чем делать выводы, я должна во всем разобраться».

24. Про́клятый

Вы, возможно, недоумеваете, почему это я, ваш скромный рассказчик, поднимаю столько шума по такому незначительному поводу. Ну и что с того, что Локон остановилась, решив не делать поспешных выводов? Что странного в том, что она предпочла сначала во всем разобраться? Да ровным счетом ничего, верно?

Нет, не верно. Абсолютно не верно!

Исследователи миров вроде меня десятилетиями собирают народные сказки, легенды, мифы и даже застольные песни завсегдатаев трактиров. Мы ищем уникальные истории. Охотимся за героизмом, храбростью и ловкостью. И в подобных добродетелях недостатка нет – легенды полнятся ими.

Но герой, готовый отказаться от своих намерений, пересмотреть взгляды на жизнь, вообще все переосмыслить? Это, друзья мои, настоящая находка! Сверкающий бриллиант!

Возможно, вам больше понравилась бы история о встрече героя с драконом. Что ж, история, которую я рассказываю, отнюдь не из таких. И то обстоятельство, что Локон в итоге с ним встретится, делает мою историю еще краше. Но не будем забегать вперед. Я прекрасно понимаю, что вам приятнее было бы послушать о таких, как Линджи, который попытался совершить кругосветку без помощи магического авиара. Но лично я легко променял бы с десяток подобных героев на того, кто на одну несчастную минуту остановился и задумался, что же он творит. Знаете, сколько войн было бы предотвращено, если бы хоть один властитель мог остановиться и сказать себе: «Погоди-ка! Может, надо проверить? А вдруг двойное подмигивание – не смертельное оскорбление, а способ выказать уважение?»

Скольких любовных трагедий не случилось бы, если бы герой спросил себя: «А не выяснить ли мне для начала, нравлюсь ли я ей?»!

Сколько путешествий удалось бы сократить, если бы героиня остановилась и как следует осмотрелась: «Что, если искомое лежит у меня под носом?»!

Храбрецов, ловкачей и всяческих героев я набрал предостаточно. Мне бы теперь найти просто кого-нибудь здравомыслящего.

И Локон меня приятно удивила, оказавшись вдруг той самой героиней, которую я так долго ждал. В своем здравомыслии она была поистине великолепна!

«Мне нужно больше информации, – подумала девушка. – Прежде чем пороть горячку, я должна убедиться в намерениях Вороны. Надо как-нибудь исхитриться и проследить за ней. Может, снова уговорю Хака помочь?»

Локон решительно кивнула своим мыслям – и в тот миг избавила себя от кучи неприятностей. Ведь план Вороны действительно не имел никакого отношения к Колдунье. Однако он имел самое непосредственное отношение к тому, из-за чего команда так боялась своего капитана.

Девушка взвалила на плечо мешок, полный пушечных ядер, и понесла его, стараясь не привлекать к себе внимания, на ют, к кормовой пушке. Там провернула тот же трюк с подменой ядер, что и в прошлый раз. Пересчитав для отвода глаз мешочки со спорами, она изъяла снаряды Лаггарта и спрятала их в потайном отделе своей сумки.

Спрятав сумку в каюте, Локон пошла искать меня. Вообще-то, в обычных обстоятельствах и это решение стало бы отличным доказательством ее здравомыслия. Ведь ни один здравомыслящий не откажется от порции мудрых советов. Кроме меня, разумеется. Я их предпочитаю раздавать.

К сожалению, я тогда пребывал не в самой лучшей форме. Локон застала меня за карточной игрой против Дугов. На шею я повесил башмак на манер галстука-бабочки, будучи уверенным, что в следующем сезоне подобные украшения станут писком моды. Штаны я, конечно, забыл надеть, а о такой штуке, как мыло, не ведали ни мои панталоны, ни я сам.

Я пытался играть в игру «Короли», которую сам же и выдумал. По ее правилам нужно держать карты рубашкой к себе, так чтобы видеть, что у кого на руках, но не знать, чем разжился сам. Сейчас-то я понимаю, что игра могла бы получиться весьма увлекательной, не будь я таким идиотом, но тогда… тогда вся увлекательность «Королей» свелась к моему унижению. Сначала я продул жалованье, а затем и башмак.

Так до сих пор и не вспомнил, куда подевал второй!

Обчистив меня как липку, Дуги удалились на поиски новой жертвы. Я же сидел и размышлял, не повязать ли на шею носок, как вдруг рядом уселась Локон.

– Хочешь сыграть партейку в «Королей»? – спросил я с ухмылкой. – Ставлю на кон вот эти кальсоны.

– Э-э-э… нет, спасибо, – отказалась Локон. – Хойд, я знаю, ты был у Колдуньи. Что-нибудь об этом помнишь?

– Ага! – подтвердил я.

– Отлично! Расскажешь?

– Н-н-не могу! – ответил я, заикаясь и стуча пальцем по голове. – Язык не слушается. Я думаю одно, а она заставляет говорить совершенно другое!

– Не понимаю, – вздохнула Локон.

– Я тоже, – признался я. – В том-то и проблема. Не могу вообще ничего сказать, чтобы было понятно! Это п-п-п… – Я развел руками, отчаявшись вымолвить нужное слово.

– Твое проклятие запрещает рассказывать о себе? – предположила Локон.

Я подмигнул. На самом деле мне что-то попало в глаз. Но на этот раз Локон угадала. Колдунья накладывала очень хитроумные чары. Когда про́клятый ею пытался рассказать о своей беде, он начинал заикаться или умолкал, не успев толком рот открыть. Он не мог даже рассказать о том, что проклят, если только это не было общеизвестным фактом.

– Значит, если я хочу, чтобы ты привел меня к Колдунье, мне придется разрушить проклятие, хоть я и не знаю, что оно собой представляет, – задумчиво произнесла Локон. – И заниматься этим придется в одиночку, потому что от тебя, похоже, пользы никакой.

Я взял Локон за руки и заглянул в глаза. Глубоко вздохнул и задрожал.

– Однажды я в один присест слопал целый арбуз, – сообщил я. – А как меня потом пронесло!

Девушка вздохнула и высвободила руки.

– Ничего… По крайней мере, найти способ снять с тебя чары – не такая невозможная задача, как в одиночку разыскивать Колдунью. Тут хоть есть над чем работать.

Какая-то частица моего разума все еще была способна осознавать происходящее. Колдунья жестока. Конечно, сделать из парня некумеку – это уже изуверство. Но еще подлее оставить ему каплю ума, достаточную, чтобы парень приходил в ужас от самого себя.

Эта мыслящая частица изо всех сил старалась помочь Локон. Улаам, разумеется, бесполезен. Главная проблема бессмертных в том, что они привыкли сидеть и ждать, когда проблема разрешится сама собой.

И вот, на мое счастье, нашелся человек, готовый мне помочь. Что я могу сказать? Что могу сделать? Да, я сохраняю остатки здравомыслия, но они слишком крошечные, чтобы контролировать ситуацию. Каждый раз, когда я пытаюсь пролить свет на мое щекотливое положение, бдительное проклятие немедленно наносит удар, навязывая очередную кощунственную идею – например, надеть носки под сандалии.

Проблеснувшее было сознание начало угасать… Но я успел увидеть шанс! Моя собственная глупость! Ведь проклятие, как и многие подобные чары, работает, только когда я намеренно пытаюсь размышлять. Я вдруг понял, что можно это использовать.

Озарение вспыхнуло, как тлевший в ночи костер, чьи угли вдруг разворошили. Я подался к Локон и постарался очистить разум. Это получилось, и я произнес следующее:

– Послушай и поверь. Это очень важно. Ты должна привести меня на свою планету, Локон. Повтори.

– Я должна привести тебя… на свою планету?

– Да! Да! Если ты сделаешь это, я смогу помочь!

– Но ты и так на моей планете!

– На какой еще планете? – спросил я, умышленно забыв, о чем говорил до этого. – Плевать на планеты, Локон. Ищи созвездие из шести звезд!

Локон совсем растерялась. Шесть звезд?

Увы, на этом мои силы иссякли. Я откинулся на спинку стула, ухмыльнулся и приступил к сравнительному анализу вкуса разных пальцев ног.

Вздохнув, Локон отправилась в свою каюту. Дверь была нараспашку. Ничего удивительного в этом Локон не нашла, ведь она сама оставила ее открытой для Хака. И тут она услышала…

Мяуканье!

Локон вбежала в каюту и увидела Нокса, корабельного кота. Прижавшись к полу, он медленно полз в сторону койки и грозно размахивал хвостом. Девушка схватила зверюгу за шкирку и вышвырнула за дверь. Заперев каюту, она отчетливо услышала прерывистое дыхание крысы.

– Хак? – позвала Локон, опускаясь на колени и заглядывая под койку.

Он забился в угол, даже попытался вжаться в щель между ножкой кровати и стеной. Увидев Локон, Хак неуверенно выполз, и она взяла его на руки. Его била сильная дрожь.

– Кота здесь больше нет, – сказала Локон. – Прости меня, Хак.

Редко случалось такое, чтобы он не мог сказать ни слова. Вместо ответа Хак просто съежился в ее ладонях. В тот момент он как никогда был похож на обыкновенную крысу.

Наконец Хак заговорил, но голос ломался:

– Давай впредь ты будешь закрывать, ладно? В полу есть трещина, я всегда смогу пробраться в каюту с нижней палубы, вскарабкавшись по шпору мачты.

– Конечно, – согласилась Локон. – Хак, ты точно в порядке?

Хак покосился на дверь.

– Точно, – прошептал он. – Надо только прийти в себя. Я все еще не могу поверить, что они завели кота.

– Ты же умный, Хак, – подбодрила его Локон. – Кот для тебя не проблема.

– Ну да. Разумеется. Плевое дело. Но все же, Локон… Этот кот все время начеку. Как сторожевой пес. Денно и нощно. А еще говорят, что кошки спят двадцать шесть часов в сутки! Как мне думать, строить планы, зная, что на меня непрестанно идет охота?

Не сразу, но Хак все же пришел в себя. Он кивнул, и Локон выпустила его из рук. Затем она улеглась на койку и принялась созерцать потолок – изнанку верхней палубы, – вслушиваясь, как топают матросы и поскрипывают переборки, когда волна подбрасывает корабль. Глухо, монотонно шелестели растревоженные споры, будто что-то нашептывая. Локон заметила на потолке грубоватый узор из мелких черточек, вырезанных, по всей вероятности, ножом.

– Надеюсь, что у тебя был не такой паршивый день, – сказал Хак, устраиваясь в изножье.

По краю койки тянулся бортик, чтобы при крутом маневре судна не скатиться на пол.

– Так, средней паршивости, – ответила Локон. – По крайней мере, никаких угроз для жизни.

Девушка спохватилась, что думает только о себе, тогда как ее маленький друг нуждается в заботе. Она попыталась загладить вину дружеской беседой.

– Послушай, этот кот – действительно серьезная проблема. Может, если получше его кормить, он потеряет к тебе интерес?

– Кошки не перестают охотиться, Локон, даже когда сыты. В этом плане они точь-в-точь как люди.

– Прости, не знала, – сказала девушка. – У нас на Скале совсем нет кошек.

– Прекрасное, должно быть, место.

– Там тихо и спокойно, – подтвердила Локон. – Смог над городом ужасен, но люди так хорошо друг к другу относятся, по-честному. Это хорошее место.

– Хотел бы я там побывать. Знаю, ты жаждешь приключений, но я ими уже сыт по горло.

– Ты можешь сойти с корабля, Хак, – сказала Локон. – Тебе не обязательно оставаться со мной.

– Я тебе уже надоел?

– Что?! – воскликнула она и даже села. – Я совсем не это имела в виду!

– Ты слишком вежлива, девочка, – дернул носиком Хак. – Похоже, о крысах знаешь еще меньше, чем о кошках. Представь, каково это – быть размером с бутерброд. Причем каждый встречный считает тебя таким же вкусным. Уж поверь, ты бы поступила так же, как и я.

– Это как?

– Нашла бы покровителя и постаралась держаться к нему поближе, – ответил Хак. – И потом, у меня в отношении тебя хорошее предчувствие, помнишь?

– Но ведь у тебя где-то есть семья.

– Есть-то она есть, да только родственники обо мне не очень-то заботились.

– Они… такие же, как ты?

– Ты имеешь в виду, могут ли говорить? – уточнил Хак.

– Да.

Хак помолчал, склонив голову набок, как будто подбирал нужные слова.

– Край, откуда я родом, очень похож на твой. Там прожило много поколений моих предков. Но однажды моя семья решила, что настало время уйти. Посмотреть мир. Для моего же блага родичи взяли меня с собой, однако кончилось все плохо. Если бы они узнали, что я общаюсь с тобой, им бы это не понравилось, – продолжил Хак. – Видишь ли, такие, как я, не должны общаться с такими, как ты. Но я уже сказал: у меня на твой счет предчувствие. Поэтому я остаюсь с тобой. Конечно, я бы не возражал, если бы ты решила – по собственной, разумеется, воле – путешествовать в каком-нибудь менее опасном направлении…

Локон попыталась вообразить этот край говорящих крыс. Должно быть, там страсть как интересно. Планета двенадцати морей – диковинное место, чудес на ней не перечесть.

Хак продолжал описывать свою крысиную жизнь, и его голос убаюкивал. Локон слушала, вглядываясь в рисунки на потолке. Кто-то – наверное, ее предшественник-споровщик – не пожалел на них много времени. Вообще-то, эти кружки и черточки похожи на… звезды?

Локон села, жестом велев Хаку прерваться.

Он подбежал к ней поближе по бортику:

– Что такое?

Вот одна звезда, а рядом еще пара. Чуть дальше еще три… и много других тут и там, будто кто-то стоял на кровати и царапал потолок острием ножа.

«Ни одного созвездия из шести звезд…» – с сожалением подумала Локон.

– Что такое? – повторил Хак. – На что ты смотришь?

– Ни на что, – ответила Локон, падая обратно в койку. – Мне на миг почудилось, будто Хойд сказал нечто важное.

– Ты слушала болтовню Хойда? Локон, мне казалось, что по человеческим меркам ты умная. Хойд, он же… Ну ты понимаешь.

– Хойд что-то сказал о шести звездах. Но тут таких созвездий нет.

– Ну еще бы! – хмыкнул Хак. – Говорю же, он чокнутый. Даже не пытайся понять, что этот несчастный лепечет.

– Похоже, ты прав.

– И потом, – продолжил Хак, – эти штрихи на потолке вообще не похожи на звезды. А вот те, что под койкой, – вполне.

Локон замерла, а затем спрыгнула на пол и нырнула под койку. Снизу та тоже была покрыта резьбой, и это совершенно точно были звезды. Нашлась и группа из шести звезд. Гадая, не спятила ли она сама, Локон надавила на узор.

Щелкнуло, и открылся тайник. В царге кровати Локон обнаружила алюминиевый контейнер размером со спичечный коробок. Хак поспешил вскарабкаться ей на плечо.

Открыв его, Локон увидела полуночно-черные споры.

25. Добыча

Вы спросите, как я узнал?

Думаю, вы уже слышали обо мне достаточно, чтобы сами могли догадаться. Ну а если не догадались, тогда сообщаю: я мастер бывать там, где мне не положено. Можете считать, что у меня шестое чувство – нюх на все секретное и таинственное. И пускай теперь мне, про́клятому, кажется, что жилетка без рубашки – последний писк моды, способности к шпионажу я пока не растерял.

От увиденного у Локон перехватило дыхание, а Хак тихо зашипел.

Полуночные споры. Но как Уив заполучил их? Девушке вспомнились слова Вороны, что все споровщики в той или иной степени безумцы.

«Похоже, Уив даже для споровщика был в некоторой степени безумен», – подумала Локон.

(Здесь Локон, конечно же, постеснялась в выражениях. Уив был безумен не в некоторой, а в крайней степени! Да этот малый был опаснее нитроглицеринового смузи!)

– Срочно убери их обратно! – пискнул Хак. – А лучше высыпь на серебряную пластину. Локон, прошу, уничтожь полуночные споры. Иначе…

– Иначе что? – спросила Локон. – Что конкретно может со мной произойти?

– Понятия не имею, – признался Хак. – Но мне кажется, ты слишком уж легкомысленно к ним относишься.

«Может, и в самом деле стоит быть осторожнее, – задумалась Локон. – А может, и нет. Как известно, лучше нырять в ледяную воду сразу с головой, чем заходить в нее медленно, стараясь привыкнуть к холоду».

Девушка осторожно вернула коробочку со спорами в тайник.

«Надо обязательно спросить Улаама, знает ли он что-нибудь об этих спорах», – подумала Локон и вздрогнула.

На верхней палубе трижды отрывисто прозвенела рында. Сигнал означал, что на горизонте замечен корабль и капитан приказала его преследовать.

Локон покинула каюту, но дальше коридора не продвинулась – его заполонили спешившие наверх Дуги. Ожидание оказалось мучительным: девушка боялась что-нибудь пропустить, однако и толкаться ей совсем не хотелось.

Однако, как выяснилось, переживала она зря.

Выбравшись наконец на палубу, Локон обнаружила, что все Дуги сгрудились вдоль фальшборта. Опираясь на планшир, они обеспокоенно высматривали вдали корабль. Как и прежде, «Воронья песнь» шла в атаку под королевским торговым флагом, не желая до последней минуты показывать свою пиратскую личину. Это походило на трагедию в трех актах, последний из которых сопровождался грандиозным грабежом.

Но на этот раз развязка оказалась долгой. Погоня затянулась аж на пять часов. «Воронья песнь» была значительно быстроходнее других кораблей. И особенно ходко она шла, когда сбрасывался балласт, служивший для имитации осадки, свойственной тяжелым торговым судам. Вы спросите, почему же тогда так долго? А дело в том, что скорость в споровых морях – величина относительная. Сейчас споры бурлят, а миг спустя уже нет.

До сего момента Локон и не подозревала, насколько необычен тот факт, что Ворона и ее команда застигли «Мечту Ута» врасплох. Теперь же погоня за «купцом» стала для «Вороньей песни» настоящим вызовом. Все без исключения трудились не покладая рук, а особенно тяжело приходилось рулевой, от которой в первую очередь зависело, будет ли загнана добыча.

Час от часу Локон волновалась все сильнее. Приближался момент истины. Скоро станет ясно, сработал план с подменой пушечных ядер или нет. И все больше ее одолевали сомнения.

«Я точно облажалась, – накручивала себя Локон. – Наверняка кто-нибудь обнаружил подмену. Куда мне тягаться в хитроумии с такими отъявленными убийцами, как Ворона и Лаггарт!»

Когда капитан гаркнула команду, сердце едва не выпрыгнуло у Локон из груди.

– К оружию! Пушку к бою!

Дуги бросились за мушкетами, хотя преследуемый корабль шел пока еще на значительном удалении. За всю свою жизнь Локон не сделала ни единого выстрела и нарушать эту традицию не

намеревалась, чтобы не сожалеть об оторванных пальцах. Вместо того чтобы последовать за Дугами и вооружиться, Локон переместилась ближе к носу корабля. Она подошла как раз вовремя, чтобы услышать, как Энн умоляет Лаггарта позволить ей первый выстрел. Канонир наотрез отказал и отправил ее к остальным матросам. Однако на этом унижение Энн не кончилось. Один из Дугов отобрал у нее пистоль и сунул взамен абордажную саблю. Мгновение спустя Энн из поясной кобуры за спиной извлекла другой пистоль.

– Канонир! Предупредительный! – выкрикнула Ворона.

Локон затаила дыхание. Лаггарт схватился за гандшпуг, повернул орудие по горизонтали, глянул в подзорную трубу, а затем, взявшись за второй рычаг, приподнял ствол на несколько градусов. Еще несколько минут ему понадобилось на доводку. Наконец Лаггарт достал из ведерка с водой палку с намотанной паклей и сунул ее в затравочное отверстие. Зефирные споры с хриплым треском взорвались, и ядро устремилось к убегающему кораблю. Разумеется, это был отнюдь не предупредительный залп, а еще один «нечаянный» прицельный – не для того, чтобы напугать, а чтобы потопить. Краем уха Локон услышала недовольное ворчание Энн, пристально следившей за траекторией полета снаряда.

Чем больше Локон думала о бедных моряках, которых они атаковали, тем больше тревожилась. Ей стоило немалых усилий взять себя в руки.

Пушечное ядро, разорвавшись в нескольких метрах от корабля, обдало его борт брызгами воды. Трюм остался невредим. Споры себя ждать не заставили. Гигантские щупальца вырвались из морской толщи, вцепились во влажную поверхность судна и сковали его мертвой хваткой. Несмотря на дальнее расстояние, Локон готова была поклясться, что слышит, как стонут корабельные доски.

Но все же корпус остался невредим. Меткий выстрел не уничтожил судно, а лишь обездвижил.

Обрадовавшись легкой добыче, Дуги возликовали. Лаггарт, тихо выругавшись, побагровел. Лицо канонира имело точно такой же оттенок, как у раскаленного железа, когда его извлекают из кузнечного горна для дальнейшей ковки.

Капитан, чеканя шаг, подошла к пушке и смерила канонира убийственным взглядом. Казалось, в ту минуту она могла спустить

шкуру с кого угодно – даже с котенка! Однако свой гнев Ворона удержала в узде.

– Канонир! Не очень-то похоже на предупредительный выстрел! Но захват… Захват, надо признать, вышел безупречным.

– Спасибо, капитан, – ответил Лаггарт. – Прошу меня извинить. Я не оправдал ожиданий, не выполнил ваш приказ как должно. – Канонир говорил отрывисто, будто каждое слово из него выбивали плетью.

«Мне кажется или Лаггарт в самом деле смотрит в мою сторону теперь угрюмее? – Тревога буквально душила Локон. – Неужели догадался? Если он заподозрил неладное, то все подозрения падут на меня!»

Капитан уже собиралась дать отмашку для второго выстрела, но оглянулась на ликующих Дугов и передумала. Несмотря на то что вместо сердца в груди у Вороны тлел уголек, она прекрасно понимала, как важна легкая добыча для поднятия боевого духа команды.

– Матрос Дуг! Поднять пиратский флаг!

В ответ с палубы атакованного корабля взвилась яркая сигнальная ракета, означавшая, что экипаж сдается. Дуги снова заулюлюкали. Локон малость успокоилась: ее план как будто сработал.

Ко всеобщему сожалению, когда «Воронья песнь» подошла к увитому лозами «купцу», кипение спор прекратилось. Это значительно охладило энтузиазм экипажа. Локон огляделась, не понимая, почему у всех такие кислые физиономии: подобные остановки случались каждый день и не по одному разу.

– В чем дело? – спросила девушка, бочком приблизившись к Энн.

– Экипаж «купца» сдался, – ответила помощница канонира, и в ее голосе слышалось напряжение. – Но только потому, что судно опутали лозы. Однако сейчас ситуация изменилась: мы тоже обездвижены, море уравняло шансы. И теперь противник думает, а не изменить ли свое решение…

Энн резко умолкла. Корму торгового судна окутало голубое облачко взорвавшихся зефирных спор, прогремел выстрел. В следующий миг пушечное ядро лопнуло возле носа «Вороньей песни», споры впились в доски корпуса и кругом засвистело и загрохотало.

26. Снайпер

Дуги закричали и бросились врассыпную. Энн виртуозно выругалась, упомянув, кроме прочих непристойностей, чаячий помет.

– Проклятье, отличный выстрел, – пробормотал Лаггарт. – У них очень хороший канонир! Первое же ядро в цель!

Ворона распихала в стороны Дугов, затем хладнокровно подняла пистоль. Ее оружие выглядело гораздо изящнее старинных пистолей матросов и имело первоклассный прицел.

И хотя «Воронья песнь» достаточно сократила дистанцию до неприятельского судна, Локон все равно изумилась, когда Ворона прищурила глаз и выстрелила. Брызнула кровь, и канонир с влажной паклей в руках упал замертво, не дождавшись, когда его помощники перезарядят пушку.

– Очень хороший был канонир, – сказал Лаггарт.

– Плотник! Споровщик! – прокричала капитан, поворачивая пистоль стволом кверху и роняя в дуло крохотный мешочек зефирных спор. – У нас пробоина. Когда споры снова закипят, наше судно отхлебнет полморя. Если не хотите узнать, каковы споры на вкус, советую заняться тем, ради чего вас здесь держат.

– Так точно, капитан! – отозвалась Энн и вскинула оружие. – Только дайте разок пальнуть…

С полдесятка Дугов бросились к ней, чтобы выхватить оружие. Капитан, не обращая внимания на свару, прицелилась снова и сразила наповал матроса, который нес к пушке снаряд.

Такой точной стрельбы Локон еще не доводилось видеть. По правде говоря, она вообще впервые видела стрельбу, да еще и по живым целям. Тем не менее я готов поручиться за Ворону. Капитан – одна из лучших стрелков, каких я только встречал на своем веку. Учитывая, что допотопный пистоль при выстреле ведет себя как змея под ударом тока, точное попадание из него – настоящий подвиг.

– За работу, Энн, – произнесла Ворона с ледяной угрозой в голосе. – Иначе моя следующая цель будет не на том корабле.

– О лунные тени… – пробормотала Энн, приближаясь к Локон. – А Дугам, похоже, и впрямь не дает покоя мой пистоль! Ладно, у нас

есть приказ, значит надо исполнять! Не будем медлить!

Энн устремилась вниз по трапу, а Локон – следом.

– Инструменты не забыла? – спросила Энн, когда они спустились на жилую палубу.

– Какие инструменты? – спросила Локон. – Энн, я стала споровщиком лишь сегодня утром! Понятия не имею, что мне делать!

– А-а… ну да, – опомнилась Энн, отирая пот со лба.

Над головой прогремел пушечный выстрел – «Воронья песнь» нанесла ответный удар.

– Надо найти розовые споры. В каюте Уива их должно быть навалом.

Локон кивнула и поспешила вместе с Энн к своей каморке. Распахнув дверь, корабельная плотница замешкалась на пороге. Локон протиснулась в каюту и сняла крышку с бочонка, полного розовых спор.

– Зачерпни и положи в металлический контейнер, – сказала Энн. – Для переноски спор, знаешь? Ага, это он… Слушай, я видела, как Уив работал какой-то штуковиной… Детка, сказать по правде, я не очень-то в этом разбираюсь.

Наполнив контейнер спорами, Локон заглянула в шкафчик и обнаружила, что дверца изнутри увешана инструментами. Однако среди всего этого металлического разнообразия ничего похожего на палку с пластиной, которой пользовался споровщик на «Мечте Ута», Локон, к своему величайшему сожалению, не нашла. Надо заметить, что Уив был настоящим консерватором. Он не признавал новомодные штучки, предпочитая проверенные временем методы и средства.

– Что из этого может нам подойти? – спросила Локон.

– Ага! – воскликнула Энн. – Вот эта плоская штуковина, вроде тарелки с ручкой. И шпатель захвати.

Второй инструмент действительно был похож на шпатель, но первый показался Локон не столько тарелкой, сколько плоским щитом.

Каждый инструмент был оснащен карабином для крепления к поясу, но на это уже не было времени. Локон взяла выбранные орудия труда, прихватила споры, пузырек с водой и поспешила наружу. Энн, испуганно вскинув руки, отшатнулась.

– Обычно, пока споровщик латает пробоину, я готовлю доски, – произнесла Энн. – Но сегодня все не так, как обычно, поэтому тебе

наверняка понадобится моя помощь.

– Спасибо! – воскликнула Локон, пропуская Энн вперед.

Через дыру под потолком проникали яркие лучи, разгоняя мрак в помещении, доселе не видевшем солнечного света. В отличие от межпалубных высот, расстояние до потолка в трюме было значительно больше, и дотянуться до пробоины в трех метрах от днища не представлялось возможным.

– Так, сейчас я поставлю трап, – сказала Энн, – а ты прорастишь споры в дыре. Тяп-ляп и готово! А красоту я позже наведу. Розеит плохо поддается воздействию серебра, поэтому пару суток вполне продержится. Лучшего средства для таких целей не найти. Главное… Ну ты понимаешь: главное – самой при этом ласты не склеить.

– А есть какие-то меры предосторожности при работе с розеитом? – спросила Локон, и ее голос предательски дрогнул.

– Хотела бы я знать. Инструменты мы вроде выбрали правильно, этими двумя ты вполне обойдешься. Что еще добавить? Когда Уив заделывал пробоины, я старалась держаться в сторонке. У этого парня не только крыша ехала, но и чердак протекал.

Энн приставила лестницу и отошла. Больше она ничем не могла помочь, но Локон и так была благодарна. Вскарабкавшись по трапу, девушка выглянула через дыру наружу.

Море в ту минуту казалось неподвижной плотной массой. Но стоит ему только закипеть, как корабль качнется и через пробоину хлынет изумрудный поток. И даже если бы трюм был весь обшит серебряными листами, корабль затонул бы под тяжестью спор.

Выстрелы стихли. Убедив себя, что это хороший знак, Локон начала раскладывать имущество на полке с мешками. Закончив, она открыла коробочку со спорами, похожими на гранулы розовой соли. Дрожащей рукой наклонила контейнер и легонько потрясла. На пострадавшие доски высыпалось несколько спор.

Но пока Локон доставала пузырек и свинчивала крышку, чтобы спрыснуть споры водой, те поблекли и посерели. Почему они погибли? Тут Локон вспомнила, что палуба над головой сплошь инкрустирована серебром. Вот дуреха! Спеша закрыть коробочку со спорами, Локон успела заметить, что и в ней несколько спор успели потемнеть.

Локон несколько раз глубоко вздохнула. Наконец, набравшись смелости, она приступила ко второй попытке. Смочила водой

древесину, а затем, отклонившись назад и прикрыв лицо рукой, припорошила доски спорами.

Неуклюжее исполнение сомнительной затеи обернулось великолепным результатом.

Споры превратились в толстые полупрозрачные кристаллы розеита. Они не были острыми, но так стремительно разрослись, что с легкостью вспороли древесину на потолке и едва не оставили Локон без лица.

Однако радовалась девушка недолго. В борту судна все так же зияла пробоина. Кристаллы выросли слишком большими и вовсе не там, где им следовало бы. Под своей тяжестью они отрывались от расщепленных досок и падали за борт и на дно трюма. Локон запоздало ахнула.

– Локон! – выкрикнула Энн. – Осторожней!

«Лунные тени! – мысленно воскликнула девушка. – Что я творю?! Судьба корабля в моих руках, а я ни бельмеса не смыслю в проращивании!»

Локон действительно разбиралась в проращивании спор не лучше, чем, скажем, в вексиллологии.

(Остерегайтесь однотонных флагов! От них добра не жди!)

«Ты же видела, как латал пробоину споровщик на „Мечте Ута“, – напомнила себе Локон. – Да, он работал другими инструментами, но это роли не играет. Самое главное, я знаю, как должен выглядеть результат».

Перебирая инструменты, Локон кое-что заметила. Розеит продолжал разрастаться. Крупные кристаллы отламывались и падали, однако фракции помельче продолжали жить своей жизнью на мокрых досках обшивки. Подпитываемые влагой, они медленно захватывали древесину, точно ожившая плесень.

«А что, если изумрудные споры работают так же? Интересно, если подпитывать лозы водой, они тоже будут безмерно удлиняться и утолщаться?»

На этот вопрос Локон ответа не имела. Зато знала, что если капать водой на гранулы розеита, то они будут помаленьку, но неуклонно разрастаться.

«Что-то слишком уж медленно, – сказала себе Локон. – Так пробоину ни в жизнь не залатаешь!»

И все же (используя набившее оскомину выражение, популярное у политиков) это было неплохое начало.

Локон взяла инструмент, похожий на щит, и прижала его к розеиту. Кристаллы мгновенно отреагировали и потянулись к металлу, который, судя по темно-серому цвету, был обыкновенным железом. Другой инструмент, шпатель, изготовленный из светлого металла и отшлифованный, напротив, кристаллы отталкивал. (Для тех, кто фанатично следит за мельчайшими деталями: это сталь.)

«Получается, что с помощью этих штуковин можно контролировать рост спор! – обрадовалась Локон. – Это меняет дело!»

Снаружи раздался низкий пульсирующий звук, чудовищным эхом раскатившись в трюме. Это рокотали просыпающиеся споры, чтобы снова вскипеть.

– Локон! – окликнула Энн.

Размышлять было некогда. Если споры хлынут внутрь, Локон погибнет первой. Схватив щиток в левую руку, она прижала его к пробоине, а пальцами другой, даже не удосужившись проверить, сухие они или нет, взяла щепотку спор и присыпала ими края пробоины.

Кристаллы вмиг начали стремительно разрастаться. Однако на этот раз, притягиваясь к железному щитку, они принимали ту форму, которую хотела придать им Локон. Ударной волной ее чуть не сбросило с трапа, но Энн подстраховала. Испугавшись за Локон, она вскрикнула и судорожно ухватилась за основание трапа.

Когда кристаллы проросли вокруг щитка, девушка взяла шпатель и загладила их края. Она сумела направить рост розеита к центру пробоины, словно это была наделенная разумом шпатлевка, подчиняющаяся человеку.

Поднялся ветер, паруса надулись, корма осела, а нос задрался. Едва Локон успела зарастить последние щели, как судно резко накренилось вперед. Розеитовая заплатка задрожала и пошла трещинами. На обшивке начали прорастать изумрудные споры, но так как влаги было недостаточно, то и лозы оказались слишком тонкими и слабыми; ни пробить борт, ни захватить судно они не могли.

На какое-то время корабль замер, словно затаив дыхание, а уже в следующий миг стало ясно, что розеитовый пластырь выдержал.

– Слава лунам, – выдохнула Энн. – У тебя получилось! Может, еще слой нанесем?

– Не будем испытывать судьбу, – ответила Локон, пытаясь высвободить щиток из цепкой хватки розеита. – Чтобы срезать лишние кристаллы, похоже, нужен серебряный нож. Но этим мы лучше займемся в безопасном месте. Например, в каком-нибудь порту.

– Да, пожалуй, – согласилась Энн, придерживая трап, пока Локон спускалась. – Какая удача, что у нас есть ты! Пока тебе не доверили эту работенку, заделка пробоин входила в мои первостепенные обязанности. Досками так быстро дыру не закроешь. А ведь морю не прикажешь ждать…

Сверху донесся сухой треск. На палубе снова стреляли.

– Похоже, это еще не конец, – пробормотала Энн. – Луны милосердные, молю вас, пусть пластырь держится! Идем скорее!

27. Спорофаг

Локон пришла в каюту, вернула на место инструменты и коробку со спорами, успокоила Хака, которого снова обнаружила под кроватью, и поспешила наверх. К этому времени «Воронья песнь» уже подобралась к своей жертве угрожающе близко.

На палубе торгового судна Локон насчитала трех подстреленных Вороной моряков. Остальные члены экипажа побросали оружие и подняли руки высоко над головой. Локон заметила, что корма «купца» и пушка еще сильнее заросли вездесущими лозами. Похоже, Лаггарт предпринял новую попытку утопить вражеский корабль, чем лишь усилил рост спор. Еще одно подмененное девушкой ядро разорвалось, не пробив обшивку корабля. Локон опасалась, что этим дело не кончится. У Вороны достаточно поводов, чтобы сорвать злость на незадачливом экипаже судна-приза и устроить резню. Дуги получат свою добычу, а она станет капитаном беглецов-висельников.

Поравнявшись со своей жертвой, «Воронья песнь» замедлилась. Один из Дугов спустил якорь, остальные принялись забрасывать абордажные крючья. Локон, нервничая, взглянула на Ворону. Та стояла с мушкетом на изготовку.

– Всем приготовиться к абордажу!

«Нет!.. – мысленно воскликнула Локон в панике. – После всего, что я сделала, чтобы спасти этих бедняг…»

– Капитан! – раздался позади властный голос.

Все как один обернулись к юту, где стояла Салэй. Положив руку на штурвал, рулевая взирала на своих товарищей сверху вниз. Когда якорь лег на дно, она закрепила штурвал и спустилась на палубу.

– По традиции скрестить шпаги с капитаном приза должен рулевой, – громко объявила Салэй. – То есть я… Или кто-то возражает?

Дуги, продолжая держать на мушке экипаж «купца», в ответ не проронили ни звука. Они прекрасно понимали, что вероятность схлопотать пулю в ближайшие минуты очень велика, и поэтому сочли за благо помалкивать.

Ворона, опустив мушкет, обернулась и воззрилась на рулевую. Локон обнаружила, что невольно читает про себя молитву лунам. Не обращая внимания на пристальный взгляд капитана, Салэй гнула свое:

– Мы захватили корабль. Экипаж сдался. Чего нам еще надо? Пиратами мы стали не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы обрести независимость.

Салэй всем своим видом показывала решимость добиться своего. Пока она жива, никто из пленников не будет убит.

Если бы Ворона намеревалась в тот день во что бы то ни стало устроить резню, то начать ей пришлось бы с рулевой. И капитан запросто могла бы убить Салэй. С другой стороны… Ворона наверняка понимала, что ценными членами экипажа разбрасываться нельзя. Скольких может потерять ее судно, оставшись на плаву? Пускай Уиву и нашлась замена, совсем не факт, что таковая найдется и для Салэй.

– Как скажешь, – наконец процедила Ворона. – Только дай им знать, что я крайне недовольна их действиями. Где это видано? Сначала сдались, а потом пробили нам корпус! В другой день подобное непотребство стоило бы им жизни.

– Они заплатят сполна. И даже больше чем сполна, – ответила Салэй. – Я об этом позабочусь, капитан.

Локон с облегчением выдохнула. Дуги, застывшие было в оцепенении, вновь принялись бросать абордажные крючья, чтобы не дать кораблям разойтись. На палубу «купца» Салэй перепрыгнула первой.

Локон устало опустилась на ступеньки, ведущие на ют. Она чувствовала себя как половая тряпка, которую скомкали, бросили в мусорное ведро и извлекли из-под отбросов спустя много недель. Едва девушка села, на нее упала чья-то тень. Подняв взгляд, она увидела перед собой капитана.

– Мы не тонем, – сказала Ворона. – А это значит, что со своей задачей ты справилась.

Локон кивнула.

– Капитан, она была просто великолепна! – раздался позади Вороны голос Энн. – Я не преувеличиваю! Залатала дыру со второй попытки и почти не испугалась спор!

– Вот так так, – произнесла Ворона, продолжая бесстрастно взирать на Локон. – Энн, а ты не думаешь, что пора пойти и заделать пробоину досками? На тот случай, если искусная работа нашего новоиспеченного споровщика окажется не такой уж и безупречной?

– Думаю, пора, – согласилась Энн и пошла исполнять распоряжение.

– Постой! – окликнула ее Ворона и протянула руку.

Энн вздохнула, извлекла будто из ниоткуда пистоль, отдала его капитану и ушла.

Когда из трюма начали подниматься Дуги с поживой – «купец», как оказалось, вез ковры, – Ворона отошла к фальшборту, чтобы лучше видеть происходящее.

Пленные матросы теснились на палубе, а их капитан негромко беседовал с Салэй. У него так сморщилось лицо, что виднелись только лоб да подбородок. Наверняка вам это знакомо, ведь так бывает и с вашей физиономией, когда вы за обедом разглядываете собственное отражение в ложке.

Экипаж торгового судна сохранял спокойствие. За исключением моряка, как будто стоявшего на коленях. Заметив неладное, Локон поднялась по трапу на ют, чтобы разглядеть, что происходит за гигантскими лозами. Человек и в самом деле стоял на коленях и баюкал труп. Вероятно, это был его товарищ, застреленный Вороной. Кем бедняга приходился ему? Другом? Родственником?

Рыдающий мужчина вскинулся и обвел всех диким от злобы взглядом. Локон уже открыла рот, чтобы крикнуть «Берегись!», как

моряк, вскочив на ноги, выхватил из-за пояса пистоль и дрожащей рукой навел его на Ворону, наблюдавшую за ним с палубы «Вороньей песни».

Все оцепенели. В очередной раз. Все, кроме Вороны, которая взирала на пистоль, направленный на нее, не иначе как с равнодушием.

– Смок! – вскричал капитан «купца». – Ты в своем уме?! Ты же всех утянешь за собой на дно!

Моряк, запятнанный с ног до головы кровью друга, расправил плечи. Оружие он не опустил, однако на спусковой крючок давить не спешил. Капитан Ворона вытянула руку с отобранным у Энн пистолем, а затем, крутанув его на пальце, выстрелила себе в лицо. Кожа на щеке лопнула, и наружу вырвались извивающиеся лозы. За одно мгновение перед глазами капитана вырос барьер из скрученных ростков, один из которых схватил пулю на лету. Казалось, будто под кожей у Вороны вместо мышц кишат змеи. Когда опасность миновала, лозы втянулись обратно и замерли. В уголке глаза навернулась алая слеза. Несколько кровяных капель просочилось из царапины на щеке, однако в остальном лицо капитана выглядело целым и невредимым. Ворона опустила пистоль, сделала долгий глоток из фляжки и наконец махнула рукой, требуя ответного выстрела. Дважды предлагать не пришлось. Раздался выстрел, но пуля ушла в молоко – подоспевшие товарищи скрутили Смока прежде, чем тот успел прицелиться.

– Очень надеюсь, что через час мы отправимся дальше. Грузите мою малютку не жалеючи, набивайте трюм добром под завязку! – громко приказала Ворона пленникам и задержала взгляд на капитане. – Не выполните приказ, я лично наведаюсь на ваше славное судно и всем объясню, что значит перечить капитану Вороне. Если же кто-нибудь из вас сомневается в моей решимости, можете расспросить команду «Мечты Ута», как им нравится их новая жизнь на дне Изумрудного моря!

С этими словами Ворона скрылась в каюте. У Локон обмякли колени. Дрожа всем телом, она опустилась на ступеньку. Перед глазами все еще стояли вырывающиеся из-под кожи чудовищные лозы.

Что же это за существо?

28. Благодарный слушатель

– Капитан Ворона – гестатор изумрудного эфира, – сказал доктор Улаам, между делом всматриваясь в продолговатую бутылку с чем-то подозрительно напоминающим забальзамированную почку.

– Кто-кто изумрудного эфира? – недослышала Локон. – Дегустатор?

– Не дегустатор, а гестатор. Тот, кто вынашивает и питает. Ворона – носительница агрессивного подвида изумрудного паразита. В преданиях вашей планеты таких, как она, называют спорофагами, хотя мне этот термин кажется не слишком точным. Вот скажи, откуда берутся споры?

– С лун, – ответила Локон.

– Ну да, – кивнул Улаам. – С лун. Так же, как и еда сама по себе рождается на кухне, а гончарные изделия материализуются из ниоткуда на Зефирных островах. Не кажется ли тебе, что ты упускаешь какой-то важный этап? Ведь не может все это возникать как по волшебству?

– То есть… ты спрашиваешь, откуда на лунах взялись споры?

– Или точнее – что их производит. Мм?

– Понятия не имею, – развела руками Локон.

Вообще-то, ей бы следовало задуматься об этом гораздо раньше.

Улаам подался к девушке и повертел у нее перед носом колбой с консервированной почкой.

– Как насчет сделки? – подмигнул он. – Соглашайся! С этой почкой твоя моча будет благоухать сиренью.

– Нет уж, спасибо.

– Может, тогда продашь свою?

– Спасибо, я и от этого откажусь.

– Как эгоистично! – воскликнул Улаам. – А ведь целых две почки – это для человека перебор.

– А сколько их у вас, можно узнать?

– Туше́! – хмыкнул Улаам.

– Тише? Нас подслушивают?

– Да нет же! Я имел в виду – очко в твою пользу, – пояснил Улаам. Покачав головой, он поднялся на ноги. – Так или иначе, ваши луны – родина прожорливых созданий, известных как эфиры. Истинные эфиры на других планетах существуют в симбиозе с людьми, но ваши превратились в ненасытных, агрессивных, плодовитых ублюдков.

– Мне не разрешали употреблять это слово, – смутилась Локон.

– Ну, оно всего лишь означает… Оно означает примерно то, что ты под ним подразумеваешь, только выражает это гораздо деликатнее. В общем, эфиры на лунах самовоспроизводятся бесконечно. Каждый эфир имеет связь с первичным элементом, будь то фауна, атмосфера, силикат… Эфиры и без того опасны, а ваш подвид еще и очень нестабилен. Чуть запахнет катализатором – в вашем случае водой, – как эфиры начинают высасывать инвеституру прямиком из Духовной реальности и за счет нее расти с невероятной скоростью. Удивительный процесс.

Локон обдумала услышанное и поняла, что вопросов стало только больше. Раньше не решилась бы их озвучить, ведь она была воспитанной девушкой и прекрасно понимала, что никто не обязан ей ничего объяснять. Но в Улааме было что-то такое, отчего стесняться в его обществе она переставала. Разумеется, дело было только в нем, а никак не в том, что она изменилась.

– А как Ворона умудрилась вступить в контакт с этим существом? – поинтересовалась Локон.

– Я не смог найти удовлетворительного объяснения, – признался Улаам, убирая сосуд с почкой на специальную полку для сосудов с почками. – Некоторые утверждают, что спорофагом можно стать, если искупаться в море. Другие – что для этого надо отведать каких-то особых спор.

– Значит, по одной из версий, она его все-таки продегустировала? – спросила Локон.

– Возможно, – сказал Улаам, закатывая рукав сюртука и являя на мертвенно-сером предплечье… ухо!

– У вас на руке ухо! – воскликнула Локон.

– Мм?.. Ну да.

– Но почему?

– Потому что, когда я посадил его на внутреннюю сторону бедра, меня постоянно отвлекало шуршание собственной одежды, – объяснил

Улаам.

– Разве голова не лучшее место для ушей?

– Там у меня уже есть два уха, – сказал Улаам. – Как ни крути, но положение у Вороны аховое. Теперь она напрямую связана с изумрудным эфиром, растущим на луне. Для выживания ему требуется вода, а на луне ее нет. Поэтому эфир заражает людей на вашей планете. Тем и кормится. Лозы внутри капитана Вороны невероятно прожорливы и безустанно сосут из нее влагу. Точно так же они паразитируют и на многих других спорофагах, чтобы напитывать этой водой гигантский материнский эфир на луне. Как этот процесс происходит? Признаюсь, я пока не разобрался.

– Но ведь лоза спасла Вороне жизнь, – заметила Локон. – Уберегла ее от пули.

– Все верно, – подтвердил Улаам. – Защищая Ворону, эфир защищает себя. Но он безрассуден. Ненасытен. Он не способен мыслить рационально, поэтому высасывает из своего носителя все соки досуха. Организм спорофага ослабевает, а эфир паразитирует дальше, не зная меры. Я слышал, что несчастные очень страдают от своего недуга и в конце концов умирают. Причем всегда.

– Луны милосердные! – пробормотала Локон. – Мне ее почти жаль.

– Чудовища вроде Вороны знают не понаслышке, что такое душевные травмы. Кто же больший монстр – сам убийца или общество, что побудило его стать убийцей?

Локон понимающе кивнула.

– На этот вопрос сложно ответить, – сказал Улаам. – Однако я могу ответить на вопрос, где скрывается настоящий монстр. Вон в том ящичке. Я приделал ему аж семь лиц. Семиликий!

Локон покосилась на ближайший стол. Верхний ящик непрестанно дрожал и гремел. Локон сделала вид, что ее это ничуть не беспокоит.

– Что ж, теперь я хотя бы знаю, почему матросы боятся Ворону, – сказала Локон. – Они не осмеливаются на мятеж, потому что понимают: с лозами, защищающими свою хозяйку, им не совладать.

– Так и есть, – кивнул Улаам. – Я почти не сомневаюсь, что капитан могла бы убить любого из подчиненных без всяких последствий для нашего похода. Но она, конечно, не перебьет всех. И

дар бессмертья ни к чему, коль нужно ставить парус одному. Так, по крайней мере, гласит новомодная мудрость.

– Звучит довольно старомодно, – заметила Локон.

– Народная мудрость, я хотел сказать, – поправился Улаам. – Кажется, язык, которым я пользуюсь, порядком износился. Раньше я мог его даже в трубочку свернуть! Кстати, это врожденная способность, ты в курсе? Лишь каждый четвертый язык на такое способен. – И Улаам уставился на губы Локон.

Локон категорически помотала головой. Проверять при Улааме, способен ли ее язык на такие выкрутасы, не хотелось. Вместо этого она решила выяснить, что же именно задумала капитан. Ворона совершенно осознанно ведет команду к краю пропасти. Неужели она вознамерилась отправиться в плавание по грозным водам только потому, что умирает? Чего добивается? Напоследок пожить полной жизнью?

– Как думаете, долго ей осталось? – спросила Локон.

– Сложно сказать, – пожал плечами Улаам. – Я слышал, этому недугу обычно хватает года… Подозреваю, что Ворона заразилась значительно раньше. Держится она хорошо, но очень сомнительно, что протянет еще несколько месяцев. Счет идет на недели, а может, уже и на дни. Я заметил, что ей беспрестанно приходится пить, чтобы не зачахнуть. Она постоянно на грани обезвоживания.

Локон получила еще один кусочек головоломки. Увы, она даже представить не могла, сколько еще частей нужно собрать, чтобы сложилась полная картина.

– Ты что-то еще хочешь узнать, но боишься? – осведомился Улаам. – А то, понимаешь ли, мне досталось восьмое лицо и я подумываю посадить его на солнечное сплетение. Там как раз есть местечко…

– Как работают полуночные споры? – спросила Локон.

Улаам нахмурился. Молча раскатав рукав сюртука, он приблизился к Локон, наклонился и внимательно осмотрел ее одним глазом.

– Хойд! – позвал Улаам.

Юнга вошел. Локон даже не подозревала, что я околачиваюсь снаружи.

– Это ты дал Локон полуночные споры? – спросил Улаам.

– Не-а!

– Хорошо, – сказал Улаам. – А то я уже начал беспокоиться, что…

– Я дал их Уиву! – взволнованно воскликнул я.

Уж простите дурака, я был уверен, что это лакричные конфетки.

Улаам вздохнул и сложил на груди руки. Локон невольно задумалась об его ухе на предплечье. Наверняка ведь прищемил! Интересно, что судовой врач при этом ощущает?

– Локон, полуночные споры самые опасные, – сказал Улаам. – Им нужен кто-то, кто мог бы подпитывать их влагой.

– То есть как в случае с капитаном Вороной?

– Именно, – подтвердил Улаам. – Но полуночные споры подпитывать требуется ровно столько, сколько они действуют.

– А как они действуют?

– Они создают полуночный эфир, – пояснил Улаам. – Или полуночную сущность. Это капля слизи, имитирующая ближайший объект или существо. Эфир остается под контролем до тех пор, пока даешь ему подпитку. По сравнению с остальными спорами штука довольно полезная, но и довольно омерзительная. Если будешь с ним упражняться… – Улаам запнулся, глядя на Локон. – Когда будешь с ним упражняться, держи при себе запас воды и серебряный ножик. Многие споровщики применяют полуночный эфир для шпионажа. Но будь осторожна, сгусток эфира не должен быть слишком крупным. Четыре-пять зерен, не больше. Если твое творение получится чересчур большим, есть риск, что ты потеряешь над ним контроль.

– Я поняла… едва ли половину из того, что вы рассказали, – сказала Локон.

– О, половину? Я знал, что ты смышленая. Твой мозг…

– …не продается, – оборвала врача Локон.

– Ха! Можешь взять мой! – встрял я в разговор. – А то он меня журит, когда я пользуюсь грязными носками вместо дуршлага для макарон. Дескать, так делать негоже. Да если он и прав, я до смерти устал это слушать.

Улаам ухмыльнулся, достал из внутреннего кармана сюртука блокнот и сделал заметку.

– Я записываю самые нелепые высказывания Хойда, – ответил Улаам на вопросительный взгляд Локон. – Буду зачитывать их ему,

когда он придет в себя. И сдается мне, эти перлы красноречия я смогу ему припоминать еще многие годы.

Так оно и случилось.

– Хойд, мне нужно выяснить, как добраться до Колдуньи, – сказала Локон. – Ты ведь побывал в ее логове. Можешь рассказать? Как ты пересек Полуночное море?

– Локон, милая, пока Хойд проклят, он ничего не расскажет, – покачал головой Улаам. – Тебе надо сперва снять чары.

– Но как? – спросила Локон. – Если уж вы сами не знаете, как это сделать, то, может, знаете того, кто даст мне подсказку?

Мое лицо приобрело задумчивое выражение. Это обычно означало, что я размышляю, делает ли меня каннибалом тот факт, что я время от времени нечаянно прикусываю собственную щеку. Но в тот раз я действительно задумался над словами Локон.

И в кои-то веки у меня получилось.

– Я могу говорить, – мягко напомнил я. – Но не могу ничего сказать. Разве что дать тебе совет: на чужую свадьбу всегда надевай белое.

– Говоришь, но не рассказываешь! И уж точно не сообщил ничего такого, что помогло бы мне разобраться с твоим проклятием.

– Верно! А теперь – внимание! Это важно! Тебе нужно найти того, кто может говорить и сказать!

– Но под это описание попадает очень много людей, – хмыкнула Локон.

Это было настоящее мучение. Проклятие буквально узлами вязало мой язык. А мозг и вовсе отказывался работать.

– Найди… разумное существо… которое… не выглядит таковым, – выдавил я. – И может говорить… хоть ему и не положено.

Локон озадаченно склонила голову. Улаам подошел поближе и произнес:

– Впервые за много месяцев я слышу от него настолько связную речь. Думаю, он хочет сказать что-то важное.

– А по-моему, это тарабарщина. Мне даже кажется, что он издевается надо мной.

– Мм… Если ты права, то это хороший знак. Он вновь становится самим собой… Кто-то разумный, кто не выглядит таковым? И может говорить, хоть ему и не положено?

Локон взглянула на меня и нахмурилась, давая работу своему предрасположенному к размышлениям мозгу. И очень скоро в этом мозгу щелкнуло.

– Говорящее животное! – воскликнула она.

Я бухнулся на пол и с облегчением выдохнул. Мои мысли тут же приняли привычное направление. Правда ли, что сапожники отлично справляются с работой пирожников, или это всего лишь миф?

– Ага! – Улаам хлопнул в ладоши и содрогнулся, оглушив свое ухо на предплечье. – Вот тебе и ответ! Надо искать фамильяра.

– Кого?

– У могущественных созданий, умеющих пользоваться Инвеститурой – или магией, если угодно, часто бывают спутники в виде говорящих животных. Мне казалось, что в вашем мире такие легенды тоже есть?

– Ну, пожалуй… – произнесла Локон, вспоминая сказки из детства.

– Должен признаться, что в некоторых мирах причиной для распространения подобных слухов стали представители моего вида, – проговорил Улаам, закатывая рукав и доставая скальпель. – Но думаю, в данном случае я ни при чем. И вряд ли это творение пробуждающего. Скорее всего, Колдунья и ей подобные нашли способ «инвестировать» в ординарных представителей фауны и амплифицировать их когнитивные функции.

– Вы сейчас говорите на клисианском? – уточнила Локон.

– Номинально – да. Я использую Связь, чтобы напрямую переводить мои мысли. А так ты права. Я думаю на языке, о котором ты даже не слышала. Как бы там ни было, Хойд, похоже, считает, что тебе надо найти фамильяра. Ну или говорящее животное, если так привычнее. Скорее всего, оно будет как-то связано с Колдуньей. Фамильяры – маленькие существа, которых чаще всего используют для слежки и шпионажа. Птицы, кошки…

– Или крысы, – тихо произнесла Локон.

– Верно, – подтвердил Улаам, начиная срезать ухо с предплечья.

Локон поспешила уйти, не дожидаясь, когда судовой врач предложит ей очередной обмен.

29. Фамильяр

Локон нашла Хака в каюте. Примостившись на койке, крыса покусывала черствую корку и читала одну из записных книжек Уива. Ту самую, в которую Локон пыталась вникнуть накануне. Девушка заметила, что уголок книжки попорчен. Как будто Хак, зачитавшись, вместо хлеба стал грызть записную книжку. Сделал он это просто по рассеянности или повинуясь своему крысиному инстинкту?

– Ты лгал мне! – захлопнув дверь, объявила Локон.

Хак опустился на все четыре лапки, и глазки забегали, отыскивая местечко, где бы спрятаться.

– Почему не сказал сразу, что ты фамильяр? – резко спросила Локон.

– Ох… – только и смог вымолвить Хак.

– Ты и вправду был фамильяром Колдуньи? Ты знаком с ней? Знаешь, как добраться до ее острова? Как ты мог скрывать от меня это!

– Что тут скажешь… – пробормотал Хак, вновь вставая на задние лапки и подергивая носиком. – Ну да… знаком. Я фамильяр и поэтому могу говорить. Как ты догадалась?

– Хойд рассказал, – ответила Локон, указывая в сторону каюты Улаама. – Он проклят и мысли излагает с трудом, но общий смысл я уловить сумела. Хак, почему ты не сказал?

– Не хотел подвергать тебя опасности, – произнес он. – Локон, Колдунья – ужасная женщина. Тебе не следует интересоваться ее персоной и уж тем более стремиться к ней на остров.

Локон подошла к койке и опустилась на колени так, чтобы заглянуть крысе в глаза.

– Хак! – воскликнула она. – Живо рассказывай все, что знаешь о Колдунье, или…

– Или что? – пискнул Хак.

– Или я… – Локон судорожно перевела дыхание, поскольку никогда в жизни ей не приходилось угрожать и говорить столь отчаянные слова, просившиеся на язык в тот момент. – Или я перестану с тобой разговаривать!

– Ты… ничего не сделаешь со мной? Не бросишь за борт?

– Что?!. – воскликнула потрясенная девушка. – Конечно нет! Я не живодерка!

– Локон, ты никудышная пиратка!

– Хак, пожалуйста, расскажи все, что знаешь, – попросила Локон. – Покажешь путь до острова Колдуньи?

Хак задумался, затем начал говорить, но сразу умолк. Потерев голову лапками, он наконец произнес:

– Нет, Локон, не могу. Я не тот, за кого ты меня принимаешь. Не фамильяр… Ну, может, отчасти и фамильяр, но не в общепринятом смысле. Я вырос на уединенном острове далеко-далеко от королевства Колдуньи. А говорить умею, потому что у нас в роду умели все.

– Так, получается, ты… потомок фамильяров?

– А это ты ловко объяснила! – ответил Хак и вздохнул. – Если ты всерьез вознамерилась добраться до Колдуньи, то лучший способ – снять проклятие с Хойда. Я привести тебя к ней не смогу. И сейчас в моей искренности не сомневайся.

– Тогда помоги снять проклятие с Хойда!

– Помочь снять проклятие? – Хак на мгновение задумался. – Что ж, может быть… Я к тому, что мне нельзя рассказывать об этом, но раз уж речь зашла о Хойде… Тут есть одна загвоздка. Ворожба Колдуньи запрещает про́клятому подробно описывать наложенные на него чары…

– Это я уже знаю, – перебила его Локон.

– Я слышал… слышал от родни, что проклятого иногда можно заставить проговориться. Заклятия не способны видоизменяться. Они незыблемы, точно пункты заключенного с демоном контракта. Это означает, что, как бы Колдунья ни старалась, накладывая на свою жертву проклятие, оно непременно будет иметь изъяны.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Локон, по-прежнему стоя на коленях перед Хаком.

– Хорошо, попробую объяснить по-другому, – сказал Хак. – Представим, твоего друга прокляли. Если подойти к нему и спросить прямо: «Ты что, проклят?» – утвердительного ответа не добьешься. У друга попросту отнимется язык. Однако тот факт, что друг не сможет поведать о своем несчастье, уже послужит достаточным подтверждением того, что он проклят, понимаешь? Действуя столь

хитроумно, у про́клятого можно выведать много полезной информации.

– Но как эта полезная информация поможет снять проклятие?

– Каждая жертва так или иначе слышит наговор Колдуньи, а потому может подсказать, как его снять. Локон… Эта Колдунья – зло во плоти. Садистка. Она наводит чары таким образом, чтобы жертва непременно знала путь к своему избавлению, но поведать о нем не могла никому.

– Звучит как кошмар наяву, – сказала Локон, глядя куда-то в пространство, точно могла видеть Хойда сквозь стену каюты.

– Ага, – кивнул Хак. – И не говори потом, что я не предупреждал. Слушай, о Колдунье даже упоминать опасно. Не следует тебе искать встречи с ней.

– Я настроилась идти до конца, – сказала Локон. – Либо ты меня научишь, как встретить Колдунью во всеоружии, либо мне придется рискнуть жизнью и явиться к ней как есть. Хак, моя судьба в твоих… лапках.

– Ай!.. Локон, не дави! Я и без того чувствую себя подавленным. Точно рамкой крысоловки прихлопнуло! Я бы и рад помочь, но чем – ума не приложу. Нужно найти способ обойти заклятие. Если предположить, что друг и в самом деле зачарован, у тебя возникнет к нему вполне закономерный вопрос: «Как снять с тебя чары?» Естественно, внятного ответа ты не услышишь. А вот если расскажешь другу историю о том, как кто-то избавился от проклятия, а затем спросишь, что он думает по этому поводу, то вы, вероятно, сумеете побеседовать осмысленно. А все потому, что обсуждать вы будете не конкретное несчастье, приключившееся с вашим другом, а нечто отвлеченное.

– Похоже, этот метод требует творческого подхода, – проговорила Локон. – Одна сплошная угадайка. И путаница…

– Ага… Путаница, боль и разочарование, – подхватил Хак. – Но ничего другого я предложить не могу, Локон. Я не специалист по проклятиям. И думаю, тебе следует сосредоточиться на выживании, а не на безумных поисках Колдуньи и своей погибели. Мало тебе, что Ворона зуб точит? Я со всей ответственностью заявляю: добра от капитана не жди.

– Поначалу я тоже так думала, однако Ворона, похоже, переменила мнение на мой счет, – произнесла Локон, намеренно позволяя Хаку перевести разговор в другое русло. Прежде чем продолжить допрос фамильяра, ей было необходимо осмыслить услышанное. – Похоже, она даже довольна своим решением взять меня в команду.

– И тебя это совсем не тревожит? По-моему, это очень плохой знак.

– Ты считаешь, мне следует опасаться Вороны?

– Споры меня разорви! Ну конечно! – воскликнул Хак. – Разве можно доверять женщине, которая неуязвима для пуль, всех ненавидит, да еще и хочет обречь собственную команду на смерть? Наивно полагать, что решение оставить тебя на борту – спонтанное. Поверь, Ворона сделала это неспроста.

Локон поежилась.

– А не пошпионить ли тебе за ней еще?

– Ох… – Хак заломил лапки и вонзил зубы в записную книжку.

– Эй, прекрати!

– Прости, – сказал Хак, когда девушка отняла у него заметки Уива. – Нервное заедание, знаешь ли. Локон, если ты этого хочешь, то я пошпионю, но… должен признаться, что шпион из меня никудышный. В последний раз меня заметили. Я в этом почти уверен, потому что с того момента иллюминатор в каюте капитана закрыт наглухо. А еще этот кот…

«Ворона отнюдь не идиотка… – Локон задумчиво постучала пальцем по записной книжке. – Вероятно, догадалась, что Хак – фамильяр, раз уж это сообразил даже Хойд, идиот по факту…»

(Эй!)

«Девочка не расстается с крысой, пускай и дрессированной… Кто ж не насторожится? – продолжала размышлять Локон. – Что ж, если Хаку путь в каюту капитана заказан, то, быть может, найдется иной способ проследить за Вороной? Улаам говорил что-то про полуночные споры. Будто бы они весьма полезны, когда нужно за кем-то следить…»

Размышления прервал стук в дверь. Локон и Хак переглянулись. Хак – сама осторожность – взял корку хлеба в зубы и спрятался под койкой. Локон отворила дверь и увидела у порога Салэй.

– Локон, нам нужно поговорить, – произнесла рулевая. – О том, кто ты на самом деле.

30. Королевская маска

Салэй пожелала узнать, кто же Локон на самом деле.

Увы, доподлинно этого не знала и сама Локон. Еще совсем недавно ей казалось, что можно уверенно ответить на этот вопрос, и вот выяснилось, что она сильно заблуждалась на собственный счет. Ведь теперь она бороздит моря под пиратским флагом и учится проращивать споры.

Локон уже не задавала вопросов, а требовала ответов. (Бедный Улаам!) А ведь прежде она считала, что докучать людям невежливо.

Локон сомневалась, по-прежнему ли она Локон или уже стала кем-то другим? Можно сказать, что девушка пребывала в растрепанных чувствах.

– Ну? – поторопила Салэй.

Локон была не самой опытной лгуньей. Но как это ни парадоксально, лучше всего ложь получается как раз у тех, кто обычно ее чурается. Поэтому, молча отшагнув от двери и жестом предложив Салэй войти, Локон поступила единственно правильным образом.

Салэй была решительной женщиной, но входить в каюту споровщика побаивалась. К ощущению защищенности привыкаешь быстро, поэтому в тех редких случаях, когда Салэй оказывалась вне безопасной зоны, она испытывала определенный дискомфорт. Постоянно пребывая на инкрустированной серебром палубе, она научилась – разумеется, до определенной степени – не обращать внимания на споры у себя под носом. Впрочем, как и не замечать самого носа, чей кончик непрестанно маячит в поле зрения каждого из нас. Точно так же люди невольно игнорируют экзистенциальный ужас бытия, возникающий от осознания того, что их тела день ото дня дряхлеют, маршируя в страну вечного забвения под аккомпанемент сердечных сокращений.

Салэй не могла похвастаться ни ростом, ни силой, но отваги ей было не занимать. Она переступила порог каюты и закрыла за собой дверь. И хотя кожа на руках тотчас покрылась мурашками и мороз продрал по спине, Салэй продолжала героически сохранять выдержку.

– Чаю? – предложила Локон, извлекая чайную пару.

Чашки – тонкий костяной фарфор с серебряным кантом – прекрасно сочетались.

– Чай восхитительно теплый!

– Пожалуй, откажусь, – сказала Салэй. – Слушай, Локон, я знаю, что ты не та, кем притворяешься.

– Я просто девочка, которая делает все, чтобы ее не бросили за борт.

– Ну да, так я и поверила! – Салэй сложила на груди руки. – Локон, я больше на это не куплюсь.

Подобное обращение слегка возмутило Локон.

– На что ты намекаешь? – спросила она с вызовом, что ей вовсе не было свойственно. – Я ведь уже призналась, что камзол краденый. Больше за мной грехов не водится. Я простая девушка с острова на краю Изумрудного моря.

– Ой ли? Простая девушка – и не боится спор? Девушка с острова на краю моря, которая за пару дней освоила ремесло корабельного споровщика?

– Я охрененно боюсь спор! – воскликнула Локон, забыв о приличиях. – Мне нужна была работа на корабле, а свободным было только место Уива.

Салэй наклонилась и пристально посмотрела Локон в глаза:

– О луна покровов, как же ты хорошо лжешь! Даже не краснеешь!

– Потому что я не лгу!.. Ладно, кто я, по-твоему?

– Королевский инспектор под прикрытием, – ответила Салэй.

– Вот это, – уточнила Локон, показывая на инспекторский камзол, – мое прикрытие?

– Должна признать, ты хитро придумала, – сказала Салэй. – Ты знала, что к новичкам мы относимся с подозрением. И предвидела ход наших мыслей: ни один инспектор в здравом уме не заявится на пиратское судно в инспекторском камзоле. Разумеется, если только этот инспектор не хитроумная Локон! Не потрудившись обзавестись убедительной маскировкой, ты вскарабкалась на наш борт, рассчитывая на то, что камзол послужит тебе убедительной маскировкой…

– Надо признать, это очень интересная логическая цепочка, – произнесла Локон.

– Да, – согласилась Салэй. – Честно говоря, я бы ни за что не догадалась, если бы не узнала один прелюбопытный факт. Ворона дала тебе шанс бежать с корабля, но ты им не воспользовалась.

«Луны! – подумала Локон. – Похоже, дело принимает серьезный оборот».

– Тут все просто, – сказала Локон. – Я не хотела вас бросать. Слушай, я не вру. Я не инспектор.

– Н-да? – прищурилась Салэй. – А почему тогда со снарядами химичила?

Локон окаменела.

– Ха! – воскликнула Салэй. – Думала, я не прознаю, да? Сегодня я видела, как негодовал Лаггарт, когда корабль не потонул. Не знаю зачем, но он очень сильно желал гибели экипажу! У тебя, и только у тебя был доступ к боеприпасам, а значит, и возможность сорвать его план.

«О милосердные луны! – подумала Локон. – Если догадалась Салэй, могли догадаться и Лаггарт с Вороной».

И с чего она возомнила, что способна одурачить команду опытных мореходов?

Взволнованная девушка села на койку.

«Ох и жестоко же Салэй ошибается на мой счет, – подумала Локон. – Но как ее переубедить и нужно ли это делать? С другой стороны, она открыто выступила против капитана и предотвратила резню. Получается, мы с ней в одной лодке…»

Локон приняла решение: если уж кому и довериться на этом корабле, то пусть это будет Салэй.

– Я узнала, что корабли топят с целью сделать всех вас беглецами-висельниками, – сказала девушка. – Ворона хочет добиться вашего беспрекословного подчинения. Как бы хорошо ни была она защищена, перспектива мятежа ее страшит, как и любого капитана.

Салэй нависла над девушкой, и черные пружинки кудрей упали рулевой на лицо.

– Хочешь сказать, что обычная девчонка, которой ты так усердно притворяешься, раскрыла тайный план капитана Вороны?

– Это вышло совершенно случайно, – ответила Локон. – Я серьезно, Салэй. Более того, я едва ли отдаю себе отчет в том, что делаю.

– Я поверю тебе, – сказала Салэй. – И даже смирюсь с мыслью, что ты не инспектор, если докажешь, что Ворона и в самом деле хочет сделать всех нас беглецами-висельниками.

– В бочках с ядрами двойное дно, – произнесла Локон. – Там Лаггарт держит смертоносные снаряды. Я заменила их на обычные, чтобы он не мог больше топить корабли. Те, которые украла у него, сохранены. Не знаю, тянет ли это на доказательство, но вот такое мое слово против Лаггарта…

– Я не прошу тебя что-то доказывать Лаггарту. – Салэй принялась мерить шагами каюту. – Все, что нам нужно, – это чтобы остальные члены экипажа согласились выступить с нами единым фронтом. Сегодня вечером мы встречаемся с Фортом и Энн. Принеси снаряд Лаггарта, это послужит для них достаточным доказательством. Они и так уже подозревают, что мотивы Вороны не очень-то…

Салэй резко остановилась, а затем подскочила к Локон:

– И обычная девочка вот так запросто выудила у меня сведения о нашем тайном собрании! Проклятье, а ты хороша!

Локон только вздохнула.

Салэй вновь пристально посмотрела ей в глаза:

– Холодные, точно лед. Видать, у тебя стальные нервы. И сталь не иначе как закаленная.

– Серьезно? – удивилась Локон. – Все это ты прочитала на моем лице?

– Серьезно, – ответила Салэй. – Можешь не стараться. Я не верю ни твоему фальшивому страху, ни твоему притворному замешательству. Тебе не сбить меня с толку. Но в одном я тебе все же склонна верить. Ты не королевский инспектор.

– Из чего такой вывод?

– Слишком уж ты умна для инспектора, – заявила Салэй. – Должно быть, ты… Королевская Маска!

Ну да. Разумеется, это все объясняет. Вернее, объяснило бы, если бы Локон знала, что это за зверь такой – Королевская Маска.

– Всем известно, что Королевская Маска обязана солгать, если ее вдруг спросят, кем она является, – проговорила Салэй, подбоченясь. – Ради защиты своей секретной миссии. Поэтому я больше не буду тебя пытать. Ну так как? Принесешь сегодня на собрание снаряд Лаггарта?

– Если ты считаешь, что это убедит остальных, то обязательно принесу, – сказала Локон.

Она сомневалась, что кто-нибудь из команды способен оказать Вороне достойное сопротивление, однако решила, что обсудить ситуацию и добытые сведения будет в любом случае полезно.

– Отлично, – кивнула Салэй. – Жду тебя на камбузе после ужина для ночной вахты. – Салэй уже направилась к двери, но вдруг обернулась и сказала: – Только, пожалуйста, не убивай никого до вечера.

Не успела Локон упасть на койку, чтобы осмыслить произошедшее, как из тени возник Хак.

– Королевская Маска? – удивленно воскликнул он. – Ты и меня одурачила!

– Хак, я не…

– Да шучу я, – хихикнул Хак, покусывая черствую корку. – Ты, наверное, понятия не имеешь, что собой представляет эта Маска.

– Ни малейшего!

– Королевские Маски – тайный орден ассасинов. Финансируется самим королем и выполняет его самые важные поручения. Если верить слухам, в ордене всего пять человек – больше быть не может. Лучшие из лучших.

– И Салэй решила, что восемнадцатилетняя девчонка – одна из них?

– Ну, Маски якобы пьют молодильные зелья, чтобы скрыть свой возраст, – сказал Хак. – Есть версия, что ордена и вовсе не существует. Возможно, король подогревает слухи о его существовании, чтобы нагнать страху. Не будь строга к Салэй. Моряки на кораблях вроде этого ходят по лезвию ножа. Им всюду мерещится виселица, даже если они трижды не пираты. Такие, как Салэй, привыкли подозревать всех и каждого. Нет, она отнюдь не глупа, просто никогда не сталкивалась с честными людьми. Вы говорите с ней на разных языках, вот и все.

– Мне надо как-то убедить ее в том, что я – это я, – произнесла Локон. – Но как? Ума не приложу.

Мысль о том, что кто-то считает ее ассасином, доставляла Локон едва ли не физическую боль.

– На твоем месте я бы хорошенько подумал, прежде чем идти на это собрание, – сказал Хак. – Капитан что-то подозревает. Думаю,

Ворона намерена прикончить Салэй и остальных заговорщиков.

– Что? Откуда такие мысли?

– Помнишь, на днях я шпионил за Вороной? Так вот, краем уха я услышал что-то про «тайные встречи» и про «наконец-то избавимся от них». Затем говорившие сменили тему и начали обсуждать коварный план, как превратить всех нас в висельников.

Это была плохая новость, и притом неоднозначная. Локон встала и принялась расхаживать по каюте, невольно вслушиваясь в шуршание спор за бортом.

– У нас слишком мало информации, Хак. Мы не знаем, почему капитан задумала сделать свою команду беглецами-висельниками. Нет, понятно, что она заставляет их решиться на нечто опасное… Но зачем?

– Ага, я тоже в замешательстве, – кивнул Хак. – Вся эта история напомнила мне об одном старом друге. Тот еще персонаж! Как-то ему предложили кусочек сыра… Кстати, мы не так уж сильно любим сыр. Интересно, откуда взялся этот предрассудок? Так вот, мой друг…

– Хак, думаю, надо сосредоточиться на текущих проблемах, – мягко прервала его Локон. – И поподробнее разузнать о планах Вороны.

Услышав это, Хак даже уронил корку.

– Ну ладно, – сказал он. – Если ты действительно считаешь, что это необходимо…

Вспомнив, как Хак волновался и упрямился в прошлый раз, когда Локон уговаривала его шпионить, она почувствовала укол совести. Девушка не имела морального права просить Хака, чтобы он вновь подверг свою жизнь смертельному риску.

– Ладно, забудь, – сказала Локон, заправляя выбившуюся прядь волос за ухо. – Кажется, есть другой способ.

Она полезла под кровать, открыла тайник и достала контейнер, под завязку набитый полуночными спорами.

– Локон! – заволновался Хак. – Что ты делаешь?

– Сама не знаю… Я ведь простая девушка, которая коллекционирует чашки. У меня нет ни специальной подготовки, ни опыта. Мне не перехитрить Ворону… если только я не буду использовать все мои ресурсы. – Локон показала Хаку споры в коробочке. – Пожалуй, мое истинное и единственное преимущество

перед остальными – тот факт, что при виде спор у меня не так сильно трясутся поджилки.

– Да, но полуночные споры? Разве не следует… э-э-э… для начала немного потренироваться? Нельзя же вот так взять и побежать корофон. Сначала надо выиграть какой-нибудь местный забег. Например, вокруг своей Скалы.

– Коро… что?

– Корофон. Забег на шестьдесят пять километров. Проводится каждый год в честь дня рождения короля.

– Шестьдесят пять километров? – переспросила Локон, открывая шкаф.

«Где же серебряный ножик? – недоумевала она, перебирая инструменты в многочисленных ящичках Уива. – Вроде недавно его видела…»

– Если бегунов и впрямь заставляют бежать такую дистанцию, как они не свалятся с острова в море? Или они бегают кругами?

– Ну и ну, Локон, – сказал Хак. – Ты разве не знала, что большинство островов гораздо больше твоей Скалы?

– Правда? – спросила Локон, извлекая наконец ножик из последнего ящичка. – И что, эти острова шестидесяти пяти километров в поперечнике?

– И даже более того, – ответил Хак. – Один из островов в Зефирном море почти с сотню километров!

– Ничего себе! – воскликнула Локон, пытаясь вообразить столь огромный кусок суши.

А если живешь в центре острова? Как тогда любоваться морем? Что за безумие!

Локон покачала головой и вытащила несколько бурдюков с водой.

Затем она встала на колени возле койки, взяла из контейнера три полуночные споры и положила их на матрас. Хак, не забыв прихватить свою корку, попятился от греха подальше.

Локон глубоко вздохнула и подумала о Чарли. Она должна справиться. Ради него, ради команды «Вороньей песни». Нужно разгадать тайны Вороны и уберечь экипаж, и тогда моряки, быть может, подскажут, как спасти Чарли.

Локон занесла пипетку над полуночными спорами и капнула.

31. Полуночная сущность

Смею предположить, вы понятия не имеете, что такое Узы Люхеля. Однако не расстраивайтесь. Когда разворачивались излагаемые мною события, я вообще думал только о том, сколько оттенков оранжевого приемлемо носить одновременно.

Все дело в приоритетах, и каждый расставляет их по собственному усмотрению.

Большинство спор эфиров не могут создавать узы. Таковы, например, изумрудные или зефирные споры. Оживить их достаточно просто. Процесс не выходит за рамки привычной всем нам универсальной связи явлений: причина – следствие. Сжатый эфир падает на планету в виде спор, а затем, вступая в реакцию с водой, буйно прорастает.

Полуночные споры значительно отличаются от остальных видов спор. Фактически механизм их действия близок к тому, как на самом деле должны работать эфиры. Ожившие полуночные споры формируют временные узы между симбионтом и эфиром – одним словом, симбиоз.

В отличие от Уз Нахеля, где происходит обмен на уровне сознания и привязки к конкретной реальности, предмет обмена в Узах Люхеля – физический ресурс. В данном случае это вода.

Локон ощутила приступ жажды. Во рту мгновенно пересохло. Потянувшись было за бурдюком, Локон, завороженная движением спор, замерла. Они клокотали, зыбились и таяли, надувались, точно мыльные пузыри. Спустя несколько секунд три крохотные споры превратились в лужицу слизи. Сделавшись величиной с кулак, клякса прекратила расти и, к облегчению Локон, теперь только искажалась, сиюминутно меняя очертания. На миг из черной слизи проклюнулась, чтобы тут же испариться, крохотная мордочка неведомого зверька.

«Сделка, – вторглась в сознание Локон чужеродная мысль. – Обмен. Вода».

Едва отдавая себе отчет в том, что делает, Локон мысленно согласилась на сделку.

Полуночная сущность, даром что способна принимать множество образов, всегда стремится к упорядоченности – к единой форме. Прототипом обычно служит либо сам создатель сущности, либо избранный им симбионт. Так совпало, что в тот миг Локон смотрела на Хака, который забился в угол койки, прикрываясь обгрызенной коркой, точно щитом. Полуночная сущность, будто перехватив взгляд Локон, тотчас начала пульсировать и вытягиваться. Сначала появился черный хвост, затем четыре лапки, следом мордочка, длинный нос и наконец… тельце, напоминающее картофельный клубень. Вскоре перед Локон уже стояло крохотное существо, напоминающее крысу, что искупалась в кадке с черной краской. Назвать это создание копией Хака, разумеется, было нельзя. Шкурка скорее походила на текстурированную под шерстяные волокна кожу, а мордочке и лапкам недоставало множества мелких подробностей. Слишком уж это существо выглядело гладким, глянцевым и черным как смоль. Словно вырезанное из куска мыла. Так талантливый скульптор, которого посетило вдохновение, хватается за все, что подвернется под руку, лишь бы успеть запечатлеть родившийся в воображении образ.

Пробуя новообретенные лапки, существо побегало по койке из стороны в сторону. Несмотря на все визуальные изъяны, оно двигалось, как самая настоящая крыса.

Жажда нарастала странным образом – у Локон начали сохнуть глаза. И тем не менее девушка не могла оторвать взгляд от не-крысы. Она приложилась к бурдюку и спустя несколько мгновений с удивлением обнаружила, что осушила его. Даже не подозревала, что ее желудок может вместить столько жидкости. Утолив жажду, Локон почувствовала, как связь с полуночным существом заметно окрепла. Именно так работают Узы Люхеля. Чем лучше создатель удовлетворяет прихоти полуночной сущности, тем больше он получает возможностей для контроля своего творения.

Взгляд Локон затуманился, и окружающий мир отошел на второй план. Теперь она могла управлять не-крысой, видеть ее глазами, обонять запахи ее носом и вместе с тем оставаться самой собой. Первым делом она прыгнула в сторону Хака. Испуганно пискнув, он метнулся под койку. Это очень ее развеселило, но почему – она не понимала.

«Не время для веселья, – пожурила себя Локон. – Меня ждет уйма работы».

Серьезных задач перед ней стояло и в самом деле много. Например, проскакать по койке и спрыгнуть на пол. При ударе об пол лапки сплющились, и ей пришлось отрастить их заново. Справившись и с этой проблемой, Локон пересекла комнату, протиснулась в щель под дверью, вылезла наружу черной кляксой и опять приняла крысиный облик.

Тени… Локон осознала, что ее влекут тени. Под палубой, в сумрачных коридорах, она передвигалась практически незаметно. Достаточно густые тени застыли и между ступеньками трапа, чего нельзя было сказать о залитой светом палубе. Ненавистное солнце только что выплыло из-за диска луны и сонно покатилось к горизонту, совершенно не подозревая о ее существовании. Полуночная Локон притаилась на ступенях, чутко прислушиваясь к звукам шагов над головой и принюхиваясь к изношенным кожаным подошвам башмаков.

Вот оно. Корабль повернул и через палубу пролегла тень от мачты. Не раздумывая Локон юркнула в спасительный мрак и засеменила вдоль тени, перепрыгивая через серебряные жилы, инкрустированные в дощатый настил. Каким-то образом она поняла, что полуночные споры куда устойчивее прочих; серебро хоть и может причинить боль, но вреда ее сущности не нанесет.

Спустя несколько мгновений Локон добралась до каюты капитана, расположенной под ютом. Вряд ли ей бы удалось протиснуться в щель между дверью и палубой, будучи обыкновенной крысой. Однако она была отнюдь не простой крысой. Вновь обратившись в кляксу, девушка проскользнула под дверью. Восстановление заняло на этот раз несколько больше времени, но поскольку глаза проклюнулись прежде всего остального, у нее появилась возможность оглядеться.

Ворона что-то писала в сочившемся из иллюминатора тусклом свете заходящего солнца. Сюртук был расстегнут, открытая фляжка стояла возле руки на столе, а треуголка висела на колке у двери.

Как только полуночная Локон обрела лапки, она поспешила скрыться в густой тени под скамьей. Обычно от людей разит потом и сладковато пахнет плотью, но от Вороны пахло иначе: растительной гнилью, горелым мясом и еще чем-то незнакомым, но не менее

противным. Она не была в полной мере человеком. Похоже, паразит, поселившийся в ее организме, медленно, но верно побеждал.

Полуночная Локон вдруг осознала, что ей стоило подождать, когда Ворона и Лаггарт встретятся, чтобы обсудить свои дела. Следовало задуматься об этом раньше и построить план, прежде чем решаться на столь отчаянную вылазку. С другой стороны, планы строят те, кто не умеет жить настоящим, а Локон себя к таковым не относила.

Что же Ворона пишет? Полуночная Локон осмелилась выглянуть из-под скамьи. Сможет ли она, оставаясь в тени, прочитать содержимое книжицы? Локон вытянула шею, но разглядеть что-либо с пола под таким углом, конечно же, было невозможно. А если вот так?..

Не получается. Чтобы увидеть написанное, придется затаиться прямо у Вороны под рукой. Пребывая в этом теле, Локон испытывала лихорадочное возбуждение и неодолимое искушение рискнуть. И вместе с тем она колебалась, не будучи уверена в своих силах. Ведь даже в тени ее новообретенная сущность так или иначе различима для человеческого глаза.

Надо подобраться поближе. Самую чуточку ближе.

С невероятным трудом, но Локон удержалась. Это как отказаться от еды, когда зверски голодна. Ее полуночная сущность требовала того, для чего была призвана. Разве не слежки ради Локон вдохнула жизнь в полуночные споры?

«Нет, рано. Ждем… Близится вечер, и скоро Ворона, как обычно, отправится ужинать. До ее возвращения я наверняка успею выяснить, что у нее в книжице, – подумала Локон, успокаивая свое полуночное естество. – А пока – ждем…»

«Ждем…»

«Ждем, я сказала!»

Наконец прозвенела рында, возвещая о начале вечерней трапезы. Ворона закрыла книжку, сделала долгий глоток из фляги и поднялась из-за стола. Она прошла к двери, сняла треуголку с колка и заперла за собой каюту.

«Пора!»

Полуночная Локон выскочила из тени и вскарабкалась по ножке стола при помощи когтей, которые оказались на редкость острыми для такой податливой сущности. Запрыгнув на крышку стола, она так азартно устремилась к книге, что лапки подламывались и

проваливались в тельце, а затем выпячивали из боков нелепыми наростами.

Локон добралась до книжки, вцепилась в нее зубами, распахнула на том месте, где Ворона оставила закладку.

Что это?.. Слова?! Слова, от которых пахнет пылью? Пыльные, грязные чернильные буквы, от которых слезятся глаза? Зачем они нужны? И ради этих глупых и скучных слов мы так рисковали?

«Слова. Читай их!»

Полуночная сущность не желала читать, однако Локон заставила ее выпучить глаза так, что те едва не вылезли из орбит. Рябившие буквы постепенно обрели знакомые очертания. Локон отметила, что текст не рукописный – каждое слово представляет собой оттиск на бумаге, сделанный с помощью какого-то неведомого устройства. Однако почерк на полях, которым были сделаны пометки, похоже, принадлежал Вороне.

«Неужели я наконец нашла способ избавиться от моей напасти? – писала Ворона. – Неужели получится вытравить споры из организма и очистить кровь?»

«Любопытно», – подумала полуночная Локон, переключаясь на текст книги.

«Совершенно очевидно, что Ксизис настолько могуществен, что может излечить любой недуг. Сохранилось свидетельство, что в 1104 году один из просителей Ксизиса был исцелен от рака в последней стадии. Не будет лишним упомянуть, что этим просителем был Дельф с Зефирных островов – известный и уважаемый ученый, слову которого можно верить безоговорочно.

Есть и другой пример избавления от крайне тяжелого заболевания. В 1123 году королева Бэк Пятнадцатая, будучи гестатором спор, обратилась к Ксизису и внезапно пошла на поправку. Надо заметить, что за несколько тысячелетий, отраженных в хронике, никому, кроме королевы Бэк Пятнадцатой, выжить в подобных обстоятельствах не удавалось…»

«Глупые, нелепые слова! Каждое врезается в глаза, что твоя заноза! Ну зачем? Надо что-то срочно разгрызть! Что-то, из чего заструится теплое и солоноватое…»

И вновь Локон, извиваясь всем своим полуночным существом, вступила в схватку с самой собой. Подрагивая, зыбясь и ежесекундно

меняя форму, она едва не разрывалась на части от переполнявшей ее ярости. В конце концов Локон победила и вернулась к прежнему облику крысы, хоть и весьма помятому. Она листала книжицу с помощью зубов и бегло прочитывала пометки на полях. Казалось, ни одна из записей Вороны уже не могла ее заинтересовать, как вдруг взгляд остановился на двух фразах, что ранее она слышала от Хака.

«Тайные встречи с Уивом дают повод надеяться, что путь к нужному мне месту отыскать все-таки можно. Жаль, что он оказался никчемным вымогателем. Ну, хоть смерть принял с достоинством!»

Локон вернулась к началу главы, чтобы выяснить, что же такое этот всеисцеляющий Ксизис. Целебная трава? Зелье?

Оказалось, что ни то ни другое.

«Ксизисрифлиэль жил во дворце на дне Багряного спорового моря. Каким образом он там поселился – загадка. И хотя его точный возраст – загадка неменьшая, свидетельства гласят, что провел он там не меньше трех столетий.

Многие из вас вполне резонно заметят, что Ксизис, судя по всему, создание мифическое. Однако после прочтения этой главы и перечисленных в ней свидетельств от заслуживающих доверия источников вы будете вынуждены согласиться с тем, что Ксизис существует в действительности. Конечно, найдутся скептики, которые возразят, что путешествовать по Багряному морю могут только безумцы. Дескать, не стоит доверять тем, у кого достало глупости отправиться в столь опасное плавание по спорам. Именно эти скептики и повинны в том, что гипотезе о существовании дракона долгое время не давали ходу. Признаюсь, мои собственные попытки установить его местонахождение успехом пока не увенчались. Но я со всей ответственностью заявляю, что отнюдь не безумие, а отчаяние заставляло путешественников бороздить споры Багряного моря. Слова этих несчастных, алчущих избавления от смертельных хворей, заслуживают доверия, как ничьи другие. Сколь бы невероятно это ни звучало, дракон Ксизис реален…»

«Дракон… – невольно повторила Локон. – Значит, Ворона считает, что дракон не выдумка, и хочет отправиться в Багряное море, чтобы отыскать дракона и исцелиться…»

Наконец-то Локон сумела разгадать один из истинных мотивов, который во многом определял поведение и поступки Вороны.

Естественно, полуночной Локон сразу же захотелось разобраться до конца. И вопросов с каждой секундой становилось лишь больше. Например, как простому смертному найти дракона? Она слышала – да и все слышали, – что дракон исполняет желания. Однако за этим, несомненно, скрывается нечто большее. На каких условиях дракон творит чудеса? Достаточно ли его просто разыскать? Или он требует плату?

«Ну все, хватит! Хватит с меня этих слов-заноз, жалящих глаза! Идиотских, бесполезных, бескровных, омерзительно пресных и бездушных слов! С меня хватит!..»

Снова началась борьба, и снова полуночная Локон потеряла свой крысиный облик, превратившись в черную кашицу на столе, что корчилась и истязала саму себя.

Снаружи послышались шаги, однако схватка между Локон и полуночной сущностью, категорически не желавшей видеть буквы, ни на миг не прекращалась.

Шаги приближались.

«Не-е-ет, я не подчинюсь!»

Ворона подошла к двери и вставила ключ в замок.

«Мне… надо…» – начала было Локон, как вдруг раздался приглушенный хлопок, и с клубами черного дыма она перенеслась в собственное тело. В горле пересохло, будто девушка раскаленного песка в рот набрала. Языка, который сейчас напоминал кусок скомканной ткани, она почти не чувствовала. Руки ссохлись, как ветки умирающего дерева. Ноги подкосились, и она боком повалилась на койку. Когда попыталась заговорить, из горла вырвался только каркающий хрип.

– Локон! – воскликнул Хак, вставая на задние лапки у нее перед носом. – Локон! – взывал он, с трудом удерживая в передних лапках серебряный ножик. – У тебя изо рта выскользнула ленточка тьмы, и ты закашлялась. Я так перепугался – не знал, что и делать!

– Воды!.. – просипела из последних сил Локон и потянулась к непочатому бурдюку.

Хак перебежал к бурдюку, вцепился в него зубами и подтянул к подруге. Локон удалось обхватить горлышко губами и сделать глоток. Полость рта как огнем обожгло. Преодолевая боль, девушка

продолжала, захлебываясь, пить. Глоток за глотком она проталкивала жидкость в сухое, как пергамент, горло.

Напившись, она с хрипом откинулась на влажный матрас. Если бы обезвоживание происходило постепенно, то сейчас она бы лежала хладным трупом. Однако стремительное поглощение влаги спорами отнюдь не являлось нормальным процессом. Локон вернулась как раз вовремя, чтобы обратить увядание вспять: руки наливались жизнью, а жжение во рту и горле мало-помалу угасало.

Локон лежала на спине, наслаждаясь ощущением утихающей боли, и думала о том, что ей удалось узнать. И эти мысли не на шутку ее встревожили. А вдруг Ворона найдет остатки спор? Когда оборвались Узы, девушке показалось, что крысиное тельце обратилось в черный дым, а затем рассеялось в воздухе. Она была в этом почти уверена… но что, если на столе капитана остались следы?

– Локон? – окликнул Хак. – Ты как? В порядке?

– Да, – просипела Локон и отбросила с лица пряди, выбившиеся из хвоста, пока она боролась с полуночной сущностью. – Кажется, ты спас мне жизнь, Хак. Спасибо.

– Ну, значит, мы квиты. Если бы ты не вытащила меня из той клетки, я бы сейчас кормил споры на дне Изумрудного моря.

Взволнованный Хак, не находя места лапкам, продолжал их заламывать, поэтому Локон пришлось сесть и заставить себя улыбнуться.

«Гнев двенадцати лун! – мысленно воскликнула она, чувствуя, как надвигается чудовищная головная боль. – Кажется, впредь от полуночных спор лучше держаться подальше…»

Какие бы муки ее ни ждали, теперь ей известно о замыслах Вороны. Конечно, полной уверенности в этом нет, но подслушанные Хаком тревожные сведения не имеют отношения ни к Салэй, ни к кому-либо другому из экипажа. Похоже, навязчивое желание Ворона «избавиться от них» и упомянутые «тайные встречи» относятся исключительно к заразе в ее крови.

Может, Салэй, Энн и Форт знают, что делают?

Боясь, что Ворона, разъяренная наглым шпионажем, вот-вот ворвется в каюту, Локон оцепенело дожидалась своей участи. Но минуты шли, и ничего не случалось. Осознав, что опасность миновала, девушка приняла роскошную ванну, оделась и приготовилась к тайной

встрече. Локон искренне надеялась, что заговорщики не сильно рассердятся, когда узнают, что она не Королевская Маска.

Локон, конечно же, весьма недооценивала способность человеческого разума упрямо верить в несусветную чушь вопреки здравому смыслу.

32. Освободительница

– Я нашла способ выбраться из затруднительного положения, – заявила Салэй и указала на Локон. – Узрите нашу освободительницу!

Локон, затворив за собой дверь, застыла, не в силах отпустить ручку. Она не ожидала, что окажется в центре внимания, едва перешагнув порог камбуза.

– Э-э-э… – заговорила было Локон, но ей не дали высказаться.

– Разумеется, в этом она никогда не сознается. – И Салэй понизила голос до заговорщицкого шепота. – Я уверена, что Локон – Королевская Маска!

«Не хочу перечить, Салэй, но я искренне в этом сомневаюсь», – поднял свою дощечку Форт.

– Ага, и я! – присоединилась к нему Энн. – Локон замечательная и все такое, но совершенно очевидно, что она обыкновенная девчонка с захолустного островка.

– Так в том-то вся суть! – воскликнула Салэй. – Королевская Маска не должна вызывать подозрений. Как много вам доводилось встречать девочек с захолустных островов и чтобы они бесстрашно разгуливали по споровым волнам, а потом еще и запрыгивали на борт идущего корабля?

Форт и Энн пристально посмотрели на Локон. Под их испытующими взглядами она покраснела и попыталась оправдаться:

– Я просто была в отчаянном положении и делала все, что могла, ради выживания…

«Малость подозрительно, – написал Форт, – что Локон почти сразу же стала судовым споровщиком».

– Что же тут странного? – произнесла Салэй. – Она ведь не боится спор!

– Я очень боюсь спор, – возразила Локон.

– Я даже больше скажу, – продолжила Салэй. – Локон могла бы управлять кораблем до самой Мерцающей бухты, но отказалась, потому что предпочла не спускать глаз с Вороны. Она сама мне в этом призналась.

– Салэй, не хочу тебя разочаровывать, но… – Локон вздохнула. – Но ты меня неправильно поняла.

– Погодите-ка, – сказала Энн. – Салэй, ты рассуждаешь так, будто это хорошая новость. А ведь если Локон – Королевская Маска, то мы все рано или поздно умрем. Мы же вне закона.

– Верно, но есть одно но! – Салэй воздела палец. – Локон знает, что мы непричастны к убийствам.

«Чисто формально причастны, – написал Форт. – Как только мы стали пиратами, начали гибнуть люди. И то, что мы не стреляли из пушки, ничего не значит. Мы ответственны за гибель несчастных не меньше, чем Лаггарт и Ворона».

Небольшой камбуз погрузился в тишину. Форт, по своему обыкновению, восседал на табурете за стойкой. Его плечи были настолько широки, что едва не касались противоположных стен. Баталер носил подтяжки, потому что последние семь брючных ремней лопнули при попытке их затянуть.

Кстати, из одного надежного источника мне известно, что Форт получил судебный запрет держаться от остальных ремней не менее чем в тридцати шагах – за причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью.

Энн сидела на стойке – в углу, откинувшись на стену, – и покачивала ногой. Казалось, она заинтересованно всматривается в сучковатую половицу, однако на самом деле ей не давали покоя слова Форта. Все на борту «Вороньей песни» – преступники. Все, за исключением Локон.

Салэй перешла от двери к остальным, чтобы никто из коридора не мог ее подслушать.

– Вот именно поэтому я и считаю, что нам повезло с королевским агентом. Будучи беглецами-висельниками, мы можем надеяться только на Маску – авось она замолвит за нас словечко перед королем. – Салэй с мольбой взглянула на Локон. – Вот почему я назвала ее освободительницей. Она поручится за нас. Расскажет королю о наших добрых намерениях, объяснит, что мы пытались остановить Ворону. Это наш шанс, понимаете?

Локон всегда видела в Салэй женщину решительную и суровую, каким бывает отрывистое и крепкое рукопожатие мужчины, однако сейчас в темных глазах читались страх и страдание.

«Луна милосердная, как же больно слышать ее мольбы и отказывать!» – подумала Локон.

Форт и Энн воззрились на Локон. В их глазах тоже теплилась искра надежды.

Хак прав: эти люди не дураки. Нельзя винить их за веру в то, что девушка с одинокой Скалы не та, за кого себя выдает.

У Локон пересохло во рту, совсем как от злоупотребления полуночным эфиром и обезвоживания. Локон знала способ убедить своих новых друзей, что она не Маска. Нужно всего лишь сказать, что она… Маска! Странным образом это признание докажет обратное… Разумеется, если принять на веру слова Салэй, что Маскам запрещено сознаваться в своей принадлежности к тайному ордену. Но Локон прекрасно понимала, что заявить подобное – значит разбить последнюю надежду вдребезги. Это было бы очень жестоко. Все равно что пнуть котенка… Или даже хуже – привязать к нему динамит и посмотреть, как далеко отлетит голова.

Нет, Локон не могла произнести этих слов. Ведь Салэй, Энн и Форт так отчаянно нуждались в ней. Она искренне хотела, чтобы друзья получили желаемое, поэтому ей ничего не оставалось, как достать из сумки пушечное ядро и… сменить тему разговора.

– Смотрите, что я нашла в потайном отсеке зарядной бочки Лаггарта, – сказала Локон.

Демонстративно сложив руки на груди, Салэй посмотрела на Форта и Энн, как бы спрашивая: «Ну? Что я вам говорила?»

Форт взял ядро и прикинул его вес. Скрюченным пальцам баталера было не уцепиться за гладкую поверхность. Покатав ядро между ладонями, Форт положил его на стойку, достал молоток и зубило и аккуратно стукнул в нескольких местах. После этой нехитрой операции стало возможно удерживать снаряд в ладонях. Форт крутанул половинки в противоположные стороны, и те разделились.

Как правило, внутри пушечного ядра находится заряд зефирных спор и запальное устройство для его подрыва. (К деталям вернемся позже.) Каждое ядро маркируется числом – это количество секунд до второй детонации, которая вызовет разбрызгивание воды. Однако ядро Лаггарта имело совершенно иной принцип действия. Зефир в нем отсутствовал, предназначенная для него полость была забита грубой

тканью, а центральный резервуар вместо воды заполнен свинцовой дробью.

– Заряжено для того, чтобы топить, а не захватывать, – прошептала Энн. – Луна справедливая! Салэй, ты права: капитан намерена сделать нас беглецами-висельниками!

«Я знал, что здесь творится неладное, – поднял дощечку Форт. – И ты, Энн, тоже это чувствовала».

– Да, но чувствовать – одно, а видеть – совершенно другое. – Энн указала пальцем на половинки снаряда. – Локон, как ты раздобыла ядро? Как тебя не поймали?

– Это было не так уж и сложно, – ответила Локон. – Учитывая, что от зефирных зарядов все стараются держаться подальше.

– Но как тебе вообще удалось их обнаружить? – не унималась Энн.

– Ну… у меня есть некоторый опыт в обращении с бочками и потайными отсеками.

Салэй бросила на Локон хитрый взгляд и понимающе улыбнулась.

«Но зачем? – написал Форт. – Что капитан пытается выгадать? Мы ведь и так уже пиратствуем. Убивать людей вместо того, чтобы грабить? Абсурд!»

– Да уж, загвоздка, – сказала Салэй.

Локон помялась, а затем вздохнула. Друзья должны знать, что она сумела выяснить.

– Я подслушала, как Ворона совещалась с Лаггартом. Она нешуточно сомневается в нашей преданности. Капитан решила топить корабли, пока нас не объявят вне закона. Пока не останется такого острова, где нам не будет грозить смертная казнь. Вот так она хочет привязать нас к себе.

– Что ж, котелок у нее варит, – сказала Энн. – Пока мы не потопили тот корабль, я и правда ждала удобного момента, чтобы смыться.

«Ты подслушала разговор капитана с канониром? – написал Форт. – Но как? Они никогда не секретничают на людях».

– Они беседовали с глазу на глаз, – ответила Локон. – В каюте Вороны.

Салэй, Энн и Форт выпучили глаза, и Локон тотчас осознала, какую ужасную ошибку допустила.

«Луна милосердная… – взмолилась Локон. – Не стоило приходить на этот совет с больной головой!»

– Хочешь сказать, что ты следила за Вороной в ее же собственной каюте, пока она шушукалась со своим старпомом о секретном плане подставить экипаж собственного корабля? – спросила Энн.

– Ну да…

Ответ висел какое-то время в воздухе, прежде чем Энн сумела его проглотить и переварить.

– Невероятно искусный шпионаж для девчонки с захолустного островка, не находишь?

– Мне просто повезло, – сказала Локон и поспешила перейти к делу. – Слушайте, я беспокоюсь, как бы капитан еще кого не потопила. Да, подмена ядер спасла сегодня немало жизней, но я думаю, что Ворона захочет отправить ко дну по меньшей мере одно судно, чтобы уж точно привязать нас к себе, к своему плану и кораблю. – И она повела рукой вокруг. – Выражаясь метафорически, конечно же…

– Полностью согласна с Маской, – проговорила Салэй. – Сегодня было опасно. Я считаю, что на наших руках уже достаточно крови. Мы должны придумать, как договориться с Вороной. Расставить все точки над «i».

«Вряд ли это удастся вот так сразу, – написал Форт. – Прежде надо придумать, как утолить ее жажду крови».

– Если вы не заметили, Ворона ненасытна, – произнесла Энн. – Таким, как она, всегда всего мало. Я считаю, следует ее изолировать, чтобы она не могла больше причинять людям вред.

«А если мы убедим ее отправиться в какое-нибудь другое море? – написал Форт. – Желательно в такое, где мало людей, чтобы минимизировать потери среди невинных?»

– А это идея, – кивнула Салэй. – Правда, выбор у нас невелик, моря остались одно другого хуже: Багряное и Полуночное. Впрочем, нам все равно не убедить Ворону. Она будет там, где много кораблей и поживы.

– А я уверена, что склонить капитана к переходу в Багряное море очень даже можно, – возразила Локон.

– Не-а, – мотнула головой Энн. – У капитана слишком развитое чувство самосохранения. Ее не уговорить на столь безрассудный поступок… – Она вдруг прищурилась, глядя на Локон, умолкла и

прибавила: – По крайней мере, нам, простым смертным, этого не сделать.

– Проще простого, – заявила Локон, чувствуя себя несколько неловко от такой самоуверенности. – Салэй, мне кажется, что предложить это капитану должна именно ты.

– Это после моих-то речей в ходе давешнего абордажа? – хмыкнула Салэй. – Смерти моей хочешь? Капитан только и ждет повода! Если предложу ей взять курс на Багряное море, она выбросит меня за борт!

– Локон, неужто ты в самом деле веришь, что Ворону можно убедить? – спросила Энн.

Локон очень хотелось рассказать друзьям все, что она узнала о капитане. О том, что Ворона и сама вознамерилась отправиться в Багряное море, чтобы обрести исцеление. И если она вылечится, то всем это будет только на руку. Ворона не умрет, команда перестанет бояться спорофага. Глядишь, и пиратствовать со временем прекратят…

«Если расскажу, как обо всем прознала, уже точно ни у кого не останется сомнений в том, что я Королевская Маска, – подумала Локон. – Шпионить за капитаном – одно, но признаться, что я ухитрилась прочесть ее личные записи?»

Локон отказалась от идеи объясниться и кивнула:

– Да, я думаю, что капитан согласится плыть в Багряное море. Я берусь ее уговорить, а вы пока займитесь проработкой дальнейших этапов нашего плана. Нужно придумать, как отнять у нее «Воронью песнь».

«Покуда у Вороны в крови эти споры, мы не сможем ничего ей сделать, – написал Форт. – Она попросту неуязвима».

– Планируйте с тем расчетом, что в ближайшем будущем она лишится и спор, и своих сил… Только, пожалуйста, не надо думать, что я представляю для нее опасность.

Форт, Салэй и Энн не преминули в очередной раз многозначительно переглянуться.

– Ладно-ладно, – сказала Салэй, выпроваживая девушку за порог. – Мы подумаем, как захватить корабль, а ты попробуешь уговорить Ворону взять курс на Багряное море. Если она согласится, то я подобью Дугов к мятежу. Они меня обязательно поддержат. Как и нам, большинству Дугов тоже не по нутру эта бойня. – И она понизила

голос. – Ты, главное, о нашей сделке не забывай. Замолвишь перед королем словечко. Убедишь его, что ни один из нас подобного развития событий не хотел и что мы изо всех сил помогали тебе остановить Ворону. Лады?

– Салэй, – проговорила Локон, – я ведь не…

– Конечно, конечно, – перебила Салэй. – Ты не можешь этого признать. Но давай решим вот так. Если у тебя вдруг появится возможность поговорить с королем от нашего имени, пообещай мне, что ты ею воспользуешься, хорошо?

– Пожалуй, это я пообещать могу, – согласилась Локон.

– Вот и славно, – заключила Салэй. – Ах да!.. Удачи!

33. Лгунья

Капитана Локон отыскала на носу корабля. Ворона стояла, привалившись к фальшборту, смотрела, как закатное солнце выжигает горизонт, и прихлебывала из прелестной жестяной кружки, которую она то и дело наполняла водой из фляги.

Когда Локон подошла к Вороне, кипение спор внезапно прекратилось. Дуг, стоявший ночную вахту рулевого, приказал убрать паруса, и корабль со скрипом остановился. Замершее судно со стороны выглядело как неведомый морской зверь, что задремал под убаюкивающие звуки ветра, который то пошуршит спорами, то затреплет парусину. Каждый раз, когда «Воронья песнь» останавливалась, в нерешительности замирала и музыка мира, сбившись с темпа, заданного равномерным движением корабля. Мягкий, часами длившийся шелест спор под форштевнем смолкал, и уже ничто не могло заполнить эту абсолютную и неестественную тишину – даже деревянный настил не скрипнет под ногой Дуга. Экипаж покинул палубу, чтобы перекусить или сыграть в карты, пока море не закипит вновь.

Ворона притворилась, будто не замечает Локон. Глядя на закатное солнце, капитан осушила кружку и покрутила ее на указательном пальце. Она взирала на меркнущее небо – с точно таким же взглядом палач свидетельствует кончину своей жертвы.

Начинать разговор Локон не спешила. Капитан однажды ясно дала всем понять, что не стоит ее отвлекать, когда она наслаждается живительной влагой. Сейчас Локон больше всего боялась за кружку, которую Ворона могла запросто швырнуть за борт. Почему ее так волновала судьба этой вещицы? Вероятно, отчасти потому, что кружка, как и сама Локон, была совершенно обыкновенная. Тревожась за посудину, девушка тревожилась и за себя. Ей претила мысль оказаться за бортом только потому, что у нее нет никаких выдающихся способностей.

Изумрудная луна нависала над кораблем, занимая добрую треть небосклона. Я все гадаю, отчего это жители спорового мира так редко поглядывают на свои луны. Впервые прибыв на планету Локон, я

постоянно ловил себя на том, что глазею на эти небесные тела. Есть все-таки что-то враждебное, гнетущее в том, как эти монстры со всех сторон напирают на беззащитный мирок. Пока все остальные луны, как им и положено, жмутся к стенкам вселенной и дожидаются своего приглашения на планетарный танец новолуния, эти нахалки, ни у кого не спросясь, при полном параде сверкают россыпями драгоценных спор на небесной сцене.

– Локон, зачем ты здесь? – соизволила наконец осведомиться Ворона.

Локон колебалась. Если прямо попросить Ворону отправиться в Багряное море, та сразу же заподозрит неладное.

– Ну… – начала Локон. – Я бы хотела кое-что обсудить.

– Я не это имела в виду, – проговорила Ворона. – Я спрашиваю, зачем ты отправилась в плавание? Что забыла посреди океана?

Один из тех простых вопросов, на которые всегда невероятно сложно ответить. Ведь обычно люди сами не знают, чего хотят. Уверен, вы тоже беситесь, когда вам задают подобные вопросы. Ну а Локон в таких случаях непременно впадала в ступор. Ведь она никогда в жизни не осмеливалась просить то, чего желала.

– Я сбежала с родного островка, чтобы повидать мир, – ответила Локон, не сумев придумать ничего умнее.

– Если бы ты только знала, сколько раз я слышала эту чепуху от мечтателей, нанимающихся в моряки, – проворчала Ворона. – Все твердят как заведенные: «повидать мир, повидать мир…» Соглашусь, путешествовать по морям, видеть сотни островов – это и вправду звучит заманчиво. Однако вся романтика куда-то пропадает, как только выходишь в море. Горькая истина заключается в том, что все портовые таверны до жути похожи друг на друга, а ничего, кроме них, мореплавателю, собственно, на своем веку повидать не суждено.

– Зато можно завести много новых друзей… с богатым внутренним миром!

– Ну да, тут ты права, – с сарказмом произнесла Ворона. – Однако вот тебе еще одна горькая истина. Внутренности всех твоих новых друзей точно так же до жути одинаковы, как уже упомянутые таверны. И ничего, кроме них, беглецу-висельнику повидать не суждено.

Локон потупила взгляд. Ей хотелось, чтобы корабль поскорее пришел в движение. От этого стояния на месте ее укачивало.

– И это все? – спросила Ворона. – Просто ребяческое желание оказаться где угодно, но только подальше от дома?

– Ну да…

Ответ, похоже, разочаровал Ворону.

Между тем солнце на горизонте утопилось в море спор, и только вечерняя заря пламенела на месте его безвременной кончины.

Локон спросила себя, не слишком ли много ей приходится лгать. Впрочем, обманывать таких, как Ворона, ничуть не зазорно. Общество осуждает злодеев, решающих конфликты кулаками, и одновременно не видит ничего предосудительного в том, что тигр глодает чью-то ногу. Держа в голове эту мысль, Локон решила, что лгать капитану она будет со спокойной душой. Ее больше тревожила плотность потока лжи, что изливался из нее в последнее время почти непрестанно. Да, разумеется, это ложь во благо, но ведь и упомянутый тигр может верить, что грызет конечность во благо – пускай и конкретно в свое.

Локон пришла к неутешительному выводу: люди отнюдь не рождаются лжецами или нелжецами. И те и другие – заложники обстоятельств. Виной всему либо воспитание, либо доставшиеся в наследство гены.

– Если честно, – услышала Локон свой голос, – это не все. Тот, кем я очень дорожу, попал в лапы к Колдунье. Я хочу добраться до ее острова, сразиться с ней и вызволить моего… возлюбленного.

Ворона едва не выронила кружку, а Локон невольно выбросила руку, чтобы предотвратить катастрофу.

– Полуночное море? – спросила Ворона. – Ты намерена плыть в Полуночное море?

– Ну, надеюсь, что не в одиночку, – сказала Локон. – Было бы здорово отправиться туда на корабле…

Ворона расхохоталась. Однако это был отнюдь не добродушный, а издевательский и даже враждебный смех. Он не имел ничего общего с обыкновенным смехом – так каркают вороны, почуяв падаль.

– Ты?! – спросила Ворона. – Косматая поломойка из ниоткуда?! И надеешься… Да мне даже вслух это страшно произнести!

От этих слов в душе у Локон что-то изменилось. Нет, не сломалось, но определенно согнулось… и на поверку оказалось куда гибче, чем раньше. Локон взглянула Вороне прямо в глаза и отчеканила:

– Мне кажется, вы несправедливы, капитан. Я через многое прошла, чтобы оказаться здесь. Моя мать всегда говорила: самое сложное в любом деле – начать.

– Как человек, покоривший не одну и не две горные вершины, я со всей ответственностью заявляю, что твоя мать – дура набитая!

Локон почувствовала, как внутри закипает ярость, а лицо заливается краской. Некоторые вещи даже среди пиратов недопустимы.

– Кто, во имя двенадцати лун, отправится с тобой в это самоубийственное плавание?! – воскликнула Ворона.

– Ну-у… – нерешительно протянула Локон. – Мне пока выпало счастье познакомиться только с одним экипажем, и я надеюсь…

Ворона оборвала ее надежды очередным взрывом хохота. Однако Локон ничуть не смутилась, поскольку на этот раз она спровоцировала капитана намеренно. Чем дальше, тем меньше она стеснялась лгать – по крайней мере, лгать Вороне.

И в этот миг у нее родилась прямо-таки грандиозная идея, как еще больше раззадорить капитана.

– А что, если я найду способ отблагодарить вас за помощь? – спросила Локон.

Хохот, которым зашлась Ворона, перешел в лающий кашель. Даже Улаам заинтересованно выглянул из своей каюты. В последний раз капитан так развеселилась, когда матрос умудрился всадить себе в пах абордажный крюк.

– Даже если бы я и хотела отправиться в Полуночное море, – сказала Ворона, утирая слезы, – и даже если бы ты могла за это заплатить, команда ни за что не решится на такое отчаянное плавание.

– Возможно, вы правы. – Локон изобразила задумчивость. – Не стоит, наверное, давить на ваших людей вот так сразу. Может, для начала предложить им менее опасное место? Например… как насчет Багряного моря? Все равно ведь нужно пересечь Багряное море, чтобы добраться до Полуночного… Смотрите, как удачно все складывается!

– Девочка, опомнись! Они нипочем не отважатся на подобную авантюру. Эта команда труслива, как наш король.

– А если мне удастся их уговорить? – спросила Локон. – Тогда вы поможете? Немногие корабли ходят по Багряному морю. И те, что

осмеливаются на такой риск, наверняка загружены под завязку самым ценным товаром.

Не могу не заметить, что данное утверждение весьма абсурдно. С тем же успехом я мог бы заявить, что люди, живущие на окраине, находятся в отменной физической форме по той единственной причине, что им приходится долго добираться пешком до центра.

Ворона пожала плечами:

– Что ж… если убедишь, то помогу. Но люди не согласятся. По крайней мере, сейчас. Они еще недостаточно… отчаялись.

Поблагодарив Ворону, Локон ретировалась. Сказать ей было больше нечего, да и не следовало продолжать разговор, чтобы ничего не испортить. Ведь она, косматая поломойка из ниоткуда, только что обвела вокруг пальца капитана Ворону! И сделала это, между прочим, уже не в первый раз.

34. Тошер

На планете Локон имел место курьезный случай, о котором я не перестаю с удовольствием рассказывать. Чтоб вы знали, самый низший чин среди прислуги в королевском дворце – тошер. Его работа заключается в том, чтобы обыскивать канализацию на предмет всевозможных полезных вещиц, оброненных случайно или выброшенных нарочно.

Вряд ли найдется в целом свете человек, который захотел бы стать тошером. И не только по объективным и весьма пахучим причинам, но и потому, что с тошером не желает говорить ни одна живая душа. Куда бы он ни пошел, всюду от него будут отворачиваться. Одни прикинутся, будто спешат по делам, неизменно ожидающим в той стороне, откуда дует ветер; другие будут слишком увлечены, припоминая, чем вывести следы рвоты с ковра. (Мыло, уксус, теплая вода.)

Тошер, о коем я собираюсь поведать, имел великое множество причин сетовать на жизнь, и некоторые из них были связаны с недостатком клетчатки в рационе короля и приближенных к нему особ. Однако на свой рацион тошер отнюдь не жаловался. Пожалуй, ничего, кроме ужина, его в жизни не радовало. Изо дня в день он ел одно и то же: печеную картофелину и смалец.

Тошер так любил печеный картофель, что из раза в раз просил на ужин не одну, а две картофелины. И его просьбу удовлетворяли – по большей части потому, что спорить с ним подолгу было невозможно. Вскоре это вошло в обычай, и с тех пор тошеру даже просить не было нужды. Две картофелины для тошера. Ежедневно.

Это продолжалось до поры до времени. В один «прекрасный» день младшей прислуге стали выдавать на ужин не картошку, а кукурузный хлеб. Здесь надо сказать, что тошер всей душой ненавидел кукурузный хлеб. И вот тошер принялся ждать, когда же вновь станут подавать на ужин картофель. Однако вскоре понял, что этого не произойдет никогда.

Однажды после бала тошер занимался своей рутинной работой и размышлял над тем, что кто-то опять подмешал в пунш зеленый

краситель, как вдруг его озарила решительная мысль. Жизнь тошера во дворце была жалкой, однако он не сомневался, что положение можно поправить, если что-нибудь предпринять. И вот он вознамерился переговорить с поварихой, чтобы снова съедать за ужином две печеные картофелины.

Тошер разыскал повариху и сначала извинился за скисшее молоко, а затем озвучил свою просьбу: «Пожалуйста, не надо больше кукурузного хлеба. Верните печеный картофель».

Судя по выступившим слезам, просьба тронула повариху, однако менять меню, к сожалению, та не была уполномочена. Повариха объяснила, что распределением продуктов заведует дворецкий, а она только кухарит.

Тошер пошел поговорить с дворецким и обнаружил того за престранным занятием: ставился эксперимент, сколько носовых платков удастся затолкать себе в ноздри. Медлить тошер не стал и озвучил свою проблему. Судя по тому, как дворецкий закусил губу, история задела его за живое, но, увы, пересматривать план питания было не в его компетенции. Обеспечением продовольствием занималась министр торговли; она-то и прекратила поставки картофеля.

Вскоре тошер узнал, что министр торговли уронила в его владения перстень. Хоть и не без труда, но торшер отыскал вещицу, в процессе не переставая дивиться, зачем столь высокопоставленной особе понадобилось пичкать себя такой прорвой кукурузы. Перстень тошер пожелал вернуть при личной встрече, и женщина удостоила его чести увидеться с глазу на глаз. Правда, на улице, в жутко ветреную погоду, при сильном дожде, да еще и в разгар сезона аллергии.

Тошер начал с ходу объяснять свое затруднительное положение, и министр так быстро прониклась, что едва не лишилась чувств, – а ведь он даже не успел приблизиться! Несмотря на охватившее ее сострадание, помочь она ничем не могла, поскольку кормить слуг кукурузой велел сам король.

Надо сказать, что король был не из тех персон, кого видишь воочию ежедневно. Регулярностью он не отличался и посещал нужник не каждые сутки. С зонтиком над головой дождавшись своего шанса, тошер окликнул его величество. В том, что монарх услышит, он не сомневался ни секунды. Опираясь на эмпирические факты, наш герой,

как никто другой, знал, насколько хороша акустика в клоаке под королевским очком.

Тошер спросил короля, не соблаговолит ли тот вернуть полюбившееся блюдо в меню, и поведал историю о тех временах, когда на ужин выдавались аж две картофелины.

Судя по тому, что король прекратил издавать трубные звуки и соизволил заговорить, просьба не вызвала отторжения.

– Я не могу, – сказал король. – Весь урожай картофеля погубили вредители… Ой!.. Берегись!

В тот день тошер усвоил два важных урока. Во-первых, беседуя с тем, кто сидит у тебя над головой, зонт лучше не опускать. Во-вторых, никто, даже сам король, не в силах вернуть картофель в меню.

– Выходит, ты и есть тот малый, – произнес король, заканчивая свои дела, – что начал всю эту историю с двумя картофелинами?

– Ну… да, – ответил тошер и сразу пожалел, что открыл рот.

– Забавно, – резюмировал король, и голос эхом прогремел по канализационной шахте. – Ведь прекратить закупки картофеля я повелел задолго до гибели урожая. Вскоре после того, как ты стал получать на ужин две картофелины, все тоже принялись требовать добавки. Спрос вырос, картофель сильно подорожал, и покупать его для слуг стало чересчур накладно.

Выслушав короля, тошер усвоил еще и третий урок: даже пустяковые события могут иметь серьезные последствия. И если от большинства своих поступков мы вольны своевременно отказаться, то отказаться от последствий этих поступков, увы, уже не получится.

Спускаясь с палубы, Локон испытывала определенное беспокойство. Впрочем, ей было не привыкать. После бесед с капитаном на душе всегда оставался неприятный осадок, похожий на грязную мыльную пену.

Увидав, как Улаам, явно разочарованный тем, что хохот Вороны вызван не пробитыми абордажным крюком гениталиями, удаляется к себе, Локон поспешила следом.

– Доктор! – окликнула его Локон. – Хочу спросить вас про споры… которые я, разумеется, не трогала.

– Тише-тише! – Улаам окинул взглядом коридор и жестом пригласил ее в каюту споровщика.

Когда они оказались за дверью, судовой врач внимательно осмотрел девушку.

– Что ж, выглядишь ты вполне живой…

– Конечно я живая! Ведь говорю сейчас с вами, да и хожу на своих двоих.

– Ну, это еще не повод считать себя живой, – возразил Улаам. – Но что у тебя за вопрос ко мне?

– Оставляют ли полуночные споры какие-нибудь следы после того, как Узы разорваны? Например, если с их помощью ты тайком пробрался туда, где находиться нельзя.

– Мм… Но ведь именно в такие места обычно и пробираются тайком, верно?

– Верно, но я спрашиваю не о том. Что, если ты проник куда нельзя и кто-то снял с тебя полуночное заклинание, чтобы спасти жизнь?

– Это не заклинание, а сложная симбиотическая связь между существами. Но чем бы это ни было, на твоем месте я бы купил своему спасителю какой-нибудь замечательный подарок. Например, новые плечи.

– Э-э-э…

– Никому не помешает иметь запасную пару плеч. Представляешь, мне трижды обещали подарить запасные плечи по разным оказиям и трижды обманывали! Люди такие непостижимые существа!..

– Ну, да… Пожалуйста, вернемся к моему вопросу.

Судовой врач сцепил перед собой пальцы и улыбнулся. Странно, но теперь, когда Локон познакомилась с Улаамом ближе, его мертвенно-бледная кожа и красные глаза выглядели… по-своему привлекательно. Облик казался не демоническим, а скорее эксцентричным.

– Обнаружить полуночную сущность можно, но только если высматривать ее намеренно. Когда симбиотическая связь нарушается, сущность превращается в черный пар и почти мгновенно рассеивается в воздухе без следа.

Локон облегченно вздохнула.

– Почему это так тебя беспокоит? – спросил Улаам.

– Я только что беседовала с капитаном, и у меня ощущение, будто я обвела ее вокруг пальца…

– Но ты уже слишком хорошо знаешь нашего капитана, чтобы поверить в это чудо, – закончил за нее Улаам. – Тебе кажется, будто она тайно манипулирует тобой. Быть может, она догадывается о твоих намерениях? Мм?.. Очень любопытно. Скажи, в чем ты убедила Ворону?

– В том, что нам надо отправиться в Багряное море, – ответила Локон. – Я знаю, что́ вы сейчас скажете… Но я уже говорила с Фортом, Салэй и Энн. Как и я, они готовы к путешествию в багряные воды и полагают, что сумеют подговорить на это Дугов.

– Не сомневаюсь, что сумеют, – кивнул Улаам. – Эти трое могут быть очень убедительными. Но зачем нам в Багряное море? Зачем, во имя лун, тебе понадобилось уговаривать Ворону пуститься в это опасное плавание?

– Ах да! – спохватилась Локон. – Когда я шпионила за Вороной, я узнала о ее намерении отыскать дракона и исцелиться.

– Ксизис… – произнес Улаам. – Она вздумала заключить сделку с Ксизисом?

– Верно, а я воспользовалась этим и убедила ее идти в Багряное море.

– Убедила Ворону в том, что она и так собиралась сделать?

– Получается, что да. Правда, я старалась убеждать так, чтобы она не догадалась, что я убеждаю…

– То есть ты подвела Ворону к решению, которое она и сама собиралась рано или поздно принять, верно?

– Все так сложно… Не покидает мысль, что в этой истории я отнюдь не так умна, как мне кажется.

– В этом, дитя, можешь не сомневаться.

– Да неужто не было умно хотя бы самую малость? – спросила Локон, присаживаясь на койку. – Если бы я не предложила Вороне идти в Багряное море, она бы обязательно потопила еще какой-нибудь корабль. Так что если мы отправимся сейчас в поход вместо того, чтобы разбойничать… то это, наверное, хорошо? И волки сыты, и Дуги целы. Конечно, при условии, что мы сумеем отыскать дракона и он исцелит капитана… И тогда, быть может, не придется больше топить корабли? Почувствовав себя здоровой, Ворона распустит команду, и тогда я…

Надо заметить, что в водах Багряного моря Локон действительно будет ближе к спасению Чарли, чем где бы то ни было. Ближе, чем даже в своих самых смелых мечтах. Добраться до багряных вод – значит преодолеть добрую половину пути до Полуночного моря, что уже само по себе подвиг.

– Дитя, не будь такой наивной, – произнес Улаам, опустившись на колено подле Локон. – Ксизис – дракон, а не филантроп. Чтобы получить от него услугу, сначала придется его чем-то заинтересовать.

– И чем же? Сокровищами? Намекаешь, что мы должны пиратствовать, пока не набьем трюм дарами для дракона?

– Локон, Ксизису не нужны дары. Он не ищет наживы. Ему нужны слуги, которые будут выполнять его поручения, чтобы он мог продолжать свои эксперименты. Но, учитывая, что живет Ксизис на дне спорового моря, в помощники ему годится не каждый.

– Не каждый? – спросила Локон. – Что ты имеешь в виду?

– Слуги не должны бояться спор, – ответил Улаам. – Таково главное условие сделки, и таким оно было всегда. Полагаю, в обмен на исцеление Ксизис потребует раба, который будет служить ему до конца своих дней. Для него это вполне разумная плата. Вся сложность заключается в том, чтобы привести к нему этого раба. Не всякий способен пройти по туннелю из спор и не запаниковать.

В этот ужасный миг Локон вспомнила выражение глаз Вороны, узнавшей, что девушка останется на корабле и займет место споровщика.

«Ты и в самом деле не боишься спор, девочка?» – спросила тогда капитан.

«Луны…» – мысленно взмолилась Локон.

За бортом вновь закипели споры. Вскоре корабль накренился и пришел в движение. С верхней палубы донесся властный голос. Капитан приказала сменить курс. Корабль пойдет в ближайший порт, чтобы пополнить запасы провизии и воды. Он отправится в долгое плавание по Багряному морю, где порт почти такая же редкость, как и дракон.

«Значит, капитан задумала продать меня дракону, – размышляла Локон. – А я по собственной глупости только ускорила приближение этой роковой минуты. Может, я и обвела Ворону вокруг пальца, однако заодно одурачила саму себя!»

Можно сказать, что Локон, как и упомянутый тошер, оказалась по уши в дерьме. Вот только ей, в отличие от тошера, рассчитывать на картофелину – не говоря уже о двух – не приходилось.

Часть 5

35. Любительница чая

Следующие три дня Локон провела, придумывая способ сбежать. Вряд ли у вас повернется язык обвинить нашу героиню в малодушии. Ведь она сделала все возможное, чего только можно было ожидать от нее в этой отнюдь не простой жизненной ситуации.

Во-первых, она спасла экипаж торгового судна, которое Ворона собиралась потопить в ближайшем будущем. Во-вторых, ей удалось направить всех членов команды «Вороньей песни» на путь примирения друг с другом. И в-третьих, провернуть все это ей удалось ценой своей свободы и, по всей вероятности, жизни. Ибо она всерьез сомневалась, что в плену у дракона будет жить долго и счастливо. Принимая во внимание «во-первых», «во-вторых» и «в-третьих», Локон решила, что вполне может пойти на сделку со своей совестью и удрать с корабля.

Перед тем как отправиться в Багряное море, корабль должен был зайти в порт. К тому времени Локон должна была разработать план побега, а затем, распрощавшись с «Вороньей песнью», вернуться к выполнению своей главной задачи.

Девушка не видела никаких препятствий. Но это только поначалу. Все изменилось, когда она начала задумываться. Облокотясь на стол, она сидела у себя в каюте и разглядывала чашки, что Чарли присылал ей из своего путешествия. Он сдержал слово и остался ей верен. И эта упрямая верность привела его в Полуночное море. Ради нее Чарли отверг всех невест, которых пытался навязать ему отец. Чарли мог пойти по пути наименьшего сопротивления, но вместо этого подверг себя смертельной опасности. А все потому, что любил Локон. Только ее одну.

«Но насколько я серьезна в моем намерении? – спросила себя девушка. – Вряд ли без помощи Хойда мне удастся разыскать Колдунью… Кроме того, где еще я найду команду, чтобы осмелилась идти в Багряное море? Да и способна ли я бросить новых друзей на произвол судьбы? Тем более сейчас, когда они возлагают на меня все надежды? Если сбегу, кого тогда отдадут дракону? Или у Вороны не

останется иного выхода, как развернуть корабль и возвратиться в Изумрудное море? Снова грабить и убивать?»

Эти вопросы тяжким бременем лежали на душе, не давая ни минуты покоя. Чем дольше Локон размышляла, тем тяжелее ей становилось. Казалось, мысли о том, как разрешить ситуацию, только усугубляли ее и множили опасности.

В тот день, когда вдалеке наконец-то показался порт, Локон стояла на палубе, а ветер трепал и все больше запутывал ее шевелюру. Девушка снова думала о Чарли. Парень никак не шел из головы, и Локон страшно по нему скучала. До недавних пор она не сознавала, как за все эти годы привыкла на него полагаться. Не то чтобы Чарли делал для нее что-то особенное, – пожалуй, он вообще не относился к тому типу людей, кто пытается что-то делать. Чарли был тем, кто всегда рядом. В его присутствии возникавшие трудности разрешались сами собой. Он будто источал флюиды, которые благотворно воздействуют на сердце в особенно затруднительных эмоциональных состояниях.

В последнее время девушке все сложнее было мысленно восстанавливать образ Чарли. Она могла с точностью вспомнить портрет юноши, висевший над камином в герцогском особняке, но не более того. Локон любила Чарли, однако черты его лица упрямо от нее ускользали. Хотя это не так уж и странно, ведь портрет – всего лишь вещь. Вникнуть в особенности предмета материального мира и запомнить их несложно, но с личностью, у которой есть душа, такой номер не пройдет.

Из моря изумрудных спор вырос остров. Дуги, воодушевленные перспективой вскоре сойти на берег, заулюлюкали. И даже походка Хойда стала как будто пружинистей, когда он прошествовал мимо Локон в…

Ладно, признаюсь, в тот день я натянул черные слаксы и заправил их в белоснежные спортивные носки. Ну да, признаюсь, мне стыдно. Времечко было смутное, и мое чувство стиля хромало на оба колена, перебитых тяжеленным моргенштерном.

Прежде чем Локон успела решить, возьмется ли она реализовать свой уже наполовину сформированный план побега, к ней как будто невзначай подошел Лаггарт. Хлопнув ее по плечу, он указал на каюту капитана:

– Тебя хочет видеть Ворона.

Локон, вздохнув, направилась в каюту. Ворона сидела за столом, держа в пальцах изящную фарфоровую чашку с цветочным мотивом. Капитан глотнула чая и указала на стул возле меньшего столика.

Девушка послушно села, стараясь не пялиться на книжицу, которую еще совсем недавно читала тайком. Ворона, глядя в иллюминатор, рассеянно постучала указательным пальцем по раскрытой странице.

Между тем на палубе громко командовал Лаггарт, гоняя Дугов и готовя корабль к швартовке. Тихо поскрипывая деревянными перекрытиями и замедляя ход, судно поворачивало.

– Прелестная чашка, капитан, – осмелилась заговорить первой Локон.

– Добыча с судна, что мы взяли на абордаж, – ответила Ворона. – Мой первый законный трофей пирата.

– Мы входим в порт, – сказала Локон, как будто Ворона этого не знала. – И я… думаю сойти на берег.

– Нет, не думаешь, – отчеканила Ворона.

– Не думаю?

Ворона покачала головой и отхлебнула из чашки.

– Ты составишь мне компанию здесь, пока экипаж разгружает корабль и пополняет запасы. Насладимся обществом друг друга.

От услышанного по телу пробежала дрожь. Неужели Ворона прознала, что Локон за ней шпионила? Или просто боится, что ее подношение дракону сделает ноги? С упавшим сердцем девушка поняла, что ее сейчас лишили возможности выбора: бежать или не бежать. И даже если капитан и не догадывается о ее планах, искушать судьбу она, похоже, не намерена.

– Любишь чай? – спросила Ворона.

– Да, очень люблю.

– Тогда тебе, вероятно, понравился бы этот, – сказала Ворона. – Сорт называется «Заприэл». Прямиком с Дроматорских островов. Ценится дороже золота.

Локон ждала, что ей предложат чашку чая, но, похоже, у капитана даже в мыслях этого не было.

– Такова жизнь беглеца-висельника, – продолжила Ворона. – Череда всплесков безудержного мотовства. Мы должны вкусить всех

удовольствий, ибо жизнь пирата до неприличия коротка. Мне приятно сознавать, что каждый в моей команде может разделить эти удовольствия со мной.

– Вас радует, что экипаж вашего судна вне закона? И что все вы подлежите поимке?

– Мне приятно сознавать, что мой экипаж живет полноценной жизнью. Да, мы в одном шаге от смерти, но только так можно почувствовать жизнь, – сказала Ворона. – Большинство людей умирает, так и не пожив по-настоящему. Люди боятся потерять годы, что им отмерены, однако забывают главное: они не смогут встретить эти годы достойно, потому что не научились жить. Вот такая ирония отсроченного существования. – Капитан сделала еще глоток и взглянула на Локон. – Наверняка, присоединившись к нам, ты почувствовала себя живее всех живых. Убийство, близость собственной смерти… Верно я говорю?

Локон в самом деле ощущала себя теперь иначе и хотела было согласиться с Вороной, но отчего-то не решилась. Она больше не делила мир на черное и белое, плохое и хорошее. Локон пересмотрела свои взгляды на нормы морали; в последнее время она меньше совестилась поступать безнравственно. Означает ли это, что пиратская жизнь очернила ее душу? И удастся ли когда-нибудь от всего этого отмыться?

– Вы не правы, – наконец произнесла Локон. – Многие живут осмысленной, интересной жизнью и без вашего вмешательства. Вы бесчувственны. Нельзя убивать людей, как скот! Тем более добропорядочных.

– Я не бесчувственнее лун, – возразила Ворона. – Почему лунам можно без разбору губить детей и стариков, благодетелей и злодеев, а мне – нет? А смертельные болезни и голод? А неудачники, которым суждено запнуться о порог и окочуриться у себя дома? Почему я должна воздерживаться от убийства добропорядочных людей? Сея смерть наобум, я исполняю волю богов. Убивать избирательно означало бы поставить себя выше их.

– Вы запросто можете получать все, что пожелаете, никого не убивая.

– Да, но зачем? – спросила Ворона. – В конце концов, пиратка я или нет? Ты, между прочим, тоже в наших рядах – хоть и срамишь

нашу братию своим милосердием. Это ж надо догадаться – защищать суда незнакомых торгашей, когда сама на волоске от смерти!

У Локон перехватило дыхание. Она не могла вымолвить ни звука.

Капитан снова отпила чая.

– Не будем ходить вокруг да около: я знаю про пушечные ядра, – сказала Ворона. – Но тебе повезло – в море полно кораблей, которые только и ждут, чтобы их потопили. Лаггарт, конечно, не догадался, так ведь у него и мозг с грецкий орех. На этом корабле только один человек мог подменить снаряды.

Локон изо всех сил пыталась сохранять хладнокровие, но ее бросило в жар, и на лбу проступил пот.

– Можешь расслабиться, – сказала Ворона, откидываясь на спинку стула. – Поступок хоть и изобретательный, но бестолковый. Если научить тебя беспрекословно выполнять приказы, выйдет отличная служ… то есть я хотела сказать – матрос. Впрочем, сейчас это не имеет никакого значения. Как ты и хотела, мы идем в Багряное море. Ты действительно думаешь, что сумеешь вырвать дружка из когтей Колдуньи?

– Все это не только ради него, – ответила Локон, раздражаясь, что позволила Вороне задеть себя за живое. – Я пыталась защитить команду. Не хотела, чтобы вы лишили этих людей будущего, сделав их беглецами-висельниками.

Ворона хохотнула и переспросила:

– Защитить команду? Каким образом? Убедив ее отправиться в багряные воды? Деточка, решив убить Уива, я так сильно переживала, что обкрадываю саму себя! Ведь этот малый, как никто другой, умел меня веселить. Но опасения оказались напрасными: ты более чем полноценная замена ему!

Зардевшись, Локон потупила взор. Припомнив гордость, которая владела ею несколько дней кряду после подмены снарядов, Локон осознала, насколько была наивна и глупа.

– Ты хоть представляешь себе, каково оно, Багряное море? – спросила Ворона.

– Я… понимаю, что оно опасное.

Ворона разразилась хохотом, да таким, что его, без сомнения, услышали обитатели всех двенадцати лун. Она хлопнула ладонью по столу, и чайное блюдце, подпрыгнув, задребезжало.

– Ты заставила нас взять курс на Багряное море, даже не удосужившись выяснить, что ждет впереди?

Здесь Локон не могла не согласиться с Вороной. Этим вопросом она и в самом деле должна была заняться раньше.

– Я знаю, что тамошние споры гораздо опаснее изумрудных, – сказала девушка. – Но не понимаю, как море может быть еще более опасным, если экипаж не пренебрегает мерами безопасности и не льет воду за борт. Кроме того, весь корабль отделан серебром. Разве этого не достаточно, чтобы пересечь багряные воды?

– Девочка! – воскликнула Ворона с усмешкой. – Не спор надо бояться в багряных водах, а дождей!

Ах да, точно!.. Дожди. Про них-то я и запамятовал рассказать. Наверняка среди вас найдутся те, кто не прекращает задаваться вопросами, какие на планете Локон погодные условия или как осуществляется круговорот воды в природе. Если вы один из этих зануд, для кого подробности чрезвычайно важны, мне искренне вас жаль. Но могу утешить: никогда не поздно приступить к воспитанию личности. Например, сходите на вечеринку, но в разговорах постарайтесь избегать таких тем, как вышеупомянутые погодные условия и круговорот воды в природе. Ведь вы наверняка не сможете обсуждать эти темы так же увлекательно, как и я.

На планете Локон дождь устремляется к земле извивающимися, точно змеи, яркими лентами. Дождь несет с собой одновременно и жизнь, и смерть – точно так, как любят боги. В отличие от обыкновенных атмосферных вихрей, дождевые смерчи более локализованны, и наблюдать их во всей красе лучше ночью: они рассеивают свет на тысячи оттенков. Нет, вы не видели настоящего величия радуги, если ни разу не лицезрели буйство красок над Изумрудным морем на фоне сияющей луны, что затмевает собой почти весь небосклон.

Естественно, как только ленты дождя врезаются в толщу спор, в небо устремляются эфиры – точно некий божественный дух вздумал порезвиться, тут и там воздвигая стены зарослей. Лозы прорастают, вздымаются и высятся, задыхаясь от переполняющей их жизни, до тех пор, пока ревнивые споры не обрушивают их обратно в морские пучины.

Все это восхищает, как может восхищать лишь нечто поистине ужасное, и ужасает, как может ужасать лишь нечто поистине восхитительное. На счастье мореплавателей, предсказать места выпадения осадков не так уж и сложно. Смертоносные дожди проливаются из года в год, следуя одному и тому же маршруту, согласно изогиетам на картах осадков. Эти карты, хоть и составленные сотни лет тому назад, все еще актуальны. Правда, на Багряное море они не распространяются.

– Дожди над Багряным морем проливаются непредсказуемо, – продолжила Ворона. – И разумеется, его споры не менее опасны, чем споры Изумрудного моря, – ведь они прорастают острыми как иглы багряными шипами. Однако более всего следует бояться дождевых смерчей, что имеют обыкновение гулять в небе, прихотливо меняя маршрут, а затем совершенно неожиданно обрушиваться на голову ничего не подозревающим мореходам. Путешествуя по Багряному морю, остается уповать только на слепую удачу. Никакие приготовления не гарантируют полной безопасности. Дождевые вихри убивают без разбора и умного, и дурака. Впрочем, так поступаю и я.

Снаружи донеслась гулкая поступь – запасшись свежей водой, Дуги возвращались на корабль.

– Теперь понимаю. – От услышанного у Локон пересохло в горле. – А Полуночное море? Там то же самое? Внезапные осадки?

– Вовсе нет. – Ворона встала и потянулась. – Там ты про дожди забудешь, как только увидишь прислужников Колдуньи – полуночных чудовищ. И если дождевой вихрь способен долго пугать, кружа вокруг судна в трех морских милях, то эти монстры ждать себя не заставят. В Багряном море тебе может улыбнуться удача, а в Полуночном на нее не рассчитывай. Еще ни один корабль не покинул те воды, не подвергшись нападению тварей Колдуньи. Ни один.

Ворона улыбнулась и кивнула на дверь, отпуская Локон.

Покинув каюту, девушка убедилась, что все Дуги уже вернулись на борт, а запасы пополнены. Теперь сбежать с корабля не представлялось возможным.

36. Исследовательница

Следом за Локон каюту покинула и Ворона. Разрешение спуститься к себе Локон получила не раньше, чем корабль отошел на приличное расстояние от порта и взял курс на Багряное море.

Локон с ужасом осознала, что угодила в ловушку, из которой уже не вырваться. «Воронья песнь» шла полным ходом навстречу смертельным дождевым вихрям.

«Даже если мы каким-то чудом и выживем, моей участи не позавидуешь, – размышляла Локон. – Провести остаток дней в рабстве у дракона! Неужели я и впрямь надеялась обмануть пиратов? Неужели действительно думала, что сумею спасти Чарли? Что из всех людей, живущих на этой планете, именно я способна вырвать его из когтей Колдуньи? Смех, да и только!»

Больше всего Локон расстраивало то, что Чарли может никогда не узнать, на что она пошла ради него. Вероятно, он просто сгниет в казематах Колдуньи. А если даже случится чудо и Чарли выберется на свободу, ему расскажут лишь, что Локон покинула родную Скалу, а затем канула в споры вместе с «Мечтой Ута», потопленной беглецами-висельниками.

Локон спустилась по трапу и пошла по коридору мимо снующих из трюма и обратно веселых Дугов. Она чувствовала себя невероятно одиноко. Так, наверное, чувствует себя за ужином в трактире бедняга, подавившийся куском, если никто этого не замечает или не хочет замечать.

Душившие слезы грозили брызнуть в любой момент. Локон поспешила укрыться в каюте. Она сомневалась, что рыдать у всех на виду – достойное занятие для пирата, и поэтому облегченно выдохнула, успев затворить за собой дверь, прежде чем чувства вырвались наружу.

– Ой-ой! – воскликнул Хак, взбираясь на спинку койки в изножье. – Локон, ты чего? Что-то случилось?

– Я… я… – У девушки сперло дыхание, и она смогла лишь покачать головой.

Слишком много всего навалилось разом. Психика человека, как и его желудок, пластична, но до известных пределов. Да, можно переварить немалое количество пищи за один прием, но если заталкивать ее в желудок слишком быстро, то она полезет обратно.

– Что они с тобой сделали, Локон?! – не унимался Хак. – Уж я им отомщу, обещаю! Все пальцы на ногах отгрызу!

– Пальцы на ногах? – сквозь слезы переспросила Локон, пытаясь представить себе это смехотворное зрелище.

– Ага, – кивнул Хак. – Поступок самый что ни на есть героический. Ведь по вонючести пальцы ног занимают почетное третье место в списке частей человеческого тела. Но ради тебя я готов на все!

Локон улеглась на койку и устремила взор в потолок, но слезы все равно продолжали катиться по щекам.

– Локон? – спросил Хак. – Нет, в самом деле, что случилось?

– Ничего не случилось, – прошептала Локон. – И никто со мной ничего не делал. Я сама виновата. Во всем виновата я сама. Капитан хочет отдать меня дракону Багряного моря – в обмен на исцеление… Но и без этого я уже давно уже знаю, что вляпалась по уши! Так чему я, собственно, удивляюсь? Отчего бы мне и не закончить жалкое существование здесь, на корабле, что несется на всех парусах навстречу року под управлением настоящего демона? Это именно то, чего я заслуживаю!

Локон стала вытирать глаза, и тут большой палец левой ноги пронзила боль.

– Эй!.. – вскрикнула Локон и села, уставившись на Хака, по-прежнему ютившегося в изножье койки.

– Прости, – сказал Хак. – Но я поклялся укусить того, кто заставляет тебя лить слезы. Кстати говоря… Не хочу показаться грубым, но запах от твоих ног…

Локон снова легла.

– Не смеши, пожалуйста, а то я лопну – как охлажденный стакан, который обдали кипятком.

Просеменив по койке, Хак взобрался на подушку и вгляделся в лицо Локон. Слезы хоть и реже, но все равно продолжали катиться, упрямые, как сама боль.

– А я побывал на берегу, – похвастался Хак. – Затаился в штуке ткани. Дуги выволокли ткани на пристань, а когда Форт принялся их сбывать, я потихоньку смылся. Форт и впрямь торгаш, каких поискать! Кстати, город оказался очень интересным. Хочешь послушать, что я видел?

Локон неуверенно пожала плечами.

– Когда мне плохо, я стараюсь думать о чем-нибудь отвлеченном, – сказал Хак, потирая лапки. – Я начну, а ты дай знать, если не поможет – тогда я заткнусь. Иногда людям – да и крысам тоже – лучше молчать. Уж я-то знаю. По крайней мере, кто-то мне однажды это сказал.

Короче, я выбрался из ткани и стал наблюдать издалека, как Форт торгуется. Слов, что он писал на своей дощечке, было не прочесть, зато я видел результат! Форт сбагрил товар выше рыночной стоимости, причем покупатели об этом, похоже, и сами догадывались… А потом он встречался с глухими жителями острова. Их оказалось не так уж и мало! Форт постоянно улыбался, говорил при помощи рук и ни разу не воспользовался дощечкой. Неужели и на других островах бывают такие сборища глухих? Никогда прежде не видывал…

Как бы там ни было, этот городишко королю не присягал и королевский флаг над ним не реял. Все это очень странно, скажу я тебе. Конечно, я понимаю, что мы уже на подступах к Багряному морю, и тем не менее… Король всегда заявлял, что в его королевстве нет пиратских островов, а мы взяли да и причалили к одному из них! Я ожидал увидеть жителей в наглазных повязках, на деревянных ногах, а они оказались… совершенно нормальными!

– Ну а что такого? Мы, к примеру, теперь пираты, а наглазных повязок не носим, – сказала Локон. – Полагаю, нас тоже можно считать вполне нормальными людьми.

– Просто забавно, не находишь? – спросил Хак. – Что все пираты когда-то были нормальными людьми…

Хак умолк, не зная, стоит ли продолжать.

Локон, как ни странно, почувствовала, что разговор ей и в самом деле помогает. Она никогда не испытывала тяги к путешествиям, хоть это и не мешало ей мечтать о далеких землях и заморских чашках. Именно эта любознательная часть натуры и хотела сейчас слушать рассказ Хака о пиратском острове.

– Говоришь, город показался тебе интересным? – повернула девушка голову к Хаку. – И чем же именно он тебя привлек?

– О! – воскликнул Хак. – Локон, ты не поверишь! Там есть колокольня! Всю жизнь мечтал увидеть колокольню собственными глазами! Послушав разговоры, я узнал, что колоколов аж пятьдесят три – странное количество, не находишь? Всегда думал, что на колокольне один колокол, а тут на́ тебе! Пятьдесят три!

Короче, я обежал башню кругом, заглянул в окно и увидел уйму свисающих веревок. Они для того, чтобы звонить. Тянешь, значит, за них, а колокола гудят на весь город! Эх, жаль, что крысам не разрешают дергать колокольные веревки! Пусть и не под силу это нам, но как приятно было бы иметь такую честь!

Локон улыбнулась. Несколько мгновений назад ей это казалось невозможным – все равно что взлететь или придумать точную рифму к слову «клубень».

(Нет, кроме шуток, вы попробуйте!)

Было что-то трогательное в повествовании Хака о его прогулке по пиратскому острову. Он восхищался самыми заурядными вещами. Садом, что благоухал цветами. Мостовой, чьи булыжники выложены спиральными узорами. Питьевым фонтанчиком, приводимым в действие нажатием на ножную педаль.

Уже один тот факт, что Хак находит все эти мелочи интересными и достойными обсуждения, заставлял внимательно слушать. Энтузиазм Хака был куда важнее, чем сам предмет разговора. Вот потому-то Локон и смогла улыбнуться. Конечно, тревоги и печали никуда не делись, однако она получила внутренний толчок, побудивший ее сознание мыслить в позитивном ключе и преображать мрачные мысли в нечто менее гнетущее.

– …А одна девочка, топнув по педали, облила своего брата, наклонившегося попить из фонтанчика, – продолжил Хак. – Ну разве не прелесть? Сразу вспомнилась собственная юность, когда я жил дома и не помышлял ни о пиратских кораблях, ни о дальних плаваниях.

– Хак, ты вовсе не обязан плыть с нами, – сказала Локон. – Если хочешь, возвращайся домой.

– Мне уже не вернуться, – тихо ответил Хак. – Даже если бы захотел, не смог бы. Потому что моего дома больше нет.

Локон уловила в голосе Хака трагичную нотку, поэтому вытягивать из него подробности не стала. К тому же не хотелось задумываться о том, что она и сама, по всей вероятности, никогда не вернется домой.

– Почему кажется, что раньше трава была зеленее? – спросил Хак. – Неужели, когда мы были юными, жизнь имела больше смысла?

– Похоже, что так, – прошептала Локон. – Не забыть мне тихих ночей, когда за чашкой теплого медового чая я наблюдала за падением лунных спор. Это волнующее ожидание неведомого чуда…

– Я помню времена, когда жил и не боялся, – сказал Хак. – Помню, как просыпался каждое утро от знакомых запахов. Наивно верил, будто знаю, как пройдет моя жизнь. В точности как у родителей – просто и скромно. Без излишеств, но и не в бедности.

– И все-таки сомневаюсь, что раньше было лучше, – произнесла Локон, глядя в потолок. – Нам хочется так думать, потому что это успокаивает.

– А еще потому, что воспоминания позволяют забыться, не замечать насущных проблем, – согласился Хак. – Может, мы подсознательно не хотим эти проблемы видеть. Когда мы были юными, всегда находился кто-то, кто справлялся с нашими трудностями за нас.

Локон кивнула.

Со временем воспоминания меняются. Они становятся либо слаще, либо горше. У каждого из нас есть на вооружении рецепт полюбившегося с детства блюда. И всякий раз, колдуя над закипающим горшочком, мы неизбежно вносим улучшения – ведь день ото дня меняемся и мы сами. Поэтому распробовать свое фирменное блюдо в первозданном виде нам уже не суждено. Точно так же и с событиями давно минувших дней. Мы не можем пережить их снова, глядя через искаженную временем призму восприятия. И надо сказать, меня это вдохновляет. Мы неустанно преобразовываем нашу субъективную реальность, порождая предания и облекая воспоминания в баллады. И если с каждым исполнением мы эти предания и баллады невольно приукрашиваем… что ж, это делается во имя искусства, ведь прошлое зачастую оказывается на вкус слишком пресным. Мы постоянно притворяемся, будто культура и идеалы

прошлого благородно стареют, точно вино, однако в действительности они черствеют, как позабытый пряник в темном углу кладовой.

Локон припомнила несколько давно полюбившихся нежных – и даже слащавых – баллад о любви, и ей определенно полегчало. Удивительно, но вся эта болтовня про колокольни и питьевые фонтанчики здорово помогла. Ощутив столь благостную перемену, большинство из нас тотчас поспешило бы забыть недавнюю хандру, но только не Локон, которая предпочитала использовать перепады своего настроения для преодоления жизненных трудностей. От природы прагматичная, она решительно села в койке, готовая к схватке с любым, кто встанет у нее на пути.

– Я должна защитить себя, – прошептала Локон. – Нужно придумать, как одолеть Ворону, прежде чем она продаст меня дракону.

И тут, конечно же, ей очень повезло – в ее каюте хранилось аж пять разновидностей самого опасного вещества на планете.

37. Ученая

Заселившись в каюту споровщика, первым делом она совершила беглый осмотр вещей Уива – в основном для того, чтобы убедиться, что среди них не затесалось ничего опасного. Разумеется, тогда все это было не более чем игрой в споровщика, ведь поначалу она мало смыслила в спорах.

Теперь же Локон затеяла самую настоящую ревизию. Впрочем, оно и неудивительно, ведь сейчас ее жизни грозила реальная опасность.

Если раньше Локон читала заметки Уива из любопытства, то теперь изучала их самым внимательным образом. Если раньше наводила в наследии Уива порядок, то теперь занималась его классификацией. Если раньше Локон принимала научные выводы Уива на веру, то теперь проводила исследования самостоятельно. Ничто не мотивирует так, как обратный отсчет, за которым следует точка невозврата.

Локон отдалась этому занятию не только душой, но и телом, ибо невозможно проводить научные исследования без помощи пары умелых рук и десятка чутких пальцев. Уив был не самым организованным малым. Локон надеялась, что он оставил после себя журнал инструкций и рекомендаций, однако вместо этого обнаружила клочки бумаги с торопливыми каракулями. На этих клочках Уив записывал те самые мимолетные, но ценные умозаключения и недозревшие идеи, что именуются в народе, отроду не сталкивавшемся с гением, не иначе как гениальными. Короче говоря, это был интеллектуальный хлам. Пытаясь выявить хоть какую-нибудь закономерность, Локон не обнаружила ничего, кроме мешанины задумок и легкого разочарования. Типичные признаки пытливого разума, силящегося ухватиться за идеи, что лежат за пределами его досягаемости. В эту ловушку может попасться как болван, так и гений. Подобное качество отнюдь не показатель гениальности. Так человек, досконально изучивший жизнеописания всех гениев, не может претендовать на то, чтобы самому называться гением. И случай с Уивом, скопившим обширную коллекцию идей, претендующих на

гениальность, был как нельзя более показательным. Этот человек загнал себя в ловушку и стал ничем не лучше старушонки, что собирает керамических свинок. В процессе осознания этого факта – а также принятия горькой истины, что ответа на все вопросы разом она не найдет, – Локон наткнулась на первый многообещающий клочок бумаги с подробным эскизом пушечного ядра и нацарапанным снизу рукой капитана требованием. Ворона велела Уиву разобраться в конструкции зефирных снарядов, чтобы не закупать их по завышенным ценам у мастеров зефира.

Устройство пушечных ядер интересовало Локон, но не сказать, что слишком всерьез, – так проявляют побочное любопытство к национальной кухне, когда приступают к изучению незнакомого языка. Но что действительно заинтриговало девушку, так это хитроумный механизм применения спор внутри ядра.

Записи Уива красноречиво говорили, что в своих изысканиях бывший судовой споровщик зашел в тупик. Его соображения только мешали вникнуть в аккуратный эскиз. Однако обнаружилось среди каракулей и кое-что полезное: Локон открыла для себя новый метод проращивания спор.

Вы уже знаете, что пушечное ядро в мире Локон – не просто кусок металла, а произведение артиллерийского искусства. Как я и обещал ранее, сейчас поведаю о нем более подробно. После выстрела внутри снаряда срабатывает замедлитель, благодаря которому водяной взрыв происходит не сразу. Вероятно, об этом вы и сами уже догадались, но известно ли вам, как устроен этот замедлитель?

Вы удивитесь, но он есть не что иное, как лоза. Из записей Локон уяснила, что она отнюдь не первой обнаружила, что лозы можно проращивать и дальше – после уже свершившегося контакта с водой и бурного первоначального прорастания. Детонация спор и выстрел из пушки происходят отчасти непредсказуемо, однако процессы, работающие внутри снаряда вплоть до водяного взрыва, можно рассчитать с точностью до секунды. При точно отмеренном количестве воды изумрудная лоза вырастет ровно настолько, насколько это необходимо канониру.

Специально для тех, кому не дают покоя такие подробности, как погодные условия на планете Локон, я должен уточнить: лоза, исчерпав потенциал, свой рост прекращает. Иначе при крайней

необходимости употреблять лозы в пищу было бы просто невозможно. Завершение роста является необходимым условием для того, чтобы питаться лозами без риска навредить здоровью.

В общем, первоначальная детонация отправляет пушечное ядро в полет, а заодно раскалывает внутри снаряда стеклянную ампулу с водой, призванной смочить конец изумрудной лозы и пустить ее в рост. Лоза проталкивает ударник с серебряным бойком прямиком к розеитовой сфере, обложенной зефирными спорами. Внутренняя сторона сферы покрыта воском, чтобы избежать соприкосновения розеита с находящейся внутри нее водой. Когда серебряный боек врезается в зефирные споры, некоторые из них погибают, однако большинство остается невредимо. Под ударом бойка сфера дает трещину, вода выплескивается наружу и вступает в реакцию со спорами. Зефир взрывается, и снаряд разлетается на осколки, высвобождая воду из розеитовой сферы.

Под эскизом Локон нашла приписку: «Мне довелось повидать множество инженерных решений, но я продолжаю считать, что будущее за ударно-детонационными снарядами». Судя по всему, заметка принадлежала не Уиву, а человеку, создавшему эскиз.

Локон не имела ни малейшего представления, что такое «ударно-детонационные снаряды», однако конструкция, по ее мнению, притязала на гениальность. Пушечный выстрел производился благодаря взаимодействию трех различных эфиров. Изумрудный эфир служил фитилем, розеитовый – резервуаром для водяного заряда, а зефирный отвечал за детонацию снаряда. Вы спросите, почему сфера, наполненная водой, не трескалась, когда ядро вылетало из жерла пушки? Что ж, я вам отвечу. Розеит гораздо крепче стекла, но при этом он очень уязвим для серебра. Изучая эскиз, Локон отметила про себя одно важное свойство воска – свойство изолировать эфир от воды.

Локон охватил благоговейный трепет. Один за другим в голове зарождались мыслимые и немыслимые эксперименты. Не могу не отметить, что подобные опыты с зефирными спорами зачастую гарантируют только то, что хоронить исследователя будут в нескольких гробах и далеко не сразу – по мере отыскания частей тела. Однако в случае с Локон делать поспешных выводов не стоит, потому как мы уже уяснили: наша героиня, в отличие от многих, на редкость рассудительна.

Нормальные люди споровщиками не становятся и стать ими не стремятся. Обычно это ремесло считают своим призванием только те чудаки, кто умудрился каким-то чудом пережить непреодолимую от рождения тягу к прыжкам с головокружительных высот на мелководье, скоростным спускам на велосипедах с горных склонов и поеданию неопознанных ярких ягод.

Человеческий вид действительно нуждается в толике безрассудства. Исключить эту составляющую означало бы обречь цивилизацию на вымирание еще в зачатке. Что с нами сталось бы, окажись наш предок слишком умен и осторожен, чтобы приблизиться после удара молнии к дымящемуся соплеменнику, что лежит бездыханный подле дерева, объятого оранжевым трескучим ореолом? Механизмы эволюции работают непредсказуемо, и точность их оставляет желать лучшего. Индивиды, у которых тестостерона больше, чем нейронов, рождались, рождаются и будут рождаться. А проращивание спор – одна из последних блистательных находок эволюции для методичного и насильственного исключения таких особей из генофонда.

Однако Локон была не из тех, кто испытывает тягу к безрассудным поступкам. Она вступила в ряды безумцев поневоле – в силу обстоятельств. Девушка обладала достаточно пытливым и изобретательным умом, чтобы не только вникнуть в чертеж, но и увидеть в нем идею для изобретения чего-то совершенно нового. И то, чего ей недоставало в образовании формальном, Локон с избытком компенсировала благоразумием.

Локон, скажу я вам, та еще перестраховщица! Даже остывший котелок она брала исключительно в кухонных прихватках.

И вот теперь сочетание этих качеств послужило благодатной почвой, какая требуется для создания всего инновационного. Кто-то, быть может, назовет это дурацким везением, но я называю это неизбежностью.

«Отчего же никто до сих пор не догадался, – задумалась Локон, разглядывая чертеж, – смастерить подобное в миниатюре? И это должен быть не обыкновенный пистоль, а нечто более универсальное. Но разве можно хоть как-то улучшить и без того совершенный пистоль? А как насчет разборного спорострела? Что бы он мог собой представлять?»

Запись в самом низу рисунка, принадлежащая перу его создателя, оказалась недостающим кусочком головоломки: «Данный эскиз начерчен по образу и подобию механизма для запуска сигнальных ракет».

– Луна премудрая!.. Сигнальный пистоль! – воскликнула Локон, чувствуя себя на пороге грандиозного открытия. – Все, что мне нужно, так это…

Раздался стук в дверь. Точно так же в своей прежней жизни стучалась и сама Локон. Без сомнения, это был вежливый стук, однако вся ее сосредоточенность разлетелась вдребезги, словно залпом грянула тысяча артиллерийских орудий. Локон вскочила на ноги и распахнула дверь, с удивлением поймав себя на том, что готова обрушить поток отборной брани на того, кто так бесцеремонно нарушил ее уединение.

За порогом Локон увидела Форта. Широкоплечий баталер полностью перегородил выход в коридор. Перед собой он держал тарелку, заботливо накрытую крышкой от котелка, чтобы еда не остыла.

«Ты пропустила ужин, – показал Форт свою дощечку. – С тобой все в порядке?»

Локон изумленно похлопала глазами, обернулась и обнаружила, что за иллюминатором стемнело. Причем настолько, что приходилось щуриться, читая написанное Фортом.

«Похоже, пора зажигать светильник», – подумала Локон.

Светильник на корабле был роскошью, не доступной никому из экипажа, кроме споровщика. Девушка провела рукой по волосам, пытаясь подсчитать, сколько часов она просидела над записками Уива.

«Луна милосердная! Я ведь едва не обругала Форта, который любезно принес мне ужин прямо в каюту! – вдруг опомнилась Локон. – Что со мной произошло? Может, эти записки заколдованы таким образом, чтобы отнимать у человека все его время? Разве может какой-то эскиз настолько меня заинтересовать? Занятно…»

Факт и в самом деле презанятный. Прежде ничто, кроме коллекционирования чашек и мытья окон, не заставляло Локон напрочь забыть о времени.

– Спасибо, Форт, – поблагодарила Локон, забирая тарелку.

Заглянув под крышку, она обнаружила свой стандартный паек – покрытую корочкой бурду из объедков.

«Судя по виду этих обугленных помоев, на ужин сегодня давали чайку и пюре. Хотя наверняка утверждать было бы весьма опрометчиво, – подумала Локон. – Потому что прежде все подношения Форта подозрительно отдавали опилками и каменной крошкой. Но с другой стороны, я ведь еще жива и не умерла от несварения…»

«Ты по-прежнему моя должница, – сообщил Форт, черкая на дощечке. – Капитан, несмотря на твою новую должность, так и не распорядилась на твой счет».

– А когда мы наконец определимся с достойным вознаграждением за твои труды, – пробормотала девушка, – можно мне будет получать что-нибудь получше поскребышей со дна котла?

«О чем ты? – нахмурился Форт. – Локон, я откладываю для вас с Хойдом самое лучшее и только после этого подпускаю к еде Дугов».

– Что-что?.. – Как громом пораженная, Локон не вдруг пришла в себя.

«Не объедки? – пронеслось у нее в голове. – Выходит, этим питаются все?!»

– О луны!.. – воскликнула наконец девушка.

Форт вежливо потупил взгляд и сконфуженно пожал плечами.

«После смерти Уива мы с Энн стали готовить по очереди, – написал Форт. – Но я оказался лучшим из нас двоих. От стряпни Энн половину экипажа рвало аж три дня подряд».

– Ничего себе!.. – ахнула Локон. – Что ж, кажется, я придумала способ отплатить и тебе, и всему экипажу за проявленную ко мне доброту.

«Готовить здесь не так-то просто, – предостерегающе вскинул ладонь возле дощечки Форт. – У нас только несвежие моряцкие продукты – консервированные, сушеные и вяленые. Приготовить из них что-нибудь вкусное – та еще задачка!»

– Думаю, я смогу вас удивить. Загляни завтра ко мне, прежде чем начнешь готовить ужин…

Локон осеклась. На палубе тревожно прозвенела рында. И это были не те три тяжелых удара, что сообщают о появлении неприятельского судна, и не тот неумолчный перезвон, что приглашает

в камбуз отведать объедков. Колокол грянул дважды, смолк, а затем прозвонил еще дважды.

– Что бы это значило? – спросила Локон.

«Впереди граница, – спешно написал Форт, едва не пританцовывая от волнения. – Прямо по курсу Багряное море. Хочешь посмотреть, как будем пересекать границу?»

– Спрашиваешь! – воскликнула Локон, выскакивая следом за Фортом в коридор.

Сделала она это не без сожаления, поскольку не успела закончить изучение чертежа. Но сожалеть о таком довольно глупо, поскольку научные дисциплины ей никто и никогда не преподавал. Спасибо, что хоть письму и арифметике выучили. Самонадеянные мысли, что у нее могут оказаться способности к наукам, Локон упорно гнала прочь.

«У меня только один талант: мыть окна, – сказала себе девушка. – Обладай я и другими способностями, они бы уже давно проявились».

На самом же деле Локон просто-напросто прежде не сталкивалась с чем-то настолько интересным или опасным, что могло бы по-настоящему ее увлечь.

38. Ученица

Не уверен, что могу рекомендовать споровые моря к посещению. Разумеется, в космере есть и более смертоносные места, но мало где опасность – явление столь обыденное. В другом месте, прежде чем погибнуть, вы сперва услышите страшный грохот, и только затем вашу жизнь заберет какое-нибудь стихийное бедствие. Однако со спорами на планете Локон дела обстоят иначе. Споры непрестанно шепчут, что скоро вы умрете. Но как скоро? Неизвестно… Вот вы наслаждаетесь хорошей книгой, делаете очередной вдох, а он оказывается для вас… последним! Вы вдыхаете несколько багряных спор, и в ту же секунду ваш череп превращается в дуршлаг.

Такое происходит не часто, но когда все же происходит, кажется большей несправедливостью, чем гибель от урагана или удара молнии. Природе следовало бы предупреждать, прежде чем убивать, а то получается как-то не очень, знаете ли, спортивно.

Зато в споровых морях есть на что посмотреть.

Форт освободил для Локон место на носу корабля, отправив пару Дугов на мачту наблюдать за обстановкой. Был вечер, «Воронья песнь» уходила все дальше от лунагри. Позади клонилась к горизонту Изумрудная луна, а впереди, как ее зеркальное отражение, поднималась из-за горизонта огромная красная сфера – луна Багряная. Солнце плыло следом за ней по небосклону, точно приставучий младший братец.

Прямо по курсу, уже совсем невдалеке, изумрудные споры сменялись багряными. Они перемешивались между собой и с палубы казались в самой своей гуще красновато-коричневой массой. Яркая мерцающая толща спор выглядела точно море крови. Как будто Багряную луну подстрелили и «Воронья песнь» летит ей навстречу, предвкушая трапезу мертвечиной.

Локон даже представить себе не могла, насколько ее изумит Багряное море. Цвет красных спор казался прямо-таки неестественным. Изумрудная луна, такое же море – в зеленый оттенок было окрашено все, что ей доводилось созерцать изо дня в день. Когда Локон осознала, что вот-вот покинет зеленые края и окажется на

кроваво-красных просторах, ей стало не по себе. Всю жизнь Изумрудная луна присматривала за Локон. Теперь же в душу девушки закрался иррациональный страх, будто вместе с Изумрудной луной исчезнет и она сама.

Когда корабль пересек границу, Форт облокотился о планшир и поднял дощечку.

«Ты улыбаешься».

– Извини, – ответила Локон. – Просто это… так жутко.

«Ты улыбаешься, когда тебе жутко?»

– Раньше такого не случалось, – пожала плечами Локон. – Думаю, мой мозг напуган всеми этими безумными событиями, что творятся тут, в морях, и пытается к ним приспособиться.

Форт поскреб подбородок, но ничего больше не написал. Локон знала, что он размышляет о секретной миссии Королевской Маски и о том, что девчонка совсем не боится спор. Это было, конечно же, неправдой. Локон боялась спор. Еще как боялась!

И в то же время они завораживали. Локон даже вообразить не могла, как ужасающе красивы окажутся багряные споры. Или как странно будет покидать Изумрудное море. Новые эмоции, точно новые вкусы, могут одновременно и пугать, и пьянить.

Как много Локон не узнала бы о себе, если бы не покинула родной остров! А сколько людей живет в неведении, как жила прежде она? Живет, не имея возможности по-настоящему узнать себя. Это одна из самых горьких истин, что мне пришлось принять. Ирония заключается в том, что каждый из нас может оказаться непризнанным гением в какой-нибудь сфере. Страшно представить, сколько дворников так и не стали гениальными музыкантами первой величины только потому, что у них не было возможности взять в руки музыкальный инструмент.

«Воронья песнь» продолжала свой путь к Багряному морю, пока один из Дугов-такелажников не забил тревогу. Небо разверзлось, и к мореплавателям, змеясь, ринулась сама смерть.

Локон никогда прежде не видела дождя. На ее родном острове воду добывали из колодцев. И хотя она слыхивала о воде, проливающейся с небес, ей все равно это казалось чем-то неправдоподобным, мистическим и даже сказочным.

И похоже, сказочное явление решило прикончить ее при первом же знакомстве. Дождевой вихрь, клубящийся в небе тугими узлами

туч, летел прямо на корабль, оставляя за собой дорожку из взрывающихся на поверхности моря эфиров. Стена багряных шипов росла прямо на глазах. Шипы сцеплялись друг с другом с таким оглушительным треском, что тот разносился, вероятно, на сотни километров вокруг.

Локон замерла словно завороженная. Салэй, к счастью, была в таких делах опытной. Ворона даже не успела отдать приказ, а рулевая уже вовсю заработала штурвалом. Корабль резко сменил курс и, накренившись на левый борт, нехотя вернулся в воды Изумрудного моря.

Дождевой вихрь, похоже, решил за ним не гнаться, хоть и устремился к границе между морями, набирая скорость и оставляя за собой извивающийся зазубренный хребет высотой почти в десять метров. Спустя несколько минут багряные шипы обрушились, и море, поглотив их обломки, вновь успокоилось. Точно так ребенок, разбив банку с печеньем, прячет осколки под ковер, наивно полагая, что все обойдется.

– О луны! – выдохнула Локон. – А что, если кипение спор прекратилось бы именно сейчас? Что, если бы мы остановились?

Форт прочитал на дощечке сказанное Локон и ничего не ответил, только пожал плечами. Раз уж они решились идти в Багряное море, волей-неволей придется брать на себя все риски.

Локон оглянулась на Ворону, которая стояла на юте возле штурвала. Капитан сделала большой глоток из фляжки и о чем-то задумалась.

«Ведь ты еще не совсем выжила из ума, чтобы идти в багряные воды, когда над морем хмурятся дождевые тучи?» – послала ей мысленный вопрос Локон.

– Салэй! – крикнула Ворона, чтобы услышали все. – Будь добра, возьми курс южнее – вдоль границы морей. Идти в багряные воды сейчас не слишком благоразумно.

– Как прикажете, капитан, – откликнулась Салэй.

Спустившись на главную палубу, Ворона вошла в свою каюту и громко захлопнула за собой дверь. Лаггарт заторопился вниз и едва не полетел кувырком с трапа. Для отвода глаз от собственной неуклюжести он поспешил прикрикнуть на Дугов, чтобы те возвращались к работе.

Спустя несколько минут корабль неторопливо шел вдоль границы двух морей. Форт попросил его извинить и отправился чистить кастрюли, а Локон, привалившись к фальшборту, осталась на палубе.

Лаггарт собирался протопать мимо, но вдруг помедлил:

– Эй, ты! Ну, как тебе все это теперь нравится?

– Честно говоря, не знаю, – ответила Локон. – Мне, пожалуй, надо еще пораскинуть мозгами…

– Буду рад с этим помочь! – Улаам был тут как тут.

Лаггарт крякнул, а затем поманил Локон. Заинтригованная, она поднялась следом на ют. Прошествовав мимо штурвала и капитанского мостика, канонир подвел ее к кормовой пушке. Та стояла на отдельной, огражденной леерами платформе, которая походила на укрепленный балкон и нависала прямо над морем спор.

Корма была опасной частью корабля – ее не защищало серебро. Споры, ухитрявшиеся преодолеть пространство между морем и ютом, погибали здесь дольше обычного. Разумеется, мерами предосторожности пренебрегли неспроста. Это было сделано в угоду зефирным спорам, которые применялись в качестве зарядов для стрельбы из пушки.

Лаггарт склонился над бочкой и принялся перебирать снаряды. К счастью, видеть Локон он не мог. Иначе наверняка заметил бы, как та на миг переменилась в лице.

«Что он замыслил? – испугалась Локон. – Неужто хочет ткнуть носом в подмененные ядра? О луны!.. Шпионка из меня никудышная. Как Салэй и другим могло прийти в голову, что я – Королевская Маска?»

Локон и подумать не могла, что можно настолько плохо в чем-то разбираться, что это покажется подозрительным. В таком случае логичнее предположить, что на самом деле этот человек, наоборот, очень даже сведущ в данном вопросе. Ведь сколько требуется знаний, опыта и таланта, чтобы сымитировать столь поразительную некомпетентность! Это состояние я называю транзитивным качеством неумелости. Кстати говоря, им объясняются все те непотребства, что вам случалось когда-либо за мной подмечать.

Однако на этот раз транзитивная неумелость оказалась не у дел. Лаггарт даже не заметил нервозности, и уж подавно он не собирался выпытывать, кто совершил подлог. Вместо этого канонир извлек

обычный снаряд, поднес его к глазам и залюбовался, словно это было не пушечное ядро, а произведение искусства. Вполне возможно, что в его лысой как колено черепушке, раскачивающейся на тощей шее, в тот миг блуждала мысль: «А может, я так же красив?»

– Я подумал и решил, что теперь, когда мы стали настоящими пиратами, нам нужен тот, кто, кроме меня и капитана, сможет стрелять из пушки, – сказал Лаггарт. – Все остальные по части спор просто безнадежны, тренировать их нет смысла. Поэтому мой выбор пал на тебя. С чем и поздравляю!

Локон заметила, что Лаггарт, несмотря на свой удалой тон, не забывал об осторожности. Картуз с зефирными спорами он доставал из бочки чрезвычайно аккуратно – двумя пальцами. Выудив, быстро уронил его в отверстие, находящееся на пушке сверху.

– Так закладывается взрывчатка, – пояснил он, защелкивая металлическую крышку. – И делать это нужно быстро. Палуба хоть и далеко, но серебро даже здесь может погубить споры. Когда они уже в стволе, можно не беспокоиться – внутри он выстлан алюминием, который отражает излучение серебра.

Лаггарт засунул в ствол пушки комок ветоши и утрамбовал шомполом.

– Эта тряпка называется «пыж», служит для удержания газов, – продолжил канонир. – Благодаря ей газы в стволе расширяются позади ядра, не вырываются наружу, и пушка бабахает во всю мощь!

Лаггарт поднес к жерлу ядро, и оно с глухим скрежетом прокатилось по стволу.

– Смотри не наклоняй ствол слишком низко, иначе ядро выкатится.

– Хорошо, – произнесла Локон. – Ну а капитан? Она знает, что ты взялся учить меня стрельбе?

– Я здесь канонир! – рявкнул Лаггарт. – Капитану не должно быть дела, кого я чему учу. Делай, что тебе говорят. И вообще, человек должен сам о себе заботиться. Не хотелось бы получить пулю под ребро и отправиться на корм спорам только потому, что на этой треклятой посудине у всех кишка тонка взять в руки картуз с зефирными спорами.

«Выходит, Лаггарт не знает, что капитан собирается продать меня дракону?» – подумала Локон.

Это показалось странным. Ворона, похоже, посвятила Лаггарта в свои планы, однако о сделке с драконом отчего-то умолчала. И тут девушку осенила догадка. Вероятно, капитан рассматривает канонира в качестве запасной жертвы. Ведь спор Лаггарт, как и она, боится меньше, чем все остальные!

Лаггарт подобрал с палубы какую-то необычную штуковину и бросил за борт. Оказалось, что это привязанный к длинной бечеве буек с флажком. Корабль шел по спорам, а буй не отставал, как самый упорный из преследователей.

– Каждый день делай пять выстрелов. Лучший способ почувствовать пушку – практиковаться и еще раз практиковаться. – И Лаггарт пошел прочь.

– Стойте! – окликнула его Локон. – Мы что, уже закончили? Неужели вам нечего добавить?

– Бесполезно чему-то тебя учить, пока сама не начнешь учиться, – ответил Лаггарт. – К тому же я человек занятой. Разбирайся и не донимай меня глупыми вопросами. Сумеешь потопить буек – мои поздравления. В трюме лежат еще несколько таких же. Когда наловчишься топить с двух выстрелов, тогда и поговорим про настоящие тренировки.

– Ну ладно, – проговорила Локон, и тут ее озарила идея. – А вам не кажется, что это расточительство? Разве годится тратить впустую ядра? Может, у нас на борту есть сигнальный пистоль? Я могла бы начать практиковаться с него…

– Что за дурацкий вопрос! – проворчал Лаггарт.

И в самом деле дурацкий. Но такие вопросы все-таки куда лучше, чем разные самоуверенные заявления.

– Это ж надо – сравнить пистоль с пушкой! – воскликнул Лаггарт. – Делай, что я тебе сказал, тупица!

С этими словами Лаггарт ушел, продолжая что-то бурчать под нос.

Локон сложила на груди руки, гадая, как ей теперь быть. Она собиралась провести вечер за изучением спор или поисками способа снять с Хойда проклятие, однако внезапное вмешательство Лаггарта сорвало все планы. И тем не менее из сложившейся ситуации можно было извлечь пользу. Ведь Локон намерена изобрести споровое

оружие, чтобы одолеть капитана, и эксперименты с пушкой – далеко не самая бесполезная трата времени.

Правда, Лаггарт, отказавшись делиться премудростями стрельбы, подложил ей ту еще свинью. Теперь предстояло провести не один час, постигая тонкости прицеливания. Даже имея краткую передышку на границе морей, девушка понимала, что времени в обрез. В зависимости от того, где именно в Багряном море находится логово Ксизиса, для выполнения плана у Локон оставалось от нескольких часов до нескольких недель.

Решение пришло буквально в следующий миг. Локон выкатила пушку вперед – точно так, как делал Лаггарт. Улыбнулась, взяла влажную паклю и сунула в запальное отверстие. Мгновение спустя прогремел оглушительный взрыв, и Локон вместе с пушкой отлетела назад.

Не прошло и минуты, как на ют взбежала до крайности взволнованная Энн и изумленно выпучила глаза.

39. Птичница

– Крути вот эти два ворота, – объясняла Энн, вращая у основания пушки рукоять, которая мало отличалась от ручки мясорубки. – Первый позволяет развернуть орудие, если в бою возникла необходимость стрелять с противоположного борта. Вторым можно поднимать и опускать ствол, задавая угол полета снаряда. Поскольку в полете ядро непременно теряет высоту, ты должна целить чуть выше, запуская его по дуге. – Энн изобразила рукой траекторию. – Самое сложное – определить расстояние до цели. На выбор у тебя есть несколько снарядов с лозами-фитилями разной длины. Чтобы как следует обездвижить неприятельское судно, следует пустить ядро, которое разорвется в непосредственной близости от борта и окатит его водой.

– Меня не покидает подозрение, что существует гораздо более легкий способ захвата вражеского судна, – произнесла Локон, восседая верхом на пушке. – Как насчет ядра, взрывающегося в момент удара о корпус? Будь у нас такое, отпала бы необходимость оценивать расстояние и все свелось бы только к меткой стрельбе.

– Звучит здорово, – сказала Энн. – Правда, я никогда не слышала о таких ядрах.

«А вот я слышала… то есть видела, – подумала Локон, вдруг догадавшись, что именно подразумевалось под словом „ударно-детонационные“. – Похоже, кто-то вовсю работает над созданием подобных ядер. А может, уже и создал».

Девушке казалось, что препятствий для изобретения такого ядра не существует. Все ведь просто! Нужно сделать его не круглым, а заостренным. Стрелять, соответственно, заостренной частью вперед. Наконечник при столкновении с целью провалится внутрь снаряда и вызовет детонацию. Но возможно ли изготовить снаряд в форме, отличной от шара? Ведь даже само слово «ядро» подразумевает нечто округлое.

Закончив настраивать орудие, Энн выпрямилась и ласково погладила ствол. Мужчины, бойтесь своих желаний! Если в эту минуту вы задумались, как здорово было бы обзавестись женой, которая

смотрела бы на вас, как Энн на свою пушку, то советую поостеречься. Ведь если это желание сбудется, то очень скоро у вас возникнет другое желание, неодолимое: уведомить власти о возможном причинении по неосторожности тяжкого вреда здоровью и переселиться в соседнее королевство, а после регулярно ходить на почту, потому что вам будут присылать вашу ненаглядную по кусочкам – по мере нахождения оторванных частей тела.

– Прости за нескромный вопрос, – сказала Локон. – Откуда эта странная любовь…

– К оружию? – подхватила Энн.

Локон покраснела и кивнула.

– А почему ты так странно краснеешь, когда задаешь вопросы?

– Просто не хочу навязываться.

– Зря даешь себе такие установки, – сказала Энн. – Не стесняйся спрашивать, иначе как узнать или получить то, что тебе нужно?

– Ну… я считаю, что это несправедливо – заставлять других тратить время на раздумья о том, что нужно мне. – Локон глубоко вздохнула. – Так ты скажешь, почему сходишь с ума по оружию?

– А как сама считаешь? – спросила Энн. – Есть догадки?

– Ни единой… Я поинтересовалась у Форта, и он сказал, что ребенком тебя, должно быть, держали в рабстве. Он думает, что твоя страсть к оружию и стрельбе связана с желанием контролировать свое окружение. Жажда власти, если в двух словах.

– Ха! – воскликнула Энн, усаживаясь на бочку с ядрами. – Обычно Форт видит людей насквозь, но вот со мной, похоже, не заладилось.

– То есть ты не была рабыней?

– Я росла на ферме, – ответила Энн. – Вот житуха! Я разводила кур и в ус не дула! Кстати, ты знаешь, что куры очень умные? Из них получаются замечательные домашние питомцы.

– Правда?

– Ага. Ужасно жаль, что они такие вкусные. Еще догадки будут?

– Если честно, я спросила еще и у Салэй, – сказала Локон. – Рулевая говорит, что пушки и огнестрельное оружие – это символы власти. А поскольку судовой плотник – ремесло, которым никого не удивишь, то желание самоутвердиться за счет более ответственной работы канониром вполне естественно и понятно.

– Ну да, – хмыкнула Энн. – Ничего другого я от Салэй и не ожидала! Ее суждения о людях всегда оставляли желать лучшего. Чего уж стесняться в выражениях! Да Салэй просто катастрофически необъективна!

– Верно, – кивнула Локон. – Я успела заметить.

– Только не говори, пожалуйста, что ты и Улаама спрашивала.

Локон покраснела еще сильней.

– Спрашивала! – воскликнула Энн, наставив на нее палец. – Что он сказал?

– Я мало поняла из его объяснений… Говорил что-то про форму оружия, а затем почему-то переключился на сигары…

Энн разразилась хриплым смехом. Это искреннее, бьющее через край веселье заставило Локон улыбнуться. Недаром говорят, что смех заразителен.

– И все-таки почему? – спросила Локон, когда собеседница успокоилась.

– Мне просто кажется, что оружие очень изящное, – пожала плечами Энн.

– И все?

– А этого мало? Вообще-то, по интересам человека можно составить о нем вполне объективное мнение. И именно поэтому мы все такие разные. Кругом кричат, дескать, культура то, культура се… Но что такое культура на самом деле? Она не имеет отношения ни к государству, ни к языку, ни ко всему прочему подобному вздору. Культура – это то, что мы любим. Пьесы, истории, коллекции мраморных статуэток…

– Чашки? – спросила Локон.

– Чашки? – переспросила Энн. – Ну а почему бы и не чашки! Бьюсь об заклад, что в мире тысячи людей коллекционируют чашки. Однако суть такого коллекционирования не в самих чашках…

– А в различиях между чашками.

– Именно! Прямо в яблочко! – хлопнула Энн по пушке. – Если провести аналогию, то я – чашка, которая любит пострелять. Обожаю запах жженых зефирных спор! Доводилось нюхнуть? А этот запах после разряда молнии во время грозы? Самое замечательное в стрельбе по цели – нетривиальность задачи. Это настоящий вызов. Любой неотесанный болван может двинуть своему соседу! А ты

попробуй зарядить парню, что потягивает чай на соседнем корабле и ни о чем не подозревает! Бам! Вот это стиль! Вот это я понимаю! – Энн посмотрела на горизонт, а затем сказала: – Раньше я специально ходила в город, чтобы послушать канонаду. Не пропустила ни одного фестиваля двенадцатого дня. А как громыхало, когда налетчики пытались атаковать наш порт! Эхо выстрелов, отражаясь от холмов, доносилось аж до моей фермы. И каждый раз я говорила себе: «Когда-нибудь и я буду вместе с защитниками города».

– Жаль, что твоя мечта не сбылась, – тихо произнесла Локон.

– Не сбылась? – переспросила Энн. – Да я записалась в ополчение в день совершеннолетия! Сразу в артиллерийский расчет. Прослужила двадцать четыре дня! Пока не случилось то, что случилось… – Энн посмотрела на Локон. – Ты знаешь, что пушечное ядро может отскочить рикошетом? До сих пор в голове не укладывается. Просто безумие! Вряд ли сыщется второй такой рекрут, что ухитрился застрелить своего сержанта… когда тот находился позади… да еще и в казарме.

– Ого! – изумилась Локон.

Энн вздохнула и отошла от пушки.

– В общем, обязательно последуй совету Лаггарта и потренируйся в стрельбе. Сначала пусти ядра с длинным запалом, они будут взрываться за буйком. Оцени расстояние и прикинь, насколько должен быть короче фитиль, чтобы ядро лопнуло аккурат перед буйком. Даже самые искусные канониры не гнушаются пробным выстрелом, чтобы определить направление ветра, скорость полета ядра и тому подобные вещи.

Локон выпрямилась и почувствовала беспричинный укол совести.

– Хочешь выстрелить?

Вероятно, это самая безумная идея, какую мне доводилось слышать. А ведь я, чтоб вы понимали, был участником тайного заговора с целью убийства бога – в самом что ни на есть буквальном смысле!

– Очень смешно, – буркнула Энн. – Стой… Ты это серьезно?

Локон кивнула:

– Ты, похоже, очень скучаешь по этому делу.

Энн наклонилась и внимательно посмотрела девушке в лицо:

– Выглядишь так, будто ни капельки не боишься… Ты и впрямь одна из них!

Что я вам говорил? Транзитивная неумелость в действии!

Энн вернулась к пушке, положила руку на ствол и глянула на Локон:

– Лаггарт будет в бешенстве.

– Он велел не беспокоить его и разбираться самостоятельно, – сказала девушка. – Что я, собственно, и делаю, спрашивая совета у эксперта.

Энн оглядела пушку, затем вновь посмотрела на Локон:

– Правда не шутишь?

– Я знаю, каково это – лишиться того, что любишь. У меня отняли возлюбленного, и я не представляю, как его вернуть или хотя бы помочь ему. Но помочь тебе я могу прямо здесь и сейчас. Поэтому не будем упускать возможности.

Лицо Энн вновь озарилось улыбкой, и она глянула на буй за кормой. Затем развернула пушку по горизонтальной оси. Подумала и повернула еще. И еще…

– Энн, ты уверена? – спросила Локон, протягивая руку. – Наша цель вон там.

Энн взглянула, куда указывала Локон, а затем на пушку, смотревшую в сторону от буйка на добрых тридцать градусов.

– Как по мне, так вполне!

– Крутани-ка в обратную сторону, – сказала Локон. – Доверься мне.

Энн хоть и с неохотой, но выполнила просьбу. Взяв влажную паклю из ведра, она ухмыльнулась – точно владелец похоронного бюро на заваленном трупами поле боя – и выстрелила.

Обе девушки не ждали ничего хорошего от этого выстрела. Локон отчетливо различила тот самый жженый запах с металлическим привкусом, о котором рассказывала Энн. Ядро просвистело над буйком и исчезло в споровых водах Изумрудного моря.

И никому не навредило! Можете себе представить?! Признаться, я даже малость обалдел!

– Спасибо, – тихо произнесла Энн. – Спасибо тебе, Локон!

– Тут не за что благодарить, – отозвалась Локон.

– Очень даже есть за что! – сказала Энн. – Я уже почти поверила в то, что обо мне говорят. Что я проклята, представляешь? А на самом деле я не проклята, а просто… просто неважно целюсь. – Она посмотрела на море и вытерла глаза. – Не проклята! Ты не понимаешь, как мне важно это знать!

– Мы можем упражняться вместе, – предложила Локон. – Приходи хоть каждый день. Вдвоем научимся гораздо быстрее.

– Идет!

– Кстати, я все хотела спросить… – сказала Локон. – У нас на борту есть сигнальный пистоль?

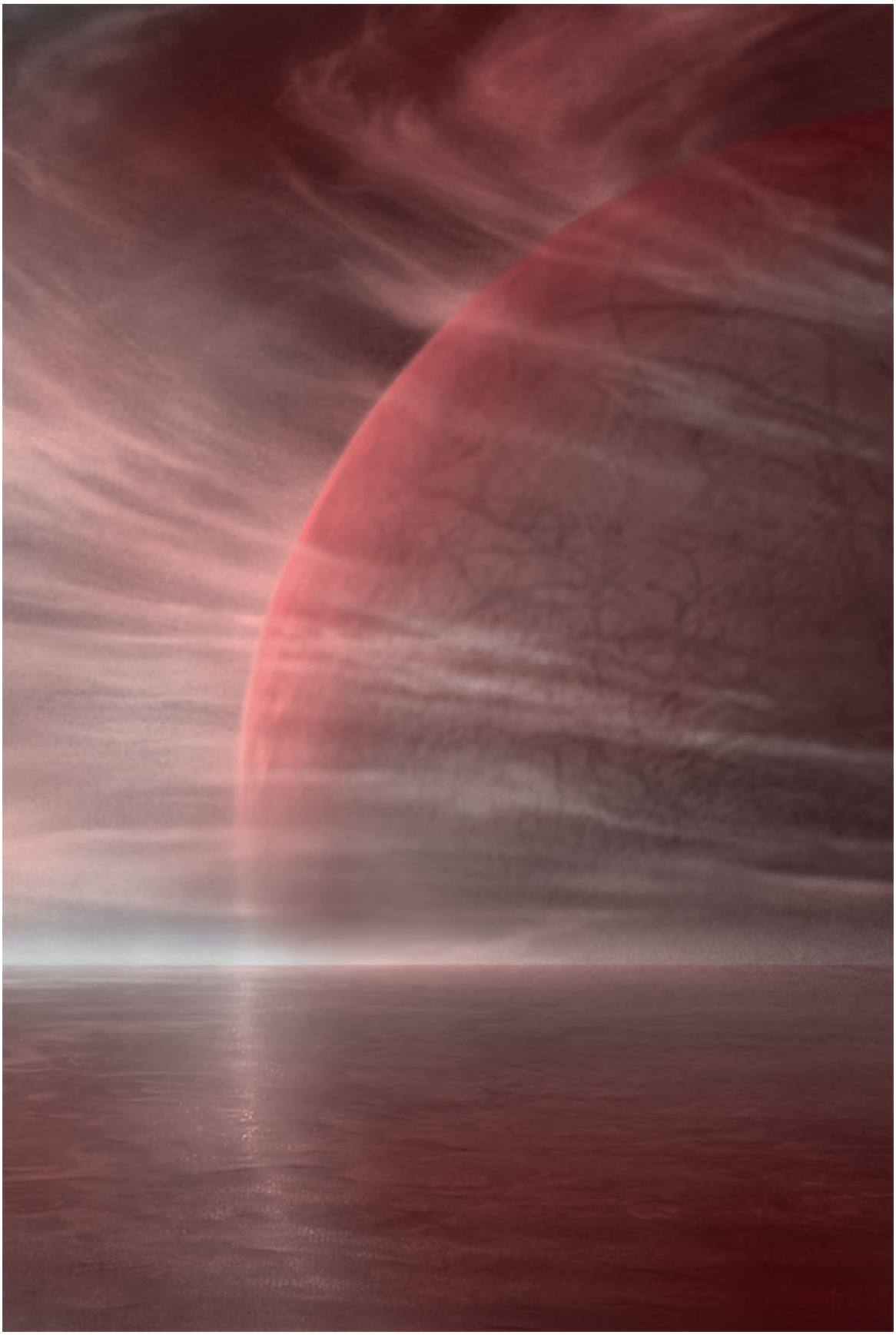
– Разумеется, – ответила Энн. – Что, если корабль потерпит бедствие? Или пираты нападут… Ах да, насчет этого можно не беспокоиться. Сложить оружие – это для нас означает неминуемую смерть. Короче, сигнальными пистолями заведует Форт.

После этого Энн попросила ее извинить и ушла. Лить слезы радости посреди спорового моря на не защищенной серебром корме – не очень-то благоразумное занятие.

Локон села и задумалась о людях, об их неудовлетворенности жизнью. И о том, как легко можно это поправить. Чем-нибудь порадовать при случае или подбодрить добрым словом в нужный момент – вот и все, что нужно человеку, чтобы заполнить его душевную пустоту. Или, как в случае с Энн, позволить выстрелить из пушки. Что может быть проще, чем проявить заботу? А результат превосходит все ожидания.

Прогнав эти мысли, Локон сделала несколько выстрелов, все до единого в молоко.

Пока она прибиралась на корме, Ворона отдала приказ пересечь границу, и на этот раз «Воронья песнь» вошла в Багряное море без происшествий – дождевые вихри ее не преследовали.



40. Кок

Вечером следующего дня Локон провела инвентаризацию корабельного продовольствия, и результаты ее не вдохновили. Залежалая мука, бесполезные приправы и прогорклое масло. Судовая печь – нагревательный элемент, работающий за счет солнечных спор, – тоже оставляла желать лучшего. Быстрая проверка ее возможностей (для этого Локон насыпала на противень влажной муки) показала, что греет она катастрофически неравномерно.

Неудивительно, что у Форта все без исключения подгорало. Хотя не исключено, что делал он это намеренно, с целью скрыть ужасный вкус ингредиентов.

Сложив руки на груди, Локон укоризненно глянула на Форта, но тот лишь пожал плечами. Они поняли друг друга – не понадобилась и дощечка.

– Вот это – за борт. – Девушка протянула баталеру бутылку прогорклого масла. – Срок годности давно вышел.

Форт взял у Локон бутылку, которая в его лапах превратилась в пузырек, и оценивающе оглядел, держа двумя пальцами. Они были в изломах и шишках – впрочем, как и все остальные пальцы на руках. Форт казался таким огромным, что Локон каждый раз задавалась вопросом, человек ли он на самом деле. И если да, то сколько в нем человеческого? Понять ее сомнения нетрудно, но шутки шутками, а Форт был человеком на все сто процентов. И еще процентов на двадцать кем-то еще, а кем именно, мне так и не удалось определить.

– Поверь, из муки мы что-нибудь состряпаем, а вот масло совершенно не годится, – сказала Локон.

«Уверен, ты бы очень удивилась, если бы узнала, что́ матросы могут мне предложить в обмен на это масло», – написал Форт и припрятал бутылку.

Локон и Форт стояли посреди камбуза, который был ненамного больше баталер-камеры. По его периметру почти сплошь – с перерывом на дверь и печь напротив нее – тянулась столешница, а под ней располагались многочисленные шкафчики.

– Вот, держи. – Локон катнула по столешнице миску с орехами кулу. – Растолки их.

«Растолочь?»

– Да. В ступке толки, чтобы не потерять ни капли масла. Орехи кулу очень жирные, и мы этим воспользуемся, раз уж масло никуда не годится.

Форт пожал плечами и приступил к работе, пока Локон возилась со сковородками, пытаясь соорудить нечто вроде пароварки.

– Это для того, чтобы все равномерно проварилось, – заметив удивление на лице Форта, объяснила девушка. – Пар для таких целей подходит идеально.

«Но разве мы не хлеб собрались печь?»

– Хлеб, но только ореховый, – ответила Локон, просеивая муку и проверяя на плесень.

Тесто из старой муки – еще куда ни шло, но из заплесневелой? Нет, это уже ни в какую печь не лезет. К счастью, мука оказалась сухой и достаточно чистой.

– С обыкновенным хлебом нам лучше не связываться. От старой муки плохо никому не станет, но вкус у нее дрянной. Поэтому нужно добавить что-нибудь для улучшения вкуса. Думаю, кулу отлично подойдут. Кроме того, ореховый хлеб можно готовить на пару.

Форт поверил ей и продолжил молоть орехи.

В течение часа Локон полностью освоилась и вспомнила все, что умела. Сколько раз она готовила для семьи, пользуясь только тем, что удавалось раздобыть. За приготовлением еды – хоть и совершавшимся теперь в масштабах гораздо более значительных – девушку охватила знакомая умиротворенность.

Локон очень надеялась, что родители справляются без нее. Она все собиралась написать им, но кругом творилась такая невообразимая кутерьма… А ведь сама, прежде чем покинуть Скалу, не считала зазорным упрекать Чарли за то, что так редко ей пишет! Если морские приключения Чарли хоть отчасти похожи на ее собственные, то это просто чудо, что он выкраивал время для писем.

Форт не пытался скоротать время за праздной болтовней, и если некоторые из вас полагают, будто причиной тому его глухота, то, уверяю, вы заблуждаетесь. Я знаю немало глухих, которые жестикулируют так, что дадут фору любому болтуну. Форт

внимательно следил за каждым движением Локон. Она же никак не могла угадать: то ли баталер пытается перенять у нее опыт, то ли в чем-то ее подозревает.

Девушка неуверенно достала из печи пробную буханку, отрезала краюху и предложила Форту. Тот принял хлеб на ладони, внимательно осмотрел, понюхал, а затем попробовал на вкус и…

…зарыдал!

Подобная реакция способна повергнуть в панику даже маститого искусника. Внезапный плач исключает бесчисленные варианты интерпретации поведения реципиента, оставляя только два. Первый возносит мастера до небес, а второй низвергает в пучину отчаяния. И на какое-то мгновение, предшествующее моменту истины, возникло двойственное состояние квантовой системы. Иными словами, в тот миг оба варианта показались Локон равновозможными. И люди еще удивляются, отчего это искусники такие выпивохи!

Но вот Форт потянулся за вторым куском, и Локон облегченно выдохнула – да так, что могла бы, наверное, надуть паруса корабля. Она вернулась к столешнице, чтобы разрезать тушку чайки – к счастью, свежую – для начинки пирогов. Но не успела приступить, как Форт дотронулся до ее плеча.

«Как тебе это удалось? – написал он. – Я пристально следил и не заметил мухлежа».

– А разве можно смухлевать, когда готовишь?

«Запросто! Использовать секретные ингредиенты, например. Ну или просто взять и подменить испеченный хлеб приготовленным заранее».

– Ты всегда такой подозрительный?

«Не забывай, я баталер пиратского корабля».

– Что ж, смею тебя заверить, никаких подмен я не совершала, – сказала Локон. – И никаких секретных ингредиентов или трюков. Только опыт и находчивость.

Форт взял третий кусок.

– Сколько, по-твоему, будет стоить ежедневная готовка подобного ужина? – спросила Локон, нарезая мясо.

Форт выпрямился, оглядел Локон и лукаво улыбнулся.

«Ого, да ты вздумала поторговаться?»

– Когда ты взял третий кусок, торг, можно сказать, начался.

Форт задумался, недооблизав палец, а затем написал:

«Ты же говорила, что нет никакого мухлежа?»

– Да неужели? – хмыкнула Локон. – Что-то не припоминаю. Я всего лишь заявила, что хлеб не подменяла и секретных ингредиентов не использовала. Хочешь еще кусок?

Следует заметить, что в ходе этого разговора Локон испытывала пусть и слабое, но чувство вины. Она хотела понравиться Форту, а с друзьями, по ее мнению, не торгуются и уж тем более на них не наживаются.

Локон уже достаточно долго наблюдала, как Форт ведет себя с другими членами экипажа. И назвать его эгоистом язык бы не повернулся. Форт не только ее спас тем, что помог забраться на палубу, но и не дал умереть с голоду в первые дни. Казалось, он никогда никому не отказывал. Молчаливо снабжал экипаж лекарствами, обувью и прочими необходимыми вещами. Дуги знали, что у него всегда можно разжиться колодой карт. И крайне редко Форт брал взамен вещь, равноценную той, что отдавал.

Однако с такими людьми, как Энн и Салэй, Форт торговался яростно даже за самую дрянную мелочовку. Даже за те предметы обихода, что полагались им с корабельного склада по умолчанию. Локон догадалась, что Форт, как и ее тетушка Глорф, имеет привычку торговаться до последнего, потому что очень боится продешевить и выставить себя в глупом свете.

Но догадка Локон противоречила действительности точно так же, как противоречит узусу языка выражение «в глупом свете». И тем не менее результат получился удовлетворительным, а моя мысль – вполне понятной вам. Потому что, не сделай Локон этого ошибочного умозаключения, вряд ли она стала бы торговаться с Фортом и делать то, что больше всего ненавидела, – навязываться людям.

«Кажется, я знаю, как ты можешь покрыть долг, – написал Форт. – Продолжай так готовить каждый день, и я зачту все дни, что я тебя кормил. Один к одному».

– Это можно было бы расценить как вполне справедливую сделку, если бы кое-кто не использовал в качестве сырья для готовки мозги, успевшие протухнуть в нижнем ящике шкафа Улаама. Извини, Форт, но твоя еда ничего не стоит, какое уж тут «один к одному». Осмелюсь

даже заявить, что за один мой ужин ты должен зачесть мне минимум дюжину твоих ужасных кормежек.

«Я не согласен с утверждением, что моя еда практически ничего не стоит, – написал Форт, добавив в ступку орехов. Скрюченными пальцами он довольно ловко держал пестик, то и дело прерываясь и постукивая костяшками по дощечке, которая теперь лежала на столе, а потому показывала слова на той же поверхности, на которой их набирали. – Всякая еда хоть сколько-нибудь да полезна. Конечно, если она не ядовита».

– Ядовитой твою стряпню не назовешь, – сказала Локон, – но она определенно стремится к тому, чтобы стать таковой.

«Между прочим, все эти дни она поддерживала в тебе жизненные силы. А жизнь – бесценный дар. Поэтому моя стряпня – в условиях, когда есть больше нечего, – не менее бесценна».

– Ну, моя жизнь не показатель, – возразила Локон, продолжая крошить мясо. – Капитан постоянно напоминает, что она ничего не стоит. А раз так, то и твоя стряпня ничего не стоит.

«Если твоя жизнь ничего не стоит, то и труды твои следует оценивать соответственно, – написал Форт, одной рукой работая пестиком, а другой набирая текст. – Выходит, и платить тебе следует по низшему разряду».

– Тогда мне следует поискать другой способ расплатиться с тобой, а то даже стыдно! – Локон схватила последний кусок хлеба и сунула в рот, прежде чем это успел сделать Форт.

«О луны!» – задохнулась Локон, уже успевшая начисто позабыть, каково это – есть, с великим трудом подавляя рвотный рефлекс.

Форт потер подбородок и усмехнулся:

«Ну хорошо. Каждый день с такой же качественной готовкой ужина – за два дня, что я тебя кормил».

– За пять, – сказала Локон.

«Три!»

– По рукам, – кивнула девушка. – Но ты никому не должен говорить, что эта стряпня – моих рук дело. Я не могу взвалить на себя еще и завтрак с обедом. У меня полно других забот.

«Экипаж заподозрит неладное. Где же это видано, чтобы завтрак и обед отвратные, а ужин королевский?»

– То есть еда все-таки отменная? – спросила Локон.

Форт замер, а затем ухмыльнулся:

«А я недооценил тебя!»

– Ничего, у тебя еще будет шанс исправить это упущение. Форт, ты человек находчивый, успокоить команду как-нибудь сумеешь. Скажи, например, что пробуешь новые рецепты, но время на эксперименты есть только перед ужином. И потом, если мы заставим эту печку работать как надо, то твои блюда, возможно, будут не такими…

«Нестандартными?» – написал Форт.

– Несъедобными.

«Что ж, тогда и впрямь по рукам! Надеюсь, ты согласишься заодно готовить и десерт? А то Дуги давно жалуются, что мой десерт невозможно есть – он плавит тарелку прежде, чем успеваешь занести над ним ложку. Все просят приготовить какой-нибудь другой».

– Что?! Они не только съедают все, что ты даешь, но и еще заказывают? Луны! Сколько же у Улаама в запасе порченых мозгов?

В отличие от неистово хохотавшей Энн, Форт смеялся от души и самообладания при этом не терял. Это был смех человека, которому без разницы, как к этому отнесутся окружающие.

«Я ошибалась, – осознала Локон. – Форт нисколько не боится проиграть торг и выставить себя на посмешище».

«Ну, что думаешь насчет десерта?» – спросил Форт.

– Мне нужен сигнальный пистоль, – сказала Локон, укладывая мясо в форму для пирога. – Разумеется, с зарядами. И разумеется, без лишних вопросов.

Форт окинул ее взглядом:

«Королевская Маска снова в деле?»

– Возможно.

«Это как-то поможет нам выбраться из затруднительного положения?» Форт кивнул в сторону кормы, где находилась каюта капитана.

– Надеюсь, что да.

«Что ж, тогда ты получишь сигнальный пистоль. В обмен на каждодневный десерт до конца нашего плавания».

– До тех пор, пока не доберемся до места назначения, – уточнила Локон.

«Даже не думал, что у нашего путешествия может быть какая-то цель. Любопытно. Ладно, договорились». Форт вытер руку и протянул ее Локон.

Она пожала руку, тем самым скрепив сделку.

«Спасибо тебе, – прибавил Форт. – Сердечное спасибо».

– За что? – спросила девушка. – За еду?

«За сделку. За то, как ты торговалась».

– Форт, почему ты так любишь торговаться? – спросила Локон, облокачиваясь на стойку.

«Я охотник по призванию, – написал Форт. – Каждая удачная сделка – предмет гордости для таких, как я. В особенности для моей семьи».

– Охотник? – недоумевая, переспросила Локон.

«Мой народ понимает этот термин несколько шире, – пояснил Форт. – С годами мы переосмыслили его значение, поскольку сообщество, состоящее из одних охотников на дичь, в прямом смысле слова обречено. Кто будет шить обувь? Печь хлеб? Проводить свадебные обряды? – Форт очистил дощечку и продолжил: – Когда мы достигаем совершеннолетия, каждый выбирает охоту себе по душе. Как и моя мать, я стал охотником за удачными сделками. О каждом достижении я пишу на родину; эти письма заключаются в рамочку и вешаются в нашем семейном зале».

– Ого! – воскликнула Локон.

«Ты впечатлена?» – рассмеялся Форт.

– Не то слово, – ответила Локон. – У меня есть друг, которому твоя история очень пришлась бы по душе. Надеюсь, вам однажды удастся познакомиться. А наша сегодняшняя сделка… попадет на стену почета?

Форт рассмеялся радостнее прежнего:

«Не хочется тебя расстраивать, но ты даже не представляешь, насколько эта сделка удачна для меня. Локон, ты ведь ела мою стряпню! Как же ты могла так продешевить? Да первый же кусок хлеба, что ты мне дала, стоил всех моих кормежек! И что самое смешное, ты не только пообещала больше, чем я рассчитывал получить, но и разрешила мне присвоить твои заслуги. Представляю, как Дуги ахнут, когда попробуют „мой“ ужин! – Форт подмигнул

девушке. – Эту невероятную сделку я опишу аж на трех страницах. А теперь поторопись, Локон, – я хочу отведать еще и мясного пирога!»

41. Философ

Разбирать начиненный спорами сигнальный патрон, пока тебя отвлекают, не лучшая идея. Но надо признать, Локон и не собиралась отвлекаться. Это случилось само собой, как случается внезапная икота или энтропийный распад Вселенной.

Девушка корпела над жестким колпачком из вощеной бумаги на конце сигнального патрона, размышляла о Форте и о чистой радости, которую он переживал в ходе торга. Сама Локон нервничала, когда приходилось торговаться на рынке. Меньше всего ей хотелось внушать людям, что их услуги ничего не значат или что их товар не стоит заявленной цены. Однако Форт все эти купеческие игры просто обожал, как Энн обожала стрелять из пушки.

О помощнице канонира Локон вспомнила, когда стала осторожно высыпать споры из сигнального патрона. Более счастливого человека ей видеть не доводилось. Даже Чарли так не радовался ее пирогам.

Высыпав споры, она принялась осторожно постукивать по оболочке патрона, поглядывая на Хака, который настоял на том, чтобы присутствовать рядом с ней на рабочем столе. Правда, наблюдал он из-под большой суповой миски, придерживая ее головой так, чтобы в случае чего мигом спрятаться. В данный момент Хак, конечно же, больше всего тревожился из-за спор, но в последнее время он боялся собственной тени. Пугался, даже когда корабельного кота не было нигде поблизости.

– Что это? – поинтересовался Хак, когда из сигнального патрона на стол выкатилась розовая сфера.

– Емкость с водой. – Локон подняла сферу к льющемуся через иллюминатор свету и встряхнула ее; внутри всколыхнулась темная вода. – Когда оболочка разбивается, вода вступает в реакцию со спорами. В случае с сигнальным патроном мы имеем дело с солнечными спорами, они вспыхивают ярким и жарким светом.

– Ого! – Хак приподнял миску. – Так они не взрываются?

– Нет, – ответила Локон. – Но в этой вспышке мы можем запросто сгореть. – Она со стуком поставила на стол пушечное ядро. – А вот

этот патрон заполнен зефирными спорами. И если он взорвется, то мало нам не покажется.

Хак демонстративно опустил миску, а Локон задумчиво покатала розеитовый шарик по столу. Ей вспомнились проповеди, читавшиеся в лунные дни на самой высокой точке ее острова. В дни Зеленой луны со Скалы можно было наблюдать солнечное затмение. Локон всегда казалось, будто она чего-то не понимает или что-то упускает. На ее взгляд, выстраивание Зеленой луны и солнца на одной прямой ничем не отличалось от обычной лунной тени, в которой жители Скалы так или иначе оказывались ежедневно. Но похоже, полностью луна затмевала солнце только два раза в год.

Когда случались полные затмения, проповедники напоминали пастве об уважении к лунам и о смысле жизни. Правда, был один нюанс. Каждый проповедник, что наведывался на островок, имел свое собственное представление о предназначении души. Миссионеры даже одной и той же лунной школы не могли поладить друг с другом. И этот нюанс немало утешал Локон. Если уж религия не способна организовать себя, то куда уж ей, простой девушке со Скалы, привести свою жизнь в порядок?

Копаясь в сигнальном патроне в поисках замедлителя, она всерьез задумалась. Каждый проповедник вел себя так, будто только он постиг единственную непреложную истину для всякого живущего. Локон уже догадывалась, в чем тут дело. Четкий, не терпящий возражений ответ на любой вопрос определенно упорядочивает жизнь. К чему придешь, если начнешь сомневаться в том, что дважды два – четыре и что вода закипает при ста градусах?

(На самом деле смысл жизни заключается в том, чтобы научиться имитировать крикливый язык мартышек! И я этот вызов принял!)

Для Форта смыслом жизни были удачные сделки, а Энн видела его в том, чтобы постичь искусство меткой стрельбы и после не собирать товарищей по кускам. Все это ответы на один и тот же вопрос. И хотя звучат они по-разному, быть может, суть у них одна?

Надо отметить, что из Локон получился бы отличный философ. Правда, философия ее уже давно не прельщала. Наука сия оказалась куда менее полезной в повседневной жизни, чем девушке представлялось поначалу. Кроме шуток, многим великим мыслителям,

чтобы осознать данный факт, потребовалось порядка трех десятилетий!

Наконец Локон выудила замедлитель и растянула его на столе. Сигнальное оружие, к ее удивлению, имело устройство, во многом схожее с устройством обыкновенного пистоля. И для выстрела из него тоже требовался заряд спор.

– Так-так… И что мы делаем? – спросил Хак.

– Смотри сюда. – Локон отсоединила заостренный, как карандаш, боек от замедлителя. – Благодаря этой серебряной штучке происходит детонация солнечных спор, которая дает сигнальную вспышку в небе. Но прежде, конечно, боек пробивает розеитовую сферу и высвобождает воду. Я хочу обратить этот процесс вспять, поместив боек в передней части патрона. Когда пуля найдет свою цель, боек разобьет сферу и высвободит воду.

– Все это замечательно и вроде должно сработать, но… – проговорил Хак. – Но зачем это нужно?

– Я это придумала, чтобы остановить Ворону, – объяснила Локон. – В ходе последнего нападения на торговое судно мы убедились, что обыкновенным оружием капитана не возьмешь.

– И теперь ты надеешься одолеть ее при помощи сигнального пистоля?

– Не совсем так.

Локон приступила к сборке патрона. Она не только перенесла серебряный боек под вощеный колпачок, но и заменила солнечные споры. Вместо них поместила смесь песка и изумрудных спор. Собрав патрон, Локон внимательно оглядела его и сказала:

– Я сегодня говорила с Улаамом. По его словам, споры в крови капитана остановят любое оружие, угрожающее ее жизни. Вот я и решила придумать, как обезвредить Ворону, не причинив ей вреда.

– И как же, во имя всех морей, ты собираешься это сделать?

– Тем же способом, каким пираты останавливают «купцов», – пояснила Локон. – Их же не топят, верно? Я переделала сигнальный патрон таким образом, чтобы он взорвался изумрудными лозами и прижал капитана к стене или палубе. Если удастся это провернуть, то Ворона нисколько не пострадает. И не придется ее убивать. Я обезврежу капитана, а Салэй возьмет на себя командование.

– Блестяще! – воскликнул Хак, высовывая нос из-под миски. – Ты и впрямь думаешь, что получится, как задумано?

Локон загнала в непривычно широкий и короткий ствол сигнального пистоля свой новоизобретенный патрон, прицелилась, но на спуск, естественно, не нажала. Сделай она так, вода тотчас попала бы в ствол и грянул бы выстрел. Ставить подобные опыты в не защищенной серебром каюте было бы по меньшей мере неразумно.

«Но как же мне испытать изделие? – задумалась девушка. – Стрелять в иллюминатор совершенно бессмысленно: мишень должна быть твердой, иначе розеитовая сфера попросту не разобьется. Стрелять на палубе тоже не годится – Ворона может преждевременно узнать о моем изобретении… Надо обязательно найти способ!»

Локон опустила сигнальный пистоль и посмотрела на Хака, который наконец-то рискнул выбраться из укрытия и теперь чуть ли не ползком подбирался к ней по столу.

– Эй, ты как будто расстроена? – спросил Хак. – Не грусти, Локон. Обязательно что-нибудь придумаешь. Ты же умная и сметливая.

– Если я что-нибудь придумаю, то обреку Ворону на смерть, – тихо произнесла Локон. – Она не заключит сделку с драконом, и споры в конце концов сожрут ее изнутри.

Хак заломил лапки и пошевелил носом, словно собираясь что-то сказать, но промолчал. Однако Локон знала, что у него на уме.

«Ворона уж точно не заслуживает сострадания» – вот что думал Хак, который, в свою очередь, догадывался, что Локон и сама того же мнения о капитане.

К сожалению, сострадание нельзя перекрыть, как воду, когда она полилась через край раковины. Научиться не сочувствовать можно, но путь к жизни без эмпатии долог и тернист. Ступая на этот путь, будь готов отдать собственную человечность за бесценок.

Чтобы отвлечься от коварных замыслов избавления от Вороны, Локон принялась изучать замедлитель, который она изъяла при переделке сигнального патрона. Маленькое устройство выглядело точь-в-точь как на эскизе, найденном в архиве погибшего споровщика. Замедлитель – выращенный из споры побег изумрудной лозы, а катализатор – хрупкая стеклянная ампула с водой.

Локон оторвала побег от ампулы и сбрызнула его водой. Хак в страхе попятился. Крохотная лоза задрожала и заизвивалась.

Некоторое время Локон наблюдала за ее ростом, а затем решила, что пора попрактиковаться с инструментами Уива.

Побег оживал все заметнее.

Локон поколебалась, но все-таки наклонилась, чтобы присмотреться к нему. Эфир продолжал неуклонно расти, хоть и был пока еще не длиннее пальца. Вдруг удлиняющийся с каждым мгновением кусок лозы, корчась на столе, потянулся к ней.

Локон прянула в сторону, побег устремился туда же.

В нарастающем смятении Локон сдвинулась вместе со стулом обратно, и стебель, сделав зигзаг, вновь нацелился на нее набухающим кончиком.

Когда живительная влага закончилась, она окропила лозу еще раз и присела, желая убедиться, что та вновь поползет прямехонько к ней. Чего же этот эфир алчет? Однажды на Скале Локон нашла в темном сарае несколько разросшихся сорняков, чудом не погибших от соли. Все их побеги тянулись к единственному источнику света – к отверстию от выпавшего из доски сучка.

– Что ты делаешь? – спросил Хак, осторожно приближаясь.

Выставив палец, Локон повращала им в воздухе, и кончик лозы, закрутившись спиралью, устремился к ее руке.

«Его почему-то влечет ко мне, а не к Хаку, – задумалась девушка. – Может, дело в том, что Хак – крыса? Или в том, что Хак боится? С другой стороны, я ведь тоже боюсь спор…»

«Наверное, я не страшусь этой маленькой лозы, потому что выглядит она вполне безобидно», – ответила сама себе Локон.

Когда девушка экспериментировала с полуночными спорами, она связала себя с полуночной сущностью. Похожую привязанность она ощущала и сейчас – к этому изумрудному ростку, что тянулся к ней со стола. Это показалось весьма любопытным. Локон даже как будто чувствовала желание эфира непременно что-то отыскать. Это была слепая, неизбывная жажда.

«Я понимаю тебя, – мысленно сказала Локон ростку и позволила ему прикоснуться к пальцу. (Лоза мягко обвилась вокруг фаланги.) – Форт увлечен сделками, Энн без ума от оружия… А чем живу я? Да, я хочу спасти Чарли, но когда все это закончится… что у меня останется?»

Она глянула на свои чашки. И хотя Локон по-прежнему обожала их, она не могла не признаться себе, что в последнее время смотрит на свою коллекцию только потому, что та напоминает ей о Чарли. Сами по себе чашки уже не обладали прежним очарованием. Слишком много всего ей довелось повидать в странствиях по белу свету. И это относится не только к морям.

Эфир между тем усвоил всю влагу и застыл, обвившись вокруг пальца. Хватка оказалась ничуть не болезненной – наоборот, как будто бы даже нежной – и вызывала скорее любопытство, нежели страх.

Локон сочла этот факт немаловажным.

«Почему росток так миролюбив? Каждый день люди во всем мире контактируют со спорами, хоть зачастую и мертвыми, и опасаются их не без оснований, – размышляла Локон. – А эта лоза ластится ко мне, точно щенок. Сложно поверить, что она таит в себе разрушительную, губительную силу».

Может ли весь белый свет заблуждаться насчет чего-то настолько привычного? Локон рассудила, что это маловероятно. Однако в действительности это было именно так. И ничего удивительного я тут не вижу. Ведь люди постоянно обманываются насчет обыденных вещей.

(Впрочем, как и насчет себе подобных.)

И все же Локон кое-что уяснила. Страх перед спорами и эфирами – вот что привлекает споровщиков.

В то время как толика здорового безрассудства подталкивала наших предков к открытиям, чувство страха спасало им жизнь. И если храбрость позволяла парить, точно птица в небесах, то страх, тяжким камнем лежавший на сердце, тянул вниз, не позволяя подниматься слишком высоко. Спору нет, страх играет важную роль в выживании человека. Однако не стоит слепо бояться всего, чего боялись наши праотцы. Кто знает, может, они в чем-то ошибались?

Например, наши далекие предки считали, что любой чужак – враг. Он или болезнь с собой принесет, или копье исподтишка метнет в филейную часть тела. Но в наши дни от незнакомцев особого коварства ждать не приходится. В худшем случае вы услышите парочку забористых ругательств, которыми потом сможете блеснуть перед друзьями.

Стоит ли бояться эфиров, спросите вы? Что ж, страх перед эфирами точно так же естествен, как и… наличие сосков у мужских особей. А если точнее, то этот страх настолько же естественный, насколько и рудиментарный. Поэтому, отбросив ничем не подкрепленные опасения и предрассудки, не удивляйтесь тому, что окружающий мир вдруг заиграл новыми яркими красками.

42. Проводник

Я люблю воспоминания. Эти поэмы, посвященные нашей жизни, – наша собственная мифология.

При этом я не могу не признать, что память способна сыграть с нами злую шутку, если доверять ей слепо и не подвергать ее здоровой критике.

Зачастую наша память – единственный мостик к тем личностям, коими мы были в разные периоды нашей жизни. А наши воспоминания – ископаемые окаменелости, скелеты наших прежних «я», которых мы, сами того не замечая, хоронили, когда росли и взрослели. А наш разум? Это вечно голодное существо, что алчет лишь незабываемых впечатлений от жизни. Его интересуют только наши взлеты и падения. Банальность бытия растворяется в пене дней, не успевая как следует закрепиться в наших умах. Она вытесняется яркими событиями, воспоминания о которых мы как заведенные перебираем у себя в голове снова и снова, будто пытаясь заново пережить.

Болезненные и сладостные, сюрреалистичные и светлые – какими бы ни были наши воспоминания, мы холим и лелеем их, полируем и возносим на абсурдный пьедестал недостижимой более жизни. Точно язычники, мы поклоняемся идолу памяти, почитая его за божество, способное предопределять нашу жизнь, но если приглядеться, то окажется, что это всего лишь первобытная аляповатая скульптура, слепленная из грязи.

Именно это мне и нравится в воспоминаниях. Память, быть может, не самое главное, что позволяет нам именоваться людьми, однако отрицать ее влияние на нашу судьбу было бы весьма опрометчиво. И вообще, людям следует быть осторожнее со своими воспоминаниями. Нельзя позволять ярким моментам прошлого затмевать блаженные минуты настоящего. Я со всей ответственностью заявляю, что мы можем быть счастливы здесь и сейчас, но рискнете ли вы утверждать наверняка, что были счастливы в своей прежней жизни? Если поддаться этому соблазну, то можно запросто лишиться

радости жизни – потерять ее среди теней былого, которое день ото дня будет все больше обрастать причудливыми легендами.

Я привык об этом размышлять, ибо моя работа – придавать легендам товарный вид и продавать их. За небольшую плату я позволю вам причаститься моих воспоминаний. Клятвенно вас заверяю, что все они правдивы или будут таковыми, если вы не окажетесь слишком въедливым и придирчивым слушателем.

Не позволяйте воспоминаниям преследовать вас. Прислушайтесь к тому, кто умертвил, препарировал, а затем воскресил этого зверя в еще более устрашающем обличье, чем прежде, чтобы выманить у хмельной публики пару монет. Нет, пожалуйста, наслаждайтесь воспоминаниями, но только не становитесь их рабом. Помните, вы никогда не станете прежним собой, как бы вам этого ни хотелось.

В конце концов, воспоминания – давно умершее прошлое. Не забывайте, что вы пока еще живы.

Признаться, я не уделил планете Локон должного внимания, хотя там было на что посмотреть. Я воспринял ее как очередной захудалый мир на задворках Вселенной – мир, что утопает в спорах эфиров, которые, кстати говоря, гораздо полезнее в своих иных ипостасях. Эфиров, чей урожай гораздо легче снимать на самих лунах.

И тем не менее ничего подобного этим спорам я в своих путешествиях не видывал. Пока мы шли по Багряному морю, я чувствовал себя древесным листом, несомым волнами кровавого моря, разлившегося на месте гибели великана. Чем дальше мы отходили от границы Изумрудного моря, тем больше становилась Багряная луна, темная и зловещая даже при свете дня. Она походила на кровоточащую язву на сияющем солнце; она то и дело затмевала его своим огромным диском.

А по ночам она лучилась немигающим потусторонним свечением. Поначалу мы были слишком далеко и не могли видеть споропад, однако вскоре сократили дистанцию достаточно, чтобы лицезреть лунагри воочию. Мы смотрели, как с луны в самый центр моря бьет поток спор. И если изумрудные споры походили на цветочную пыльцу, то багряные напоминали лаву, низвергающуюся с небес, чтобы сжечь планету.

В том путешествии я был малость не в себе, но на мир взирал по-прежнему незамутненным взглядом. Поэтому те деньки запечатлелись

в моей памяти – разумеется, отполировавшей эти окаменелости до блеска – самыми яркими образами. Завораживающие картинки валом валили с неба в лучших традициях магического реализма.

Однако Локон в ту минуту было не до красот. Они снижали ее шансы завладеть моим вниманием.

– Хойд, не мог бы ты сосредоточиться на мне? – попросила она. – Ну пожалуйста!

Я ткнул пальцем в Багряную луну, что висела вдали и извергала в море споры:

– Она как будто блюет.

Локон вздохнула.

– Представь, что море – это гальюн, – продолжил я. – А луна – лицо бога, опорожняющего на нас содержимое своего желудка после ночи, проведенной в непрестанном вращении на барном стуле.

Я даже сочинил стих о блюющем боге, но утруждать вас его прослушиванием, так и быть, не стану. Хотя возможность использовать рифму к слову «кашне», скажу я вам, выпадает только раз в жизни.

После недолгих уговоров я оторвал взгляд от своей новообретенной музы и устроился на палубе рядом с Локон. Разумеется, ей хотелось побеседовать со мной с глазу на глаз у себя в каюте, однако в тот день я был особенно упрям. Кроме того, я хотел понаблюдать, как луна – ей-ей, точно человек – делает свое «тошне».

– Нам надо разрушить проклятие, – сказала Локон.

– Кстати говоря… – откликнулся я, а затем наклонился к ней и заговорщически зашептал: – На меня как раз наложено одно…

– Проклятие?

– Оно самое!

– Хойд, я знаю.

– Правда, что ли?

– Да. Именно поэтому мы и можем сейчас с тобой его обсуждать. Если бы я не знала о твоем проклятии, ты оставался бы нем как рыба.

– То есть я могу говорить только о том, что ты уже знаешь? А о том, чего ты не знаешь, не могу?

– Именно так и действует проклятие.

– Ах да! Проклятие! Кстати говоря…

– Знаю, знаю! На тебя как раз наложено одно из таких проклятий… В общем, мне нужно снять его, чтобы ты показал мне

путь до острова Колдуньи в Полуночном море. Никто, кроме тебя, не знает, где именно она живет.

Я молчал.

– Хойд? – окликнула Локон. – Ты меня слышишь? Понимаешь, о чем я толкую?

– Думаю, что понимаю… Но видишь ли, все это так сложно… – Я наклонился к девушке еще ближе. – Мне нужно сказать тебе…

– Да-да?

– …кое-что важное.

– И что же?

– Только никому ни-ни, хорошо? – прошептал я. – Сандалии с носками в этом сезоне будут невероятно популярны. У всех крышу сорвет! Помяни мое слово!

Локон вздохнула, плохо скрывая раздражение.

Мне-то вполне привычно, когда люди реагируют подобным образом, однако я все-таки предпочитаю раздражать окружающих не иначе как намеренно. Выводить публику из себя случайным образом – это противоречит моей профессиональной этике. Как если бы рабочий, страдающий лунатизмом, построил новую дорогу во время своих ночных похождений. Представляете, какой удар хватил бы прораба, если бы такое приключилось? Как не разбудить лунатика, будь он неладен, но заставить его отправиться на законный обеденный перерыв, чтобы не получить выволочку от профсоюза?

– Хойд, послушай… – вновь привлекла мое внимание Локон. – На этом листке я написала множество всяких слов, так или иначе связанных с проклятиями… Видишь? Скажи, есть ли среди них те, которые ты говорить не волен? Если дашь понять, какие тут запретные, у меня появится шанс снять с тебя проклятие.

Идея была очень даже ничего, и я бы изрядно ею вдохновился, если бы не задумался в тот миг, отчего это никто не шьет одежду из носовых платков…

Или все-таки шьет?!

Локон вручила мне список слов. Склонив голову набок, я внимательно его проштудировал, а затем кивнул.

– Есть что-нибудь? – спросила Локон.

– Кажется, – заявил я, – я только что разучился читать.

Проявив поистине мифическое терпение, Локон забрала у меня список. Она читала вслух, а я повторял.

– Ну? – спросила Локон.

– Некоторые из этих слов я определенно слышал раньше. Правда, я уже успел забыть правила твоей игры. В ней слово отгадывают по картинке? Или я должен разыграть сценку?

Локон застонала и легла на спину, глухо стукнувшись головой о палубу.

– Может, ты сумеешь подсказать мне путь до острова Колдуньи, даже пребывая под чарами?

Я не ответил.

– Хойд?

Я улыбнулся. Один из передних зубов я замазал черной ваксой, чтобы все думали, будто у меня нет резца. Мне казалось, что это очень модно и круто. Во всяком случае, многие Дуги ходили щербатыми.

– А что, если называть буквы? – спросила Локон. – Ты будешь сосредоточенно думать о том, как разрушить проклятие, а я – спрашивать: «Есть такая буква в слове или нет?» Теоретически, если такая буква в нужном нам слове имеется, сказать в ответ ты ничего не сможешь.

А вот эта идея оказалась никудышной. Слишком уж просто. Разумеется, Колдунья подобный метод предусмотрела и «запрограммировала» жертву таким образом, чтобы та не могла подтверждать или опровергать слова, имеющие хоть какое-то отношение к заклятию.

Кроме того, конкретно мой случай… Ну вы понимаете…

– Буквы… – повторил я. – Называть слово по буквам… Читать…

– Да, именно так, – сказала Локон. – Кстати, ты не ответил на мой вопрос. Расскажешь, как добраться до острова Колдуньи? Наверное, для этого не обязательно снимать проклятие?

Я молчал.

Здравомыслящая часть меня искренне надеялась, что Локон заметит, как многозначительно я молчу.

– Погоди-ка! – Локон села. – Каждый раз, когда я завожу речь о путешествии к Колдунье, ты умолкаешь.

– В самом деле? – спросил я.

– Обычно, когда я рядом, ты болтаешь без умолку, а тут будто язык проглотил… – Глаза у Локон расширились. – Хойд, получается, ты не можешь говорить о Колдунье и ее острове?

Ответить, конечно же, я не мог.

– Хойд, – сказала Локон, – а можно с тобой поговорить о королевском острове?

– Я ведь был там однажды! – подхватил я. – Слыхала байку про королевского тошера? Толком ее уже и не помню, но в одном уверен: без какашек там не обошлось! А значит, история презабавная!

– Выходит, моя догадка верна! Об острове Колдуньи – ни гугу, зато о королевском острове – пожалуйста! – произнесла девушка, поднимаясь на ноги. – Так, мне нужна карта!

Ну наконец-то! Всего лишь несколько дней отчаянных попыток, и Локон продвинулась в поиске лечения для меня гораздо дальше, чем Улаам – за целый год, что мы провели с ним на этом корабле. Проклятый оборотень еще и наслаждался моим бедственным положением! Клянусь, с тех пор как Сэйзед освободил оборотней, эти твари изменились! И отнюдь не в лучшую сторону.

Но вернемся к Локон, которая отправилась к Салэй. Рулевая несла вахту на своем посту, уводя корабль все дальше от изумрудных вод. Карты у Салэй под рукой не оказалось, но по просьбе Локон она послала в свою каюту одного из Дугов. Принесенная им карта была не очень подробной. Впрочем, это особенность всех карт Полуночного моря. К счастью, береговая линия – а в мире Локон моря преимущественно имели форму пятиугольника – была изображена сравнительно точно.

Локон принялась задавать мне вопросы, тыча пальцем то в одно место, то в другое.

– Хойд, если я попрошу привести нас вот сюда, ты справишься?

Каждый мой ответ содержал что-нибудь жутко занимательное. Например, как я решил не носить обуви, а смазывать стопы маслом. И так продолжалось бы еще долго, не попади она пальцем в особенную точку.

Когда Локон спросила, что я думаю насчет этой особенной точки, мне не удалось вымолвить ни слова.

Обычно, когда я перестаю вещать, лица озаряются счастьем. Издержки профессии, знаете ли. Однако на этот раз реакция моей

слушательницы оказалось иной. Локон прижала карту к груди, и на ее глаза навернулись слезы.

Теперь она знала, где находится остров Колдуньи. Особенная точка на карте располагалась неподалеку от границы Багряного и Полуночного морей – примерно в половине дня пути.

Это была первая зацепка, которую Локон удалось получить. Первый конкретный шаг к спасению Чарли. И этот поистине замечательный миг был испорчен внезапным появлением дождевого вихря на горизонте, устремившегося прямиком к кораблю.

43. Музыкант

Я знаю, что моряки на вашей планете боятся штормов. Впрочем, это можно сказать и о моряках, которых я встречал на других планетах. Занятно, что многие из них приписывают (или имели когда-то такую привычку) штормам сверхъестественные свойства. По их мнению, шторм никогда не приходит просто так. Шторм обязательно чего-то хочет.

Со всей ответственностью заявляю, что погодные условия на планете Локон складываются без всякого магического вмешательства. Инвеституров там и не пахнет. Поэтому все утверждения моряков, будто штормы обладают самосознанием, – сущий вздор.

Однако дождевое облако, что мчалось на «Воронью песнь», как будто и впрямь действовало вполне осознанно.

Цепенея от ужаса, Локон взирала на приближающийся вихрь, и радость от ее грандиозного открытия с каждой секундой угасала. Неужели все вот так и закончится? Здесь и сейчас? Тяжкие невзгоды, что ей пришлось пережить, трудные достижения – все было зря? Политая струями дождя под всеми мыслимыми и немыслимыми углами, «Воронья песнь» пойдет ко дну?

Больше всего Локон пугало то, что она не может предотвратить гибель.

В подобные моменты мы наделяем ветер, дождь и прочие явления природы человеческими качествами. Нам нужно во что бы то ни стало дать объяснение происходящему. Этот процесс объединяет человеческое существование с человеческим выбором, создает иллюзию понимания всего того непостижимого, что творится вокруг нас. Желание наделять все и вся смыслом заставляет искать причины происхождения того или иного явления там, где их на самом деле нет.

Ветры, которые мы именуем в зависимости от того, куда и как они дуют… Громы и молнии, творимые небожителями, что в гневе кричат и топают ногами где-то в вышине… Дождь, по прихоти богов проливающийся с небес и уничтожающий корабли…

Шторм не имеет четкого определения или очертаний. Это вам не бочка или дерево, которые легко поддаются описанию. Даже для тех из

нас, у кого сугубо аналитический склад ума, шторм – скорее идея, нежели явление, объяснимое законами физики. Кто из вас может точно назвать миг, когда морось превращается в ливень, а тот, в свою очередь, в бурю? Четкой границы не существует. Все зависит от того, как вы воспринимаете окружающую действительность.

Как я уже сказал, шторм – это идея. Так понятней и проще. Вот и Локон, наблюдая за дождевым вихрем, что оставлял за собой багряные шипы, скрещенные, точно копья королевской стражи, желала, чтобы все это было не случайным стечением обстоятельств.

«Пускай это будет воля двенадцати лун!» – думала Локон, изо всех сил внушая себе, что ее смерть не окажется совсем уж бессмысленной.

Вдруг корабль накренился. Локон вскрикнула и вцепилась одной рукой в планшир, а другой в карту Полуночного моря, которую едва не унесло внезапным порывом ветра. Судно качнулось в другую сторону, и Локон бросило туда же. Сперва ей почудилось, будто «Воронья песнь» очутилась целиком и полностью во власти стихии, однако в следующее мгновение девушка услышала крики рулевой и увидела, как Дуги, работавшие с парусами, поспешили выполнить приказ.

Салэй не сильно заботили мысли о нелепой преждевременной гибели. Она считала, что смерть для нее – лишь дело времени, и даже в какой-то мере желала ее прихода.

Я уже упоминал, что на некоторых планетах роль рулевого не так уж и важна. Но только не в споровых морях!

Корабль вновь качнуло, застонали деревянные переборки, затрепетала и захлопала парусина. Судно для плавания по споровым морям значительно отличается от других транспортных средств. С легкостью резко поменять курс не получится – потребуются усилия и время.

Повиснув на планшире, Локон, к своему немалому изумлению, увидела, как Ворона поймала конец оброненного Дугом каната и как следует натянула. Даже сама капитан в минуту опасности выполняет приказы рулевой!

Три Дуга бросились к Салэй, чтобы помочь ей подчинить несколько сот тонн древесины своей воле. «Воронья песнь» ушла с траектории дождевого вихря, можно сказать, лишь чудом: несколько багряных пик, торчащих из эфирного вала, проскребли по ее корпусу.

Салэй осадила Дугов, чтобы те не слишком усердствовали и поворачивали штурвал медленно и равномерно. Локон поначалу не поняла, зачем Салэй так рискует, но вскоре увидела, как сцепившиеся друг с другом гигантские шипы рушатся и тонут, и у нее отлегло от сердца.

Вздымающиеся эфиры заставляли море дрожать и волноваться, а зубчатые хребты, разваливаясь, колебали его поверхность еще пуще. В споровых морях, в отличие от морей обыкновенных, настоящие волны – большая редкость, но, когда они все-таки возникают, ничего хорошего не жди.

«Воронью песнь» затрясло, точно кубик льда в шейкере для коктейлей, а затем корабль повело в сторону, как обычно ведет того, кто этими коктейлями чрезмерно увлекается. У Локон тотчас скрутило желудок и к горлу подкатила тошнота. При мысли о том, что ее вырвет на палубу, сплошь усеянную спорами, она не на шутку перепугалась.

Внезапно ее осенило. Кто бы мог подумать, что ее первая и самая унизительная работа на пиратском корабле спасет ей жизнь! Через несколько мгновений Локон, хоть и не без труда, разыскала ведро, и страху сразу убыло.

Салэй между тем продолжала выкрикивать приказы. Казалось, она удерживает корабль от опрокидывания одной лишь силой воли. Рулевая крутила штурвал, ставя корабль то против волны, то лагом к ней. В эти мгновения она походила на музыканта-виртуоза. Салэй мастерски солировала на своем гигантском инструменте, прокладывая путь в спокойные воды.

На беду, в тот самый миг, когда они почти ушли от опасности, корабль нагнала последняя волна и со всего маху разбилась о борт. На палубу градом посыпались алчущие влаги споры безжалостных эфиров. Их оказалось более чем достаточно, чтобы заглушить серебряную защиту на несколько критически важных секунд. Тут надо добавить, что Локон была отнюдь не единственной, кого в ту минуту тошнило.

В следующую секунду багряные споры оросил багряный же фонтан крови, и в мгновение ока на палубе рядом с трапом, ведущим на ют, вымахали шипы и пригвоздили Дуга к стене капитанской каюты. Пожалуй, я воздержусь от нелепых аналогий и не буду сравнивать этого бедолагу с подушечкой для булавок, однако я прежде

ни разу не видел, чтобы кто-то так стремительно истек кровью. Впрочем, как не видел я и столько пробоин в теле одного человека.

Все как один уставились на эту чудовищную картину. Локон застонала и склонилась над ведром – ее снова вырвало. Опомнившись, Дуги принялись действовать по инструкции. Через несколько мгновений они уже стояли на палубе, вооруженные аварийными полотенцами, чтобы не позволить крови стечь за борт. Если бы судно находилось в Изумрудном море, то кровь, попавшая на обшивку, лишь обездвижила бы его, однако в багряных водах шипы могли разнести «Воронью песнь» в щепки.

К счастью, корабли для плаваний по споровым морям строятся так, чтобы подобные утечки не случались. Все швы заделываются самым тщательным образом.

Наконец серебро сделало свое дело. Багряные шипы стали мертвенно-серыми, и весь экипаж принялся их топтать, превращая в пыль.

А затем кипение спор за бортом прекратилось и корабль замер.

Должен признать, что даже сейчас, спустя годы, это происшествие в Багряном море мне вспоминается не иначе как кошмар наяву. Я довольно хорошо знаю природу и тайны планеты Локон, чтобы утверждать, что штормы там рождаются сами по себе и никто ими не управляет. Но одно дело – знать и утверждать, а другое – верить.

И снова мы все как один – а нас столпилось на палубе чуть больше двадцати, – почуяв неладное, повернули голову и увидели, как свирепый вихрь внезапно сменил направление и вновь двинулся к нам, оставляя за собой зазубренный, шириной в три корабля хребет из шипов-эфиров.

Шторм действительно живое существо, даже если никто им специально не управляет и не напитывает его инвеститурой. Потому что «жизнь» – концепция, придуманная человеком. Мы сами определяем правила игры. Природе совершенно безразлично, что у нас на уме. Жизнь с ее точки зрения – химический процесс. И природу ни в малейшей степени не заботит, что предпочитает тот ли иной человек: чай или кофе. Мы для нее всего лишь горстки углерода, водорода и кислорода.

Шторм оживает лишь тогда, когда мы сами позволяем ему ожить. И команда «Вороньей песни» общими усилиями в тот день оживила

дождевой вихрь. У этого явления просто не было выбора, ведь мы все решили за него.

Локон подняла голову от ведра и воззрилась на приближающийся вихрь. Хватило мгновения, чтобы понять, что у нее нет никаких сил – ни физических, ни моральных. Капитан Ворона тоже ничего не могла поделать, кроме как стоять и смотреть в лицо надвигающейся смерти. При полном штиле даже Салэй была бессильна спасти корабль и команду.

Дождевой вихрь вдруг сменил направление и прошел мимо судна в нескольких сотнях метров.

Лишь секунду назад мы с ужасом думали, будто шторм всерьез вознамерился лишить нас жизни, но на деле его траектория оказалась не более чем прихотью природы. Мы проводили взглядом вихрь, оставивший за собой сплошную стену из багряных шипов, и выдохнули: как только споры закипят, эта стена обязательно обрушится в море.

Дождевой вихрь, выписывая вензеля, удалился за горизонт. Неужели какой-то божок решил посмеяться над нами? Или все-таки это природный процесс, получивший «сознательность» от нашего ума, что во всем ищет общие закономерности, пытается объяснить и упорядочить происходящее?

Я знаю, во что я верил в тот день.

44. Погибший

Помнится, я говорил, что не знаю Дугов по именам. Так вот, я слукавил. Нужно было сосредоточить ваше внимание на главных героях истории.

Своя история есть у каждого из нас, и Дуги не исключение. Умершего звали Паксон. Он и его сестра были матросами на «Вороньей песни». Рослый Паксон – ноги длиннее туловища – по суше передвигался с трудом и был прирожденным моряком. Несмотря на относительную молодость, он был лыс. Подбородок сливался с шеей, и у тех, кто встречался с этим парнем впервые, неизменно просыпалось желание поесть багета.

Кроме того, Паксон был необычайно добр. Не кто иной, как он, не спускал с Локон глаз в тот день, когда она взяла на абордаж «Воронью песнь». Не кто иной, как он вместе с парой Дугов, держал канат, пока Форт затаскивал ее на палубу.

Паксон добродушно посмеивался и благодарил Форта, получая от него тарелку ужасной на вкус бурды. Паксон любил музыку, но играть не умел. Втайне он сокрушался, что так и не выучился. Увы, я был не в том состоянии, чтобы давать ему уроки.

И вот Паксон погиб. Мы предали его тело спорам и поплыли дальше.

Локон чувствовала себя виноватой. Быть может, если бы они задержались в изумрудных водах еще на пару месяцев, то не встретились бы с дождевым вихрем? Локон боялась, что Паксон не последняя жертва ее безрассудства. Вот почему она решила затаиться в своей каюте. Лучший способ отвлечься – заняться делом. В случае с Локон – продолжить эксперименты со спорами.

Хак, по своему обыкновению, был рядом. Рассказывал, каково живется крысам. Его голос отвлекал девушку от тяжелых мыслей. Крысиные истории действовали успокаивающе. И даже когда Хак описывал все невзгоды и трудности, с какими сталкивается любая крыса, у Локон отчего-то становилось легче на душе. Наверное, оттого, что все эти события произошли давным-давно. Она не сомневалась, что истории правдивы, однако за сроком давности они

казались абстрактными, и было невозможно принимать их близко к сердцу.

– Это действительно занимательный факт, – рассуждал Хак. – Мы, крысы, способны улавливать самые разные запахи, о которых вы, похоже, и слыхом не слыхивали. Например, обувь… У всех она пахнет по-разному, ты в курсе?

– Гм… правда? А я думала, что она у всех пахнет более или менее одинаково.

– Только не для крысы! – заявил Хак, усаживаясь на столе, за которым работала Локон, и принялся рассказывать, как однажды выследил в толпе человека по одному лишь характерному запаху его башмаков.

Локон, поглощенная работой, слушала вполуха. Чтобы сигнальный пистоль заработал как надо, требовалось усовершенствовать его заряд. Она точно отмеряла порции спор, скрупулезно отмечая в записной книжке каждый свой шаг, чтобы после испытаний можно было определить, какой из экспериментальных зарядов показал себя наилучшим образом.

Снаружи доносились крики чаек. Дуги, вероятно желая отвлечься от невеселых мыслей о бедняге Паксоне, занялись воздушной рыбалкой. Да и глупо упускать возможность добыть на ужин свежего мяса, ведь птицы над Багряным морем – большая редкость.

Локон разложила перед собой четыре сигнальные пули, четыре стеклянные ампулы с водой и четыре порции спор. По ее задумке при попадании в цель пуля должна была выстрелить лозами изумрудного эфира и обездвижить ее. Количество спор от пули к пуле разнилось, и Локон собиралась оставить только ту, чья конструкция окажется наиболее удачной.

Девушка убеждала себя, что ее изобретение поможет остальным членам экипажа. Чем быстрее она придумает, как обезвредить Ворону, тем скорее «Воронья песнь» покинет багряные воды. К сожалению, этот аргумент подвергался жесткой критике, хотя беседовала Локон исключительно сама с собой. И она не расставалась с идеей предложить команде отправиться в Полуночное море, которое еще опаснее.

Сколько жизней она готова поставить на кон ради спасения одного человека? В какой момент благополучие команды станет важнее

благополучия Чарли?

Вы, вероятно, возмущенно спросите: что за несправедливость навязывать подобные моральные дилеммы простой мойщице окон? На это я вам отвечу, что подобные рассуждения полны высокомерия. Мойщики окон способны думать, как и все мы. И жизнь их так же непроста, как и жизнь любого из нас. Я вам уже говорил, что физический труд нередко оставляет достаточно свободного времени для всякого рода размышлений.

Да, работникам умственного труда платят за то, чтобы они думали свои умные мысли. Вот только зачастую права на их великолепные идеи достаются совершенно другим людям. Общество взирает свысока на тех, кто зарабатывает деньги телом, но как насчет тех, кто сдает внаем свой разум? Как вам такая отнюдь не тонкая ирония?

Едва Локон закончила с последним сигнальным зарядом, Хак резко прекратил болтовню.

– Ну что ж… похоже, осталось только проверить их в деле, – произнес он после паузы. – Есть идеи?

– Ну, раз в последнее время Дуги предпочитают находиться на верхней палубе, а в трюме у нас пусто, – сказала Локон, – то ответ сам напрашивается.

Хак кивнул. Ответ и в самом деле был очевиден.

Локон посадила Хака на плечо, убрала сигнальный пистоль, заряды и записную книжку в сумку, а затем направилась к Лаггарту и сообщила, что хочет осмотреть залатанную Энн пробоину в трюме. Дескать, нужно разобраться, как выращивать розеит, дабы в будущем не мешкать в случае опасности.

Это звучало абсолютно правдоподобно, и если даже Лаггарт почуял что-то неладное, то, скорее всего, подумал, что Локон отлынивает от работы и делает вид, будто занята чем-то полезным. Канонир дал разрешение и сказал, что никому не позволит отрывать ее от дела. Беседа получилась настолько любезной, что Локон даже засомневалась, нет ли тут какого подвоха.

Когда девушка подходила к трапу, ведущему с верхней палубы в трюм, один из такелажников вдруг подал сигнал тревоги. Вдали замаячил дождевой вихрь. У нее перехватило дыхание, однако на этот раз повезло. Мчавшийся на корабль вихрь отклонился и вскоре растаял вдали.

Насилу оторвав взгляд от удаляющегося вихря, Локон поспешила в корабельное чрево. Для вящей безопасности, спустившись по трапу, она заперла за собой люк, а затем зажгла три масляные лампы – роскошь, недоступную обычным матросам. Согласитесь, неразумно позволять кому ни попадя разводить огонь на гигантской деревяшке, тем более сухой и полой.

Трюм был наполовину пуст. От груза избавились еще в порту на границе с Багряным морем, остались лишь вода да съестные припасы – единственные зрители ее эксперимента. Локон уронила в ствол ампулу, засыпала споры, закатила пулю, вогнала пыж и направила оружие в пустующую часть трюма.

Хак, надо отдать ему должное, не струхнул, хоть и предпочел спрятаться у Локон в волосах. В последнее время девушка ленилась заплетать волосы, она либо собирала их в хвост, либо оставляла распущенными. Правда, вечерами за расчесыванием наступала расплата. Однако оно того стоило. Это была… свобода. Дома Локон всегда стеснялась своих непослушных волос, а здесь, на корабле, у нее было слишком много других поводов для беспокойства.

Локон выжала спуск, курок ударил и разбил ампулу. Зефирные споры развеялись синеватым дымком, а пуля вылетела из ствола, преодолела по дуге с полметра и ударилась бойком об пол…

«Похоже, нужно больше зефира», – успела промелькнуть у Локон мысль, прежде чем случилось то, что случилось.

На ее беду, в остальном конструкция оказалась безупречной. Многие часы, проведенные над кропотливым изучением эскизов, воздались сторицей. Когда пуля врезалась в пол, серебряный боек ударил по розеитовой сфере, та лопнула и высвободила воду.

Вырвавшись наружу, изумрудные лозы обвили Локон, да так стремительно, что она даже глазом моргнуть не успела. Поначалу девушка не на шутку испугалась. Приятного и в самом деле было мало: лозы ее стиснули, а затем еще и на добрый метр подняли над полом. Однако никаких болезненных ощущений не было. Когда лозы закончили расти, она почувствовала себя скорее униженной, чем напуганной.

– Локон! Ты в порядке? – пискнул Хак, перебираясь с ее плеча на лозу.

Девушка пошевелила пальцами и расхохоталась. Делала она это самозабвенно, отфыркиваясь и икая. Это был искренний смех, и нелепые звуки, сопровождавшие его, служили тому подтверждением.

В этот миг все ее страхи перед спорами окончательно развеялись. Да, она совершила ошибку, которая могла стоить ей жизни. В своих дальнейших экспериментах Локон обязательно будет осторожнее. Слава лунам, сегодняшняя оплошность стоила ей лишь малой толики достоинства, а потому возможность побыть виноградной шпалерой следовало воспринять не иначе как подарок судьбы.

– Найди в моей сумке… – произнесла Локон сквозь смех. – Найди серебряный ножик.

Пока Хак ползал в сумке, она заметила, что лозы продолжают расти. Как и в прошлый раз, стоило только о них подумать, и они направляли на нее свои усики. Девушке совсем не хотелось, чтобы ее сдавило еще сильней, поэтому она представила, как лозы отстраняются. И те, что примечательно, послушались.

Однако контролировать эфиры полностью не получалось. С уже окрепшей лозой она ничего не могла поделать, и выпутываться из изумрудных оков пришлось при помощи ножа. Все это заставило ее задуматься, до какой степени лозы могут подчиняться.

Высвободившись, Локон осторожно добавила зефирных спор в оставшиеся патроны. Следующие выстрелы прошли без приключений. Все три пули полетели по задуманной траектории, хотя одна отскочила от стены, не разорвавшись.

Лозы, появившиеся в результате последнего выстрела, девушка пыталась направлять силой мысли, чтобы они ни за что не цеплялись, и вместо того, чтобы оплетать балки и переборки, лоза потянулась прямо к ней, а спустя мгновение всей своей массой рухнула на дно трюма.

Остаток дня Локон провела, срезая лозы и перенося их к себе в каюту, чтобы потом выбросить в иллюминатор. Все, что могло ее скомпрометировать, она спрятала в каюте, там же оставила Хака и поспешила к Форту, чтобы помочь с ужином. По пути распекала себя за то, что раньше, готовясь экспериментировать в трюме, начисто забыла запереть дверь.

Поварихой в тот день Локон оказалась никудышной. Слишком уж была погружена в свои мысли. Почему одна из пуль не взорвалась? А

вдруг попадется точно такая же, когда дойдет до схватки с Вороной?

«Прежде чем вступать в схватку, надо проделать как можно больше опытных выстрелов, – подумала Локон. – Слава лунам, хоть оружие теперь имеется. То-то Ворона удивится!»

Капитан так долго искала того, кто не страшится спор… Что ж, не зря говорят – бойся своих желаний!

45. Заступница

После ужина капитан Ворона разрешила команде открыть бочонок с чем-то опьяняющим, и Локон сочла этот жест весьма любезным.

«Выходит, капитан не так уж и бессердечна, – подумала она. – Но с другой стороны, если Ворона намеренно поступается своей совестью, значит она намного хуже бессердечной…»

В распитии этого бочонка Локон не участвовала. Слишком свежи были воспоминания о празднике на Скале: пару лет назад она, совершенно не подозревая, что приторный пунш может сильно ударить в голову, наклюкалась до того состояния, когда язык решает жить собственной жизнью. В тот вечер она без умолку тараторила о своих любимых рецептах, а Чарли, находя это очаровательным, внимательно слушал. Поэтому за ужином в кругу пиратов Локон боялась даже притронуться к хмельному напитку. А вдруг после глотка-другого опять развяжется язык? И как начнет всех подряд посвящать в ее планы!

Решив подобру-поздорову ретироваться, Локон набрала полную тарелку еды. Положила густого мясного варева с овощами и набрала галет. Этим вечером она приготовила рагу, есть которое нужно руками. Какое-никакое, а разнообразие, учитывая, что ингредиентов в ее распоряжении было немного.

И тем не менее блюда Локон снискали всеобщую любовь. После многомесячного сидения на харчах, имевших неприятное сходство с плиточным клеем, грех было жаловаться на новое, пускай и малость однообразное меню. И хотя кое-кто из вас в это поверит с трудом, учитывая, на каком жаргоне обычно общаются пираты, назвать Дугов глупыми нельзя. От них не укрылось, что Локон помогает Форту, и, когда в их тарелках вместо так называемой еды внезапно появилась еда в прямом смысле этого слова, сделать нехитрые выводы оказалось несложно. Так что в тот вечер она покидала камбуз под одобрительные крики, вызванные не только легким подпитием.

Локон чувствовала себя недостойной похвал, ведь ее стараниями эти люди оказались в смертельной опасности. Смутившись, она

поспешила к Салэй с тарелкой в руках. Рулевая не спустилась ужинать, и девушка беспокоилась за нее.

Локон еще ни разу не бывала в каюте Салэй, но знала номер; найти оказалось несложно. Девушка нерешительно постучала и услышала, как за дверью кто-то спешно отсмаркивается. Мгновение спустя на пороге возникла Салэй. И хотя ее смуглая кожа скрадывала цвет прилившей к щекам и носу крови, глаза были самые что ни на есть заплаканные.

– А, это ты. – По обыкновению, Салэй постаралась говорить резко и сурово. – Что-нибудь случилось?

– Я принесла ужин, – ответила Локон.

Она была смущена, поскольку застала Салэй в халате, накинутом поверх ночной рубахи. Прежде ей доводилось видеть рулевую исключительно в морском обмундировании – в бушлате и штанах из жесткой ткани.

Салэй жестом пригласила ее войти. Проскользнув в каюту, Локон поставила тарелку на стол, куда указала рулевая, и застыла, пораженная крохотными размерами обиталища подруги. Каюта была по крайней мере вдвое меньше ее собственной. А ведь рулевая – третий по старшинству человек в экипаже «Вороньей песни». Салэй определенно имеет право на помещение побольше, чем эта каморка!

– Благодарю за еду, – сказала Салэй. – Очень непрофессионально с моей стороны. Надо было самой сходить за ужином, чтобы никого не утруждать. Да и подкрепиться не мешает – силы мне сейчас нужны как никогда. Сегодняшний денек тому прямое подтверждение…

Салэй втиснулась за стол и придвинула тарелку. Локон уже собралась уходить, но помедлила, поскольку рулевая не умолкала.

– Меня никак не покидает мысль, что есть способ избегать дождевых вихрей. – В задумчивости отодвинув тарелку, она указала на развернутую карту осадков. – Но мне совершенно непонятно, по какой причине они возникают в том или ином месте. Не вижу ни малейшей закономерности. Люди бороздят морские просторы вот уже несколько веков кряду, но безопасный переход через Багряное море все еще не найден. А сейчас нам весьма кстати пришлось бы такое знание… – Салэй умолкла и оглянулась на Локон. – Тебе ведь наверняка что-то известно? Безопасный путь, который поможет уберечь экипаж от

гибели? Вряд ли ты потащила бы нас сюда, не имея в загашнике способа ускользнуть от дождевых вихрей. Верно говорю?

– Я… – начала Локон и судорожно сглотнула. – Мне жаль, Салэй. Жаль, что с Паксоном так вышло.

– Моя роль на этом судне – делать то, чего не могут капитан и старпом, – сказала Салэй. – Не могут или не хотят… Кто, если не я, будет приглядывать за командой? – Она стукнула кулаком по столу, затем схватилась за голову и вперила взгляд в карту осадков.

Локон опустилась на узкую койку через стол от рулевой и скромно сложила руки на коленях, чувствуя себя незваной гостьей. Каюта казалась совершенно необжитой. Обстановка была скудной. В углу ютилась корзина, в которой стояли тубы с картами. Под койкой примостились аккуратные, как на подбор, сундучки с пожитками. А над иллюминатором висела картина, поблескивая в мерцании настольной лампы.

Это был портрет. Я имею в виду портрет, написанный художником. На планете Локон не успели к моему прибытию овладеть искусством фотографии. Однако портрет был достоверный, созданный рукой мастера, пускай и работающего исключительно на улицах столицы Зефирного моря. На этом семейном портрете художник запечатлел высокого улыбающегося мужчину и юную девушку, поразительно похожую на Салэй.

– Твой отец? – указала на картину Локон.

Салэй взглянула на портрет и кивнула.

– Я обещала отцу расплатиться с ростовщиками. Собрав нужную сумму, вернулась, но отца уже не нашла. Оказалось, что королевские мытари поверстали его в матросы. А когда я догнала этот корабль, выяснилось, что отца бросили в долговую тюрьму в одном из портовых городков – а где именно, никто уже не помнил.

– Это ужасно…

– Проблема в том, что королевским кораблям требуются матросы, а мытари вольны поставлять в экипажи узников долговых тюрем. В общем, разыскать моего отца оказалось попросту невозможно. Должно быть, судьба носила его от острова к острову, где его снова и снова сажали на королевские суда. Я продолжаю убеждать себя и мать в письмах, что надежда жива, пока я в море. Пока могу бывать в портах и расспрашивать местных. Локон, отец ждет меня в одном из портов.

Если только… его не загнали на борт боевого корабля и он не погиб в морском сражении. Но если это все же случилось, то спасать его слишком поздно, а значит, я облажалась… Точно так же, как облажалась с Паксоном.

– Салэй, ты не должна терять надежды, – сказала Локон.

– А на что надеяться? – спросила Салэй. – Хочешь сказать, ты знаешь, как уберечь всех нас от гибели? Король поведал тебе секрет выживания в Багряном море? Если это правда, то, умоляю, скажи! Пожалуйста, скажи, что у тебя есть план!

– Я…

«Что я могу сказать? – спросила себя Локон. – Если снова начну отнекиваться, что подумает Салэй? Тем более что я сейчас попросила ее не терять надежду…»

«Надежда, основанная на лжи человека, притворяющегося тем, кем не является, есть надежда ложная, – родилась у нее в голове горькая истина. – Если только… я не сумею что-нибудь предпринять. Если не найду способ спасти всех».

С пронзительной ясностью перед ее глазами возникла сцена с приближающимся к кораблю дождевым вихрем. Она отчетливо вспомнила, что испытывала в тот роковой момент. Ощущение полной безысходности. Локон не могла остановить стихию. Ее жизнь зависела от воли случая.

А ведь за минуту до того, как Локон осознала, что надвигается беда, она наивно полагала, будто у нее все под контролем. Думала, что крепко держит судьбу в руках. Но затем на корабль обрушился дождевой вихрь. Этот молот лун одним мощным ударом вернул Локон на ее место, заставил поплатиться за излишнюю самонадеянность.

– Наверное, с моей стороны неразумно просить, чтобы ты защитила команду? – спросила Салэй, отворачиваясь. – Я ведь даже не знаю, что у тебя за миссия. В смысле, настоящая миссия. Вполне возможно, что перед тобой поставили задачу просто вытурить нас из королевства. Кому нужны беглецы-висельники, опасные для всех, кто им встретится на пути? Я не вправе судить тебя за то, что ты обрекаешь нас на смерть. Ведь ты исполняешь свой долг – защищаешь невинных. Я сама виновата в том, как сложилась моя судьба. Я в очередной раз облажалась. – Она расправила уголки карты осадков Багряного моря и добавила: – Нам бы узнать, куда решила плыть

капитан… Тогда я хотя бы смогла подсчитать, сколько дней мы будем находиться в багряных водах, и худо-бедно продумать маршрут.

– Салэй… – сказала Локон. – Я знаю.

– Знаешь?

– Ну да… Наверное, следовало сказать тебе раньше. Капитан ведет судно к логову дракона.

– К логову Ксизиса? – спросила Салэй, развернувшись на табурете. – Он существует?

– Улаам говорит, что существует. Кроме того, у Вороны есть книга, в которой утверждается, что легенды про Ксизиса не выдумка.

– Что ж, Улааму видней, – потирая подбородок, произнесла рулевая. – Но зачем ей понадобился дракон?.. А, я поняла! Ворона хочет избавиться от своего недуга… Я-то думала, она до того крута, что даже споры в крови ей нипочем. Среди спорофагов она настоящий долгожитель! Но что Ворона может предложить Ксизису взамен за свое исцеление?

Они встретились взглядами.

– Ого! – воскликнула Салэй и рассмеялась. – Ворона всерьез решила, что ты позволишь ей обменять себя? Ха!

– Да… гм… это очень забавно…

– Что ж, ради этого стоит жить! – сказала Салэй. – Вот будет потеха, когда Ворона обнаружит, кто ты есть на самом деле. Мечтаю увидеть в этот момент ее физиономию. Но скажи-ка… Понимаю, понимаю, ни подтвердить, ни опровергнуть мои догадки насчет твоей миссии ты не можешь, но хотя бы намекни, чего ждать, когда с Вороной будет покончено.

– Ну-у… – протянула Локон. – Могу намекнуть, что мне понадобится твоя поддержка. Если я все-таки арестую Ворону, надо будет позаботиться о том, чтобы команда ее не освободила. Зачем арестовывать капитана, спросишь ты? Я хочу, чтобы она ответила за содеянное. Хочу отдать ее в руки закона, понимаешь?

– Ну конечно! – Преисполнившись надежды, Салэй впервые за день просветлела лицом. – Это я устрою, будь спокойна. Значит, как только ты с ней разберешься, Багряное море мы покинем, да?

– Да… правда, есть одно но, – сказала Локон. – Просить об этом неловко, но мне нужно побывать в Полуночном море. Решить один вопрос с Колдуньей. И я надеюсь, что…

У Салэй глаза на лоб полезли, а затем зазвенел резкий и громкий смех, точно рында, призывающая матросов к оружию. Однако рулевая быстро взяла себя в руки и сказала:

– Кто бы сомневался, что, помимо разборки с Вороной, у тебя есть еще дела! Если ты изначально собиралась в Полуночное море, то мне и волноваться-то не о чем. Для таких, как ты, переплыть Багряное море – все равно что лужу переплюнуть. – Лицо Салэй приняло серьезное выражение. – Но ты должна пообещать, что заступишься за экипаж. Мы должны защитить Дугов, ведь больше некому. Для короля жизнь горстки пиратов не стоит ровным счетом ничего. Да что король! Даже капитану Вороне наплевать на свою команду! Локон, прошу тебя, постарайся не допустить гибели еще одного нашего друга! Пожалуйста!

В тот миг Локон чувствовала себя не лучше, чем стряпня Форта, будь та способна на эмоции. Зная, что едва ли сможет выполнить просьбу рулевой, Локон испытывала омерзение к самой себе – словно вся ее душа вдруг покрылась грязными струпьями. Надежды Салэй тяжким бременем легли на плечи девушки.

«Как я могу помочь? Ведь я всего лишь завравшаяся девчонка! – распекала себя она. – Лживая и бесполезная… А что, если?..»

Поток самоуничижений оборвался, когда на ум ей пришла необычная и вместе с тем отчаянная идея. Вероятно – и даже скорее всего, – эта идея окажется не более чем пшиком, однако выбирать не приходится.

Не могу не заметить, что состояние крайнего отчаяния зачастую является предтечей всего гениального.

– Будь готова, – сказала Локон. – Я попытаюсь кое-что провернуть.

46. Информатор

Следующие несколько дней Локон провела в лихорадочных изысканиях и сопутствующих им тревогах. Многообещающий план был куда опаснее, чем ее опыты с сигнальным пистолем и лозовыми зарядами. Кроме того, на этот раз у нее не было под рукой никаких чертежей и записей.

Бóльшую часть времени она отдала экспериментам с изумрудными спорами. Это были настоящие дары Изумрудного моря, о ценности которых она прежде и не догадывалась. Впрочем, Локон не первая и отнюдь не последняя, кто заблуждался и будет заблуждаться на их счет. И ничего удивительного в этом нет. Чем больше она узнавала о спорах, тем меньше боялась. Так обычно и бывает, ведь страх и знание играют по разные стороны сетки.

Разумеется, из этого правила есть исключения. Например, ему не подчиняются некоторые личности. Большая группа людей сама по себе не вызывает опасений, но в ней обязательно найдется парочка индивидов, которые своим обликом или поведением обязательно вас напугают. И чем больше вы узнаете об этих субъектах, тем сильнее будет ваша тревога. Но что касается человеческого общества в целом, то где знание, там и эмпатия, а эмпатия ведет к пониманию.

Эксперименты с изумрудными эфирами, исполняющими мысленные приказы в обмен на живительную влагу, Локон теперь воспринимала едва ли не как игру. За эти дни она мастерски выучилась обращаться с лозами: заставляла их виться спиралями, вздыматься к потолку мощными стволами и даже замедлять рост, сдерживая свою невероятную силу.

Работая с лозами, Локон, как и прежде, ощущала чье-то незримое присутствие. Сознанием это назвать было нельзя, скорее слабый намек на него. Локон предположила, что это сознание самой Изумрудной луны или тех древних материнских лоз, что произрастают на ее поверхности.

Не считая кратких перерывов на сон и помощи Форту в готовке, Локон практически все время отдавала упражнениям с лозами. Но,

ежедневно наблюдая за командой в течение ужина, она беспокоилась все сильнее.

На третий день после беседы с Салэй девушка трудилась у себя в каюте, уча изумрудную лозу обвивать ее пальцы как можно нежнее. Корабль держал курс прямиком на Багряную луну, и Локон могла видеть в иллюминатор споропад. С каждым днем корабль все ближе подходил к падающим спорам, а значит, как успела догадаться Локон, и к месту назначения. Где же еще располагаться логову дракона, если не рядом со споропадом или не в нем самом? Это же очевидно.

Не на каждом из морей это бросается в глаза, однако выпадающие из эпицентра лунагри споры всегда ложатся горкой – точно песок в нижней половине песочных часов. Принимая во внимание этот факт, приходишь к выводу, что море спор не столько море, сколько гора. Пускай пологая, малозаметная невооруженному глазу, но все-таки гора, причем размером с целое королевство. И чем ближе судно подбиралось к лунагри, тем сложнее становилось не обращать внимания на движение вверх по наклонной плоскости.

Спустя немного времени уклон увеличился настолько, что все предметы на столе Локон грозили соскользнуть на пол. Спокойно смотреть на горизонт не представлялось возможным, поскольку все относительно его линии находилось под таким углом, какой обычно выбирает для съемки студент киноакадемии, только что открывший для себя жанр авангардного кинематографа.

Время от времени Локон просила Хака увлажнять лозу. Для этого она капнула на крышку стола воском, приклеила отполированную за годы пользования деревянную чашку и выдала Хаку чайную ложку.

– Слушай, а не научиться ли мне управлять кораблем? – сказала вдруг девушка.

– Кораблем? – переспросил Хак. – Этим, что ли?

– Ну, может, не таким большим. Наверняка бывают парусники, которыми можно управлять в одиночку. Тогда я могла бы сама отправиться в Полуночное море, не рискуя чужими жизнями.

– То есть ты хочешь вот так взять и научиться вождению парусного судна? Ты хоть представляешь, сколько времени на это нужно? – спросил Хак. – Да еще в этих грозных морях? Локон, пройдут годы, прежде чем ты овладеешь этим ремеслом.

– Может, это все-таки выход?

– А может, ты все-таки прекратишь придумывать себе испытания? И попытаешься признать то, чего боишься больше всего? – резонно заметил Хак. – Что друга тебе не спасти? Что пора отказаться от этой безумной затеи и позаботиться о себе?

Слова Хака возмутили Локон, но она ничего не ответила. Лоза, почувствовав человеческий гнев, сдавила пальцы, как будто ей было не все равно.

Хак зачерпнул ложкой воды и плеснул на лозу, и Локон заставила себя успокоиться. Все-таки несправедливо было сердиться на друга, ведь он помогал ей с опытами и даже неплохо наловчился балансировать на задних лапках. До знакомства с Локон ему приходилось так делать гораздо реже.

– Локон, – наконец нарушил тишину Хак, – мне не хочется тебя расстраивать. Но еще меньше хочется, чтобы тебе было больно. Ты столько опасностей пережила на этом корабле – и прекрасно с ними справилась. Но все это пустяки по сравнению с тем, что ждет тебя в Полуночном море.

– Да с чего ты взял? Никто не знает точно, что там за опасности. Я спрашивала и у Форта, и у Салэй, и даже у Улаама. Все как один твердят, что Полуночное море опасно. Но никто не объясняет, чем именно. Как заведенные повторяют одно и то же: «Колдунья пристально наблюдает за своими полуночными спорами… Корабли пропадают без вести… Там водятся чудовища…» Но на самом-то деле никто ни в чем не уверен.

Хак опять смочил лозу и тихо вздохнул:

– Помнишь, в последнем порту я сходил на берег?

– Как я могу забыть? Ты мне шесть историй рассказал о том, что с тобой приключилось в том порту.

– Да… Но одну, самую интересную, я придержал напоследок.

Локон внимательно посмотрела на Хака. Четыре побега лозы, обвивавшие ее пальцы, навострили головы-кончики, точно змеи, готовые к смертельному броску.

– На самом деле я сошел на берег, чтобы разыскать крысиную популяцию, – принялся объяснять Хак, заламывая лапки. – В наши дни не найдется острова, где нет моих сородичей. Разумеется, я толкую сейчас о говорящих крысах. Я навел справки и нашел крысу, которой довелось побывать на острове Колдуньи. Прежде чем ты спросишь, я

отвечу – нет, эта крыса не знает, как попасть на остров. Она очутилась там совершенно случайно – с одним из кораблей. Зато эта крыса рассказала мне об опасностях, которые поджидают мореходов в Полуночном море.

– И ты хотел скрыть это от меня? – возмутилась Локон, и четыре лозы взмыли, прошив воздух, точно пики.

– Я просто не хотел тебя лишний раз распалять! – воскликнул Хак. – Локон, я ведь беспокоюсь! Хотя, наверное, все-таки стоит рассказать… Может, узнав обо всех этих опасностях, ты наконец осознаешь, во что ввязываешься…

(Кстати говоря, интересный факт! Когда говорят: «Я от тебя кое-что скрыл, но только ради твоего блага», это звучит не только обидно, но и унизительно. Очень эффективный способ выбить почву из-под ног. Отлично подходит хроническим пакостникам, что постоянно ломают голову, как бы кому-нибудь нагадить.)

Не без труда, но все же Локон поверила, что Хак и в самом деле за нее тревожится. В свою очередь, Хак, к счастью для себя, осознал, что отступать ему некуда. Как той девушке, что предложила взглянуть на ее татуировку аккурат в тот момент, когда все люди в комнате замолчали.

– Каждому, кто хочет встретиться с Колдуньей, надо пройти три испытания, – начал Хак. – Сдается, она та еще любительница драматургии… Первое испытание – самое очевидное. Оно заключается в том, чтобы пересечь Полуночное море.

– Ну, это нам теперь по плечу, – кивнула Локон. – Хойд подсказал нам путь, помнишь?

– Да, направление известно, – подтвердил Хак. – Но, Локон, ты разве не понимаешь? В Полуночном море, как и во всех других, идут дожди. И Колдунья исхитряется постоянно подкармливать существ, что рождаются из спор. Море кишмя кишит полуночными чудовищами размером с этот корабль. Помнишь тварь, которую ты создала, чтобы шпионить за Вороной? Думаешь, сможешь одолеть сотню таких, когда они нас атакуют?

Да уж, и впрямь пугающие подробности. Почувствовав страх Локон, лозы задергались, сползли с пальцев и спрятались в кулаках.

– Предположим, ты выживешь и доберешься до острова, – продолжил Хак. – Но едва сойдешь на берег, как столкнешься со

стражей Колдуньи. С целым войском безжалостных металлических гвардейцев! А ведь они несокрушимы! Их даже огнестрельным оружием не убьешь. Всякого, кто осмелится высадиться на остров, стража схватит и бросит в темницу. Колдунью ты даже не увидишь. Можешь и не мечтать, что таким способом привлечешь ее внимание. Крыса поведала мне, что Колдунья считает недостойными аудиенции глупцов, способных попасться ее гвардейцам.

«Эх… – вздохнула Локон. – А ведь на плен я возлагала большие надежды!»

– И даже если ты каким-то чудом проскользнешь мимо гвардейцев, до Колдуньи все равно не добраться, – продолжил Хак. – Она живет в башне из нерушимого металла. И стены до того гладкие, что вскарабкаться невозможно. Ни единой зацепки. По вечерам Колдунья поднимается на крышу поговорить с лунами, но в башню есть только два прохода: запертые на таинственные запоры ворота и крошечное оконце, в которое влетают и вылетают ее почтовые вороны. Локон, попробуешь добраться до острова – тебя съедят полуночные монстры. Каким-то мистическим образом выживешь в море и высадишься на остров – стражи запрут тебя в клетку до конца жизни. Сумеешь сбежать от них – будешь сидеть под вороньим оконцем и пытаться докричаться до Колдуньи, пока не посадишь голос. У тебя ни единого шанса.

– Но ведь у Хойда как-то получилось, – возразила Локон. – Он ее видел. И Чарли, кстати, тоже.

– Чарли был похищен, – напомнил Хак. – Колдунья надеялась получить от короля выкуп. А что на самом деле случилось с Хойдом, одним лунам известно. Может, тоже похищение ради выкупа?

Локон откинулась на спинку стула. В какой-то мере речи Хака возымели действие. Заставили задуматься о том, что путь отнюдь не прост.

Однако сейчас размышлять об этом было некогда. Хватало других проблем. Какой смысл волноваться, что Локон будет проклята Колдуньей, если ей грозит драконий плен? Да и насчет дракона переживать не стоит: в любой момент может налететь дождевой вихрь и тогда корабль проткнут багряные шипы.

И Локон решила, что лучше вернуться к упражнениям с лозами.

47. Поэт

Сигнальный заряд лопнул под ногами Улаама. Извивающаяся, корчащаяся масса лоз обвила его под самый подбородок. Он попытался высвободиться, но вместо отчаянного рывка получился лишь жалкий мышечный спазм.

– Ну, что думаете? – спросила Локон, спеша на помощь с другого конца трюма. – Получится у меня обездвижить капитана?

Улаам с трудом пожал плечами:

– Если я верно понимаю природу недуга Вороны и правильно оцениваю ее возможности, этого должно быть достаточно. Лозы реагируют исключительно на физическую угрозу. Будет ли их носительница обездвижена или нет, им все равно. Мм… Кроме того, вряд ли нужды капитана и эфиров совпадают полностью. Покуда Ворона живет и питает их водой, им нет дела до того, что с ней происходит.

– Хотите сказать, что не было необходимости так заморачиваться? – спросила Локон. – С ваших слов получается, что мы можем просто наброситься на нее спящую и связать.

– На подобную атаку лозы отреагируют обязательно, – возразил Улаам. – Споры в крови Вороны не способны оценивать твои намерения. Любое нападение отражается мгновенным выбросом лоз, поскольку истолковывается как прямая угроза ее жизни. Но ценность изобретенного тобой механизма заключается в том, что нет необходимости попасть в Ворону. Твой выстрел лозы, вероятнее всего, расценят как промах и проигнорируют. Как только Ворона окажется в ловушке, не вздумай делать резких движений: не давай спорам повода защитить свою носительницу.

– Спасибо… Ой, простите! Дайте-ка помогу вам высвободиться. – И Локон потянулась за серебряным ножиком.

– Не нужно, – ответил Улаам. – Меня все вполне устраивает. Скажи, пожалуйста, а где ты взяла эти восхитительные снаряды?

– Сама сделала, – сказала Локон, копаясь в сумке, что лежала рядом со мной на полу трюма.

Когда представилась возможность объяснить в подробностях свой план Улааму, а заодно и мне, девушка не преминула ей воспользоваться.

Разумеется, свои возможности упускать я тоже не собирался, вот и осведомился у Локон, что она думает насчет моей новой прически «рыбий хвост».

Только я вас умоляю: даже не пытайтесь это вообразить! Так будет лучше и для вас, и для меня.

– Сама сделала? – переспросил Улаам. – Собственноручно?

– Ну, мне достались кое-какие эскизы Уива… Из них я уяснила, как работают зефирные снаряды, сделала выводы и кое-что добавила от себя, – сказала Локон. – Додуматься было не так уж и сложно.

– Поразительно! Должен сказать, юная леди, что я просто обязан заполучить ваш мозг. Разумеется, после вашей естественной кончины. Вы согласны? Мм?

– Простите, доктор, но нет, – ответила Локон, продолжая шарить в сумке.

Куда же запропастился блокнот? Локон хотела отметить, что последний экспериментальный заряд показал себя лучше предыдущих. Она выстрелила в Улаама десять раз, и все до единого снаряды успешно разорвались.

– Если честно, от подобных разговоров мне по-прежнему не по себе… и даже тошнит!

– Для пирата нервишки у тебя пока еще слабоваты.

– Это я и сама знаю.

– Могу заменить! Процедура на тридцать пять процентов безболезненная.

– Нет уж, спасибо, – отыскав наконец блокнот, буркнула Локон.

Повернувшись, она вздрогнула, потому что нос к носу столкнулась с Улаамом. На том месте, где он миг назад стоял, не в силах пошевелиться, теперь громоздилась куча лоз.

– Но… как? – спросила Локон.

– Я их переварил, – объяснил Улаам. – В нескольких важных местах.

– Что значит – переварили?

– Ну до чего же он гадкий! – сказал я. – Аж завидно.

– Завидуй молча, дружок, – ухмыльнулся Улаам. – В сущности, я способен делать все, что свойственно человеку, и вдобавок то, что несвойственно. Ого! Локон, ты серьезно подошла к своему исследованию. Смотрю, лабораторный журнал ведешь. Интересно, интересно… Знаешь, а ведь…

– Мой мозг не продается! – отрезала Локон.

– На этот раз я хотел спросить насчет рук. У тебя великолепный почерк. – Улаам улыбнулся, демонстрируя нечеловеческое количество зубов.

Он однажды поведал мне, что сверхширокая улыбка оказывает на людей сверхуспокаивающее действие. Все еще теряюсь в догадках, всерьез это было сказано или в шутку.

– Руки тоже! – рявкнула Локон. – Улаам, запомните: ни колени, ни уши, ни какие-либо другие части тела я вам не продам! Ни за что на свете!

– Мм… Закалка морем определенно пошла тебе на пользу, – сказал Улаам. – Помню, при нашей первой встрече ты заметно тушевалась и боялась мне отказать.

– Я ничуть не изменилась. Просто я в отчаянии.

– В еще большем, чем в первые дни?

Локон помедлила с ответом, вспоминая, как привыкала к жизни на пиратском корабле. Что ж, в те ужасные деньки она тоже пребывала в отчаянии. Более того, считала себя настолько отчаявшейся, насколько это вообще возможно.

Но в этом, скажу я вам, ничего удивительного нет. Принцип точно такой же, как в тренировках с гантелями: чем дольше пребываешь под гнетом отчаяния, тем больше его можешь выдержать и тем меньше останется сил для других эмоций, вроде неловкости.

– Ладно, все равно предложить мне пока нечего, – сказал Улаам. – А тебя ждут дела. Кстати, ты уверена, что команда поддержит бунт?

– Почти уверена, – ответила Локон. – Так уж вышло, что Салэй и остальные принимают меня за Королевскую Маску.

– Ну и ну! – удивился Улаам. – Как тебе это удалось?

– Случайно, – поморщилась Локон. – Почему-то, когда я говорю правду, все считают, что я лгу, хотя лгать я совершенно не умею.

– Мудрые слова, девочка, мудрые слова, – встрял я в разговор. – Скажи-ка, ты уже слышала мой последний стих?

– Прошу прощения, но я, пожалуй, отключу уши на пару минут, – сказал Улаам.

– Что? Зачем?.. – спросила Локон, которая, на мое счастье, подобными физиологическими трюками не владела.

В отличие от Улаама, она была простой смертной, и отключение ушей для нее означало бы полную потерю слуха.

– Стих про крестьянина и луковицу тюльпанную, – продекламировал я. – Жил-был крестьянин, и был у него клубень. Он шел мимо дуба, держа в кармане руку. Штаны спустил: нужда – такая штука… А клубень упал, вот и вырос поддубень.

О боги! О шестнадцать Осколков Адональсиума! Во что я превратился?

– Какое… милое стихотворение, – сказала Локон.

Для девушки, которая утверждает, что совершенно не умеет лгать, сейчас она солгала очень даже убедительно.

Вскоре Улаам привел себя в чувство и присоединился к разговору.

– Вот это да! – воскликнул он. – Локон, я впечатлен! И что, совсем без ушных кровотечений? Интересный феномен… Ну да ладно! Могу я быть еще чем-нибудь полезен?

– Пожалуй, нет, – ответила Локон. – Но вы уверены, что не желаете принять участие в нашем бунте?

– Увы! – сказал Улаам. – Могу при необходимости оказать тебе медицинскую помощь. Более серьезное вмешательство я считаю недопустимым.

– А вас не пугает мысль утонуть в Багряном море? – спросила Локон. – Ведь чем дольше мы находимся в этих водах, тем больше вероятности пойти ко дну. Если это случится, вы разделите судьбу остальных.

– Вероятности, предположения… – отозвался судовой врач, направляясь к трапу, ведущему на жилую палубу. – Хойд бессмертен, и я тоже… почти. Перспектива брести по дну спорового моря в поисках суши, конечно, мне не по нутру, но это вовсе не за пределами моих возможностей. Правда, Хойд, особенно в его нынешнем состоянии, не самый желанный компаньон для подобных прогулок.

Я поднялся на ноги и поплелся за Улаамом. В тот миг мною двигала та часть мозга, которая еще сохраняла остатки здравомыслия и

не оставляла попыток уязвить Улаама чудовищными стишками, что сочинила другая, невменяемая часть.

Возле Локон я остановился, преодолев сильнейшее желание нанести Улааму подлый удар стишком в спину. Локон сидела с сигнальным пистолем на коленях, вперив взгляд в пол. За бортом еле слышно шуршали споры, напоминая, что рано или поздно мы окажемся в логове дракона. По прогнозу капитана Вороны, не позднее чем через пару дней.

– Мне страшно, – взглянув на меня, тихо произнесла Локон. – Я ужасно переживаю…

Я положил руку ей на плечо и не позволил себе изрыгнуть очередной стишок. Должно быть, в ту минуту у меня прояснилось в глазах, поскольку Локон продолжала общаться со мной так, будто я пребывал в здравом уме и твердой памяти.

– Я ужасно переживаю, – повторила Локон. – Не только за команду, но и за себя. Поджилки трясутся от одной мысли, что Ворона сделает со мной. С капитаном мне не справиться. В глубине души я знаю это наверняка.

Я наставил на девушку указательный палец и прошептал:

– Локон, у тебя есть все, что нужно.

– Ты про сигнальный пистоль? Но что, если не получится?

– У тебя есть все, что нужно. – Я сжал ей руку и направился за Улаамом.

Но не успел сделать и двух шагов, как вынужден был остановиться.

Что-то не так… Но что именно? Примечательно, конечно, что в тот миг у меня не возникло желания декламировать оду красоте собственных мозолей.

О нет!..

Вот оно что. За бортом смолк шорох. Прекратилось кипение спор, корабль сбрасывал ход. Такое происходит регулярно, а значит, нет причины бояться…

Если только поблизости не гуляет дождь.

Думаю, вы уже и сами догадались, что случилось дальше.

48. Кошмар наяву

Мне снятся кошмары.

Кстати говоря, благодаря моему состоянию сон для меня не так важен, как для обычных людей.

Худший из повторяющихся кошмаров отнюдь не тот, где за мной гонится неведомое чудовище. Хоть я, как и положено, просыпаюсь в холодном поту и задыхаюсь от страха, словно меня, схватив за горло, трясли, пока я не очнулся. Мне не снится, будто я заблудился или от меня вдруг все отвернулись и перестали любить.

Мой самый страшный кошмар – тот, где я узнаю, что годами талдычу одно и то же, повторяю заезженные шутки и набившие оскомину анекдоты. Что я без устали топчу лучшие чувства других людей – их терпение и сочувствие, – пока на некогда плодородном поле эмпатии не увядают даже сорняки.

Поэтому я лучше воздержусь, не стану повторять мои подозрения и опасения насчет дождей в Багряном море. Однако если вам требуется доказательство того, что сама судьба решила поставить против нашего корабля, то вот оно: к нам приближался не один дождевой вихрь, а целых два.

Два дождевых вихря одновременно.

«Воронья песнь» стояла на склоне необъятной багряной горы, указывая носом на пунцовую, точно от злости, луну, извергающую поток спор.

Локон поднялась на верхнюю палубу и увидела на юте Салэй, крепко державшую штурвал в надежде, что кипение возобновится и можно будет увести корабль в безопасное место. Однако он застыл, будто заколдованный. Корабль завяз в спорах, и все навыки Салэй, вся ее преданность делу в этот момент ничего не значили. Она была беспомощна.

Дуги перекрикивались, обмениваясь идеями, как выйти из ситуации. Кто-то даже предложил покинуть судно и бегом отправиться на поиски безопасного места – прямо по пустыне из спор. Конечно, это было бы глупостью. Когда дождевой вихрь разрушит корабль и споры вновь забурлят, все беглецы непременно погибнут. Да, у нас имелась

пара шлюпок, но на что они были годны? На них даже мало-мальский запас воды не уместился бы! Нечего было и надеяться на спасение. В Багряное море ходили только самые отчаянные смельчаки, и на то имелись веские причины.

Пряча глаза от Дугов, Салэй посмотрела на Локон.

– Время пришло, – произнесла одними губами рулевая. – Пожалуйста.

Локон схватила за плечо Дуга, долговязую женщину с длинными волосами, собранными в хвост.

– Беги к Салэй! – выкрикнула Локон. – Скажи, мне нужны два длинных троса и бочка с водой, что стоит у пушки! Ну! Живо!

Локон сорвалась с места, протиснулась мимо Лаггарта на ступеньках трапа и устремилась к своей каюте. Канонир что-то проорал ей вслед, но вникать было некогда. В любое мгновение мог обрушиться ливень, и тогда мой рассказ оборвался бы на самом интересном месте. Если бы, конечно, Локон одной лишь силой воли не добавила к нему еще одну главу.

Героизм – это замечательно. Однако зачастую его трактуют неверно. По правде говоря, мы трактуем героизм так, как нам удобно. Чтобы самим себе казаться пусть чуточку, но героями. Хотите верьте, хотите нет, но это так. Скажу по секрету, вы просто боитесь себе в этом признаться.

Если собрать все истории про героев – тех, кто рисковал своей жизнью ради других; тех, кто выстоял в заведомо проигрышной битве; тех, кто безрассудно бросался навстречу опасности с самоуверенностью чемпиона по нырянию с самого высокого трамплина, – можно обнаружить одну закономерность. А если точнее, то две.

Первая закономерность – героем можно стать. Правда, в этом нет и не будет заслуги государства и армии. Это волеизъявление индивида. Герой – это тот, кто поставил цель и шел к ней. Тренировался, переделывал себя… Героизм, как кажется большинству из нас, – явление совершенно спонтанное, однако на самом деле это результат подготовки, длившейся всю предшествующую жизнь героя.

Если вы пожелаете узнать у героя, зачем он рисковал жизнью, пожалуйста, не делайте этого, вручая ему медаль на глазах у толпы народа. Ведь правда в том, что подвиг почти наверняка совершался не

ради страны. И не ради принципов. Какую цивилизацию, эпоху и идеологию ни возьми, у героев неизменно обнаруживается один и тот же незамысловатый мотив. Герои совершают свои подвиги ради друзей.

В буйном хаосе анархии попытки совершать подвиги во имя идеала или короля обычно приводят к катастрофе. Однако подобные деяния во имя друзей только укрепляют узы и делают их крепче стали. Если вы решите создать героя, не надо искать чего-то, за что он будет сражаться, – ищите кого-то.

Локон отперла дверь в каюту и рывком ее распахнула, отчего Хак в ужасе дал стрекача под кровать. Девушка бросилась к столу, где стояла крупная сфера из розеита, которую она растила несколько дней кряду. Размером та была с голову ребенка, снаружи покрыта воском, а внутри заряжена под завязку изумрудными спорами, которые под розеитовой коркой выглядели скорее светло-фиолетовыми, нежели зелеными.

Мимоходом Локон отметила, что впредь надо быть аккуратней: на столе лежала парочка полуночных спор, которые она, вероятно, обронила по неосторожности. Схватив розеитовое ядро, Локон выбежала из каюты.

На палубе вокруг Салэй толпились Дуги. Вышла из своей каюты и капитан. Поднявшись на ют, Ворона прихлебывала из фляги и взирала на происходящее, преисполнившись, судя по выражению лица, самых что ни на есть дурных ожиданий. Разумеется, капитан, как и остальные, отказывалась верить в свою скорую гибель, однако она прекрасно помнила, что и без того уже смертельно больна. Когда на протяжении целого года ежедневно заглядываешь смерти в лицо, перспектива умереть каким-то иным способом пугает уже не так сильно.

Салэй протолкалась через толпу Дугов к Локон.

– Мы все приготовили, – доложила рулевая, указывая на бочку с водой и несколько бухт каната. – Что теперь?

– Обвяжите бочку и опустите за борт, на поверхность спор, – сказала Локон. – Только очень осторожно! – Она перевела дыхание и прибавила: – А вторым тросом обвяжите меня и опустите к бочке.

Все, кто был на палубе, уставились на Локон круглыми от изумления глазами.

Но в следующее мгновение Салэй отдала приказ, и дело пошло. Пока Энн стравливала канат с бочкой, Форт с парой Дугов осторожно спускали Локон. Вскоре та ощутила под ногами хрустящую твердь. Ступившей на поверхность Багряного моря девушке показалось, будто она очутилась в волшебной стране, чьи земли необъяснимым образом проржавели. Голубое небо, выглядевшее на контрасте с цветными дюнами неестественным, это впечатление только усиливало.

Следом, скрежетнув деревянным днищем о споры, опустилась бочка. Энн помахала Локон рукой. Две дюжины глаз наблюдали за тем, как девушка отвязывает канат, а затем подкатывает бочку к корпусу судна. Дрожащими руками Локон сняла крышку, затем всмотрелась в темную воду. То, что она затеяла, противоречило всему, чему ее учили в жизни.

– Локон, дождевой вихрь уже близко! – прокричала Салэй. – О луны! Он идет прямо на нас!

Локон уже слышала страшный грохот. Багряные споры неистово прорастали, пронзая воздух тысячами кровавых копий. Дрожа всем телом, Локон вытащила из кармана красного камзола шило с посеребренным острием, а другой рукой подняла розеитовое пушечное ядро.

«Хватайте корабль, – мысленно приказала она лозам. – Хватайте корабль, но так, чтобы бочка уцелела. Сначала тянетесь вверх, а затем опутываете корабль».

Пробурив шилом отверстие вверху розеитовой сферы, Локон взглянула на изумрудные споры, а затем высыпала их в бочку.

Лозы толщиной с руку вырвались наружу, закручиваясь друг вокруг друга спиралью. Щепотки спор хватало, чтобы опутать лозами человека, а Локон кинула в воду целую пригоршню. Вот щупальца ударились о борт корабля. Вот, жадно впитывая воду, принялись разрастаться, становясь все гуще и мощнее.

Бешено извивающаяся масса толкнула корабль, и тот стал заваливаться на бок. Команда в ужасе закричала. Локон инстинктивно попятилась, но…

«Куда собралась? – спросила себя она. – Разве не я это начала? Поздно отступать, теперь мы с лозой одно целое…»

Локон прижала ладони к разрастающейся лозе и почувствовала, как тугие изумрудные побеги напряглись под ее пальцами, точно

мышцы.

«Пожалуйста, вверх! – мысленно воззвала Локон. – Прошу, вверх!»

Корабль накренился еще больше, а затем двинулся вверх. Точно рука, масса лоз обхватила корпус судна «пальцами» и приподняла его на своей изумрудной ладони. Застывшее споровое море оказалось вполне надежным фундаментом для бочки с изумрудными эфирами.

Канат, пропущенный под мышками, натянулся, и лозы повлекли девушку вслед за кораблем. На миг она забеспокоилась, а сможет ли Форт ее удержать, но затем вновь переключила все свое внимание на лозы. Впрочем, думать о чем-то другом было попросту невозможно, ведь грозный дождевой вихрь неистово барабанил по споровой тверди, создавая, а затем омывая хребты багряных шипов.

Мне довелось беседовать с моряками десятков разных миров, и все как один утверждали, что не бывает ничего страшнее звука надвигающегося шторма. Кошмар наяву – вот как называют они шум дождя и завывания ветра, грозящие гибелью в объятиях морской бездны. И хотя на планете Локон опасаться следовало только воды, проливающейся с небес, суть кошмара от этого не менялась. Ведь из чего бы ни состояли волны за бортом, что носят моряка по волнам и наполняют его жизнь смыслом, они обязательно попытаются убить того, кто окажется в их полной власти.

Два вихря-близнеца обрушились на «Воронью песнь», сметая с палубы мертвые споры. В мгновение ока весь экипаж, от юнги до капитана в треуголке с пером, промок до нитки. Вот он, апогей кошмара наяву для каждого морехода: одинокий корабль, захваченный штормом посреди моря, и шум бьющихся о палубу капель.

И нет такой легенды, баллады или байки, которые бы не заканчивались человеческими жертвами.

За исключением моего рассказа. Ведь в тот день корабль был спасен.

Ворона приготовилась к самому худшему. Она уже представляла, как корабль, пронзенный со всех сторон, будет разваливаться на куски, а нанизанные на шипы матросы – корчиться в агонии. Однако этим страшным фантазиям не суждено было сбыться, и в следующий миг воздух прошили не пурпурные копья, а всего лишь тысячи тысяч студеных капель дождя.

– Что, эфир меня раздери, происходит?! – вскричала Ворона, проклиная и расталкивая Дугов, что столпились у фальшборта.

Капитан видела, как Локон спустилась за борт, но решила, что девчонка решила просто дать деру. И Ворона нисколько не огорчилась, поскольку бежать было некуда. А что касается корабля, который знатно тряхнуло, то…

И лишь глянув за борт, Ворона наконец поняла, что произошло. Прямо под кораблем вырос настоящий секвойядендрон. По-другому это гигантское дерево, чей ствол состоял из переплетенных лоз, и не назовешь. Раскидистый веер изумрудных щупальцев, точно человеческая кисть, держал «Воронью песнь» в воздухе.

Дерево подняло корабль над частоколом; десятиметровой высоты, он лишь самую малость не доставал до днища. И хотя багряные эфиры тут и там вонзались в зеленый ствол, эластичные лозы не позволяли проткнуть себя насквозь, обвивая эти шипы, которые лишь послужили дополнительной опорой.

А насквозь промокшая, дрожащая Локон висела за бортом на тросе, который Форт, слава лунам, держал железной хваткой. Она почти ничего не видела вокруг, поскольку непослушная копна влажных волос облепила лицо.

В этот момент грянули запоздалые овации. Однако не будем винить Дугов за нерасторопность. Чтобы пережить подобный экзистенциальный кризис – переродиться из потенциальных мертвецов обратно в живых людей, – требуется несколько гулких ударов сердца. Хотя бы для того, чтобы осознать – если уж не головой, то ушами, – что вы продолжаете жить.

– Эй, вы, неблагодарные увальни! А ну, помогите ее поднять! – скомандовала Салэй, хватаясь за канат возле Форта, который стоял, уперевшись ногой в фальшборт, и удерживал Локон от падения кривыми, но мощными ручищами.

Локон повезло, что Форт оказался сообразительным малым. Не подтяни он ее на пару метров, когда начался бурный рост лоз, то болтаться бы ей на одном из багряных шипов, что сейчас щекочут ей пятки.

Команда дружно взялась за канат и потащила Локон наверх. Многие, разумеется, сразу припомнили, как всего лишь несколько недель назад уже поднимали эту девушку на борт корабля. Форт со

всей осторожностью помог ей перебраться на палубу, и Дуги радостно заулюлюкали своей спасительнице.

Капитан наблюдала за происходящим молча. Они спаслись чудом. Ворона это понимала и потому благоразумно помалкивала.

Лозы ничуть не повредили корпус корабля. Вооружившись топорами и серебряными ножами, Дуги без проблем высвободят «Воронью песнь» из объятий изумрудного эфира. Как только кипение спор возобновится, судно продолжит свое путешествие по Багряному морю. В ходе артиллерийских перестрелок оно не раз попадало в такие ловушки; команда прекрасно знает, что нужно делать.

Поэтому за корабль Ворона не волновалась. Логово дракона теперь находилось всего лишь в двух днях пути. О том, что цель близка, Ворона сообщила экипажу с единственной целью избежать паники. Еще не хватало, чтобы Дуги вообразили, будто она задумала погубить их всех под споропадом. Подобные настроения ей были совсем ни к чему.

Сегодня Ворона снедала тревога иного характера. Она всегда пыталась внушить своей команде страх и добиться безоговорочного подчинения. Однако чувствовала, что настоящей преданности можно добиться, вызвав у подчиненных совершенно другую эмоцию. Увы, понять, что это за эмоция, ей до сих пор не удалось.

И если Ворона когда-либо мучилась ночными кошмарами, то один из них только что воплотился в явь. Он имел облик дрожащей девочки, самым загадочным образом снискавшей любовь, которой капитан никогда не ведала.

49. Мученица

Несколько часов спустя Локон, Форт, Салэй и Энн вели тихую беседу на камбузе.

Локон, впрочем, больше молчала, грея руки о любимую чашку с бабочкой и потягивая чай, который Форт заварил для нее из личных запасов. Баталер вручил ей напиток без лишних слов, даже не пытался торговаться, и это говорило о многом. Форт всерьез опасался, что героический поступок Локон оставил команду «Вороньей песни» в неоплатном долгу.

Несмотря на эти нерадостные мысли, Форт, судя по всему, надеялся все же расплатиться со спасительницей.

«Мы должны действовать быстро, – написал Форт. – Если все так, как говорит Локон, и капитан собирается продать ее дракону, то времени у нас в обрез. Ворона намерена добраться до логова Ксизиса за пару дней».

– Так и сказала сегодня утром, – поддакнула Энн. – И боюсь, добрую половину пути мы одолели еще до того, как на нас обрушился ливень.

С тех пор как Локон вытащили на палубу, она не переставала дрожать, и напиток, согревающий не только тело, но и душу, был весьма кстати.

Снаружи о доски обшивки вновь успокаивающе терлись споры. Локон опасалась, что из-за ее трюка корабль получит повреждения, несовместимые с дальнейшим плаванием, однако тревоги оказались напрасными. Как только море вскипело, экипаж разрубил лозы, и изумрудный ствол вместе с шипами багряного эфира погрузился в бездну. «Воронья песнь» как ни в чем не бывало побежала дальше по волнам.

Девушке не давала покоя мысль, почему ей совестно из-за того, что она попользовалась эфирным деревом и бросила его. Что, если эфирам на морском дне будет одиноко и грустно? И вообще, что с ними станется в конце концов?

Локон решила прекратить размышления об эфирах и озаботиться собственной судьбой, которую вот-вот должно перечеркнуть свидание

с Ксизисом. Однако из-за предельной усталости девушка себя чувствовала как та лысая щетка, которой она усердно драила палубу. После столь напряженного дня даже мысли о драконе едва ли могли внушить ей страх.

– Тогда нужно нанести удар завтра утром, – сказала Салэй, стоявшая у двери. – Все согласны?

– Согласна, – отозвалась Энн.

«Да, – показал дощечку Форт. – Имея на своей стороне Королевскую Маску, мы не можем потерпеть поражение».

Все дружно воззрились на сгоравшую от стыда Локон. Как же ей хотелось в тот миг сгореть по-настоящему, только бы не смотреть в эти полные надежды глаза. На угольках, например, друзья могли бы вскипятить воды и заварить себе чая. Хоть какой-то прок был бы от нее.

– А может, не стоит? – тихо спросила Локон.

– Чего?! – вскинулась Энн. – Девочка, она же собралась сбагрить тебя дракону!

– Я не хочу потерять еще одного члена экипажа, – заявила Салэй.

Форт пристально посмотрел на Локон.

– Мы сейчас живы лишь благодаря чудесному провидению, – сказала девушка. – Что с нами будет, если попытаемся выступить против Вороны? Капитан – очень опасная женщина. Я чувствую это.

«То есть ты хочешь позволить, чтобы тебя продали дракону?» – написал Форт.

– Служить дракону – не смертный приговор, – сказала Локон. – По крайней мере, мне так кажется. Вдруг я придумаю, как сбежать? Или… или куплю себе свободу!

Она понимала, что непоследовательна в своих речах и намерениях. Для чего она как одержимая все последние дни изобретала оружие против капитана? Нет, ей очень хочется сбежать, вот только почему она не чувствует воодушевления? План так и просится, чтобы его воплотили в жизнь, и куда же подевался весь оптимизм? Разве не спасла она сегодня корабль от гибели?

Ложь имеет свойство менять людей. Чем дольше живешь во лжи, тем больше она разжижает душу, постепенно делая ее мутно-коричневой, как если в ведре смешать все краски разом. Меня это никогда не останавливало, но Локон была человеком иного склада ума.

– Вороне не одолеть нас, пока ты с нами, – сказала Салэй. – Локон, ведь ты…

– Я не Маска, Салэй, – устало призналась девушка и покачала головой. – Более того, я даже не подозревала о существовании этого тайного королевского ордена, пока не услышала о нем от тебя. Пожалуйста, поверьте наконец…

Разумеется, никто не поверил. Скучной правде всегда нечего противопоставить фееричной лжи.

– Слушай, Локон, наивно полагать, что все наши проблемы исчезнут, как только Ворона пошушукается с Ксизисом, – сказала Энн. – Она и впредь будет держать нас под пятой.

– У вас появится возможность сразиться с ней на равных, – возразила Локон. – Споры ее уже не защитят. Если позволите капитану продать меня дракону, у вас будет гораздо больше шансов на успех.

Форт накрыл ладонью руку девушки и повернул к ней дощечку.

«Но как прикажешь нам жить дальше? С таким-то грузом на душе? Ворона втянула нас в эту гнусность. Никто даже не догадывался, что она решила заняться душегубством. Если не выступим против нее сейчас, то потом, боюсь, нам уже не оправдаться. Мы знаем, что она за человек, и наш долг не терпит промедления».

Локон перечла написанное Фортом дважды. Сперва хотела запротестовать, но затем осознала, что это было бы слишком самоуверенно. Растущее внутри незнакомое чувство изрядно пугало ее. Однако самоуверенность и самоуважение – две стороны одной и той же разменной монеты.

В итоге, вместо того чтобы продолжать спор, Локон посмотрела Форту в глаза и кивнула:

– Ладно, будь по-вашему.

– Значит, мятеж, – подытожила Салэй. – К утру я подговорю Дугов, чтобы поддержали нас.

– А я отвлеку Лаггарта, – сказала Энн. – Если пальну из пушки, он сразу прибежит меня чихвостить.

«Капитан не знает, что у меня есть ключ от ее каюты, – написал Форт. – Мы нападем, когда она будет спать, и свяжем ее, а затем возьмем курс на Изумрудное море, чтобы сдать ее королевским властям в обмен на полную амнистию».

Локон глубоко вздохнула и произнесла:

– Форт, пленить Ворону не так-то просто. Если кто-то попытается ее обездвижить, споры в крови отреагируют мгновенно. На наше счастье, я изобрела оружие, которое поможет нам… Вы ничего не чувствуете? Как будто…

Локон поежилась. Она определенно что-то ощущала. Какой-то неприятный и до боли знакомый зуд. Да такой отчетливый, словно аромат материнского хлеба из детства. Не успев осознать, что делает, она нырнула под стойку и ухватила что-то пальцами в тени. Темный сгусток, на ощупь похожий на флягу с водой.

Полуночная сущность!

Локон явственно ощутила присутствие постороннего разума. Симбиотическая связь весьма слабая… Похоже, что чужак управляет существом откуда-то издалека.

Подчинившись инстинкту, Локон перехватила контроль, и во рту мгновенно пересохло. Закашлявшись и перепугавшись, она нечаянно разорвала связь. Причем как для себя, так и для таинственного соглядатая. Полуночная сущность развеялась черным дымом.

Этот таинственный соглядатай…

Ворона!

Капитан установила связь с полуночной сущностью и подслушала разговор мятежников.

– О луны! – прохрипела Локон. – Ей все известно…

50. Убийца

Корабельный колокол взорвал тишину несмолкающей серией резких звуков.

– Всем наверх? – удивилась Энн. – Но… как она узнала?

– Споры, – ответила Локон. – Это сложно объяснить.

Рында продолжала трезвонить. За каждым ударом слышалась угроза: «умри, умри, умри…»

– И как теперь быть? – спросила Энн. – Она же нас всех убьет… Как убила Уива.

– Мы собирались взбунтоваться завтра, – произнесла Салэй, – но, похоже, придется сегодня. Локон, ты говорила, что придумала какое-то оружие против Вороны? Покажешь?

И хотя больше всего на свете Локон хотела спать, она все-таки кивнула и направилась к себе в каюту. Как ни крути, у них было общее, не терпящее отлагательства дело.

Локон уже открыла дверь и хотела припустить по коридору за своим сигнальным пистолем, как вдруг обнаружила другой пистоль, направленный ей прямо в лоб.

– Салют, голубчики! – ухмыльнулся Лаггарт. – Капитан желает видеть вас у себя. Вот уж повезло так повезло! Всех четверых разом накрыл!

Локон, унявшая было озноб, затряслась еще сильней. Как будто дрожь только и ждала подходящего момента, чтобы наверстать упущенное. Девушка взглянула в темное дуло, и во рту у нее пересохло. Однако причиной тому была отнюдь не связь с полуночной сущностью, а страх за свою жизнь. Все же Локон смогла выдавить несколько слов.

– Ты не сможешь мне навредить, – сказала она. – Я нужна капитану.

– Боюсь, ты права. – Лаггарт навел пистоль на Салэй и выстрелил ей в бедро.

Энн закричала. Форт бросился на Лаггарта, но на полпути, увидев второй пистоль, застыл как вкопанный.

– Капитан сказала, что хочет видеть вас… однако не уточнила, живыми или мертвыми, – процедил Лаггарт. – Форт, ты сумел прочесть по губам? Или мой пистоль говорит достаточно громко даже для глухого?

И пока огромный баталер стоял, не смея шелохнуться, Энн, не обращая внимания на пистоль, упала на колени и принялась перевязывать рану Салэй платком.

Локон не знала, что делать. Она чувствовала себя совершенно беспомощной. Закончив с ногой Салэй, Энн в смятении подняла взгляд. Ее мысль была понятна без слов. Обильное кровотечение говорило само за себя: без помощи Улаама не обойтись.

– На верхнюю палубу! Да поживей! – скомандовал Лаггарт и махнул рукой в сторону трапа.

Несколько Дугов, вытаращив глаза, поспешили убраться, гулко топая по деревянному настилу.

– Но у нее сильное кровотечение! – воскликнула Локон.

– Было бы и посильней, проделай я дыру в другом месте! – возразил Лаггарт. – Наверх!

Форт отстранил Энн и поднял Салэй на руки. Морщась от боли, рулевая обхватила его за шею и кивнула Локон. Энн, чьи руки были сплошь в крови, свирепо воззрилась на Лаггарта. Канонир в ответ лишь ухмыльнулся и качнул пистолем, поторапливая пленников.

Локон нехотя повиновалась и пошла впереди. Вскоре все пятеро оказались на верхней палубе. Багряная луна зловеще сияла на ночном небосклоне, то и дело сбрасывая на планету туманную пелену спор, похожую на ту, что вы, вероятно, привыкли видеть на своей планете, когда под самыми облаками моросит неразличимый глазу дождь. Однако здесь, на планете Локон, при ярком лунном свете создавалась иллюзия, будто сверху падают не споры, а сверкающие капли крови.

Ворона стояла на фоне луны, и ее тень черным шрамом пересекала залитую красным светом палубу. Дуги, окружив четырех мятежников и капитана, толпились вдоль бортов. Форт опустил Салэй, и та устроилась так, чтобы крепко держать перевязанную рану. Локон и Энн приткнулись к ней. Лаггарт, замыкавший шествие, поднялся на ют, чтобы ничто не могло укрыться от его зорких глаз.

– Итак! – объявила Ворона. – Правильно ли я понимаю, что вы вздумали предать свою команду и отнять у меня мой корабль?

Ни один из четырех пленников не вымолвил ни слова.

– Если честно, то я до последнего не верила, что вы осмелитесь поднять бунт, – продолжала Ворона. – Особенно учитывая тот факт, что для короля вы все – беглецы-висельники.

Ворона махнула рукой; подбежал Дуг и поставил между капитаном и пленниками столик.

– Словом, я впечатлена, – подытожила Ворона, вытаскивая из-за пояса и кладя на столик пистоль. Затем она проделала то же со вторым и третьим. – Я даже горжусь вами! Точно… точно какая-нибудь мамаша! Однако меня мучает один вопрос. Сколько на этом корабле тех, кто по-настоящему уважает своего капитана?

Форт опустил взгляд на свою дощечку и отстучал пальцами на задней панели пару предложений.

«Никто здесь не уважает тебя, Ворона. Подчиняются только потому, что боятся спор в твоей крови».

– Ну вот все и прояснилось, – сказала Ворона. – А ты не так умен, как кажешься, Форт. Не спор боится моя команда, а меня! Ведь так? – Капитан обвела Дугов пристальным взглядом.

Не выдержав, большинство из них даже попятились.

– Локон, следует отдать тебе должное. Я…

– Должное?.. – оживился Улаам за спиной Дугов. – А что ты ей задолжала? Не руку, случайно? А то у меня есть…

– Заткнись, Улаам! – даже не обернувшись, рявкнула Ворона, глядя Локон прямо в глаза. – Так и знала, что в конце концов придется расхлебывать неприятности либо из-за тебя, либо из-за Салэй, либо из-за Форта… Однако судьбе было угодно доставить мне всех мятежников скопом, заодно с доказательствами их вины. – Капитан кивнула на столик. – Устроим дуэль, как в былые времена. Три пистоля, четыре соперника… Ах да! У нас ведь всего три соперника, поскольку Салэй вынуждена бороться с последствиями своего неуважения ко мне…

– Едва ли это можно назвать честной дуэлью, – сказала Энн. – Твои споры остановят все наши пули.

– Тогда стреляйте не в меня, а в Лаггарта. – Ворона указала на ют. – Убьете Лаггарта прежде, чем я разделаюсь с вами, – считайте, что корабль ваш. Я сниму с себя обязанности капитана.

– Капитан? – не веря ушам, переспросил канонир и приблизился к лееру.

– Лаггарт, убери свое оружие и стой смирно, как и полагается мишени, – потребовала Ворона.

– Но… – начал было Лаггарт, а затем умолк и медленно убрал пистоль.

Он вдруг осознал, что имели в виду те, кто за глаза называл капитана бездушной.

– Ну?! – рявкнула Ворона. – Если ты не понял, я не предлагаю. Я приказываю.

Форт первым сорвался с места, чтобы завладеть пистолем, но не тут-то было. Ворона пнула столик, и оружие разлетелось по палубе в разные стороны. Капитан сделала выпад и угодила локтем прямо в лицо Форту. Локон в жизни не слышала такого звука. На ум приходит резкий хруст ломающихся палочек корицы вкупе с глухим чавканьем молотка, которым отбивают чаячье филе.

Этот ужасный звук вырвал Локон из оцепенения и заставил действовать. Еще секунду назад она стояла столбом – и вот уже ползет по палубе, пытаясь ухватить за рукоять пистоль. Во всей этой кутерьме Локон совершенно потерялась, однако у меня, смею вас заверить, был просто изумительный обзор. Ворона перемахнула через Форта, прижимавшего ладони к лицу, и пнула по руке Салэй, когда та попыталась дотянуться до оружия. Схватив этот пистоль, Ворона с бесстрастным видом швырнула его за борт, крутанулась на пятках и протаранила живот Локон, вложив в удар всю свою силу и вес тела. Охнув, Локон согнулась в три погибели. Одним ударом кулака Ворона вышибла из нее дух, надежду и все желание бунтовать.

Принять такой удар и остаться хладнокровным невозможно. Не существует теории или учения, способных доказать обратное. Когда в живот врезается кулак, часть нашего существа непременно начинает бить тревогу, в то время как остальная, бóльшая часть оказывается в шоке. Разум отказывается верить, что наш организм подвергся такому насилию, ибо ничто живое не может быть готово к подобной жестокости. Трудно принять суровую правду, что кто-то способен охотно причинить вам боль, а то и вовсе попытается лишить жизни.

Люди вроде Вороны всегда будут иметь преимущество перед остальными людьми. Их разум принимает суровую действительность

такой, какая она есть, – без прикрас. Ворона и ей подобные с легкостью причиняют боль и убивают, причем делают это с превеликим удовольствием.

Капитан схватила столик и с размаху обрушила его на голову Форта. Вероятно, вы уже вообразили, как столешница разлетается в щепки, но вынужден разочаровать: это отнюдь не история про барную драку. Столик, вытесанный из добротного деревянного массива, с глухим стуком врезался в кисти рук, которыми Форт прикрывал сломанный нос, и отправил баталера в нокдаун.

А Ворона выбросила за борт второй пистоль и огляделась в поисках третьего. Последний оказался в руках у Энн, уже успевшей взять Лаггарта на мушку.

Ворона ухмыльнулась шире и указала на канонира, словно призывая Энн не тушеваться.

«Сделай мне одолжение, дорогуша», – всем своим видом говорила капитан.

Лаггарт попятился.

– Канонир, – сказала Ворона, – если оставите свой пост, я пристрелю вас лично. Так что сперва подумайте хорошенько, получить чью пулю у вас меньше шансов.

Лаггарт застыл. Рука с пистолем заметно подрагивала. Энн оглянулась на Ворону и увидела женщину, которой в этой жизни было совершенно нечего терять. В ту минуту Энн была рассудительна как никогда. Она прекрасно понимала, что вне зависимости от того, попадет она в Лаггарта или нет, Ворона ни за что не признает свое поражение. Если что-то пойдет не так, Ворона просто откажется от своих слов. В конце концов, что ей сделают Дуги? Донесут королевским маршалам? С другой стороны, если она застрелит Лаггарта, то одним врагом у заговорщиков станет меньше. С этой мыслью Энн, уняв дрожь в руках, прицелилась и выстрелила.

И промахнулась на добрую половину ширины юта.

Ворона захохотала и отпихнула Энн в сторону, но та бумерангом вернулась к ней с ножом наголо. В ее взгляде читалась решимость убить своего капитана – здесь и сейчас.

На это Ворона лишь усмехнулась, сунула руку в карман и извлекла короткоствольный пистоль с широким дулом.

«Мой сигнальный пистоль!» – мысленно воскликнула Локон, все еще силясь прийти в себя после удара под дых. Сквозь застилавшие глаза слезы она увидела, как капитан надавила на спусковой крючок. Сигнальная пуля с глухим звуком врезалась Энн в грудь, но детонации не произошло – мягкая плоть поглотила импульс. Однако затем пуля ударилась острием о палубу, лозы выстрелили во все стороны и оплели Энн.

– Это за предательство, – сказала Ворона и отбросила сигнальный пистоль.

Как будто бы нечаянно она наступила каблуком на раненую ногу Салэй, заставив рулевую закричать от боли, затем подошла к баталеру и вгляделась в его разбитое лицо. Убедившись, что Форт все еще в полуобмороке и не собирается размахивать кулаками, Ворона направилась к оброненной им магической дощечке и обрушила на нее окровавленный каблук. Дощечка с треском переломилась пополам.

Форт взвыл. Прежде я не слышал его голоса, за исключением тех случаев, когда он смеялся. Это был горестный вопль первобытного человека, впервые познавшего утрату близкого существа. Закрыв лицо окровавленными ладонями, Форт приник лбом к палубе и зарыдал, тяжело вздрагивая всем телом.

В этот миг Локон наконец осознала, какую цель преследует капитан. Ворона не собиралась убивать. Мученическая смерть сделает четверых заговорщиков в глазах Дугов едва ли не святыми, а значит, поднимет новую волну негодования. Этот урок Ворона усвоила еще в тот день, когда убила Уива. Капитан собиралась унизить своих людей, заставить пресмыкаться – словом, обратить в рабов.

Ворона пристально всматривалась в лица Дугов. Все как один потупили взор. Форт примолк, баюкая свою скорбь где-то в глубине души. На палубе воцарилась тишина. Но не та, что обволакивает зимним вечером, когда в небе кружатся снежные хлопья, а та, что повисает в больничной палате, когда любимого человека настигла преждевременная кончина.

Ворона одолела четырех лучших офицеров, даже не прибегнув к помощи диковинных спор, что паразитировали у нее в крови. Улаам, как он позже признался, очень удивился тому факту, что споры никоим образом себя не проявили. Ворона контролировала своих паразитов лучше, чем кто-либо мог предполагать. Должно быть, капитан

намеренно не дала лозам выхода, чтобы в будущем ни у кого не возникло желания проверить, насколько она опасна без спор.

– Канонир! – рявкнула Ворона. – Отдать якорь!

– Капитан? – переспросил Лаггарт. – Но вы же сказали, что до логова еще несколько дней…

– Мы на месте.

– Но…

– Дам тебе маленький совет, Лаггарт, – произнесла Ворона. – Если подозреваешь на своем корабле подготовку к бунту, объяви экипажу, что плавание закончится на несколько дней позже, чем ожидалось. Трусливая человеческая натура такова, что изменники будут ждать до последней возможности.

Якорь, громыхая цепью, устремился ко дну. Ворона не блефовала: мы прибыли к логову Ксизиса. Правда, наивно полагать, что привлечь внимание дракона можно в каком-то одном месте. На самом деле достаточно пересечь границу его владений. Будьте уверены, незамеченными вы не останетесь. И капитан, бросив за борт письмо в традиционном для всех пиратских историй стеклянном сосуде, доказала, что так оно и есть. Этот способ Ворона вычитала в своей настольной книжице.

Капитан, вцепившись в плечо Локон железной хваткой, подняла девушку на ноги.

– Ты пойдешь со мной, – сказала Ворона. – И только попробуй артачиться! Вякнешь хоть слово против, и Лаггарт начнет убивать твоих дружков!

Локон молча кивнула, тщетно пытаясь восстановить дыхание. Первая в ее жизни потасовка закончилась для нее первым же пропущенным ударом. Глаза все еще слезились, а живот ныл от боли. Локон чувствовала себя совершенно беспомощной. Но это до того момента, когда она ощутила взгляд Салэй. Посмотрев подруге в глаза, Локон почувствовала себя совершенно бесполезной.

Салэй держалась за перевязанную платком рану на бедре, из которой сочилась кровь, и взирала на девушку с мольбой.

Локон отвернулась.

В этот миг Салэй поняла. Наконец-то осознала, что Локон ей не лгала.

– Ты ведь… не она? И никогда ею не была?

– Да, – прошептала Локон. – Я пыталась сказать тебе…

Салэй, раздавленная осознанием того, что Локон не Королевская Маска, поникла всем телом.

Между тем за бортом взволновались споры. На морской глади образовалась воронка, словно кто-то на дне принялся засасывать их в себя. Я вместе с Дугами ринулся к фальшборту и увидел, как в толще спор возник огромный зев туннеля. И хотя споры ни на секунду не переставали кипеть, стены туннеля, уходившего во тьму, выглядели весьма прочными и надежными. Должно быть, Ксизис получил послание капитана.

– Шлюпку к спуску! – скомандовала Ворона.

Как только лодку вывесили за борт, Ворона приказала своей пленнице лезть первой. Сама перебралась через борт следом за Локон и кивнула Лаггарту, державшему Энн на мушке:

– Если мы не вернемся через час, убей одного из ее дружков!

Локон уселась на банку и повесила голову. Вдруг кто-то тронул ее за плечо. Она подняла взгляд и увидела, что это я тянусь к ней, перегнувшись через планшир.

– У тебя по-прежнему есть все, что нужно, – шепнул я.

Капитан скомандовала Дугам опускать шлюпку, и я испуганно отпрянул от борта, когда импровизированный деревянный лифт с веслами пошел вниз.

Выбравшись на непривычно твердую поверхность спорового моря, Ворона подтолкнула Локон вперед, и они зашагали по туннелю.

51. Дракон

Споровые моря относительно неглубоки. По сравнению с той же Поющей бездной на Тренодии они не более чем прудики. Однако даже спуск длиной в несколько сотен шагов может показаться бесконечно долгим, когда у вас связаны руки, а смертельно больная пиратка то и дело раздраженно подталкивает вас в спину. Хотя тут надо оговориться: вряд ли на дно какого-нибудь моря вам доведется спускаться столь необычным способом.

Свет фонаря отражался от стен багряного туннеля таким странным образом, что создавалось впечатление, будто Ворона и Локон спускаются по пищеводу самого дракона. Девушка шла и гадала: что будет с этими застывшими спорами, если плеснуть на них воды? Прорастут ли шипы, или дракон подавит эфиры своей неведомой силой? Чтобы долго не объяснять, как сильно за последнее время изменилась Локон, я лишь скажу, о чем она задумалась вдруг на минуту, и вам сразу все станет ясно. Хотите верьте, хотите нет, но ей пришла мысль лизнуть стену и посмотреть, что произойдет…

В конце концов спуск закончился и туннель привел их в огромную пещеру из затвердевших спор. Локон думала, что придется спускаться на самое дно моря, и что же ждет внизу? Камень, почва или просто груды багряных обломков, скопившихся здесь за тысячи лет дождей? Однако ожиданиям не суждено было сбыться. Похоже, эта пещера и была их пунктом назначения. Впрочем, на этот счет девушке унывать не приходилось. Возможно, чтобы исследовать подводный мир Багряного моря, у нее будет целая вечность…

Именно в этот момент на ее душу легло тяжкое бремя осознания происходящего. Придется провести остаток жизни на дне. Она подвела Чарли.

«Это очень плохо… Но что еще хуже, я больше никогда не увижу ни одной луны», – невольно подумала Локон и подивилась этой мысли.

От столь безрадостной перспективы – не видеть неба, не греться в лучах солнечного света и не принимать изумрудно-лунных ванн – у нее ноги сделались ватными.

Ворона пихнула пленницу в спину. Локон запнулась и упала на колени посреди багряной пещеры. Усилием воли она подавила обуявшие ее чувства. Не хотелось бы, чтобы эти слезы – если споры в логове дракона все-таки эфирородящие – оказались в ее жизни последними. И хотя Локон справилась со слезами, она не смогла удержаться от того, чтобы свернуться калачиком и лежать, дрожа всем телом. На время даже позабыла о существовании Ворона, которая проклинала ее на чем свет стоит и осыпала довольно болезненными пинками.

Слишком уж круто девушке досталось. Пережитые за день эмоции обрушились, точно волна цунами. Даже не верилось, что еще утром, когда ее под дождем тащили из-за борта, она чувствовала себя такой бодрой, свободной да еще и ликующей!

И как в сутках может уместиться столько событий? В том, что часы и минуты протекали в этот день точно так же, как и во все предыдущие, сомневаться не приходилось, однако каждое мгновение буквально сочилось подробностями, словно переполненный вином бурдюк. Локон понимала, что еще чуть-чуть – и эмоции хлынут из нее фонтаном. Она прямо-таки физически ощущала, что нет в ней больше места для своих же собственных чувств и переживаний.

«У тебя по-прежнему есть все, что нужно», – вспомнились слова Хойда.

Что он имел в виду? Сигнальный пистоль? Ворона взяла его с собой? Но мне ни за что не победить Ворону в схватке…

В этом Локон убедилась эмпирическим путем.

– А ну, встать, девчонка! – рявкнула Ворона, рывком поднимая Локон на ноги и толкая вперед.

Пещера пустовала, за исключением гигантских споровых столбов, обернутых черными лентами ткани, да жаровен, что горели по углам. И хотя освещения они давали не так уж и много, от Локон не укрылся широкий зев коридора, что уходил вправо. Кругом было до того тускло, что складывалось впечатление, будто свет теплится лишь по доброй воле господствующей здесь тени.

– Дракон! – позвала Ворона, и голос эхом разнесся по огромной пещере. – Я привела тебе достойную жертву, как того требует древний обычай! Дракон, явись предо мной!

Слово «дракон» просочилось в лексикон едва ли не всех цивилизаций, которые мне доводилось встречать в путешествиях. Правда, в отличие от слова «Дуг», возникшего в результате лингвистической элизии, слово «дракон» за свою многовековую историю осталось неизменным. И тот факт, что о них все еще помнят – именно как о драконах, а не иначе, – вероятнее всего, не исключение из правил лингвистики, а заслуга самих драконов, которые умели вовремя явиться пред теми или иными цивилизациями в ходе их исторического становления.

Точно так же как ребенок учится откликаться на свое имя, целые цивилизации выучились уважать и бояться драконов. На самом деле драконы устроили все таким образом для собственного удобства. И хотя большей части населения космера повстречать дракона не грозит – не говоря уже о том, чтобы узреть его истинный облик, – сами драконы простых смертных не избегают и даже любят с ними контактировать. Как старушки дорожат бечевкой, которой они обвязывают свой нехитрый скарб, так и драконы берегут несколько верных им цивилизаций, легко поддающихся внушению, на так называемый черный день.

Все это я рассказываю для того, чтобы передать вам ощущения Локон и Ворона, увидевших тень, что приближалась к ним из коридора справа. Еще не разглядев Ксизиса, они как будто уже знали, чего ожидать. И в самом деле у дракона оказалась змеиная шея, тело рептилии и два гигантских крыла, призванные затмевать небо.

Однако были и неожиданные нюансы. Например, пышная грива серебристых волос, что нимбом украшала голову и ниспадала вдоль шеи под челюсть длинной бородой. А еще серебряные гребни, прорезавшиеся через ониксовую шкуру; они подчеркивали и без того необычные черты драконьей морды. Эти сверкающие гребни поднимались по шести лапам к змеиной шее, чтобы увенчать голову парой полированных рогов. Хребет был украшен частоколом шипов, что спускался к концу хвоста. Выглядел он гораздо менее величественным – разумеется, в угоду царственным рогам.

Вместе с Ксизисом в его багряном логове обитали и смертные слуги. Правда, когда в переднюю являлись просители, своих подопечных дракон не выпускал, дабы не осквернять их души порочным мирским духом. Кроме того, он не хотел отвлекать слуг от важной работы. Во-первых, они прислуживали ему, Ксизису, а во-вторых, проводили исследования сложной экосистемы дна спорового моря.

Бытует мнение, будто драконы те еще златолюбцы, и я частенько задаюсь вопросом: с чего бы это вдруг? На ум приходит лишь одно объяснение: все дело в потустороннем металле, что сверкает на их шкурах, и богатой фантазии смертных. Справедливости ради надо сказать, что я не знаю ни одного дракона, кто бы жаждал богатства. Чего не скажешь про идеи… Идеи для дракона на вес золота. Их коллекционируют и приумножают. И в этом отношении драконы действительно прослыли сквалыгами, достойными упоминаний в легендах.

И хотя дракон оказался поистине гигантских размеров, земля от его поступи, как того можно было ожидать, не содрогалась. Росту он имел почти восемь метров: примерно такой высоты будет башня из четырех человек, если те вздумают взобраться друг дружке на плечи. Приближаясь к гостям, дракон, казалось, скользил, перетекая от колонны к колонне, пока наконец не остановился в тенях посреди зала. Ксизис наклонился, свет языков пламени полыхнул по стальной чешуе, и Локон ахнула. Ей почудилось, будто шкура дракона переливается, точно жидкий металл. Даже Ворона и та испуганно попятилась. Отступив на пару шагов и сообразив, что Ксизис говорить первым не намерен, Ворона набралась храбрости и произнесла:

– Дракон Ксизис, я пришла заключить древнюю сделку и привела к тебе рабыню. – Капитан указала на Локон. – Отныне она будет жить в твоих владениях.

Наклонившись, дракон оглядел свою новую пленницу. В дыхании явственно улавливался запах жженой древесины гикори. В ответ Локон всмотрелась в мерцающие перламутром глаза, и ей показалось, будто она вглядывается в бесконечность. А затем увидела в отражении этих глаз себя и Ворону, и внезапно ей вспомнились слова Хойда.

«У меня есть все, что мне нужно», – проговорила про себя Локон.

Девушка никогда не была трусихой, но в последнее время ее смелость сдерживали всевозможные переживания и тревоги. Сейчас же, когда ее вдруг посетила дерзкая идея, она вновь преисполнилась решимости.

«Вороне нечего терять, – подумала Локон. – А вот у меня вся жизнь впереди!»

Эта мысль окончательно утвердила ее в намерении привести свой отчаянный план в исполнение.

– Дракон Ксизис, – хрипло произнесла Локон, – я пришла заключить древнюю сделку и привела к тебе рабыню. Отныне она будет жить в твоих владениях.

Сказав это, Локон указала на Ворону.

52. Жертва

– Что, прости? – переспросил дракон.

– Чего?! – возопила Ворона.

– Из нее выйдет замечательная служанка, – объяснила Локон. – Она очень сильная, и синяки у меня на животе служат тому доказательством. И она нисколечко не боится спор! Не далее как несколько часов тому назад упражнялась с полуночным эфиром.

Ворона схватила Локон, намереваясь силой заставить замолчать свою дерзкую пленницу. Дракон остановил капитана величественным движением мощной лапы. Пять серебряных когтей, каждый размером с ногу Вороны, лязгнули о багряный пол пещеры.

– Я не позволю, чтобы вы навредили друг другу в моем доме, – произнес Ксизис. – Одной из вас суждено стать моей служанкой, а порченый товар меня не интересует.

Ворона покосилась на свое отражение в драконьих когтях и отпустила Локон.

– О великий дракон! – воскликнула Ворона. – Я привела сюда эту девчонку, чтобы она стала твоей рабыней. Это моя плата за твою помощь. Я не могу служить тебе, ведь я капитан корабля.

– Ты только что признала, что стоишь дороже, чем я, – заметила Локон, потирая шею, оцарапанную ногтями Вороны.

– Я предпочитаю, чтобы мои слуги отвечали самым высоким стандартам, – сказал Ксизис.

Голос его был низким, но это был не бас и даже не бас-профундо. Когда дракон говорил, земля вибрировала с таким глубоким резонансом, какой бывает только при землетрясении.

– Думаю, возраст тоже имеет значение? Молодая служанка гораздо лучше, верно? – нашлась Ворона, осознав, что ей придется вступить в спор. – Я старая, закостеневшая и упрямая. Меня уже не перевоспитать. А она молодая – лепи из нее что хочешь. Да она свой родной остров лишь месяц назад покинула!

Ксизис лег на пол и скрестил лапы. К ужасу обеих посетительниц, дракона эта ситуация, похоже, весьма забавляла.

– Ну? – поторопил он Локон. – Что ты на это скажешь?

– Хм… – задумалась Локон. – А вы, похоже, из тех, кто получает удовольствие от процесса нелегкого выбора. Кого интереснее тренировать? Неоперенного птенца или матерую морскую волчицу, о способностях которой одним только лунам известно?

– Я предпочитаю не тратить слишком много времени на обучение подопечных, – ответил Ксизис. – Задавая подобные вопросы, ты окажешься в рядах моих слуг скорее, чем думаешь.

– Кстати говоря, – подхватила Ворона, – девчонка гораздо лучше меня разбирается в спорах. А какие гениальные она изобретает штуковины! Представь себе, она создала что-то вроде изумрудной бомбы и с ее помощью подняла корабль над морем. Спасла его от дождевого вихря! А еще она придумала сигнальный пистоль, стреляющий спорами. Девочка очень одаренная по части спор! Вундеркинд! Тебе такая точно пригодится!

– Это правда? – спросил дракон у Локон. – Ты и в самом деле изобрела все эти вещи?

– Да, – призналась Локон. – Но не такая уж я и гениальная. Просто нашла чужие наработки и довела их до ума.

– Еще и скромная! – не унималась Ворона. – Кому нужна надменная служанка?

– Сэр, у капитана Вороны огромный опыт в управлении людьми, – сказала Локон. – Из нее выйдет отличная надзирательница.

– Ха! Скажи ему, что обо мне думает моя команда! – усмехнулась Ворона. – Да ведь они меня ненавидят! Ну скажи, положа руку на сердце!

Дракон, точно пес, опустил голову на скрещенные лапы, с улыбкой наблюдая за перепалкой.

– О всемогущий Ксизис! – сказала Ворона. – Знал бы ты, как моя команда любит эту девчонку! Локон завоевала их сердца, не успев взойти на борт моего корабля. А как она готовит! И притом до тошноты самоотверженная. Когда друзья Локон прознали, что я хочу продать ее тебе, они задумали взбунтоваться – с единственной целью воспрепятствовать. Однако Локон сама разрушила их благородный план. Она решила стать твоей служанкой добровольно, чтобы не подвергать друзей опасности.

– Это правда? – спросил Ксизис у Локон.

– Э-э-э… Дело в том, великий дракон, что Ворона нуждается в вас. У нее просто нет выбора. Она должна стать вашей рабой. Ворона умирает, потому что ее кровь заражена спорами. Здесь, с вами, она могла бы исцелиться. Будьте так великодушны и мудры – возьмите ее в слуги!

– Ха! Нашла кому рассказывать! – усмехнулась Ворона, показывая пальцем на Локон. – Дракон и без тебя знает, что в обмен я потребую исцеления. А как только исцелюсь – заживу припеваючи!

– Тут она права, – согласился Ксизис. – Дитя, ты стремительно сдаешь позиции. – Дракон кивнул на Ворону. – Зачем, скажи на милость, мне эта дрянь, когда я могу выбрать тебя, девочка? Воспитанная, спокойная, сметливая… Чего еще желать?

– Вот до чего может довести праведная жизнь, – поддакнула Ворона. – А я ведь предупреждала, что такая судьба не для тебя.

Локон перевела дыхание и взглянула на Ксизиса:

– Великий дракон, я хочу предупредить, что из меня выйдет ужасная служанка. Потому что я искренне не хочу ею быть.

– Думаешь, я хочу?! – воскликнула Ворона. – Я…

Дракон щелкнул когтем и заставил ее замолчать. Прищурив переливчатые глаза, он рассматривал Локон.

– Скажи, дитя, почему ты не хочешь служить дракону? Забудь все, что ты слышала обо мне, и прими к сведению, что со слугами я обращаюсь хорошо. Пока ты здесь, тебе не страшна никакая болезнь. У тебя будет все: интересная работа, регулярное питание и много книг для чтения на досуге.

– Но, великий дракон… Сэр, я должна спасти одного человека, – сказала Локон. – Человек, которого я люблю всем сердцем, попал в плен, и мне надо его вызволить.

– Сердца смертных меня не интересуют, – сказал дракон. – Разве что в кулинарном плане. Будут еще аргументы? Если нет, то я выбираю тебя и отправляю работать на кухню…

– Я… я не гожусь в слуги, потому что…

Прежняя Локон смирилась бы с судьбой. Прежняя Локон не смогла бы обидеть дракона отказом. Однако той Локон больше не существовало.

– Я не гожусь в слуги, потому что меня здесь не удержать, – заявила она. – Делайте со мной что угодно, но от своих планов я не

откажусь.

– Еще никому не удалось покинуть мои владения.

– Значит, я стану первой. – Голос девушки звучал все громче и тверже. – О великий дракон, клянусь, вы никогда не сможете мне доверять. Все, что у меня есть, – каждую мысль, каждое мгновение, каждый вздох – я использую ради побега! И я не успокоюсь и не смирюсь! Я найду выход. Даже если потребуется обрушить ваше логово! Не сдамся, даже если придется идти сквозь толщу спор и даже если это займет пятьдесят лет. Вам придется меня убить, чтобы остановить. Я уверена, что доберусь до Полуночного моря, найду Колдунью и спасу любимого!

Голос Локон эхом звучал в каждом углу пещеры. Дракон, разглядывая ее своими древними глазами, дождался, когда отзвуки смолкнут.

– Колдунья? – спросил Ксизис. – Ты собираешься сразиться с Колдуньей?

Локон кивнула.

– Тогда, пожалуй, мне стоит пленить тебя ради твоего же блага. Это будет милосердным поступком с моей стороны.

– Ну да! – воскликнула Ворона. – Вот и я о том же…

– Ой, да помолчи ты! – отмахнулся когтистой лапой Ксизис, и ткань, окутывавшая ближайшую колонну, внезапно зашевелилась как живая, а затем метнулась к капитану.

Она набилась Вороне в рот и несколько раз обернулась вокруг ее головы.

Некоторое время Ксизис изучал Локон непостижимыми глазами, в которых она тонула, точно в радужном водовороте.

– Я верю тебе, – наконец сказал дракон. – Ты слишком целеустремленная, чтобы исправно служить.

– Спасибо, – сказала Локон.

Ворона, выпучив глаза, попыталась вытащить кляп, но колдовская черная ткань окутала ее плотней, а потом и вовсе примотала к колонне.

– Она и впрямь так ужасна? – спросил дракон.

– Боюсь, что да, сэр, – подтвердила Локон.

– Что ж, мне как раз нужен поломой вместо Лили. Она недавно получила повышение. – Дракон привстал и потянулся, выгнув спину, точно кошка. (Восьми метров в холке чешуйчатая кошка.) – Я дал себе

зарок не слишком вмешиваться в мирские дела. Дитя, если ты в действительности совершила открытия, о которых упомянула капитан, то я не имею никакого права порабощать тебя. Ведь в таком случае я помешаю технологическому прогрессу планеты. Пускай это будет моим оправданием, чтобы отпустить тебя.

– Оправданием, сэр? – спросила Локон.

– Да, оправданием, – повторил Ксизис, давая понять, что ничего более объяснять не намерен. – Чего ты хочешь взамен?

– Взамен?.. – переспросила Локон и глянула на Ворону. – Э-э-э… я ведь так далеко не загадывала, сэр. Извините, но обменивать живого человека – это как-то…

– Если она и вправду спорофаг, – ответил Ксизис, – то ты спасаешь ей жизнь. Мне под силу избавить ее от недуга, однако я не упомянул главного. Ремиссия продлится год, самое большее – два. Если меня не будет поблизости, инвазия повторится. Капитан действительно может поправиться, жить долго и счастливо… но только если останется здесь – под моим присмотром.

Обдумав услышанное, Локон заколебалась: а не лжет ли Ксизис? Если исцеление будет полным, то это отличная уловка, чтобы убедить Ворону добровольно остаться в услужении у дракона до скончания дней. Как бы там ни было, Локон мудро решила ничего по этому поводу не говорить.

– Ну что ж, сделка свершилась, – сказал Ксизис. – Хоть моя выгода и невелика, я обязан тебе заплатить. Так что проси. Да поторопись.

– Можете ли вы снять проклятие Колдуньи?

– Нет, – ответил Ксизис. – И в твоих поисках помогать не стану. На этой планете я страшусь только одного существа… и это отнюдь не твой дружок Цефандриус.

(Как грубо!)

– Даже не знаю, есть ли у меня желание… – устало произнесла Локон. – Спасибо и на том, что я осталась жива… – Она замялась. – Разве что…

– Разве что?

– Разве что вы будете настолько любезны, что исполните три желания! Три маленьких вместо одного большого.

53. Выжившая

Вскоре измученная Локон преодолела самый крутой подъем туннеля и вышла на поверхность спорового моря. В руках она держала три свертка: один побольше и два поменьше.

Первым, кого Локон увидела, оказался Лаггарт. Облокотясь на планшир, старпом нес свою вахту в ожидании возвращения Вороны. Локон и Лаггарт встретились взглядами. Не дожидаясь, когда мозг обработает визуальную информацию, канонир опустил пистоль и отошел назад. Он доверился здравому смыслу и внезапной вспышке боли в боку.

В следующую секунду над фальшбортом замаячило с десяток лиц – гораздо более дружелюбных, чем физиономия Лаггарта. Команда радостно приветствовала Локон. Она доплелась до шлюпки и погребла в сторону корабля. Когда Дуги принялись поднимать Локон на палубу, туннель схлопнулся и поверхность моря выровнялась.

Наверху девушку восторженно встречала Энн.

– Как?! – восклицала она. – Как тебе удалось?!

– Наверное, Вороне следовало заткнуть мне рот кляпом, – ответила Локон. – Запомни, Энн: если когда-нибудь захочешь совершить важный обмен, позаботься о том, чтобы твой заложник не заговорил в самый неподходящий момент.

Вы будете удивлены, узнав, как часто впоследствии мне помогал этот совет в путешествиях.

– Вот, это тебе. – Локон вручила Энн один из маленьких свертков. – Дракон не мог решить мои проблемы, поэтому я попросила у него кое-что для тебя.

Энн приняла сверток и вопросительно посмотрела на Локон, но та слишком устала, чтобы даже пытаться что-то объяснять. Команда, уловив ее настроение, расступилась и освободила ей путь к доктору Улааму, который оказывал помощь Форту и Салэй. К тому времени он уже смазал их раны одной из своих чудодейственных мазей. Разумеется, его снадобья не исцеляли мгновенно, однако выздоровление ускоряли значительно, а значит, улучшали и самочувствие больного.

Между делом Улаам рассказывал Форту, до чего же это замечательно – обзавестись новым носом и обонянием. Как и всегда, ему было что предложить на выбор. Но Форт лишь оцепенело смотрел перед собой, привалившись к фальшборту.

(Кстати говоря, я всегда мечтал примерить нос, нечувствительный к запаху сыра.)

Локон опустилась перед Фортом на колени, а затем осторожно сняла ткань с большего из двух оставшихся свертков и явила его взгляду дощечку – копию той, что испортила Ворона.

Без пафосных слов, которые здесь, впрочем, и не требовались, Форт заключил Локон в объятия. Развернула свой сверток и Энн. Точно дохлую мышь, она держала двумя пальцами очки за дужку.

– Дракон сказал, что у тебя расстройство зрения под названием… Как же он это назвал?.. Ах да, микропсия! – вспомнила Локон. – Он подробно объяснил, но я ничего не поняла. Не могу, конечно, ручаться, что всех пострадавших от рикошета во время твоих упражнений в стрельбе можно списать на микропсию, однако с меткостью очки должны тебе помочь.

Локон вручила последний сверток Салэй, встала и направилась к трапу на ют, чтобы посидеть на ступеньках и все как следует осмыслить.

Команда оставила ее в покое, и она успела насладиться одиночеством, пока к ней не приковыляла, опираясь на костыль, Салэй.

– Тебе бы стоило поберечь ногу, – сказала Локон.

Салэй пожала плечами и с трудом уселась рядом с девушкой. В руке у нее белел сложенный лист бумаги.

– Город Филистрет, – произнесла Салэй. – Я же обыскала его вдоль и поперек.

– Дракон сказал, что твой отец прибыл туда полгода назад.

– Проклятье! Почти сразу после того, как я покинула этот городишко! Все это время я разыскивала отца, даже не подозревая, что он остался где-то позади… – И Салэй обняла Локон.

Это было именно то, в чем Локон остро нуждалась в ту минуту. Крепкие объятия необходимы человеку, когда надо дать выход чувствам, – все равно что вскрыть нарыв ланцетом.

Дав выход чувствам, Салэй взяла себя в руки, отстранилась и встала. Опираясь на костыль, она отдала честь и отчеканила:

– Капитан, докладываю! До Полуночного моря примерно неделя ходу. Но беспокоиться не о чем – провианта в трюме предостаточно. Во время последней стоянки запасы были основательно пополнены.

– Салэй, – произнесла Локон, – капитаном должна быть ты.

– Увы, не могу. Я старший помощник, и моя работа – следить за тем, чтобы капитан принимал благоразумные решения.

– Но ведь…

– Капитан, вы пытаетесь принять неверное решение, – перебила Салэй. – Видишь? Я хорошо знаю свое дело.

– Полуночное море опасно, – сказала Локон. – Дракон отказался помогать мне. Даже он боится Колдуньи.

– Ничего не поделаешь, капитан. Придется понять, как пересечь Полуночное море так же благополучно, как и Багряное… Когда снимаемся с якоря? Сейчас или утром?

Все возражения так и остались невысказанными. Локон вдруг осознала, что и сама хочет быть капитаном.

– Рулевая, снимаемся с якоря сегодня вечером! – скомандовала Локон. – И раз уж я теперь капитан… пожалуй, займу койку Вороны. Будите меня, только если к нам пожалует сама смерть с гвоздями в глазах. Да и тогда, прежде чем поднимать меня с постели, проверьте, нельзя ли ее обмануть!

Часть 6

54. Камердинер

Людям хочется верить, что время стабильно и последовательно. Они создали календарь, чтобы не запутаться в днях, и часовые механизмы, чтобы поделить день на часы, минуты и секунды. Люди притворяются, будто каждый промежуток времени равен другому, имеющему ту же продолжительность. Однако, если призадуматься, тут как в лавке у мясника: одни отрубы пространственно-временного континуума – высший сорт, а другие полны жил и хрящей.

Теперь эту истину познала и Локон. Минувший день стал одним из самых насыщенных в ее жизни – с жиром и мясом на костях. Его сложно было не выделить из череды других дней – сухих, жилистых, ничем не примечательных. Так легко и незаметно обычно пролетают дни в каникулы, однако сейчас, несмотря на схожую беззаботную эфемерность, в воздухе чувствовалось напряжение. И чем ближе «Воронья песнь» подбиралась к Полуночному морю, тем пуще это напряжение нарастало – хотя, надо заметить, ничто пока не препятствовало плаванию. Лишь однажды споры перестали кипеть, и Локон, завидев надвигающийся дождь, решила перестраховаться и подняла корабль над поверхностью моря. Но на этот раз дождевой вихрь прошел стороной. Никто из команды не жаловался потом на хлопоты, связанные с высвобождением корабля из лоз. Топорами работали молча, прекрасно понимая, что эта ложная тревога – напоминание о том, что они живы вопреки всем обстоятельствам и разумным соображениям.

Локон теперь чувствовала тягу, знакомую каждому путешественнику, – фантомный попутный ветер. Этот ветер ободрял и в то же время навевал мрачные мысли, ведь он неумолимо вел корабль к верной погибели. После стольких блужданий и иных перипетий они наконец-то шли прямым курсом к острову Колдуньи. Возможно, именно поэтому дни пролетали теперь так легко и незаметно. И если первая часть путешествия казалась Локон мучительно долгой, словно кто-то невидимый натягивал лук, то теперь стрелу ее надежд и ожиданий отправили в стремительный полет.

К тому времени Локон устала от бесконечной лжи и решила сбросить эмоциональный балласт. Вознамерившись быть откровенной (честно говоря, откровенность мешает сочинять интересные истории), она собрала Салэй, Энн и Форта и познакомила их с Хаком.

Хака эта затея не слишком вдохновила, но отпираться он не стал. Возможно, на его решение повлияло чувство благодарности. Как же он обрадовался, когда Локон, смертельно усталая после визита к дракону, вошла в каюту капитана и обнаружила беднягу в тесной клетке, которую осаждал корабельный кот, пытаясь просунуть между прутьев лапу. Несмотря на все события того дня, Локон нашла в душе место для стыда – ведь она в очередной раз забыла о Хаке! В свое слабое оправдание девушка могла сказать, что была уверена, Хак сидит в ее прежней каюте в полной безопасности. Почему-то она не подумала, что Ворона, учинив обыск, нашла не только полуночные споры, но и Хака. Приди ей в голову эта мысль, она прозвучала бы даже не тревожным звоночком, а паническим набатом.

Но Хак обиды не таил. Наоборот, он так восхищался подвигами Локон, что ее стыд смыло, как мыльная вода смывает с окон сажу.

Локон представила Хака друзьям, и тот, сидя у нее на ладони, рассказал судовым офицерам, как они с Локон познакомились. Когда Хак закончил, и он, и девушка замерли в ожидании реакции.

«О луны! Ты так нам помог, Хак! – написал Форт. – Надо предупредить Дугов, чтобы смотрели под ноги и не наступили ненароком. Хак, ты настоящий герой!»

Хак заметно приободрился.

– Точно, – сказала Энн. – И с котом надо что-то сделать. Нельзя, чтобы он тут разгуливал! Сварганю-ка я клетку или что-нибудь в этом роде… И до первой стоянки подержу кота у себя в каюте.

– Хм… Крыса в команде? – произнесла Салэй, потирая подбородок.

Все воззрились на рулевую. Даже с костылем она выглядела уверенной и сильной.

– Хак, а что ты думаешь насчет крохотной пиратской треуголки?

(Спойлер: оказалось, что Хаку треуголки очень даже нравятся. Признаться, при мысли о крысе в треуголке мне стало как-то не по себе.)

Познакомив друзей с Хаком, Локон во имя абсолютной честности рассказала и о том, какие трудности их поджидают в Полуночном море. Само собой, после этого пришлось объяснять, кто она и с какой целью покинула родной дом.

Энн вполне резонно спросила, а что такого особенного в том парне, которого любит Локон. Тщательно подбирая слова, девушка попыталась описать свои чувства. Она не питала надежды на то, что такие опытные, повидавшие весь мир люди сочтут ее рассказ хоть сколько-нибудь достойным интереса. Однако девушка недооценила силу простых слов, сказанных с неподдельной страстью. Больше никто не задавал ей вопросов.

Дни, как и катящаяся к горизонту Багряная луна, таяли на глазах. Впереди поднимался угольно-черный диск луны Полуночной. Ее даже сложно назвать небесным телом, поскольку она не отражала света и походила скорее на черную дыру, чем на объект материального мира. Туннель в никуда посреди неба.

Когда Полуночная поднялась над горизонтом, Локон обуял иррациональный страх, будто луна будет расти, пока не затмит своей мглой весь небосклон.

От этих мрачных мыслей Локон спряталась в своих новых покоях. Каюта капитана оказалась гораздо просторнее лаборатории споровщика, в которой Локон продолжала экспериментировать со спорами. Теперь, когда Ворона и Ксизис остались в прошлом, Локон призадумалась о проблемах насущных. Размышляя, как пересечь Полуночное море, она исписала едва ли не всю капитанскую книжицу, однако ни одна из идей ее не удовлетворяла.

Проблема состояла в том, что ее разум, похоже, разучился работать как прежде. Если раньше он с энергичностью хищника отлавливал идеи одну за другой, то теперь как будто оказался заперт в ловушке и мог лишь тщетно царапать ее стенки.

Что же случилось с изобретательностью? Куда подевалась хваленая вдумчивость, которой Локон дорожила? С каждым прожитым днем девушка разочаровывалась в себе все больше и больше. Дни утекали как песок сквозь пальцы, не оставляя ничего стоящего. Каждое утро она наблюдала одно и то же: взлохмаченные волосы в зеркале и испещренный дурацкими идеями блокнот на столе.

«Что же со мной не так?» – ломала голову Локон.

Однако с ней все было в порядке. Ее разум работал точно так же, как и всегда. Она не утратила своих творческих способностей. Она просто устала.

Нам хочется верить, что люди стабильны и последовательны в своих намерениях. Мы без конца навешиваем на них ярлыки, даем им роли, группируем по предпочтениям, способностям и убеждениям, а потом притворяемся, будто некоторые из них – а то и большинство – лучше нас самих. Ведь расклеивать ярлыки и восхищаться тем, чего в действительности нет и в помине, всегда проще, чем пытаться соответствовать ярлыкам собственным, которые без конца то колют, то натирают.

Правда в том, что люди изменчивы, как и само время. Мы приспосабливаемся к ситуации точно так же, как вода заполняет даже самый затейливый сосуд, хоть нам и требуется несколько больше времени. Из-за этой своей приспособляемости мы не осознаём, в какой тяжелой, подчас извращенной среде проживаем свою жизнь по чьему-то велению.

Да, какое-то время мы способны игнорировать неудобства. И даже можем притворяться, будто нам нравится этот сосуд с его прихотливыми изгибами. Однако чем дольше притворяемся, тем хуже нам становится. Тем больше мы выматываемся. Тем меньше сил остается. Даже если мы ничего не делаем, одно лишь поддержание формы отнимает все наши силы. А то и больше, если мы еще и пытаемся выглядеть естественно.

Кто бы мог подумать, что Локон весьма неплохо будет справляться с ролью пиратки? Девушка повзрослела и многому научилась. И все же прошло слишком мало времени с тех пор, как она покинула родную Скалу. Локон до того устала, что не помог бы и хороший сон. Даже будь у нее возможность высыпаться десять ночей кряду. Ее перегревшийся разум требовал перезагрузки. Ей требовалось время, чтобы нагнать саму себя – ту, кем она стала.

До полуночных вод оставалось всего три дня пути, а Локон все еще не имела ни малейшего понятия, как их преодолеть. Она даже пыталась биться головой о блокнот, но это ничего не дало – только лоб посинел от чернил.

Девушку охватил ужас, когда она в очередной раз задумалась о будущем. И оно не заставило себя ждать, осторожно постучавшись в

дверь. Локон кивнула Хаку, который почему-то решил, что ей необходим камердинер. Полагаются ли капитанам камердинеры? Может, они бывают только у важных господ, у которых так много разной обуви, что они не успевают расставлять ее по местам?

Хак взобрался на столик при входе и прокричал:

– Капитан приглашает вас войти!

Локон подумала, что она вполне могла бы делать это и сама. Она еще не освоила все нюансы своей новой должности, многие из которых подразумевали, что капитан – слишком важная персона, чтобы действовать разумно.

В каюту вошли Салэй, Энн и Форт. Локон собралась с духом и приготовилась выслушивать упреки. Здесь и сейчас друзья узнают, что их новый капитан ни на что не годится – ведь у нее по-прежнему нет плана.

На самом же деле они узнали, что у Локон очень красивый почерк.

Потому что он отпечатался на ее лбу.

– Ну что ж, капитан, мы долго размышляли о нашем маршруте, – заговорила Салэй. – И преграды, за которыми прячется Колдунья, кажутся нам почти непреодолимыми…

– Я знаю, – сказала Локон, готовясь к худшему. – Поэтому…

– Поэтому нам пришлось пораскинуть мозгами, – продолжала Салэй, доставая какие-то бумаги. – У нас есть несколько неплохих идей, как преодолеть непреодолимое.

Локон моргнула.

Разумеется, Локон моргала так же часто, как и все нормальные люди, однако сейчас она это сделала осознанно. Так моргают, когда не могут опомниться от изумления и задать простой вопрос: «Погоди, я не ослышался?»

– У вас есть… идеи? – переспросила Локон.

– Ага! Вот, взгляните сюда, – сказала Салэй.

Офицеры дружно пересели за стол совещаний.

Локон медленно приблизилась к столу, на котором Салэй расстилала первый лист.

– Это идея Форта, – пояснила рулевая. – Ему и объяснять.

«Хак сказал, что остров охраняется легионом механических несокрушимых людей, – написал Форт. – Я начал было размышлять,

как бы их по-хитрому отвлечь, и вдруг осознал, что ты, Локон, уже давно решила эту проблему».

Новая волшебная дощечка оказалась куда лучше прежней. Когда внизу появлялись новые строчки текста, верхние исчезали. Форту теперь не нужно было прерываться, чтобы показывать написанное; он набирал слова непрерывно, и те возникали на обратной стороне дощечки, что позволяло беседовать с ним в реальном времени. К этому добавилась возможность менять шрифт.

– Я решила проблему? – удивилась Локон, взяв стул, который Хак услужливо пытался к ней пододвинуть.

Когда она села, Хак демонстративно отряхнул лапки и с чувством выполненного долга удалился пересчитывать башмаки.

«Еще как решила! – сказал Форт. – Улучшенные патроны для сигнального пистоля! Ты ведь готовилась к схватке с той, кого нельзя убить, помнишь? Нам всего лишь надо наделать кучу пушечных ядер с тем же принципом действия, что и у твоих споровых патронов, и дело в шляпе! Думаю, механическим людям будет не до нас, когда мы опутаем их изумрудными лозами. А вот, смотри, эскиз спорового пушечного ядра. Мы использовали твои идеи! Выманим охранников на берег, обстреляем из пушек и всех повяжем изумрудными лозами. А затем ты проскользнешь мимо них прямиком к башне Колдуньи».

Локон взяла чертеж, чтобы получше ознакомиться с устройством споровой пушечного ядра. Тут и там бумага пестрела комментариями в духе «какая-то споровщицкая спорунда». Очевидно, до конца вникнуть в изобретение Локон баталеру не удалось, но идея все же была здравая. Да что там – отличная идея! Локон сразу подумала о ядрах с лозовыми замедлителями, которых у Лаггарта имелось с избытком. Пожалуй, ей вполне под силу модифицировать их таким образом, чтобы при взрыве вместо воды разлетались лозы.

– Форт, это гениально! – воскликнула она.

«Честная сделка! – пояснил он и постучал пальцем по волшебной дощечке. – Спасешь друга, и мы квиты. Но не раньше».

Локон настолько потрясло происходящее, что она не догадалась напомнить Форту, что свою прежнюю волшебную дощечку он потерял по ее вине. Девушка раздобыла для него новую, чтобы не оставаться в долгу, однако она никак не предполагала, что баталер сочтет это неравным обменом.

Друзья решили одну из ее проблем совершенно самостоятельно. Они не стали злиться на своего беспомощного капитана, а объединили усилия, чтобы помочь ей. А ведь Локон всерьез думала, что придется все делать в одиночку! Хотя если задуматься, то почему это событие стало таким уж сюрпризом? Разве не должен экипаж во всем помогать капитану?

Впрочем, когда вы идете в гору с кладью кирпичей за плечами и вам их регулярно добавляют, запросто можно сбиться с панталыку, если вдруг один кирпич у вас кто-нибудь заберет.

– Спасибо, – прошептала Локон, сдерживая слезы. Она сильно сомневалась, что капитану можно плакать на виду у команды. Наверняка существует морской закон, категорически это запрещающий. – Большое вам спасибо! Я так долго пыталась что-нибудь придумать…

«Мы твоя команда, Локон. Твои друзья, – написал Форт. – Для того здесь и находимся – чтобы помогать».

– Да, конечно, – ответила Локон, сияя от счастья. – И все же… спасибо.

– Я все пытаюсь понять, почему у тебя написано на лбу «Попроси вежливо»? – осведомилась Энн.

«Вообще-то, там написано „овилжев исорпоП“», – возразил Форт.

– Вы оба не правы, – авторитетно заявила Салэй. – Строчка перечеркнута. Видите?

– А ведь точно! – кивнула Энн. – Кстати, насчет второй проблемы. Кажется, с башней мы тоже разобрались. И опять же – ты сама и натолкнула нас на нужную мысль.

– Да? Это на какую же? Вырастить дерево из изумрудных лоз, взобраться на его вершину и попытаться проникнуть в башню? – спросила Локон. – Энн, я об этом уже думала. Готова поспорить, что Колдунья наглухо задраила все двери.

«Но не окна! Помнишь оконце для воронов?»

– Оно слишком узкое.

«Для человека, но не для…» – написал Форт, и взгляды устремились на Хака, который только что закончил считать башмаки Локон и теперь подбоченившись стоял перед шкафом. Подсчет оказался не такой уж и сложной задачей, ведь и правый, и левый башмаки сейчас были на ногах. Однако Хака это ничуть не смутило, и

он начал составлять в уме список обуви, которую следовало приобрести в первую очередь.

Хак ощутил на себе пристальные взгляды. Крысам это свойственно, знаете ли. Годы тренировок и все такое. Почувствовав себя последним кусочком сыра в кладовой, Хак резко обернулся.

– Что такое? – спросил он.

– Нам нужен кто-то маленький и юркий, – сказала Салэй. – Кто смог бы проникнуть в башню Колдуньи через воронье оконце.

– Это сложно, – ответил Хак. – Думаю, даже очень худой человек не… А, понял! Вам нужна крыса, – произнес он, заламывая лапки.

«Мы должны сделать это ради нашего капитана, – написал Форт. – Мы у нее в долгу».

– Хак мне ничего не должен, – сказала Локон. – Если бы не я, его сейчас не было бы на этом корабле.

«И где бы он был? На дне Изумрудного моря?»

Сильно сомневаюсь, что Хак смог бы пойти ко дну. У крыс довольно-таки малая масса тела. Он почти наверняка закончил бы в каком-нибудь лозовом перекати-море, дрейфовал бы в толще спор до полного разложения. Но поскольку никто из присутствующих не разбирался ни в градиенте плотности спор, ни в относительной вязкости флуидизированных веществ, слова Форта были восприняты как непреложная истина.

– Все в порядке, – сказала Локон. – Если не хочешь, не надо. Я не собираюсь тебя заставлять. И все же это отличный план. С учетом того, что ты, Хак, мастер шпионажа.

– Но как прикажете добираться до оконца?

– Вскарабкаешься по выращенному мною лозовому дереву.

– Не выйдет, – возразил Хак. – Башня обшита серебром. Разве я не говорил?

Нет, об этом Хак не говорил. Одной проблемой больше. Локон, помрачнев, откинулась на спинку стула. Хак окончательно лишился душевного равновесия. Он больше не мог выносить мрачного настроения девушки, которое день ото дня только усугублялось.

«Не Локон, а черная туча смога!» – воскликнул Хак про себя, решаясь на отчаянный шаг.

– Я могу провести вас через дверь, – сказал Хак. – У нас, крыс, есть проверенный способ проникать всюду… Локон, если ты

доставишь меня к башне, я сумею ее отпереть. Но, скажи, какой смысл все это обсуждать, пока мы не пересекли Полуночное море? А ведь туда нам и вовсе не стоит соваться! Мы еле пережили путешествие по Багряному морю, а ты уже нацелилась на Полуночное!

К сожалению, Хак был прав. Локон посмотрела на своих офицеров в надежде, что у них найдется решение и этой проблемы – ведь с двумя другими они разобрались! – однако те молчали. И хотя разочарование еще не наложило отпечаток (как настоящий, так и метафорический) на лица друзей, было ясно, что друзья считают положение безвыходным.

Любопытно, как командную работу часто переоценивают. Что бы доктор Улаам ни говорил, но две головы не всегда лучше одной. Какой от них толк, если в обеих гуляет ветер?

И все же, если кто-то продолжает пытаться, остальные тоже не сдаются. И успех – пусть незначительный, пусть косвенный – всегда приходит, оказывая на разум то же благотворное влияние, что и смазка на проржавевший механизм замка.

Если угодно, успех – это волшебный (разумеется, метафорический) пендаль торговому автомату с мыслями, в котором застряла гениальная идея.

В следующий миг глаза Локон широко распахнулись.

55. Лицемер

Локон выложила из коробочки на стол две полуночные споры. Офицеры дружно отпрянули – правда, лишь настолько, насколько позволяло пространство капитанской каюты, а оно, к слову сказать, к подобным маневрам не располагало. Пока девушка делала необходимые приготовления, Хак, не желая находиться в одном помещении с активированными полуночными спорами, воспользовался возможностью удрать.

Наконец Локон выложила на стол серебряный ножик и наполненную водой пипетку.

– Полуночные споры сильно отличаются от всех прочих. Если прочие оживают только при соприкосновении с водой, вступая в так называемую химическую реакцию, то полуночные как будто обладают сознанием. И у них есть потребности.

– Потребности? – переспросила Энн. – И чего же они хотят, кэп?

– Воды. – Локон взяла пипетку и наклонилась так, чтобы глаза оказались вровень со столешницей. – Это очень похоже на обмен. Я напитываю полуночные споры водой, а взамен получаю контроль над ними.

Она занесла пипетку над спорами, и Салэй невольно охнула.

– Не бойся, этот эксперимент неопасен. В случае если я ошибаюсь, будьте готовы разорвать мою связь с полуночными спорами при помощи этого ножичка.

«Разорвать? А как это сделать?» – написал Форт.

Из трех свидетелей эксперимента только баталер не выглядел перепуганным. Это потому, что весь предыдущий разговор заинтриговал Форта и даже заставил его забыть о естественном страхе перед спорами.

(И внимательный слушатель понимает, о чем я толкую.)

– Черные нити, – взглянув на дощечку, пояснила Локон. – В случае чего их надо будет рассечь ножичком. Но я очень надеюсь, что этого делать не придется.

Локон капнула из пипетки, и полуночные споры запузырились. Как и прежде, они сначала объединились друг с другом, а затем

превратились в нечто, что я мог бы назвать ожившей пустулой… Или, уж простите меня сердечно, кипучим фурункулом.

В то же мгновение Локон почувствовала уже знакомую связь. Полуночная сущность принялась подергивать ее разум за невидимые нити. Девушка могла бы дать сущности воды и упрочить связь, однако сегодня это в ее планы не входило.

– Я что-то чувствую! – воскликнула Энн. – И это что-то пытается забраться мне в голову!

– Сущность ищет себе хозяина, – сказала Локон. – Или того, с кем можно заключить сделку. И чудовища, что блуждают по спорам Полуночного моря, от нее ничем не отличаются. Эти монстры – порождения Колдуньи, и все они с ней связаны. Как Колдунье удается подпитывать их всех одновременно – большая загадка.

Полуночная клякса поползла к Форту, на ходу принимая форму чашки, а точнее, кружки. Самой большой и увесистой металлической кружки из коллекции Локон. В следующее мгновение полуночная кружка обзавелась ногами и двинулась к баталеру уже на своих двоих. Форт прижал к губам руку – во рту, как и следовало ожидать, внезапно пересохло. Сам того не желая, Форт связал себя с полуночной сущностью. Тонкая черная нить устремилась было к нему, но Локон успела перехватить контроль раньше.

В этот раз все происходило несколько иначе, чем в тот раз, когда Локон отняла контроль над полуночными спорами у капитана Вороны и разрушила ее связь с сущностью-флягой. Теперь Локон проделала все играючи. Она мысленно потянулась к спорам и предложила им воды. Гораздо больше воды, чем они могли забрать из организма Форта. Проще говоря, Локон подкупила полуночную сущность.

И сущность не задумываясь переметнулась на ее сторону и предложила контроль над собой. Локон решила, что немалую, даже ключевую роль сыграло то, что она находится к спорам ближе, чем Форт. Локон установила контакт и прервала его прежде, чем сущность втянула бы ее в себя и показала бы, каков мир в восприятии полуночной кружки.

Раздался хлопок, и сущность испарилась, оставив после себя дым, который миг спустя бесследно растаял в воздухе.

Форт тяжело перевел дыхание и с благодарностью принял из рук Локон красную керамическую кружку с водой.

– Что произошло? – спросила Салэй, приближаясь к столу.

– Я подкупила полуночную сущность, – объяснила Локон. – Это нетрудно сделать, если предложить отдать воду добровольно. Так ее забрать легче, чем у сопротивляющегося объекта. Как только сущность согласилась на сделку, я взяла контроль над ней, а затем разорвала связь.

– Думаешь, тебе удастся это проделать с чудовищами, что охраняют Полуночное море? – спросила Энн.

– Скоро мы это выясним, – ответила Локон, поднимаясь на ноги. – Долго нам еще плыть до…

Закончить она не успела, поскольку в дверь громко постучали. Энн отворила и столкнулась нос к носу с Лаггартом.

Проклятье! Я ведь совсем забыл рассказать вам о Лаггарте. Локон позволила ему остаться на корабле. Она рассудила правильно. Раз Вороны на борту нет, значит Лаггарту больше не перед кем выслуживаться. А это, в свою очередь, означает, что и сюрпризов от него ждать не придется.

(Впрочем, надо заметить, что сюрпризы и Лаггарт были совместимы точно так же, как жидкий азот и здоровая пара легких.)

Последние несколько дней Лаггарт провел, расхаживая взад-вперед по палубе. Злющий, сбитый с толку, неуверенный в завтрашнем дне, он наконец решился пойти на аудиенцию к новому капитану.

– Капитан, мне нужно переговорить с вами с глазу на глаз, – объявил Лаггарт.

Локон, не до конца поверив в безобидность его намерений, демонстративно положила ладонь на рукоять сигнального пистоля. Она кивнула друзьям, и те послушно вышли за порог, затворив за собой дверь.

Капитан и канонир оценивающе оглядели друг друга, а затем Лаггарт подобрался, уподобившись канюку, забывшему после утреннего бритья надеть свои перья, посмотрел Локон прямо в глаза и заявил:

– Капитан, я требую, чтобы меня расстреляли!

– Расстреляли? – опешила Локон.

– Именно! Расстреляли за все преступления, совершенные против вас!

– Я же помиловала тебя, забыл?

– Не забыл! – ответил Лаггарт и принялся расхаживать по каюте. – Капитан, я не могу более выносить эту ложь! Я знаю, чего вы на самом деле добиваетесь. Знаю, чего ждете! Вы ждете, когда я успокоюсь и почувствую себя в безопасности, чтобы сразу же бросить меня за борт! Это очень жестоко – убить человека, когда тот ничего не подозревает! Я, честно говоря, полагал, что вы на подобную подлость не способны! Думал, вы гораздо выше этого! – Лаггарт круто развернулся и вновь посмотрел на Локон. – Я требую немедленной казни! Покончим с этим сейчас же! Будьте честны! Стреляйте!

Локон вздохнула и потерла лоб.

– Лаггарт, я не собираюсь стрелять в тебя.

– Но…

– Слушай, я слишком устала, чтобы разбираться, что навоображал твой воспаленный мозг! Расстрела не будет, но, если настаиваешь на наказании, могу засунуть тебя в корабельный карцер или еще куда…

Лаггарт оживился и вытянул шею:

– Правда?

– Да, – ответила Локон.

– Вы окажете мне эту милость, капитан? Посадите под замок, вместо того чтобы убить?

– Лаггарт, – сказала девушка, – я не собираюсь убивать тебя, никогда об этом не помышляла. Если уж я капитана Ворону оставила в живых, то тебе и подавно бояться нечего.

Лаггарт призадумался. Потом подумал еще, а затем еще немножко. Переварить услышанное оказалось трудно.

Лаггарт не слыл шибко сообразительным. Хотя слова, которые он выучил, чтобы гонять Дугов, можно было собрать в увесистый словарь, те слова, которыми он думал, запросто уместились бы на почтовой открытке. Но тем не менее идиотом его назвать было нельзя. Он обосновался где-то внизу кривой нормального распределения между глупцами и умниками и был полностью удовлетворен своим выбором, мудро оставив ее верх для лучших из лучших.

Однако на этот раз Лаггарт все понял правильно.

Капитан готова бросить его в карцер, но не за борт. И стрелять она в него – впрочем, как и играть с ним в игры, – отнюдь не намерена. Капитан всего лишь хочет обойтись с ним по справедливости.

Капитан желает ему добра.

Усвоить последнюю мысль оказалось труднее всего. Дело в том, что он практически не знавал доброты в своей жизни. Как это ни прискорбно, люди зачастую живут только тем, что видят вокруг. Лаггарт не считал себя ни подлым, ни бессердечным. Просто он даже не подозревал, что можно вести себя иначе. Думал, что раз все вокруг подлецы и негодяи, то он должен соответствовать окружению. В краях, где принято кричать друг на друга, все слегка глуховаты.

Что ж, теперь вы знаете: есть на свете люди, сумевшие вырваться из порочного круга жестокости. И если вам вдруг посчастливится встретить такого человека, берегите его. Потому что большинство, к сожалению, ведет свое существование, не сознавая, кто они есть и для чего появились на свет. Вероятно, так и будет продолжаться, пока им не повезет пережить тот счастливый момент, что довелось пережить Лаггарту на борту «Вороньей песни», когда Локон проявила к нему искреннюю доброту и великодушно простила все прегрешения.

Да, про Лаггарта уже нельзя было сказать, что он сбит с толку. Теперь он пребывал в ужасе, узнав, что существуют люди, которые говорят именно то, что чувствуют.

Для такого закоренелого лицемера, как Лаггарт, это открытие перевернуло мир с ног на голову. Спотыкаясь, он устремился к выходу, распахнул дверь и выбежал прочь.

Склонив голову набок, Локон с интересом проводила его взглядом. Ей повезло остаться в блаженном неведении о том, что творилось на душе у Лаггарта. Она не прикажет, чтобы канонира посадили в карцер – разве что он настоит на этом.

Отбросив эти мысли, Локон убрала контейнер с полуночными спорами.

Сказать по правде, девушка испытывала душевный подъем. У нее наконец-то созрела идея, как разобраться с чудовищами Полуночного моря. Если Локон одолеет их, то других препятствий на пути к Колдунье не останется.

«Я уже близко, – думала Локон, мысленно празднуя успех. – Очень близко!»

Правда, ощущение праздника продлилось ровно столько, сколько ей потребовалось, чтобы выяснить, чем последние пару дней занимался я.

56. Предатель

Когда Локон выходила из капитанской каюты, она ожидала увидеть довольные лица своих офицеров. Девушка испытывала невероятную легкость, ее переполняли энтузиазм и радость. Они с друзьями нашли решение для каждой проблемы, с которой предстоит столкнуться на пути к Колдунье! И разумеется, все офицеры должны были излучать те же флюиды счастья, что и она сама, подпевая в унисон ее триумфальной песне.

Однако вместо этого она увидела взволнованную Салэй, бежавшую к ней со всех ног. Локон пришла в замешательство. Очевидно, лечение у доктора Улаама пошло рулевой на пользу. Оставалось только надеяться, что у Салэй не наросло лишних пальцев.

– Что случилось? – Локон почувствовала, как в ней зашевелились прежние страхи.

Салэй отвела ее в трюм. Там, закованный в цепи, сидел я. Как всегда безмятежный, я был увлечен поиском свежих, необычных тем: политика, религия, откровенно расистские взгляды вашего дядюшки. Этой пошлой мишуре рассуждений я предавался в гордом одиночестве посреди запасов провизии. А если точнее, посреди ее мизерных остатков – ведь остальное я не задумываясь выбросил за борт.

– Мы схватили его на средней палубе с тремя бурдюками воды, – сообщила Салэй. – Собирался выкинуть их в иллюминатор. Похоже, он уничтожал наши запасы несколько дней кряду.

Локон испустила мученический стон.

– Сколько осталось?

– Воды достаточно, – ответила Салэй. – Но провианта меньше половины. Если развернемся прямо сейчас, должно хватить, чтобы добраться до Изумрудного моря. И еще, капитан… в Багряном море птиц мы видели только дважды. А над Полуночным они и вовсе не летают. Добыть пропитание мы не сможем.

Локон, Салэй и вся команда уставились на меня.

– Воду я начал выбрасывать, потому что нашей провизии на морском дне было очень одиноко, – объяснил я. – Кстати, Локон, а как

твой дядюшка относится к чайкам? Они ведь крадут его работу! И сэндвичи!

Девушка взглянула на офицеров, а затем все повернулись к Улааму, ожидая его авторитетного мнения. Они напрасно полагали, что доктор сможет расшифровать ту сложную сеть мотивов, убеждений и последствий исторических провалов, из которых была соткана изменчивая паутина моей психики.

– Хойд сейчас слишком глуп, чтобы додуматься до такого самостоятельно, – высказался Улаам. – Посмотрите-ка! Припасы, которые он собирался выбросить, помечены мелом!

Хм… Ну что ж, очко в пользу доктора.

– Крыса сказала мне: «Хойд, я поручаю тебе чрезвычайно важную миссию. Это совершенно секретно, поэтому, прошу, ничего не говори Локон!»

Не прошло и минуты, как Локон вломилась в каюту Хака. Да-да, вы не ослышались, в его собственную каюту! Локон отдала ему свою прежнюю. Конечно, эта не была защищена серебром, но давайте будем справедливы. Какая еще крыса может похвастаться личной каютой?

Хак составлял список шляп Локон. Пока что в списке значился лишь один пункт, но крысиный камердинер был настроен оптимистично. Кроме того, ему это занятие помогало отвлечься от мучивших его тревог.

Хак поднял мордочку и взглянул на Локон.

– Ну как, эксперимент с полуночными спорами удачен? – Он оставил карандаш и засеменил к девушке. – Мне тоже следовало прийти, проследить… Не пришел, каюсь. Хотя… разве это входит в круг обязанностей камердинера? Эти полуночные споры… Брр! Я от одной мысли о них мурашками покрываюсь.

Локон не знала, что сказать. Мне, например, всегда есть что сказать. Порази меня такой недуг, как немота, долго бы я не протянул, ибо подобное состояние, надо думать, подобно смерти.

– Локон? – окликнул ее Хак. – Мне казалось, ты должна радоваться! Или излучать энтузиазм… Или испытывать невероятную легкость… Почему ты мрачнее тучи?

– Я обнаружила, что от наших запасов почти ничего не осталось, – сказала Локон. – Не знаю, как так получилось, но никто не вел учет провизии. И теперь у нас еды ровно столько, сколько нужно,

чтобы добраться до Изумрудного моря. При условии, что мы развернемся прямо сейчас.

– О!.. – воскликнул Хак. – Конечно, новости неприятные… Однако, учитывая все, что тут творилось, я нисколько не удивлен. Наверное, часть провианта вывалилась в пробоину? Что ж, делать нечего! Вернемся в Изумрудное море, пополним запасы, ну а потом…

Встретившись взглядом с Локон, Хак умолк, а затем сник.

– Хойд все рассказал, да?

– Для крысы ты на удивление хорошо разбираешься в человеческих эмоциях.

– Ну, эмоции есть эмоции, – ответил Хак. – Все живые организмы так или иначе испытывают страх, беспокойство, тревогу…

– А печаль из-за предательства? – спросила Локон. – Способны крысы распознать эту эмоцию?

– Насколько я знаю, да… – тихо произнес Хак. – Прости меня, Локон. Я не могу допустить, чтобы ты встретилась с Колдуньей. Просто не могу. Пойми, это ради твоего же блага.

Ах эти слова!

Мне уже доводилось слышать эти слова. Да я и сам говорил их не раз. Слова, в которых сквозит откровенное высокомерие: «Я не доверяю твоим решениям. Будет лучше, если я все решу за тебя». Снисходительные слова, призванные смягчить удар. Однако легче от этой снисходительности ничуть не становится. Все равно что присыпать рану солью. Или облить помоями мертвеца.

О да… я произносил эти слова. И не единожды. Могу вспомнить по меньшей мере шестнадцатерых, кому я их говорил.

– Хак, мне больно оттого, что ты мне не доверяешь, – сказала Локон. – Но еще больнее оттого, что теперь и я не могу доверять тебе.

– Понимаю, – отозвался Хак. – Ты этого не заслужила.

Локон сочла, что правильнее всего будет снова его запереть. В капитанской каюте нашлась пара клеток нужных размеров, в которых Ворона держала почтовых птиц.

Хак забился в угол и опустил голову, страшась встретиться с Локон взглядом. С тяжелым сердцем она оставила Хака взаперти. Но кто еще позаботится о команде? Рисковать больше нельзя. А что, если Хак не уймется и попытается остановить ее любой ценой?

Разочарованию не было предела. Ведь Локон почти добралась до цели! А что теперь? Придется возвращаться через Багряное море, чтобы пополнить запасы провианта.

О луны… а может ли она позволить себе закупку провизии? И чем, кстати, платить команде? И как им дальше быть? Останутся ли они пиратами? А если удастся разыскать Чарли? Что тогда? Распустить экипаж? Или оставить корабль Салэй, а самой возвращаться домой?

Локон была слишком зациклена на Колдунье, на поиске подхода к ней, чтобы задумываться над такими вопросами. Когда ждешь, что тебя вот-вот схватят и превратят в мартышку, как-то забываешь, что подчиненным полагается денежное довольствие.

Погруженная в мрачные мысли, Локон открыла дверь и обнаружила толпящихся за порогом Дугов.

Теперь Локон знала каждого из них. Женщина, что стояла впереди, с фуражкой в руках, была весьма добродушной. Она однажды призналась, что птицы, по ее мнению, – это души умерших. Дескать, они присматривают за моряками во время странствий. Учитывая, что именно в тот вечер Локон испекла пирог с голубями, вышло малость неловко. Однако женщина лишь рассмеялась и сказала, что именно так птицы и помогают.

У всех Дугов были причуды. Каждый со своим характером, мечтами и прошлым. Надо сказать, что люди похожи на берега. Чем ближе вы подходите к кромке суши, тем больше вам открывается деталей. И подмечать их можно до бесконечности. Не будь я столь разборчив в сортировке своих историй, запросто мог бы вещать целую неделю. Например, рассказал бы о том, как одна из Дугов однажды до того допилась, что сделалась королевой.

Однако сегодня Дуги, к счастью для вас и моей истории, выступили единым фронтом. Они собрались, чтобы кое-что сообщить Локон.

– Капитан, мы хотим продолжить плавание, – сказал тот, кому доверили выступить. – Конечно, если вы не возражаете. Давайте не свернем с намеченного курса и спасем этого вашего возлюбленного.

– А как же припасы? – возразила Локон.

– Прошу прощения, капитан, но мы можем и зелени поесть, – сказал другой Дуг.

– Подтверждаю! – подал голос третий. – Ради такого дела можно и сорняки пару недель пожевать.

– Постойте… Изумрудные лозы съедобны? – удивилась Локон.

Дуги оказались потрясены невежеством их капитана-споровщика. Вы, возможно, тоже не знали, ведь я хоть и упоминал о съедобности лоз, но внимание на данном факте не заострял. (Хитрые намеки, знаете ли, в моем стиле.) Вполне возможно, что вы, как и Локон, во время того разговора отвлеклись и эту информацию просто-напросто прослушали. Справедливости ради стоит заметить, что немногим из тех, кто вырос на островах, было известно, что изумрудные лозы годятся в пищу. Зачем рисковать, проращивая изумрудные споры, когда можно совершенно безопасно получать гораздо более вкусные и полезные продукты? Конечно, если у вас есть грядка и компостный ящик. Даже семья Локон, как бы бедна она ни была, всегда имела доступ к нормальным продуктам.

И все же человек действительно мог выжить, питаясь одними лозами. Самое главное условие: употреблять в пищу только развившиеся растения. А для этого ростки вымачивали в течение суток. Лозы были достаточно калорийны. Конечно, если придерживаться такой скудной диеты слишком долго, не получая белка из других продуктов, то запросто можно и зубы на полку положить.

Локон подумала, что с учетом тех продуктов, что остались на борту, они вполне смогут преодолеть расстояние до острова Колдуньи и обратно.

Хак, осознав, что его измена не принесла никаких плодов, окончательно упал духом.

– Спасибо, друзья, – поблагодарила Локон Дугов.

– Капитан, нам не привыкать. Мы целый месяц давились стряпней Форта – с тем же успехом можно подметки жевать, – сказал один из Дугов, стоявших впереди. – А потом появились вы, и ваши ужины – это нечто! В общем, пару недель на лозах мы точно продержимся.

– А я считаю, оно того стоит, – добавил другой Дуг. – Ведь мы будем первыми и наверняка единственными пиратами, сумевшими ограбить саму Колдунью!

57. Кто подставил модного эксперта?

Кстати об этом.

Локон знала, что в ее плане есть дыра. По правде говоря, дыр в ее плане было как в решете. Например, девушка все еще не могла с уверенностью сказать, где именно в Полуночном море находится остров Колдуньи. И даже если бы ей вдруг стало известно его точное месторасположение, гарантий, что ее план сработает, не было никаких. Что, если она не сможет прорваться через оборону Колдуньи?

Однако все эти затруднения меркли на фоне по-настоящему серьезной проблемы, постоянно нависавшей над головой, точно грозовая туча. Локон настолько увлеклась придумыванием способа попасть на остров, а затем проникнуть в башню Колдуньи, что забыла задать себе абсолютно закономерный вопрос: «А дальше-то что?»

Как, во имя лун, она будет разыскивать Чарли? А разыскав, вызволять? И что противопоставить Колдунье? Решено обстрелять металлических гвардейцев лозовыми снарядами, однако никому не пришло в голову, что канонада обязательно привлечет нежелательное внимание.

«Как мне при таком переполохе незаметно добраться до башни? – недоумевала Локон. – И что потом? Попрошу Хака пробраться внутрь и впустить нас?»

Ее уверенность пошатнулась. Если начистоту, то план выглядел крайне шатким уже не первый день. Ничего удивительного в этом нет, учитывая хрупкий фундамент, на котором он был выстроен. План мог в любое мгновение рухнуть, точно карточный домик.

От таких мыслей Локон испытывала прямо-таки физическое недомогание. Которое усугубилось оттого, что ни одна свежая идея в последние дни ее не посетила. Как, впрочем, и ее офицеров. Корабль неуклонно приближался к жуткой Полуночной луне и наконец достиг границы двух морей. С высоты птичьего полета полоса, где смешивались багряные и полуночные споры, походила на рану, которая гноится с одной стороны и чернеет с другой.

Локон стояла на юте. Бесконечные дюны полуночных спор простирались, насколько хватало глаз. Вокруг царила мертвая тишина.

Все застыло в страхе перед Полуночным морем. Не двигались на палубе и Дуги. Даже паруса и те, казалось, не осмеливались вздохнуть.

Салэй взглянула на Локон, и та скомандовала:

– Отдать якорь! Смеркается. Входить в полуночные воды под покровом ночи – самоубийство.

– Полностью согласна с вами, капитан, – отозвалась Салэй.

– Что думаешь насчет усиленной вахты на эту ночь? – спросила Локон. – Не хотелось бы оказаться застигнутыми врасплох дождем или тварью из мрака.

Салэй кивнула, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Локон направилась было к себе в каюту, но задержалась на трапе:

– Салэй, слышала ли ты, чтобы кто-нибудь возвращался из Полуночного моря?

– Изумрудный король посылает корабли в полуночные воды, чтобы пленить Колдунью, – сказала Салэй. – Некоторым по воле случая удается пересечь Багряное море, но чтобы кто-то вернулся из Полуночного? Нет, о таких везунчиках я не слыхала. Стоит только судну войти в полуночные воды, как оно оказывается в окружении темных порождений жутких спор.

Представив себе эту картину, Локон поежилась.

«Неужели я всерьез надеялась, что мне удастся то, чего до сих пор не совершил ни один опытный моряк? – подумала Локон. – И чем только я думала? И что я вообще здесь делаю? Разве я капитан? Притвора, вот я кто!»

Разумеется, Локон сильно себя недооценивала.

(Пожалуйста, изобразите удивление.)

Если принимать во внимание недавние события, то Локон, как мне кажется, превзошла даже саму себя. Кроме того, это сущая правда, что ни одна из многочисленных высокородных особ, осмелившихся плыть к Полуночному морю, не вернулась назад. На страницах этой книги вы уже встречались по меньшей мере с одной такой особой. Помните красавчика в самом начале истории? Того, чьи челюсть и интеллект отлично подошли бы мраморному бюсту? Согласитесь, это не самый высокий стандарт.

Несмотря на все доводы рассудка, Локон по-прежнему испытывала неуверенность в собственных силах. Сбежав по трапу на среднюю палубу, в так хорошо знакомый коридорчик, и, задержавшись

у двери в свою прежнюю каюту, девушка почувствовала ностальгию по тем денькам, когда она могла часами сидеть и читать про споры, внемля успокаивающему перестуку шагов по дощатому настилу над головой. Поступь Дугов всегда ей казалась такой уверенной, как будто в шарканье их подошв присутствовала некая нарочитая размеренность. Словно они исполняли старинный танец, ритм которого знали в экипаже все, от капитана до юнги.

И вот настал день, когда Локон нежданно-негаданно возглавила этот экипаж. Стала для матросов тем человеком, в ком они не должны сомневаться.

За этими мыслями девушка подошла к каюте Улаама. Она коротко постучала, и доктор почти сразу предложил войти. Улаам сидел и изучал свою руку, на которой вырос шестой палец. Локон перевела дух: наконец-то нормальная, привычная картина!

– Локон, я польщен твоим неожиданным визитом, – заговорил Улаам, примеряя кольцо на новый палец. – Ты пересмотрела свои взгляды и готова принять мое предложение?

– Спасибо, но нет, – ответила Локон. – Я очень привязана ко всем моим пальцам.

– Это типично, дорогая. Потому-то Отец и изобрел скальпель. Ты выглядишь потерянной. Случилось что? Давай-ка присаживайся. Сейчас я вскипячу воды.

Локон присела, а Улаам принялся колдовать над пластиной, которую он каким-то образом накалил без огня и спор. Врач поставил чайник, повернулся и внимательно посмотрел на Локон:

– Говори, пожалуйста. – Опершись на стойку, Улаам сложил серые пальцы в замок.

– Улаам, – произнесла Локон, – мне не одолеть Колдунью.

– Разумеется, не одолеть, – кивнул врач.

– Тогда чего же от меня ждут остальные? С каждым днем я все сильнее переживаю, что подведу их. Можно сказать, я в ужасе от этой мысли.

– Мм, понимаю… – пробормотал Улаам. – Но как я могу избавить тебя от тревог? Давать успокоительное нет смысла. По сути, тебе сейчас не о чем беспокоиться…

– Не о чем?! – воскликнула Локон. – Вы в самом деле так думаете?

– Не о чем. Видишь ли, на самом деле никто не верит, что ты победишь Колдунью. Полагаю, экипаж склонен больше верить в свою погибель. Так что ты не разочаруешь нас, дитя. Колдунья погубит команду. Так или иначе. Всех до единого.

Локон застонала.

– Ну пошутил, пошутил, – ухмыльнулся Улаам. – Меня Колдунье не убить. По крайней мере, я в это верю. Хотя готов биться об заклад, она думает иначе. Но даже если она как-то справится со мной, то Хойд ей уж точно не по зубам. Даже в его теперешнем состоянии. Поэтому умрут только остальные члены команды.

От услышанного у Локон закружилась голова.

Следует отметить, что чувство заботы о ближнем Улааму совсем не свойственно. Как я уже говорил, таким он был не всегда. Его народ кое-что потерял, когда отпала необходимость мимикрировать под людей. Я не преувеличу, сказав, что они, избавившись от этого бремени, на протяжении десятилетий приобретали все более выраженные личности. Несмотря на эту особенность, Улаам, безусловно, лучший врач из тех, кого мне доводилось встречать. Если вы слишком впечатлительны, но помощь Улаама вам все-таки нужна, придя на прием, сразу попросите его зашить себе рот. Вполне вероятно, он найдет эту идею достаточно оригинальной.

Как это ни удивительно, в тот день, беседуя с Локон, лекарь сам понял, что наговорил лишнего. Оказывается, даже существо, склонное к эмпатии не более, чем разъяренный эму, способно иногда уловить эмоциональное расстройство ближнего.

– Дитя, – произнес Улаам, – я…

– Да как вы можете?! – рявкнула Локон. – Как вы можете сидеть тут и равнодушно наблюдать за происходящим? Что с вами не так?

– А? Мм… – удивился Улаам. – Хе-хе-хе! Ни к чему так лязгать зубами! Если хочешь лишить меня головы, то для этого здесь найдется несколько видов пил…

– Улаам, от ваших шуток не легче, – упрекнула его Локон, поднимаясь со стула.

Хочу заметить, Улаам не шутил. В его хозяйстве имелись три хирургические пилы. Улаам не стал мешать Локон расхаживать из стороны в сторону, как и не стал снимать с раскаленной пластины засвистевший чайник.

Локон вдруг осознала, что Улаам со своими речами не так уж и бесполезен. Он снова упомянул Хойда. И сделал это, похоже, намеренно. Какой ему резон вспоминать о юнге, что постоянно пускает слюни?

И хотя Улаам был существом, обладающим поистине неизмеримым потенциалом, во мне он, похоже, признавал существо более высокого порядка.

Улаам уже не в первый раз вот так между делом вспоминал про Хойда. И наконец-то до Локон дошло.

– Мне не следовало срывать на вас зло, – переведя дыхание, извинилась Локон. – Вы уже неоднократно помогали мне советом. Говорили то, о чем совсем не обязаны были говорить. Я… не имею права требовать от вас большего, да еще и злиться. Прежде никогда не смела так себя вести.

– Вероятно, это мне даже на пользу, – сказал Улаам. – Возможно, тебе следует огрызаться почаще. Конечно, у меня это уже далеко не первый случай, но я постоянно забываю, что смертные живут в непреходящем стрессе.

– И все же вы правы, – сказала Локон, направляясь в противоположную сторону тесной каюты. – Я веду экипаж на верную гибель. Какое безрассудство, какая глупость все это путешествие! С самого начала, когда я рисковала только собственной жизнью, было ясно, что из затеи со спасением Чарли ничего хорошего не выйдет. Я не могу принуждать других идти вместе со мной на заведомое самоубийство.

– Локон, ты никого не принуждаешь. – Улаам наконец встал, чтобы заварить чай. – Ты заметила, как изменилась походка Дугов за последние дни? А как они держат голову? Пускай косвенно, но Дуги – соучастники злодеяний Вороны. И они это прекрасно сознают… Ты не манипулируешь ими; наоборот, предлагаешь им шанс реабилитироваться и восстановить свою человечность. Они и сами хотят спасти твоего друга. Хотят доказать самим себе, что они люди чести… Быть может, не первого сорта эта честь, но уж точно не последнего.

Улаам повернулся к Локон, дал знак сесть и протянул жестяную чашку. Это был прекрасный экземпляр. Судя по благородным шрамам, коих на поверхности наблюдалось великое множество, пользовались

чашкой часто, но с любовью: ручка блестела от бесчисленных прикосновений заботливых пальцев. Локон вздохнула, села, приняла из рук Улаама чашку и сразу опустила на стол, чтобы чай подостыл.

– Послушайте, доктор, – сказала Локон, – Хак устроил заговор против меня. Пожалуй, мне следовало быть внимательней к нему, но случилось так, как случилось, и теперь я не могу просить, чтобы он помог нам проникнуть в башню Колдуньи. Выходит, моя миссия провалена.

– У тебя же есть полуночные споры, – напомнил Улаам. – Создашь полуночное существо, проникнешь в башню и отворишь дверь.

– Башня покрыта серебром, – возразила Локон. – В теле полуночной сущности я даже приблизиться к ней не смогу. Это по словам Хака. Правда, я теперь не знаю, можно ли хоть в чем-то ему верить. Но у нас есть проблема посерьезнее. Улаам, мне не одолеть Колдунью. Я даже не могу придумать, как незаметно высадиться на остров.

– Сдается мне, что Колдунья уже в курсе твоих намерений, – сказал Улаам. – Если учесть все, что я слышал о ней, вероятно, ей не терпится понаблюдать, как ты попытаешься прорвать ее оборону.

– А возможно ли… впечатлить ее настолько, чтобы она отпустила Чарли?

– Не думаю, – ответил Улаам. – Максимум, на что ты можешь рассчитывать: Колдунья сочтет твои потуги забавными и отпустит восвояси с каким-нибудь экзотическим проклятием.

– Получается, надежды нет?

– Ну…

Локон взглянула на Улаама.

– Пойми, я не могу вмешиваться в дела некоторых личностей. Таких, например, как ваша Колдунья, – сказал Улаам. – Но есть тот, кто не признаёт никаких правил. И он плывет на этом корабле. Его легко узнать по плавкам с ярко-красными блестками.

– Хойд? – спросила Локон. – Вы уже говорили, что он… не тот, кем кажется? Неужели Хойд и впрямь могущественнее Колдуньи?

– В подобных случаях невероятно сложно дать объективную оценку, – ответил Улаам. – Но конкретно в этом… Что ж, скорее да, чем нет. Если бы ты узнала, каков настоящий Хойд, ты бы сильно

удивилась. Как бы ни забавляли нас фееричные эскапады нынешнего альтер эго Хойда, в действительности это совершенно другой человек. Не тот юнга, которого мы с тобой видим каждый день.

– В своем истинном обличье он ведет себя не столь вызывающе?

– Ну нет… Обычно фанфаронится еще больше, но это не мешает ему демонстрировать незаурядный талант, когда того требует ситуация. Если и существует на этой планете человек, способный одолеть Колдунью и спасти команду от гибели, так это Хойд. Локон, я не преувеличиваю. Когда наш дорогой друг в кричащих труселях чего-то хочет по-настоящему, он своего добивается. Во всем космере, наверное, лишь несколько таких персон, как Хойд, – кому под силу влиять на исторический ход событий в планетарном масштабе.

Хочу, чтобы вы знали: эти плавки с пайетками я приобрел задолго до того, как был проклят, и о покупке ничуть не жалею.

Локон обдумала услышанное и пригубила чай. Неслыханная храбрость! Я вот не пью ничего приготовленного Улаамом, пока не проверю на каком-нибудь комнатном растении.

– Если он такой могущественный, то как удалось Колдунье его заколдовать? – спросила Локон.

– Мм… Без понятия, – ответил Улаам. – Впрочем, мне это не кажется удивительным. Хойд очень способный, но он зачастую переоценивает свои силы. Могущественный человек, считающий, что он могущественней, чем есть на самом деле, обречен. Именно неумение провести границу между «могу» и «думаю, что могу» приводит таких, как Хойд, к катастрофическим провалам.

Что ж, признаю, в этих словах есть доля истины.

– И тем не менее я считаю, что произошедшее с Хойдом отнюдь не случайность. Если бы мне пришлось спорить на деньги или на что-то более ценное, например на мой любимый комплект ногтей, то я настаивал бы на версии, что Хойд намеренно позволил наложить на себя проклятие и сейчас испытывает трудности, которых попросту не предвидел, когда решался на этот отчаянный шаг.

– Но какой смысл? – спросила Локон. – Для чего это ему понадобилось?

– Я еще не решил для чего.

Объяснение показалось девушке неубедительным. Но на этот раз Улаам (к сожалению) был прав. Я и впрямь искренне верил, что к

этому времени разберусь со своими неприятностями, однако все оказалось несколько сложней.

К счастью, я был уже близок к избавлению. Ближе, чем когда-либо. Потому что именно в этот момент Локон осенила самая блестящая идея за все время нашего путешествия.

– Так, может, мне не стоит сражаться с Колдуньей?.. – предположила Локон. – Может, надо как-то устроить, чтобы с ней сразился Хойд?

– Мм… А что, пожалуй, это может сработать.

Локон извинилась и задумчиво побрела к себе в каюту. Там она полезла под койку и вытащила сумку. Прошло немало времени с того дня, как она любовалась в последний раз своей коллекцией. То восхищение, что она испытывала раньше при виде этих чашек, никуда не делось, но теперь…

Теперь ей попросту некогда было восхищаться. Капитан Локон пользовалась только большой металлической кружкой. Чисто по практическим соображениям: если будет качка и кружка упадет со стола, она не разобьется.

Однако сегодня у Локон возникло желание осмотреть всю коллекцию чашек. Она извлекала их по одной и ставила на стол. Последними достала те, что прислал ей Чарли. Ее взгляд замер на чашке с бабочкой, парящей над океаном. Локон вспомнила историю, которую придумала в самом начале плавания. Ей тогда казалось, будто бабочка попала в беду. Не место ей над бескрайним царством спор, убеждала себя девушка. Разве могла эта бабочка по собственной воле оказаться в столь ужасном краю?

Однако теперь ситуация виделась девушке иначе. Вероятно, бабочка знает, чего хочет, и стремится к цели, какой бы недостижимой та ни казалась. Эта бабочка вовсе не самоубийца, она просто очень упорная.

Локон вернула чашки в сумку, кроме той, что с бабочкой, и оловянной кружки. Эти две ей нравились больше остальных. Одна – символ решимости, вторая – большая, увесистая и прочная – настоящее оружие.

«Я и есть эти чашка и кружка, – подумала Локон. – С одной стороны, неисправимая мечтательница, с другой – прагматик до мозга костей. Две противоположности, служащие одной цели. Удивительно,

но факт. А эта бабочка… Она ведь отправилась через океан в одиночку. В отличие от меня, не потащила целую команду на верную смерть…»

Локон перевела дыхание, собрала волосы в хвост, прихватила чашку и кружку, а затем вышла на палубу.

– Салэй, – обратилась она к рулевой, – я передумала. Шлюпку на воду! Я отправляюсь в Полуночное море. Одна.

58. Чудовище

Возражений было море.

– Одна?! – ужаснулась Салэй. – Капитан, вы, часом, не с луны свалились? Безумная идея!

– Я иду с тобой, – заявила Энн. – Буду тебя защищать. Смотреть во все четыре глаза и палить из всех моих шести пистолей!

Даже Лаггарт, уныло маячивший за спиной офицеров, выглядел обеспокоенным.

«Но почему?» – поднял свою волшебную дощечку Форт.

– Я хочу поэкспериментировать с полуночной эссенцией, – объяснила Локон. – Посмотрим, смогу ли уничтожить чудовищ или взять их под контроль. Если не смогу, то нет и смысла идти вперед и все мои надежды – пустые фантазии. Я отправляюсь одна, потому что не вижу резона брать вас с собой. Вы не сможете мне помочь.

– По-моему, это плохая идея, капитан, – скрестив руки на груди, сказала Салэй. – Я не могу отпустить вас одну в незнакомые воды.

– Но я ведь капитан, верно? – спросила Локон. – Разве не могу я принять решение сама?

– Можете, но не должны, – ответила Салэй.

Ирония – занятное понятие. Я имею в виду ее классическое толкование, которое гласит, что это выбор, ведущий к диаметрально противоположному результату. Языковеды сетуют, что «ирония» почти повсеместно используется не к месту. Однако первое место по частоте убийственно неуместного употребления занимает все-таки слово «буквально», неверное понимание которого в данной ситуации уже само по себе является ироничным.

Я не из тех, кто придирается к словам. Использовано слово верно или неверно – меня это волнует мало. Мне даже нравится, когда слова меняют свое значение. Прелесть языка – в его неточности. А неточность, в свою очередь, есть кульминация человеческого существования, ведь наши эмоции и наши души отнюдь не совершенны. Словами, точно раскаленным оружием из горна, можно резать и жечь сердца. Ораторствуя, мы позволяем словам

преображаться, наделяем собственную речь новыми, неожиданными смыслами.

И все же ирония – занимательная концепция. Она возникает лишь тогда, когда мы желаем ее видеть. Ключ к иронии – предвкушение, без которого истинная ирония невозможна. Мы порождаем иронию из ничего, как только представляется такая возможность. Ирония – это искусство. Правда, плодами иронии, в отличие от других видов искусства, является трагедия.

Ирония – это переворот с ног на голову. Почувствовав ее горечь, готовьтесь к тому, что ваша жизнь уже не будет прежней. И кстати, щепотка иронии способна спасти любую, даже самую скучную историю.

Поэтому наблюдайте, подмечайте и наслаждайтесь!

– Я больше не собираюсь создавать вам трудности, – заявила Локон. – В этот раз я должна справиться одна.

Салэй вздохнула. Так обычно вздыхают, когда хотят поберечь голосовые связки. Выпускают пар, чтобы не закричать.

– Можем поговорить наедине, капитан? – Рулевая кивнула в сторону.

Локон кивнула в ответ, и они отошли.

– У меня есть другое предложение, – сказала Салэй. – Мы направим «Воронью песнь» к границе Полуночного моря, бросим в его водах якорь и попробуем приманить одно из этих чудовищ. Если удастся, выстрелим споровым зарядом, опутаем тварь изумрудными лозами, поднимем ее на борт, а затем вернемся в багряные воды, чтобы в спокойной обстановке поэкспериментировать.

– Слишком опасно, – сказала Локон.

– Опаснее, чем отправиться в Полуночное море в одиночку?

– Слишком опасно… для всех, – повторила Локон. – Это моя ноша, а не ваша. Я не могу позволить, чтобы вы рисковали ради меня.

– Капитан, – сказала Салэй, смягчая тон, – Локон… Когда ты вернулась из логова дракона, вся моя жизнь изменилась. Я так долго искала отца! Я так долго надеялась, что надежда уже начала увядать. Я не прекращала поиски только потому, что боялась, как бы моя надежда не умерла окончательно. Но теперь она вновь расцвела! Ты вдохнула в мою надежду жизненные силы. Мой отец жив! И я знаю, где он. А

значит, я в долгу у тебя. Я просто обязана пережить вместе с тобой все испытания, чтобы затем с чистой совестью встретиться с отцом.

– Тем более тебе нельзя рисковать, – тихо возразила Локон. – Тебе еще спасать отца.

– Обратный путь полон опасностей, без слаженной команды мне эти моря не преодолеть, – сказала Салэй.

– Разве у нас не слаженная команда?

– Была когда-то… – ответила Салэй. – И вновь может стать такой. Локон, ты даже не представляешь, что за перемены происходят с душой, когда служишь человеку вроде Вороны. Душа покрывается черной коркой, точно подгоревший в печи хлеб. Я сделала тебя капитаном по нескольким причинам. – Салэй кивнула на Дугов, столпившихся на палубе. – Во-первых, считаю, что из тебя может получиться хороший капитан. Во-вторых, команде нужен лидер. Тот, кто все исправит и наладит. Тот, кто был в корне не согласен с действиями Вороны. Иначе говоря, им нужна ты.

Локон кивнула. Кажется, она начала понимать. Если бы капитаном стала Салэй, команда получила бы передышку, обдумала ситуацию и отказалась от некоторых крайностей пиратского существования, но не более того. Назначив капитаном Локон, Салэй предоставила экипажу уникальную возможность отказаться от пиратского образа жизни насовсем. Чтобы построить новое, нужно разрушить старое.

– С самого первого дня на этом корабле ты все делала ради команды, – продолжила Салэй. – Ты помогала и защищала. Дуги это помнят, они пойдут за тобой куда угодно, а значит, пойду и я! А что касается отца… Спасти его я не смогу до тех пор, пока не спасу саму себя. Пока не помогу тебе и команде. Поэтому, Локон, прошу, позволь мне помочь в твоем деле.

– Почему ты просишь? – спросила Локон. – Почему не требуешь?

Салэй покачала головой:

– Мы подняли мятеж против Вороны, и нельзя допускать, чтобы это стало нормой. Экипаж должен понимать, что неподчинение Вороне было исключительной, необходимой мерой. Мы пойдем за тобой, Локон. Кому, как не офицерам, подавать пример остальным членам экипажа? Если мы этого не сделаем, исключение станет привычкой, и тогда прощай, дисциплина. Но разумеется, если ты прикажешь нам не вмешиваться, мы подчинимся.

Рулевая многозначительно посмотрела Локон в глаза. Можете не согласиться со мной, но я твердо знаю, что такие взгляды никогда не оправдывают возлагаемых на них надежд. Например, Локон, выслушав Салэй, сделала для себя совершенно неожиданный вывод. Узнав, что команда благодарна ей за помощь и защиту, она решила и далее заботиться о благе экипажа «Вороньей песни».

– Спасибо, Салэй, – сказала Локон. – А теперь займись, пожалуйста, шлюпкой. Я отправляюсь в Полуночное море, чтобы проверить, верны ли мои предположения насчет споровых чудовищ. Быть может, я все-таки смогу управлять ими?

На этот раз, вздыхая, Салэй едва не зарычала, как рычат, проглотив нечто щетинистое и сердитое.

Кстати, о сердитых и щетинистых.

Перед тем как отправиться в Полуночное море, Локон вернулась в каюту за треуголкой. Стоило ей переступить порог, как из угла донесся голос Хака:

– Я с тобой.

Локон замерла, а затем обернулась.

– Возьми меня с собой, – сказал Хак. – Я все слышал. Можешь и клетку захватить, только не оставляй меня, Локон. Вдруг я пригожусь?

Локон едва не отказала Хаку, но что-то в его голосе тронуло ее. Надев треуголку, девушка поколебалась миг-другой – и решилась. Она взяла клетку и бегом поднялась на палубу.

Спустя некоторое время она уже сидела в весельной шлюпке, а вокруг, насколько хватало глаз, простиралось Полуночное море. Шлюпка была пуста, если не считать клетки с крысой, бочонка воды, чашки с бабочкой и оловянной кружки. Вот и настало время узнать, способна ли Локон преодолеть первую линию обороны Колдуньи. Подчинит ли она своей воле ужасных смоляных чудовищ, бороздящих полуночные воды.

Это был напряженный и волнующий момент, достойный драматической пьесы, однако чудовищ, похоже, забыли позвать на представление.

Локон не унывала, полагая, что рано или поздно полуночные чудовища обязательно объявятся. Таким, как они, особое приглашение не требуется.

Шлюпка одиноко дрейфовала по бескрайним просторам черных спор, на удивление теплых, напитанных солнечной энергией. Полуночное море показалось Локон еще более чуждым, чем Багряное. А ведь она думала, что к черным спорам будет легче привыкнуть. Предположение вполне оправданное, учитывая, что мир добрую половину суток пребывал под покровом ночи. И все-таки, сидя в утлом челне, Локон не могла совладать с тревогой. Казалось, будто ее плавсредство висит над бездонной пропастью. Привычный шум кипения спор не успокаивал. Даже он в этой бесконечной ночи, в этой прожорливой, готовой проглотить само солнце мгле звучал совершенно иначе.

Тем временем солнце садилось. Девушка с тоской посмотрела назад. Она гребла целый час, и теперь ладони сильно пекло.

Ни Багряного моря, ни корабля уже не было видно. Она осталась одна-одинешенька, если не считать Хака. Напуганный до смерти, тот забился в угол клетки, хоть и сам напросился в эту опасную экспедицию. Чтобы скоротать время, Локон достала записную книжку, однако вскоре обнаружила, что слишком рассеянна и взволнована, чтобы делать записи. И причиной тому были не только полуночные твари, но и близость жутких спор, кипящих сразу за бортом.

Локон попыталась отвлечься, глядя на небо, но едва она подняла голову, как солнце скрылось за диском Полуночной луны, черневшей над горизонтом, точно дыра в самой реальности.

Теперь осталось только ждать. Что может быть хуже времени, проводимого в напряжении и вынужденном безделье? В эти зря растрачиваемые минуты кажется, будто сама природа издевается над человеческим естеством.

Наконец Локон заметила за бортом движение.

Полуночная сущность подобралась к шлюпке угрожающе близко. Локон разглядела ее не сразу, поскольку черное, как споры, создание плыло стремительно и ни на миг не притормаживало. Но, зацепившись за тварь взглядом, Локон больше не теряла ее из виду. Следить оказалось не так уж и сложно – маслянистая шкура то и дело бликовала в свете лампы.

У девушки перехватило дыхание. О спорах она и думать забыла, ведь теперь ее вниманием полностью владело быстро приближающееся чудовище. Что же это за тварь такая, что способна рассекать толщу спор? Или правильнее будет сказать – плыть через толщу спор?

Со словом «плыть» Локон познакомилась благодаря историям Чарли. Идея плавать в воде ей сразу понравилась. Ох и удивилась же она, узнав, что существуют места, где воды столь много, что можно погрузиться с головой. Впрочем, Локон так и не поняла, что за чудо помогало героям рассказов держаться на поверхности воды.

Чудо или не чудо, какая разница, если тварь неуклонно приближалась? Вполне вероятно, что вам полуночное существо напомнило бы угря или морского змея. Правда, вряд ли вы когда-нибудь встречали угря длиной аж с половину корабля. Если для вашего мира водоем, кишащий живностью, – явление вполне обыденное, то для мира Локон – нечто из ряда вон выходящее.

Чудовище двигалось до жути противоестественно. Не должен его позвоночник вести себя вот так – вибрировать, точно струна, изгибаться и скручиваться.

Тварь хищно кружила вокруг шлюпки, явно озадаченная происходящим.

Почему человек сидит один в хлипкой лодчонке посреди моря? Уверен, вы бы задались аналогичным вопросом, если бы посреди лесной чащи вдруг обнаружили на пеньке горячий стейк. Что за шутки?!

Мне так и не удалось выяснить, обладают ли полуночные сущности разумом. Вы спросите: а как же Узы Люхеля? Отвечу: эти Узы слишком мало изучены, чтобы утверждать что-либо наверняка. Однако ради лучшего понимания представим, что приблизившееся к шлюпке существо обладало сознанием. Ну или по меньшей мере было запрограммировано, имело определенный набор команд, позволяющих имитировать поведение живого существа. Полуночная сущность, как и подобает настоящему зверю, действовала осторожно. Локон немедленно воспользовалась этим и дрожащей рукой прикоснулась к проплывающему мимо борта существу.

Сей поступок окончательно сбил с толку это жуткое порождение злодейских замыслов, этого монстра, натасканного ненавидеть все и вся. С момента своего сотворения тварь только и делала, что выслеживала и атаковала корабли, отращивая конечности, чтобы добраться до людей и пожрать их. Повстречавшись с порождением ночи, люди вопили так истошно, что открывали для себя новые возможности собственных голосовых связок. Разумеется, у каждой жертвы была своя предсмертная ария, завершавшаяся кодой из мучительных (даже для стороннего слушателя) булькающих звуков. Эти звуки служили чудовищу наградой за хорошо проделанную работу и наполняли его существование смыслом.

Чудовище не понимало, почему все люди его боятся, а этот человечишко тянет руку, норовит дотронуться. Представьте, как батон салями вдруг встает и прыгает вам прямо в рот! Разумеется, все любят хорошую салями, но согласитесь, как-то даже обидно, когда вам не дают ни малейшего шанса проявить себя и приложить чуточку усилий.

А как насчет салями, которая пытается овладеть вашим разумом?

Локон очень-очень постаралась повторить то, что удавалось ей ранее, – взять полуночную сущность под контроль.

Это был не такой уж безнадежный замысел, как может показаться. Видите ли, Полуночное море слишком большое, чтобы Колдунья могла уделять внимание каждому существу. Она создавала их партиями и отправляла на задание, сохраняя над ними лишь слабый контроль. Что

весьма разумно, ведь, если бы Колдунья пыталась активно управлять своими полчищами, даже ее организм вскоре достиг бы критического обезвоживания, за которым следует неминуемая смерть.

К тому же полуночным существам вполне хватало разумности, чтобы принимать простые решения. Конечно же, программировать блуждающих приспешников на такое поведение было рискованно, однако выбирать Колдунье не приходилось. Чтобы должным образом охранять остров, монстрам требовалась относительная самостоятельность.

С учетом всего этого план Локон выглядел в принципе осуществимым.

А если бы еще она поупражнялась со спорами подольше чем пару недель…

Локон устремилась сознанием к чудовищу, попыталась установить контроль над ним, но чудовище отпрянуло от ее ладони, приподнялось над спорами и уставилось полуночными глазами. Локон ощутила в голове чужое присутствие и немой вопрос. Существо чего-то хотело от нее. Девушка предложила воды, надеясь, что ее взятка покажется соблазнительнее, чем жалованье Колдуньи, однако тварь ответила резким отказом.

А вы чего ожидали? Колдунья понимала, что полуночную сущность можно подкупить. Она прекрасно знала слабые места своих детищ, а потому вшила в их поведенческую модель хитроумный механизм распознавания попыток взлома и несанкционированного управления.

Локон обладала недюжинным талантом и завидным упорством, однако ей не хватало опыта. Тогда как у Колдуньи, наоборот, опыта была прорва.

Полуночная тварь с шипением взметнулась на дыбы и разинула пасть в предвкушении пиршества. Локон в ужасе бросилась на дно шлюпки…

…как вдруг раздался тонкий голосок.

– Стой! – приказал Хак, а затем неохотно добавил: – Отведи нас к твоей госпоже. У меня право свободного прохода.

Голова чудовища несколько раз качнулась из стороны в сторону. Набор сложных поведенческих шаблонов заставил тварь изменить свои намерения и подчиниться писклявому голосу, обладателя

которого было запрещено есть. Этого обладателя чудовище должно было доставить к хозяйке по первому требованию.

Крыса по кличке Хак, в строгом соответствии с инструкцией Колдуньи, вернулась туда, где была создана.

59. Пленница

На следующее утро Локон на своей утлой весельной лодке приплыла на остров Колдуньи.

А если точнее, то ее туда доставили, спеленав по рукам и ногам. Первое полуночное существо держало Локон, ослабляя свою хватку, лишь когда у пленницы возникала необходимость утолить жажду или справить нужду. Еще два полуночных существа, вынырнувшие из толщи спор, толкали шлюпку с поистине невероятной скоростью.

Локон снова и снова требовала от Хака рассказать, как ему удается управлять полуночными тварями и почему они вообще ему подчиняются. И хотя ответа девушка не добилась, это отнюдь не означает, что у нее не прибавилось подозрений.

Каково же было удивление Локон, когда после всех своих невероятных приключений она добралась до острова Колдуньи и тот оказался гораздо меньше, чем ей представлялось. Здесь следует отметить, что родной остров самой Локон по меркам большинства миров считался крохотным. Поэтому она была нешуточно изумлена – как четырехлетний малыш, от которого слышишь: «А я думал, ты гораздо взрослее».

Поскольку в споровых морях силикатам взяться неоткуда (ведь это продукты жизнедеятельности рыб-попугаев, переваривающих кусочки кораллов), остров Колдуньи являл собой привычное для этой планеты нагромождение скал.

(Да-да, теперь вам придется жить с мыслью, что ваш любимый белоснежный песочек на пляже – это всего-навсего фекалии рифовой рыбы.)

Остров Колдуньи оказался сланцево-сизой, до странности округлой шхерой метров двухсот в поперечнике. Одинокие деревья пытались приукрасить скудный пейзаж, но тщетно. И дело не только в слаборазвитой корневой системе – эти деревья никоим образом не принадлежали к тем скальным разновидностям, что корнями цепляются за трещины и растворяют своими выделениями горную породу. Эти худосочные сучковатые создания с пучками листьев на самых кончиках веток были жалкой пародией на то, что вы привыкли

называть деревьями. Как будто с настоящими деревьями они были знакомы лишь понаслышке и в меру своих никчемных сил постарались им уподобиться.

Сидя в лодке, Локон с ужасом наблюдала за приближающимся островом и на чем свет стоит проклинала то себя, то Хака. Надо заметить, что полуночная тварь, кольцом сжимавшая ей бока, теперь походила скорее на груду изумрудных лоз, чем на морского угря. Они продвигались вперед, оставляя за собой широкий шлейф из мертвых спор, поскольку корпус лодки был инкрустирован серебром. Тварь была достаточно умна и остерегалась прикасаться к металлу. Локон это показалось удивительным. Памятуя о своем опыте пребывания крысой, она знала, что особого вреда уже оформившейся из спор полуночной сущности серебро причинить не может.

Тварь освободила Хака из клетки, и теперь тот сидел на деке в носу шлюпки. Два остальных существа продолжали без устали толкать суденышко, а споры за бортом – шуршать и хрустеть.

– Ты ведь бывал здесь раньше? – озвучила Локон не дававший ей покоя вопрос. – Все эти байки про то, как ты рос в сообществе говорящих крыс, – вранье?

– Да, – шепнул Хак.

– Ты фамильяр Колдуньи, – сказала Локон. – Или что-то в этом роде. Ты принадлежишь ей. И всегда принадлежал.

– Да, – подтвердил Хак еще тише.

Каждый ответ Хака жалил, точно стрела с зазубренным наконечником, который не только тяжело ранит при попадании, но и разрывает плоть при извлечении. Проще оставить наконечник внутри, да так и ходить с незаживающей раной, чем страдать от чудовищных мук, избавившись от него.

Но как ни мучительно это было, кое-что ей признать пришлось. Хак постоянно – если не считать отлучки с корабля в порту – пытался увести ее с самоубийственного пути. Да, Хак бессовестно лгал ей, но только потому, что до смерти боялся Колдуньи. Это было очевидно. Локон понимала, что не имеет права винить его во всем. Как ни крути, он не заманивал ее на этот остров. Зато она, не ведая, что творит, вернула Хака в лапы хозяйки.

«Просто нужно было придумать план поумнее, – укоряла себя Локон. – Может, следовало все-таки прислушаться к совету Салэй?

Позволить команде помочь?»

Однако в следующий миг Локон усомнилась, что такой выбор был бы хоть чуть-чуть лучше уже сделанного.

Всем крутым переменам в жизни свойствен определенный иллюзорный аспект. Кажется, будто такие перемены зависят от некоего важного решения и удачно выбранного момента. И по большей части именно так оно и есть. Однако надо понимать, что этим самым важным решениям и удачным моментам предшествовали мириады значительно менее важных и удачных. Как невозможна лавина без горы снега, так невозможны и серьезные сдвиги в судьбе без массы предпосылок к ним. Если задуматься, то жизненные перемены и впрямь мало отличаются от лавин, которые начинаются с пустякового комочка. Не стоит недооценивать мелочи, которые предваряют важные события.

Именно на пороге осознания этой истины и стояла сейчас Локон. Ей требовалось еще время, однако полное понимание уже разгоралось заревом на горизонте разума.

Поначалу девушке показалось весьма странным то, каким образом полуночные твари ведут шлюпку к острову, но вскоре причина столь необычного маршрута стала ясна. Длинные зазубренные хребты скал тут и там прорезали поверхность спорового моря, точно драконьи гребни. Неспроста Колдунья выбрала именно этот остров. Подход к нему оказался невероятно коварным. Скалы таились в полуночных водах, как морские мины. Среди кипящих спор каменные вершины едва проглядывали, и угадать, где именно скрывается опасность, почти не представлялось возможным. Приблизиться к острову и не потерпеть кораблекрушение казалось теперь Локон задачей почти невыполнимой. По мере того как шлюпка, толкаемая полуночными чудовищами, выполняла один за другим искусные маневры, у Локон раз за разом душа уходила в пятки.

«Тут явно не обошлось без колдовства! – решила девушка. – Ну не могут эти твари так безошибочно помнить обратную дорогу!»

Скалы на подходе к острову – еще одна полоса препятствий, ставшая для Локон полнейшим сюрпризом. Еще одна защита Колдуньи, о которой Хак не обмолвился ни словом.

«И сделал он это, возможно, даже со злым умыслом», – подумала Локон.

(На самом деле об этой особенности острова Хак просто-напросто забыл. Впрочем, это к делу не относится.)

Если бы «Воронья песнь» продолжила плавание и попыталась пристать к острову, то напоролась бы на рифы, развалилась и затонула в прибрежных спорах. Из этого следовал неутешительный вывод: миссия Локон по вызволению Чарли из плена была обречена с самого начала.

В конце концов лодчонка – одинокая цветная крапинка над черной бездной – подошла к берегу. Глазам Локон предстал золотой легион. Рядами стоящие вокруг башни, вооруженные копьями и щитами, гвардейцы так походили на людей, что девушка живо вообразила себе за опущенными забралами человеческие лица. Единственное, что выдавало существ неживых, – это сверхъестественная неподвижность.

Кроме башни, высившейся среди одиноких деревьев и сотен металлических воинов, смотреть было не на что. Для такого маленького острова башня оказалась несоразмерно велика. Широкая, высокая и остроконечная, она напоминала то, о чем говорить вслух Локон не позволяла природная скромность.

(Я, разумеется, отродясь не знал, что такое природная скромность. И когда выпал шанс сообщить Колдунье, на что похожа ее башня, я не преминул им воспользоваться. На что Колдунья, не растерявшись, спросила, не желаю ли я заполучить йонический символ на весь лоб.)

Локон лелеяла надежду сбежать, когда лодка пристанет к берегу, однако полуночная сущность держала ее крепко. Хак спрыгнул с лодки, а тварь подняла девушку перед собой и перенесла за борт. Оказавшись на каменной тверди, Хак впервые за все время путешествия посмотрел Локон прямо в глаза. Девушка уставилась на него в ответ, и он весь поник и как будто даже усох – точно лоза без воды. Однако в следующий миг, словно на что-то решившись, Хак приободрился и пропищал:

– Да. Да, именно так! Я делаю вовсе не то, что она требовала!

Хак зыркнул на полуночную сущность и засеменил вперед, не дожидаясь, когда Локон вновь начнет его бранить.

Они шли прямо к башне, и стоявшие как изваяния гвардейцы сонно расступались перед ними. Локон предположила, что металлические создания и в самом деле спят.

А затем всем ее вниманием завладела башня. Сооружение приковывало взгляд, завораживало. Столько серебра в одном месте Локон видеть еще не доводилось. Здесь у спор не было ни единого шанса. Абсолютная защита против вражеских споровщиков.

Сбоку она заметила контур встроенной заподлицо двери, сделанной, судя по всему, тоже из серебра. Хак остановился перед дверью и требовательно пропищал:

– Как мне было велено, я вернулся в башню с пленницей для Колдуньи. Волшебная дверь, прошу, откройся! Мне… мне обещано…

Дверь, не дослушав, открылась.

– Так, ладно… – произнес Хак.

Он шмыгнул внутрь, нерешительно оглядел себя и посмотрел на Локон, похоже не зная, что делать дальше.

Полуночная сущность, которая теперь походила на гигантскую многоножку со щупальцами вместо лап, отпустила Локон и подтолкнула ее к двери. Следовать за девушкой тварь не осмелилась, зато она перебросила что-то через порог. Локон пригляделась: чашка с бабочкой и оловянная кружка. Существо забрало их из лодки, предположив, что эти предметы могут заинтересовать Колдунью.

Пока Локон поднимала их, дверь закрылась.

Девушке ничего не оставалось, как пойти дальше и встретить судьбу лицом к лицу.

60. Колдунья

Локон понадобилась пара мгновений, чтобы как следует перевести дыхание и собраться с мыслями. Она растерла руки, стараясь избавиться от неприятных прикосновений полуночного существа, и хотела было схватить Хака, но тот уже спешил вверх по лестнице, используя перила, как пандус.

Локон помедлила и огляделась. Она оказалась в цельнометаллическом коридоре с красным языком ковровой дорожки. Стены пестрели эйоническими символами, однако эйоническими они были только для таких опытных путешественников, как я; Локон же назвала бы их просто магическими рунами. Впрочем, от истины она была бы не так уж и далека.

Вместо рисованных полотен или гобеленов на стенах чернело несколько панелей, похожих на волшебную дощечку Форта. Многие сказители использовали бы для описания интерьера башни слово «холодный» или «стерильный», но лишь потому, что таковы их уникальный опыт и ассоциации. Вероятно, вам ровный белый свет под потолком башни, проходящий через пластиковый плафон, напомнил бы офисное помещение, тогда как суровая стальная отделка – операционную в больнице.

Однако девушке освещение внутри башни не казалось холодным. Не было оно ни угрюмым, ни унылым, ни постным, как лицо политика, сбежавшего из мусорного бака и представшего перед судом.

– Какая красота! – прошептала Локон. – Так чисто и ярко! Будто я умерла и оказалась в загробном мире!

Слова Локон эхом разнеслись по коридору. Девушка еще раз перевела дыхание.

«Наконец-то! Я добралась! И я жива! – мысленно восклицала Локон. – Быть может, я все-таки смогу придумать, как спасти Чарли? Спасти, несмотря ни на что? В конце концов, разве не эта надежда привела меня в башню Колдуньи?»

Собрав остатки решимости, Локон добралась до конца лестницы. Дверь наверху сама отъехала в сторону. Похоже, Колдунья имела особое представление об устройстве своего необычного обиталища.

Перешагнув порог, девушка оказалась в просторном круглом помещении со множеством дверей. Комната выглядела обжитой: мебель, книжные стеллажи и красивые предметы интерьера; все это мигом пришло бы в жуткий беспорядок, если бы Колдунье пришлось спешно покинуть свои владения. На металлическом полу в центре лежала карта планеты. Освещение, как и в коридоре, было искусственным, однако хозяйке удалось создать уют.

Колдунья сидела за столом подле книжных стеллажей и что-то с ленцой просматривала на ноутбуке. На коленях у нее сидел белый пушистый кот… Ой, я сказал «на ноутбуке»? Женщина сидела за столом и что-то с ленцой просматривала на своей магической дощечке, которая услужливо показывала ей все происходящее снаружи. Иногда дощечка демонстрировала игральные карты; Колдунья на досуге зачем-то двигала их с места на место.

Кожа Колдуньи сияла серебром. Женщина выглядела лет на пятьдесят – то есть ей было столько, когда она прекратила процесс старения. Уже многие годы она медленно, но верно восстанавливала свою некогда увядшую телесную оболочку. Невысокого роста, полноватая, эта особа для удобства собирала волосы в пучок и презирала макияж. (Да я бы тоже его не жаловал, если бы сиял, как она.) Колдунья предпочитала носить неяркую одежду и неброские аксессуары, дабы ничто не отвлекало внимания от ее лучистой натуры.

И хотя Колдунья забралась очень и очень далеко от своего дома, ее невероятного могущества от этого нисколько не убыло. Она поставила волшебную дощечку на стол, развернулась вместе с креслом и согнала кота с колен. Питомец спрыгнул на пол и тут же нацелился на Хака, съежившегося на столе. Колдунья указала пальцем на дверь, и кот послушно прошмыгнул мимо Локон.

А Локон как завороженная разглядывала на столе Колдуньи дощечки, показывавшие каждая свою картинку. На одной дощечке девушка увидела знакомую лестницу, на других были запечатлены разные сектора острова и прилегающего моря. Одна из них особенно заинтересовала Локон: она показывала палубу «Вороньей песни».

– Ага! – воскликнула Колдунья, поднимаясь с кресла. Она посмотрела на Хака, и тот еще сильнее съежился под ее взглядом. – Так вот какая она! Неужели это и есть твое подношение? Признаться, я не впечатлена. Она же тощая… А эти волосы! Девочка, я в курсе,

конечно, что твоя планета не в авангарде прогресса, но ни за что не поверю, что у вас еще не изобрели щетку для волос.

Локон проглотила подступивший к горлу комок. Колдунья казалась ей богиней. И все из-за сияющей кожи, заметьте! Сияющая кожа и впрямь помогает создать исключительно приятное первое впечатление. Вот уже несколько веков я завидую этому сиянию и хочу добиться такого же эффекта для собственной кожи.

Собственно, ради него я и заварил всю эту кашу. Но я забегаю вперед.

Локон, поумерив восхищение, взяла себя в руки и попыталась привести ветхий план в чувство. Подобравшись, она сжала для вящей уверенности в одной руке чашку, а в другой – кружку.

– Колдунья! Вы держите в плену моего возлюбленного! Я пришла требовать его освобождения!

– Требовать? – переспросила Колдунья. – Почему ты решила, что можешь от меня чего-то требовать?

– Потому что… я победила вас! – заявила Локон.

– Победила меня? – снова переспросила изумленная Колдунья и глянула на Хака.

– Я пересекла море полуночных спор, высадилась невредимой на остров, миновала армию металлических стражей и ворвалась в вашу неприступную башню! – отчеканила Локон. – Я блестяще прошла четыре испытания и тем самым добилась вашей аудиенции…

– Ха! – воскликнула Колдунья. – Четыре испытания, говоришь? А что, мне это нравится! Похоже, ты внимательно слушала бредни Хойда. Кстати, а как поживает Улаам?

– Э-э-э… – Локон посмотрела на Хака, который сидел на столе и не знал, куда деть свои розовые лапки. – Кажется, у него все хорошо, госпожа. По крайней мере, он выглядит счастливым на борту «Вороньей песни».

– И ведь ни разу не соизволил меня навестить! – воскликнула Колдунья. – Хотя с его стороны это весьма благоразумно. Он знает, что у меня припасен для него чан с кислотой. Это один из немногих способов избавляться наверняка от таких, как он. Кислота или хороший костер.

Колдунья неспешно двинулась через центр круглой комнаты, шагая прямо по карте мира. В других мирах планета Локон известна

под названием Лумар. Надо сказать, что это довольно точный перевод с нескольких местных языков.

Никогда Локон не доводилось видеть столь подробной карты собственного мира. Желание рассматривать ее пропадало, как только наступало понимание, что все детали за один раз все равно не рассмотришь.

Колдунья подошла к девушке практически вплотную. Похоже, она совершенно не страшилась пускай и маловероятной, но все же допустимой физической угрозы.

– Итак, – сказала Локон, – раз я вас победила…

– Дорогуша, ты действительно надеешься, что это сработает? – ухмыльнулась Колдунья. – Думаешь, я поверю в твою дешевую игру? Будто ты намеренно сдалась в плен, чтобы прорвать мою оборону?

Локон снова проглотила комок и решила перейти к запасному плану:

– Я… э-э-э… Я хотела бы заключить с вами сделку. У меня есть сигнальный пистоль, он стреляет пулями, которые обездвиживают цель.

– Да, я уже видела его в действии. – Колдунья указала на обзорные дощечки.

Одна из них по-прежнему изображала «Воронью песнь». Картинка дрожала и раскачивалась, а сбоку виднелись чьи-то пальцы…

«Это же дощечка Форта! – вдруг осенило Локон. – Она показывает все, что происходит перед ней! С ее помощью Колдунья шпионила за нами!»

Разумеется, она шпионила. Будь я в здравом уме и твердой памяти, уже давно бы заметил, что протоколы безопасности отключены по умолчанию, и это сразу же навело бы меня на мысль об утечке информации. Колдунья не следила за «Вороньей песнью» лишь недолгое время, пока Форт был вынужден обходиться без любимого средства коммуникации, и утратила интерес к происходящему на судне, когда Локон села в шлюпку.

– Мой пистоль стреляет уникальными пулями, – продолжила Локон. – Я сама их сконструировала. Таких ни в одном море не сыщешь. Охотно объясню вам их устройство в обмен на освобождение моего возлюбленного Чарли.

– Думаешь, меня, обладательницу уймы передовых технологий, может заинтересовать твой споровый пистоль? Оружие, которое производится в нескольких морях отсюда вот уже сто лет в обед? Конструкция, известная на этой планете всем, кроме вас?

Решительный настрой Локон, пошатнувшийся еще раньше, теперь рухнул окончательно. Она посмотрела на Хака, и тот, сжав розовый кулачок, потряс им над головой. По всей видимости, так он старался подбодрить девушку. Наверное, вы согласитесь со мной: крыса, трясущая кулачком, выглядит довольно комично.

Локон вдруг поняла: здесь что-то нечисто. Но что именно? Ухватить суть ей не удавалось. Она начала перебирать в голове события, которые привели ее в башню Колдуньи.

«Вот Хак… приказывает полуночной сущности доставить меня на остров. А вот и Колдунья… Она явно интересовалась мной и моей командой. Но почему? Что в нас такого особенного? Какой смысл наблюдать за нами?»

Наконец девушку озарила догадка.

«Хойд! Колдунья следила за Хойдом, потому что он единственный, кто может ее победить!»

«Тогда при чем здесь Хак? – спросила себя Локон. – И почему Колдунья болтает со мной как ни в чем не бывало? Разве не должна она бросить меня в темницу?»

Девушка не знала, чего ожидать, если придется вступить с Колдуньей в открытое противостояние. Впрочем, беседа была отнюдь не светской. Локон прекрасно это понимала, и у нее тряслись поджилки.

Колдунья отвернулась и подошла к столу.

– Что ж, девочка… Хотя твои изобретения мне и даром не нужны, я нахожу тебя весьма занятной особой. Сеслоу, открой камеру на капитанском мостике.

– Как прикажете, – раздался монотонный голос.

Чтобы вам было понятней, Сеслоу – дух, который обитает в башне и подчиняется приказам хозяина. Да-да, вы совершенно правильно подумали о космических кораблях с искусственным интеллектом, что время от времени навещают вашу планету.

Одна из дверей сбоку громко щелкнула и открылась. Глазам Локон предстал Чарли.

Чарли выглядел малость потрепанным. На нем был один из тех официальных нарядов, которые он надевал на торжественные мероприятия. Локон уже видела этот мундир, когда ее возлюбленный вместе с отцом выходил на публику. Правда, сейчас мундир был измят и в нескольких местах порван. В остальном Чарли выглядел таким, каким Локон его помнила: непослушная шевелюра и широкая улыбка.

– Я знал, что ты придешь! – воскликнул Чарли, устремляясь к девушке. – Я знал! Ох, Локон… Ты спасла меня!

В это мгновение Локон переживала очень сложные чувства. Они напоминали веревку, которую вы укладывали в чулан свернутой в аккуратную бухту, а достали запутанной в хлам, как будто на ней тренировался изобретатель новых пространственно-временных узлов.

Чарли… Наконец-то они встретились! Локон не могла поверить глазам. Увидев любимого, она испытала невероятное облегчение, а затем прилив счастья. Локон была ошеломлена, взволнована и благодарна судьбе. Ей хотелось праздновать их с Чарли долгожданное воссоединение. Одним словом, Локон переживала весь спектр тех эмоций, какие и должно переживать людям в подобные волнующие моменты.

Однако вместе с тем Локон испытывала необъяснимую грусть. (Мы еще обсудим это.) А также растерянность и смутные подозрения…

«Подозрения? – спросила себя Локон. – Но откуда бы им взяться? И действительно ли я хочу того, чего хочу?»

– Я согласна на сделку, – сказала Колдунья. – Отдам тебе твоего Чарли за эти две кружки.

– Что?.. – переспросила Локон. – Вы серьезно?

– Серьезно, – ответила Колдунья. – Когда будете уходить, оставь их на полке у двери.

– А разве он… не заколдован? – спросила Локон.

– Ах да! Я ведь должна сыграть свою роль… Кхм…

Будто вянущий клубень,
Точно тающий студень,
Чары схлынут обратно:
Я иду на попятный.

Ну что за варварство! Она это специально! Чтобы мне досадить!

Однако это было именно то, что ожидала услышать Локон. Тарабарщина с мистическим налетом, чудесным образом успокаивающая любое воспаленное сознание. Чарли схватился за голову, а затем наклонился и быстро поцеловал Локон.

Своим поступком Чарли затянул узел эмоциональных переживаний девушки еще сильней.

– Ну что? Теперь видишь? – спросила Колдунья у Хака. – Я же говорила тебе? Говорила? Отвечай!

Хак, по-прежнему сидевший на столе, понурился.

– Отвечай! – не унималась Колдунья. – Отвечай, крыса!

– Говорила… – прошептал Хак еле слышно, а затем спрыгнул на пол и скрылся с глаз.

Локон мысленно дала себе пощечину и совладала с чувствами, пообещав себе разобраться с эмоциями позже. Она спасла Чарли, и это главное, а все остальное подождет. Пора уходить.

Локон схватила Чарли за руку, оставила на полке чашку и кружку, а затем выскочила в дверь и поспешила вниз по лестнице.

Чарли следовал за Локон, не отставая ни на шаг. По пути он начал рассказывать свою историю о том, как жил в плену у Колдуньи. История эта до того скучна, что пересказывать ее вам я не считаю нужным. Кроме того, вскоре Чарли сменил тему.

– Ох, Локон! – воскликнул он. – Как же здорово, что мы можем вернуться на Скалу и зажить прежней, нормальной жизнью! Ты будешь печь пироги, мыть окна, ухаживать за садом… Чего еще желать?

На последних ступеньках лестницы, слушая галдеж Чарли, Локон поддалась той загадочной грусти, о которой я упоминал ранее. Грусть безжалостна, она всегда бьет туда, где побольнее, – в почки, в сердце… (Выбирайте сами.)

Чарли как будто ничуть не изменился. Это было хорошо, ведь Локон переживала, что плен оставит душевные раны. Чарли веселился и радовался жизни, как и прежде. Он делал это так искренне, что запросто мог бы давать уроки энтузиазма и без того неунывающим щенятам. Старый добрый Чарли… Он и в самом деле остался прежним.

Чего не скажешь о Локон. Она изменилась настолько, насколько это вообще возможно за время плавания через три моря, от Скалы до острова Колдуньи. Девушка поняла, что ей ничуть не интересны пироги, мытье окон и даже чашки с кружками. Хотелось возиться со спорами, ставить опыты над ними. Хотелось заботиться о своем корабле и команде.

Все это означало, что Локон попросту не может вернуться на Скалу и стать прежней. Она получила душевные травмы, несовместимые с ее прежней жизнью.

А вот и она, злая ирония! Путешествие, которое Локон затеяла, чтобы спасти свою прежнюю жизнь, превратило ее в человека, неспособного насладиться победой. Локон заглянула Чарли в глаза, и прочие чувства отступили, оставляя лишь грусть. Будто верные подданные, склоняющиеся перед своей королевой. Локон умерла! Да здравствует Локон – королева меланхолии!

Вглядываясь в глаза Чарли, она видела перед собой кого-то другого. Того, к кому, по логике, не могла питать никаких чувств. Именно в таких местах рассказчики частенько спотыкаются, а слушатели верят на слово. Мы притворяемся, будто любовь – чувство, поддающееся рациональному осмыслению. Однако все мотивы и предпосылки, которые мы приводим, чтобы заставить одного героя полюбить другого, по сути своей лишь фикция.

Чарли широко улыбнулся. До боли знакомая улыбка… Улыбка того самого Чарли.

Локон не поверила этой улыбке. Да, улыбка принадлежала Чарли, но все дело в том, что эта улыбка была лишней. Девушка слишком хорошо знала своего Чарли, и чуткости тому было не занимать.

Локон повернулась, взбежала по лестнице и ворвалась в круглую комнату так неожиданно, что Колдунья, которая в тот момент усаживалась на свое привычное место, не на шутку испугалась. Едва не искрясь от негодования, Локон выкрикнула в наэлектризованную тишину:

– Это не Чарли!

Колдунья нахмурилась, но ничего не сказала.

– Я знаю, что вы обожаете издеваться над людьми, – продолжила Локон, надвигаясь на Колдунью и тыча в нее пальцем. – Вы накладываете самые извращенные чары, какие только можете

придумать. Увлеченно подгоняете свои заклятия под каждую из жертв, чтобы причинить больше страданий! Теперь я знаю, что вы и не думали держать Чарли в плену!

– И что же, по-твоему, я сделала с ним? – спросила Колдунья.

– Вы превратили его в крысу! – воскликнула Локон.

Ха! Ну наконец-то!

61. Человек

Локон продолжала шаг за шагом надвигаться на Колдунью.

– Каждый раз, когда я пыталась вызнать у Хака хоть что-нибудь об этом месте, он и двух слов связать не мог. Теперь-то я понимаю, что всему виной ваше проклятие. Он попросту не мог говорить о том, что навело бы меня на мысль, что он и есть Чарли.

– Если это так, то почему он смог рассказать обо всех преградах на пути к моему острову? Я знаю, он предупредил тебя о них. Я знаю больше, чем ты думаешь.

Локон остановилась, ее глаза широко распахнулись.

– Он смог рассказать, потому что пытался меня напугать… пытался удержать подальше от этого места, – произнесла девушка и пристально посмотрела на Колдунью. – Вы понимали, что мое появление здесь разрушит чары, вот и… О луны! Нет! Вашей целью было заманить меня сюда! Вы прокляли его и сказали, что единственный способ снять проклятие – привести меня на ваш остров! Вот почему он снова и снова пытался остановить меня! Потому что… потому что он меня любит!

Комната погрузилась в тишину, если не считать крысиных всхлипываний.

Локон подбежала к столу и нашла там Хака. Он поднял на нее покрасневшие глаза. В отличие от своего двойника, Хак выглядел хуже некуда. Съежившись в комок, он дрожал и плакал.

– Чарли… – Локон упала на колени.

– Прости меня, – прошептал он. – Я не хотел, чтобы получилось, как она задумала. Колдунья сказала: «Хоть ты тресни, но все равно приведешь ее сюда, чтобы я могла с ней поразвлечься». Локон, я изо всех сил противился этим чарам, но оказался слишком глуп. Я бестолковый и бесполезный крысеныш… Ты не заслуживаешь такого друга. Ты совершила столько подвигов, а я даже не смог тебя уберечь.

– Ох, Чарли… – Локон взяла крысу на ладони и принялась баюкать.

Хак дрожал; теперь его глаза были крепко зажмурены.

Хозяйка острова небрежно махнула рукой, и стол откатился в сторону. Локон оглянулась и увидела, что Колдунья стоит точно в центре круглой комнаты. К этому времени лже-Чарли поднялся по лестнице и появился в дверном проеме. Светоплетение развеялось, и глазам Локон предстало существо, лишь отдаленно напоминающее человека, – рептилия с золотыми глазами и клыкастой ухмылкой.

На ум мне приходит только одно: Колдунья искала возможности подсадить на «Воронью песнь» своего шпиона, чтобы следил за мной. Подозреваю, она всерьез забеспокоилась насчет нашего пари. И тот факт, что она позволила моему капитану пробраться в крепость – пускай и под видом пленницы, – лишь усилили ее тревогу.

Однако Колдунья ничем не выдала своих чувств. Зато она сбросила маску любезности, взгляд стал холодным и жестким, губы сжались в ниточку. Ей очень не понравилось, что Локон разгадала уловку. Кроме того, было очевидно: Колдунью тяготит что-то еще. Что-то, о чем вы, возможно, уже догадались. А если нет… Ну, ждать осталось недолго – узнаете буквально через несколько мгновений.

Баюкая крысу Чарли, Локон совсем позабыла про Колдунью. А ведь он несколько раз пытался выговорить свое настоящее имя и даже пробовал краткую форму Чак, однако проклятие неизменно заставляло его произносить «Хак».

– Чарли, помнишь, как ты посылал мне чашки? – тихо спросила девушка.

– Кажется, с тех пор минула целая вечность, – ответил Чарли, глядя на нее.

– Мне понравились все, но больше всего та, что с бабочкой над морем. Чарли, эта бабочка точь-в-точь как мы с тобой. Парим над землями и водами, о которых и мечтать не смели. А какая замечательная кружка из олова! Ведь она тоже совсем как мы, Чарли! Сильная и целеустремленная… Разве могли мы подумать, что в нас таится столько сил?

– А что толку? Все равно Колдунья одолела нас, – отозвался Чарли. – Заманила в ловушку… И все из-за меня! Колдунья сказала, что единственный способ избавиться от проклятия – привести к ней того, кто мне по-настоящему дорог. Отдать ей на зачарование любимого человека! Она сказала, что заставит меня смотреть… О луны! Локон, как же я страдал, пока ты все ближе и ближе подбиралась

к ее острову. Надо… надо было броситься за борт! Тогда бы ты не узнала…

Чарли умолк, когда Локон подняла его и посмотрела прямо в глазки.

– Чарли, – прошептала Локон, – ведь я сама захотела этого.

– Но я…

– Помнишь, что ты сказал, когда мы расставались?

– Всегда… – прошептал Чарли. – Я всегда готов дать то, чего тебе хочется.

– Мне хочется быть с тобой – здесь и сейчас, – твердо проговорила Локон.

И Чарли увидел в ее глазах силу и веру, которой с избытком хватило бы для них обоих. Вдруг он задумался и склонил голову набок. Одна и та же мысль посетила и Чарли, и Локон.

– Чарли, но почему ты все еще в облике крысы? Разве проклятие не должно было разрушиться, когда ты привел меня к Колдунье? Это потому, что… Потому что ты любишь другую?

– Нет! – воскликнул Чарли. – Вовсе нет… Я…

– Это потому, что я еще не прокляла тебя, – раздался позади голос Колдуньи. – Страдания крысеныша Чарли закончатся лишь в том случае, если он приведет тебя ко мне с конкретной целью.

Локон, не отпуская Чарли, встала и посмотрела на Колдунью, которая теперь казалась совершенно другим человеком. Вроде бы все то же самое, но душа иная. Игривой веселости как не бывало. Да и может ли холоднокровное чудовище быть игривым и веселым? Некоторые ученые утверждают, что бессмертные – такие, как я и Колдунья, – лишены души. То есть она у нас когда-то была, но со временем фоссилизировалась.

Однако в случае с Колдуньей процесс окаменения уступил место гляциации, заморозившей не только ее душу, но и сердце.

Чарли, который за это путешествие изменился не меньше Локон, вдруг спокойно, но твердо заявил Колдунье:

– Ты заблуждаешься. Я крыса и останусь ею. Получить свободу я могу лишь в том случае, если приведу возлюбленную к тебе в башню и дам согласие на зачарование. Но по пути сюда я осознал, что не выполнил условий, которые позволили бы тебе снять проклятие.

Колдунья, я привел сюда возлюбленную вовсе не с целью обмена, но с целью погубить тебя!

– Как пафосно! – изрекла Колдунья. – Хоть я и не наделила тебя крысиным мышлением, но ты, похоже, и сам неплохо ассимилировался. Меня не может погубить какая-то…

На столе загорелась красная лампочка. Еще несколько замерцало на стене. Затем зажглись остальные. Колдунья, не веря глазам, круто развернулась и приказала духу башни срочно показать, чем вызвана тревога. В воздухе невдалеке от стены возник большой прямоугольник и явил взглядам корабль, стремительно рассекающий полуночные споры.

Как я уже сказал, Колдунья уделяла недостаточно внимания происходящему вокруг острова. Будь она чуть бдительнее, то наверняка бы вовремя заметила надвигающуюся беду.

Короче говоря, Колдунья упустила момент.

«Воронья песнь» приближалась.

62. Охотник

Вы спросите: как?

Вернемся на пару часов назад к экипажу, ожидавшему благополучного возвращения Локон. Все началось с дежурившего на грот-мачте Дуга, который разглядел в подзорную трубу, как капитана пленила полуночная сущность. Не тратя времени даром, он поспешил вниз, чтобы доложить обстановку.

Команда оказалась в труднейшем положении. Что теперь делать? Не погнаться же за лодкой капитана по Полуночному морю? Или рискнуть? Чудовища вроде тех, что схватили Локон, обязательно схватят и спасателей. А коли так, не следует ли развернуться и попытаться уйти через Багряное море в безопасные воды? Разве не этого Локон хотела для своего экипажа?

Так и не отважившись ни на что, команда устроила экстренное совещание. И выход нашелся – благодаря Форту.

Для Форта это был уникальный шанс заявить о себе как о величайшем охотнике, какого только знавал его народ. Шанс поохотиться на чудовище, сотворенное из полуночных спор. Выслушав его план, офицеры отправились убеждать Дугов и вскоре получили единодушную поддержку. Против проголосовал только Лаггарт.

Так «Воронья песнь» пересекла границу с Полуночным морем. Чудовища ждать себя не заставили. Не прошло и пятнадцати минут, как твари, совершенно неуязвимые для обычного оружия, взобрались на палубу в поисках теплой плоти и сладкой крови. Они пришли, чтобы убивать…

И обнаружили посреди палубы великана, окруженного бочками с водой, над каждой из которых висел на веревке бочонок со спорами.

«Добро пожаловать! – написал Форт, обращаясь к трем полуночным чудовищам. (Энн продекламировала написанное – на тот случай, если твари не умеют читать.) – Я хочу сделать вам предложение, от которого невозможно отказаться».

Не удостоив его ответом, существа устремились вперед, зазмеились по настилу. Форт тотчас вскинул руку, угрожая перерезать

бечеву и обрушить бочонок со спорами. Дуги последовали его примеру.

«Остановитесь! – предупредил Форт полуночных тварей. – Если не одумаетесь, мы отдадим всю эту воду другим спорам, а вам ни капельки не достанется».

Чудовища замерли. Им не было необходимости слышать или видеть слова – они чувствовали их. Полуночная сущность потянулась к экипажу, выискивая возможность установить с кем-нибудь Узы Люхеля, и наткнулась на Форта, всем своим естеством стремившегося наладить контакт.

Твари принялись жестикулировать щупальцами, обсуждая план дальнейших действий. И Форт, как ни странно, их понял. Однако вовсе не потому, что знал язык жестов. Понять помогли Узы Люхеля. Полуночные чудовища и в самом деле очень хотели воды, но их также интересовали и люди, в чьих жилах струилось достаточно крови, чтобы утолить жажду.

«Предупреждаю! – написал Форт, показывая рукой на остальных членов экипажа, что толпились на корме судна, щетинясь мушкетами и пистолями. – Если вы не остановитесь, они бросятся за борт и отдадут всю свою жидкость спорам. Другим спорам. Не вам».

Наконец до полуночных чудовищ дошло, чего от них добивается Форт. Какой соблазн! Здесь столько воды… Но и слишком велик риск, что эта вода достанется не им…

Форт опустил руку в бочку с водой, а другой начал жестикулировать. Существа поняли его сигналы благодаря сверхъестественной связи.

«Я могу напоить вас до отвала, – сказал Форт, уже не прибегая к помощи своей волшебной дощечки. – Вся эта вода достанется только вам троим».

«Чего ты хочешь взамен? – наконец соизволили отозваться чудовища. – Что нам нужно сделать, чтобы пить, пить, расти и снова пить, пить, пить?..»

«Я хочу, чтобы вы защищали нас в водах Полуночного моря», – сказал Форт.

Как я уже говорил, доверять охрану своих территорий магическим существам, обладающим самосознанием, чревато. Идея создавать полчища чудовищ была эффективной лишь до поры до времени.

Колдунья не могла уделять своим охранникам должного внимания, и это привело к неминуемому сбою в ее, казалось бы, отлаженной системе защиты. Слабым местом в обороне Колдуньи оказалась ненасытная жадность полуночных эфиров, а также их врожденная тяга к взаимообмену. Услужить человеку, а за это получить живительную влагу и возможность обретать и поддерживать форму? Почему бы и нет? Эти особенности делали полуночных чудовищ чрезвычайно уязвимыми для тех, кто разбирался в механике магии и был одаренным от природы дельцом.

Вот так, спустя всего полчаса после отбытия своего капитана команда «Вороньей песни», руководствуясь координатами, которые Локон выведала у меня и нанесла на карту, двинулась к острову со спасательной миссией.

Внезапное появление корабля дало Локон столь необходимую ей в ту минуту фору. Колдунья была вынуждена пересмотреть свои приоритеты и сосредоточиться на запуске защитных протоколов, чтобы предотвратить вторжение незваных гостей. Выкрикивая приказания, она настолько увлеклась, что на какое-то время позабыла о Локон и Чарли.

– И все-таки они последовали за мной, – сказала Локон. – Ох уж эти замечательные дурни! Говорила же я, держитесь подальше!

– Что-то ты не особенно ценишь собственные советы, – заметил Чарли. – Иначе не отправилась бы спасать меня.

Локон взглянула на Чарли, сидевшего у нее на ладонях, и ее глаза затуманились от слез. Гора задрожала, угрожая сходом лавины. Догадка, все это время разгоравшаяся на горизонте подсознания, засветилась во всю силу. Локон поняла, что она еще бóльшая дура, чем Дуги. И не потому, что отправилась спасать Чарли, а потому, что запрещала им следовать зову сердца.

– Нужно что-то делать, – зашептала Локон. – Я должна предупредить команду о скалах, что скрываются под спорами. Наверняка есть способ связаться с ней!

Они одновременно посмотрели на стол Колдуньи. А если точнее, то на волшебную дощечку, которая показывала палубу «Вороньей песни» и пальцы Форта. Пока Колдунья пробуждала ото сна свою армию, Локон схватила дощечку и попыталась понять, как та работает.

– Э-э-э… дощечка? – обратился Чарли, вглядываясь в экран. – Можно ли через тебя поговорить с людьми, которых ты показываешь?

– Видеоконференция начата! – радостно отозвалась услужливая дощечка.

Форт, не расстававшийся со своим средством коммуникации, встал со стула. Он всю ночь подпитывал трех полуночных чудовищ водой через Узы Люхеля. «Воронья песнь» приближалась к острову, и Форт, упрочив связь, управлял полуночными существами и отражал атаки других чудовищ, так и норовивших забраться на палубу. Из всех стычек он вышел победителем, потому что имел в запасе достаточно воды, чтобы латать раны и отращивать новые части тела из морских спор. К утру он почувствовал себя несколько странно. И неудивительно, ведь за ночь он выпил несколько бочек воды, а жажду так и не утолил.

Теперь же, когда выдалась минутка отдыха, он устало опустил подбородок на грудь и вдруг озадаченно нахмурился. Та сторона волшебной дощечки, на которой он обычно читал слова собеседников, сейчас показывала Локон и крысу, почти вплотную прижимавшихся к камере в башне Колдуньи.

– Форт? – спросила Локон. – Ты нас видишь?

На экране Форта вспыхнуло сообщение. Пробежав снизу вверх, строчка закрепилась и частично закрыла собой Локон.

«Вижу!» – напечатал Форт, и его строчка оказалась под словами Локон с противоположной стороны экрана. Форт замахал рукой, и через мгновение Локон увидела Энн и Салэй. И разумеется, меня. Я втиснулся между ними, потому что мне тоже стало любопытно.

– Капитан? – спросила Салэй. – Капитан, вы в порядке?

– Мы в башне, – прошипела Локон. – Как вам удалось выжить в Полуночном море?.. Ах нет, нет! Отставить! Сейчас это совсем не важно. Потом расскажешь! Салэй, будь предельно бдительна. Под поверхностью спор вокруг острова скрывается множество скал. Они чрезвычайно коварны!

– Я держу ситуацию под контролем, – произнесла Салэй. – Спасибо за предупреждение.

– Вы не должны были следовать за мной, – сказала Локон. – Если попытаетесь подойти к острову, то обязательно напоретесь на эти

рифы и утонете.

Салэй, Энн и Форт нахмурились.

– Прикажешь развернуться? – прямо спросила Салэй.

«Хочу ли я этого? – спросила себя Локон. – А если хочу, то могу ли? А если могу, то осмелюсь ли?»

В этот миг Локон приняла окончательное решение. Гора содрогнулась, и лавина перемен, копившаяся все это время, устремилась вниз.

– Нет, – прошептала Локон. – Пожалуйста, помогите мне.

Салэй, Энн и Форт улыбнулись, а я поскреб в затылке. Что-то в декорациях позади Локон показалось мне неуловимо знакомым.

– Как прикажете, капитан, – сказала Салэй. – Мы уже близко.

– Только не разбейтесь! – воскликнула Локон.

– Капитан, – сказала Энн, – мы намерены спасти вас. Вы заслуживаете этого, как никто другой. Помните, вы сказали кое-что, что заставило меня взглянуть на мир совершенно по-новому?

– И что же я такого сказала? – спросила Локон.

– Капитан, вы сказали: «Очки должны тебе помочь».

«Энн, по-моему, даже Хойд шутит лучше», – написал Форт.

– А это вовсе не шутка. – Энн постучала пальцем по очкам. – Это самая что ни на есть правда. Я и впрямь вижу мир иначе. И мы в нем отнюдь не беглецы-висельники. Я вижу мир, в котором для нас есть будущее.

– Энн… ты же знаешь, я не Маска, – сказала Локон. – Я не смогу выпросить у короля амнистию.

– Значит, придумаем другой способ. – Энн посмотрела на Салэй и Форта, которые согласно кивнули. – Если дела и дальше так пойдут и мы сможем добраться до Колдуньи… и победить ее с той же легкостью, с какой преодолели все прежние трудности… Тогда, надо полагать, никакие беды нам уже не будут страшны.

Форт и Салэй вновь кивнули, и сердце Локон переполнилось радостью. Как же здорово чувствовать их преданность! Как же здорово (наконец-то) осознать, что нет ничего плохого в том, чтобы принять помощь! Как же здорово…

Погодите-ка!

Несмотря на обрушившуюся лавину эмоций, Локон вдруг кое-что пришло на ум. Вероятно, на мысль ее натолкнуло мое изображение.

Затесавшись среди офицеров, я пытался ковырять языком в носу.

Думаю, соображения Локон вам покажутся любопытными. Однако я бы назвал их своего рода откровением.

– Хойд… – произнесла Локон. – Он не мог показать путь к Колдунье. Остров пришлось искать методом перебора, исключая те места, где его быть не могло. И поскольку Хойд охотно рассказывал про другие места, я предположила…

«Предположила что?» – спросил Форт.

– Предположила, что причина кроется в том, что он не может говорить о своем проклятии, – сказала Локон. – Например, для того чтобы снять проклятие с Чарли, нужно выполнить несколько условий. И одним из них является возвращение Чарли в башню Колдуньи. Вот я и подумала, что раз Хойду не под силу показать путь к острову Колдуньи самостоятельно, то, вполне вероятно, разрушить его проклятие не получится до тех пор, пока мы не вернем его Колдунье!

Локон опустила взгляд и увидела под ногами карту мира.

«Ты должна привести меня на свою планету, Локон», – вспомнились ей слова Хойда.

– Точно… – прошептал Чарли. – Хойд мог говорить о проклятии, но только если собеседник знал о его щекотливом положении. Ты знала, что Хойд проклят, однако местонахождение острова он тебе так и не выдал. Колдунья запретила ему рассказывать об острове – это одно из необходимых условий, чтобы снять проклятие. Ты права, все сходится! Хойда надо доставить в башню, преодолев все испытания Колдуньи на пути к ее острову!

Глаза Локон расширились, она посмотрела на своих офицеров и сказала:

– Вы должны доставить его сюда! Прямо в эту комнату!

– Кого? – нахмурилась Энн. – Юнгу?

– Капитан? – спросила Салэй. – Вы уверены?

– Да, – ответила Локон. – Пожалуйста, приведите его ко мне. Знаю, это сложно, но я очень прошу! Пожалуйста!

– Что ж, приказы не обсуждаются, – сказала Салэй.

– Доставьте Хойда сюда не потому, что я так приказала, а потому, что доверяете мне, – добавила Локон.

Салэй, Энн и Форт кивнули. Они доверяли своему капитану. Им повезло, что они нашли общий язык так быстро, ведь именно в тот миг

Колдунья вспомнила про Локон. Глаза ее вспыхнули от ярости. Колдунья крикнула Сеслоу выключить видеоконференцию, затем выпростала руки вперед и принялась чертить в воздухе мощные руны, оставляя за пальцами светящиеся линии. Закончив свои пассы театральным жестом, Колдунья выстрелила вспышкой, которая пролетела через комнату, врезалась Локон в грудь и прижала девушку к стене.

Что-то грохнуло и лязгнуло. Оказалось, что это слетели с полки кружка и чашка. И если оловянная кружка приобрела очередную вмятинку, но и только, то чашке с бабочкой повезло меньше – она разбилась вдребезги.

Колдунья отвернулась и продолжила приводить в чувство свою армию металлических гвардейцев. Когда на Локон обрушились световые оковы, Чарли свалился на пол. Поднявшись на лапки, он подбежал к стене и вскарабкался по одежде девушки. Он попытался перегрызть колдовские путы, но, как вы уже и сами догадались, результата это не принесло.

– Чарли!.. – шепнула Локон.

Чарли виновато взглянул на нее, расстроенный тем, что световые нити оказались ему не по зубам.

– Локон… Прости, Локон. Зря ты положилась на меня. Я просто ничтожество! Опять тебя подвел…

– Чарли, – прекратила она его излияния, – я давно хочу тебе кое-что сказать. Надо было признаться раньше, но придется сейчас… Время, конечно, не самое подходящее… даже ужасно неподходящее для таких признаний, но… Чарли, я люблю тебя.

– Я испытываю к тебе такие же чувства, – проговорил Чарли. – Я люблю тебя, Локон.

– Это хорошо. Вышло бы неловко, если бы оказалось иначе.

Локон попыталась вырваться из оков, а затем глянула на прямоугольник, который показывал приближающуюся к острову «Воронью песнь».

– Чарли, ты знаешь, как я ненавижу навязываться. Но если наши друзья все-таки сумеют преодолеть оборону Колдуньи, то как они попадут в башню?

Чарли понял, о чем его просит девушка.

– Я… могу открыть дверь. И я сделаю это!

– Если тебя не затруднит, – сказала Локон.

Да, как я уже и говорил, Локон изменилась. Однако даже серьезные события меняют нас постепенно. Поэтому пока что она оставалась сама собой.

Чарли оглянулся на открытую дверь из комнаты на лестницу, которая вела к выходу из башни. Туда, где рыскал кот Колдуньи.

– Возможно, крыса по имени Хак и струхнула бы, – наконец сказал он. – Зато садовник Чарли слеплен совсем из другого теста. – Он ткнулся носом в щеку Локон и тихо прибавил: – Спасибо тебе. Спасибо, что пришла за мной. И… надо было сказать это раньше!

С этими словами Чарли спрыгнул на пол и отправился выполнять боевую задачу.

63. Лоцман

Колдунья не злилась.

И даже не была напугана.

Колдунья, скорее, была раздражена. И вероятно, немного обеспокоена.

Колдунья всерьез считала, что со мной покончено. Когда мы пересекали границу Багряного моря, она наблюдала за мной отнюдь не из страха, что я смогу добраться до ее башни. Ей просто нравилось смотреть, как я страдаю. Колдунья надеялась, что в скором времени я пойду ко дну, и предвкушала это зрелище.

И все же каким-то чудом я добрался до ее острова. Разумеется, мне еще предстояло прорваться через оборону. Сделать это в одиночку, да к тому же на обычной лодке, я бы, конечно, не сумел. Однако моего появления вблизи острова оказалось достаточно, чтобы Колдунья потеряла покой. Ведь она и представить себе не могла, что мне удастся пересечь сначала Багряное, а затем и Полуночное море. Теперь, завидев нас у своего острова, Колдунья решила, что это именно я, вопреки всем препонам, умудрился спасти корабль и команду от верной погибели. Правда, она не сознавала, что мой незаурядный интеллект никогда не был моим главным преимуществом.

Главным моим преимуществом была способность находить нужных людей и держаться рядом с ними. Именно поэтому я затесался в команду «Вороньей песни». И именно поэтому я сейчас стоял на юте, неподалеку от штурвала. Кстати, на голове у меня красовалась крохотная пиратская треуголка Хака. Я рассудил, что Хак не заслуживает чести ее носить. Признаю, я был не прав. Разве можно злиться на пирата за то, что он нанес тебе удар в спину?

Треуголка на мне сидела плохо, поэтому я закрепил ее прищепками. Дико ухмыляясь, я подставлял лицо ветру, нещадно трепавшему волосы, и пучил глаза в надежде, что они высохнут и мне никогда больше не придется моргать.

Салэй вращала штурвал и выкрикивала команды, а Дуги, беспрекословно подчиняясь ей, творили настоящие чудеса с парусами. Колдунья была до наивности уверена в несокрушимости

своей обороны и твердо полагала, что ни единой душе не преодолеть подводные скалы. Однако она не учла, что на свете существуют такие женщины, как Салэй. Хранившая в кармане последнее письмо отца, рулевая знала, что если она погибнет, то отец уже никогда не выберется из долговой ямы.

Нельзя недооценивать женщину, чья жизнь вновь обрела смысл. Салэй сделала ставку на Локон, и не прогадала. В награду она получила сплоченную команду, готовую пожертвовать жизнью ради общего дела.

Нельзя недооценивать женщину, которая не отступает, когда на карту поставлены жизни друзей. Молитесь, чтобы хоть раз встретить такую женщину на своем жизненном пути. А еще молитесь, чтобы не оказаться у нее на пути.

Салэй крепко держала руль, а корабль скрипел и стонал. Воля человека против воли спор. Салэй лавировала между скалами, совершенно не моргая. Надо ли говорить, как я был восхищен этим?

– Почему? – вопрошала Энн, поднимаясь на ют и хватаясь за поручни. – Хойд, почему у Локон возникла эта нелепая мысль, будто ты сможешь ее спасти?

– Наверное, потому, что я недавно открыл в себе художника! – попытался я перекричать свист ветра и хруст спор. – Вероятно, Локон полагает, что своим талантом я смогу сразить Колдунью наповал!

– Какой же ты все-таки невыносимый! – упрекнула Энн.

– Кто бы говорил! – парировал я. – На этом судне невыносима только твоя каюта, Энн. Невыносимо унылый интерьер. Как насчет пейзажа с елками? Если не нравятся деревья, то можно развесить портреты собак в треуголках… О, кажется, есть идея гораздо лучше! – Я воззрился дикими глазами на Энн, когда рядом со мной на палубу грянулась целая пригоршня черных спор. (Салэй заставила корабль пройти мимо скал по совершенно немыслимой дуге.) – Я буду писать картины на бархате!

– Обратная сторона Изумрудной луны! Как можно писать на бархате?

– Да неужели не понятно? Надо лизать его, создавая текстурные мазки, – объяснил я. – Энн, в следующий раз, прежде чем задавать дурацкие вопросы, пораскинь мозгами.

Энн действительно следовало поменьше задавать вопросов. По крайней мере, таким, как я. Глупым, может, ее вопрос и не был, однако глупо спрашивать глупца, да еще и надеяться на вразумительный ответ.

Штурвал настолько поглотил внимание Салэй, что она не слышала разговора Хойда и Энн. Тем временем Колдунья в своей башне отвлеклась, чтобы посмотреть, как корабль, лавируя между скалами, подбирается все ближе к острову. Думаю, некоторым из вас известно, что парусник – не самое простое в управлении плавсредство. Зачастую вы не столько управляете им, сколько позволяете ему плыть, отдавшись течениям и ветру. Однако, чтобы маневрировать, необходимо поддерживать скорость, которая одновременно и ваш союзник, и враг. На слишком малой скорости вы просто не сможете завершить поворот, а на слишком большой не успеете уйти от скалы.

В тот день корабль не был подвластен ни волнам, ни ветрам, ни спорам, ни отмелям. Корабль повиновался Салэй. На краткий трансцендентный миг экипажу показалось, будто он и не на корабле вовсе. Мы продвигались вперед исключительно благодаря непреклонной воле Салэй. Рулевая вела «Воронью песнь» столь искусно, что скалы проносились буквально в считаных сантиметрах от борта. Корабль при этом кренился так сильно, что я не сомневался: еще чуть-чуть и мы опрокинемся. Салэй находила подводные скалы инстинктивно, по прихотливому рельефу споровой поверхности. И делала она это, не сводя сосредоточенного взгляда со своей цели.

К изумлению Колдуньи, наш корабль все-таки прорвался в защищенную подводными скалами бухту. Колдунья покачала головой. Легкое раздражение переросло в нешуточную тревогу. За спиной хозяйки кот Кружавчик истошно мяукал и бросался на ошалелого Чарли. Тот пытался проскочить к лестнице, спускавшейся к выходу, но тщетно – кот в очередной раз загнал его обратно в комнату.

Колдунья выкрикнула приказ, и отряд металлических гвардейцев выдвинулся, чтобы принять бой. Кто, если не они, положит конец этому фарсу? Колдунья всегда считала свою армию самой надежной защитой острова.

– Канонир! – прокричала Салэй на корабле. – Орудие к бою!

Этот приказ предназначался для Энн, которая уже спешила к носовой пушке. Наконец-то ей выпал шанс показать, что́ она может в

своих новых очках… Ну или не может!

Последние дни Энн провела, практикуясь в артиллерийской стрельбе, и поводов для волнения у нее успело возникнуть предостаточно. Она стреляла не сказать, что плохо, однако недостаточно хорошо, и это ее изрядно тревожило. А еще тревожнее было то, что день, о котором она мечтала долгие годы, наконец-то пришел. И внезапно все стало зависеть только от нее одной.

Металлические гвардейцы шагали по берегу строем, немедленно выполняя приказы Колдуньи. Отполированные латунные воины под два метра высотой, вооруженные копьями с блестящими наконечниками, выглядели поистине устрашающе. Все они действовали согласно сложнейшим протоколам, которые Колдунья с великим старанием внедрила в эти металлические тела.

Это были более совершенные слуги, чем разведчики, созданные из полуночной сущности. Гвардейцы стояли стеной и предотвращали любые попытки неприятеля высадиться на берег. Одного взгляда с палубы корабля было достаточно, чтобы понять, почему королевские войска не выиграли ни одного сражения против Колдуньи. Вооружившись влажной паклей, не верила в свой успех и Энн. Да и как тут поверишь, когда мушкетные пули отскакивают от этих созданий, как горошины? Пушечное ядро может хотя бы опрокинуть, оставить вмятину… Однако и это бесполезно. Не пройдет и минуты, как поверженный воин вернется в строй.

Уповала Энн только на изобретенные Локон снаряды. Когда она совала паклю в запальное отверстие, ее рука заметно дрожала. Прогремел выстрел, но металлические воины не дрогнули. Отчасти потому, что ядро пролетело мимо. Оно пробило дерево, а затем, отскочив от прибрежных камней, утонуло в спорах неподалеку.

Обливаясь потом от напряжения, Энн перезарядила пушку. Озираться на товарищей по экипажу она не смела – знала, о чем думают Дуги и офицеры. Проблема не только в ее зрении. Возникло предположение, что с ней что-то не так. И она не ошиблась.

Однако невезение тут было ни при чем. Впрочем, как и всякого рода мистические проклятия. Энн страдала от чего-то гораздо более приземленного, но при этом не менее пагубного. Как я уже сказал, Энн промахнулась не только по причине плохого зрения. Она промахнулась, потому что уперлась в мнимую стену.

Помните, я говорил про лавину, захлестнувшую Локон? Так вот, в противоположность этой лавине существует и другая сила. Видите ли, на каждое действие всегда найдется противодействие. Каждому толчку соответствует притяжение, как говорит один мой давний враг. Иногда жизненные обстоятельства копятся до тех пор, пока не становятся непреодолимой силой и не заставляют нас меняться. (Как в случае с Локон.) А иногда эти самые обстоятельства образуют огромную гору, которую невозможно ни обойти, ни покорить.

Даже самые меткие из нас время от времени промахиваются. Но если вы прослыли тем, кто промахивается постоянно, то советую вам срочно перестать принимать свои промахи близко к сердцу. Если вы не будете относиться к ним философски, то они быстро накопятся и превратятся в ту самую гору. Кроме того, зацикливаясь на промахах, вы обесцениваете все свои успешные выстрелы. Короче говоря, вы рискуете уподобиться Энн, которая продолжала дрожать, обливаться потом и пытаться разжать невидимую, но весьма ощутимую хватку судьбы, которую сама же для себя предопределила. Да кто же не промахнется, когда пот застилает глаза, рука дрожит, а внутренний голос твердит, что ты обречен? Тут даже самый опытный стрелок со снайперским зрением оплошает.

– Не зря говорят: бойся своих желаний! – пробормотала Энн и уже занесла над запальным отверстием влажную паклю, как вдруг у нее над ухом прозвучал спокойный мужской голос.

– Матрос Энн, прекратить огонь! – приказал Лаггарт, для равновесия держась рукой за фока-штаг и щурясь на берег.

Энн колебалась.

– Три градуса на корму, один вверх, – уверенно произнес Лаггарт.

Энн поколебалась еще миг-другой, а затем начала наводить пушку, как подсказал Лаггарт. А корабль, покачиваясь на мелководье, продолжал двигаться вдоль берега.

– Жди, – сказал Лаггарт, когда Энн приготовилась вставить паклю в запальное отверстие. – Жди… Огонь!..

Взрыв зефирных спор отправил ядро в полет. Как Энн и хотела, снаряд попал металлическому воину в грудь и опрокинул его; но, как она и ожидала, не нанес повреждений. Зато он лопнул, и вырвавшиеся лозы опутали стоявших поблизости гвардейцев.

Воины на берегу пришли в замешательство. Тем временем Энн осознала, что ее гора на самом деле не такая уж и неприступная. Энн сделала первый шаг к восхождению!

– Перезарядить и навестись! – скомандовал Лаггарт.

– Есть перезарядить и навестись, сэр! – вторила Энн, работая с четкостью, которую по достоинству оценил бы любой военно-морской офицер.

– Два градуса вверх! – скомандовал Лаггарт.

– Есть два градуса вверх! – отозвалась Энн. – И один на левый борт!

– Верно!.. – воскликнул удивленный Лаггарт. – И один на левый борт! А теперь не спеши… Жди…

– Огонь! – выкрикнула Энн одновременно с Лаггартом.

Этот выстрел, как и предыдущий, попал в цель и обездвижил еще нескольких воинов.

– Пушка перезаряжена и на прежней позиции, сэр! – прокричала Энн, прежде чем Лаггарт успел дать команду.

Не прошло и пары мгновений, как прогремел выстрел. Запыхавшаяся Энн взглянула на Лаггарта.

– Проклятье, хорошая стрельба! – кивнул ей Лаггарт. – Отличная стрельба, помощница канонира!

И Энн, стоявшая на самой вершине своей горы, с изумлением увидела, какой крошечной та оказалась.

64. Герой

А тем временем Локон оставалась прикованной к стене в башне Колдуньи.

Да, это было унизительно, но в то же время… давало удовлетворение. Поскольку случилось именно то, чего Локон ожидала.

С той самой минуты, как Локон покинула родную Скалу, она ожидала грандиозного провала. Девушка отправилась в путь не потому, что надеялась преуспеть, а потому, что не могла сидеть сложа руки. И хотя многое пошло не так, как хотелось бы, каким-то образом ей всегда удавалось исправить ситуацию.

Локон находила свое повторяющееся везение весьма настораживающим. Так, выбрасывая за игровым столом несколько раз кряду шестерки на костях, спрашиваешь себя: а нет ли тут какого подвоха? И вот теперь, потерпев очередную неудачу и оказавшись в плену, Локон гадала, повезет ли ей снова. Не в силах помочь друзьям, она могла только наблюдать.

Нет, разумеется, такому положению дел Локон была не рада. Но все же испытывала некоторое облегчение. Она добралась до башни Колдуньи, хоть и не была пираткой или Королевской Маской. Локон просто мойщица окон, которой не мешало бы собрать волосы в хвост: из-за рассыпавшихся по лицу прядей она едва различала происходящее вокруг. Но даже такое пустячное дело было ей не по плечу, поскольку ее плечи, заодно с предплечьями и кистями, были прижаты к стене световыми оковами.

Все же от Локон не укрылось, что Колдунья раздосадована. Пушки совершенно парализовали ее армию. Этого не должно было случиться, ведь Колдунья сконструировала металлических гвардейцев с расчетом на то, чтобы они выдерживали пушечные залпы. Неодолимые гвардейцы могли маршировать по морскому дну, а на вооружении у них имелись абордажные крючья, чтобы забираться на корабли. И нередко, прежде чем вскарабкаться на борт, они этими крючьями дырявили внизу корпус судна. Гвардейцы были неуязвимы практически для любого оружия доиндустриальной культуры Лумара. Это были грозные, всесокрушающие воины.

Однако они не имели ни малейшего представления о том, как справиться с лозами.

Даже полуавтономный, пробужденный воин так или иначе действует в соответствии с заложенной в него программой. И хотя программа, которой руководствовались гвардейцы Колдуньи, была более совершенной в сравнении с традиционным компьютерным обеспечением, они не были в полном смысле слова живыми. И поэтому, угодив в крепкие тенета лоз, воины растерялись.

Одна из инструкций гласила, что воин не должен бояться чужаков и оружия, которое те обязательно применят. Разумеется, гвардейцы беспрекословно следовали этой инструкции и пытались наступать, игнорируя взрывающиеся вокруг снаряды и множащиеся лозы. На случай полного обездвиживания имелась другая инструкция: металлический боец должен запросить помощь. Обычно данная строка программного кода срабатывала как полагается, однако в тот день она создала хаос. Неспособные расставить приоритеты, воины то продвигались к кораблю, то пытались освободить товарищей из пут – и вскоре сами оказывались в ловушке.

Короче говоря, споровые ядра сработали.

Слава лунам, они сработали…

Локон не сдержала ухмылку, увидев, как изобретенное ею оружие разгромило целый легион якобы непобедимых врагов.

Между тем Чарли, спасаясь от кота, вцепился в штанину девушки и взобрался по ноге. Кот нетерпеливо зарыскал из стороны в сторону.

– У меня… – задыхаясь от напряжения, произнес Чарли. – У меня с этим котярой небольшие проблемы.

– Все в порядке, Чарли, – сказала Локон, не в силах оторвать взгляд от картины битвы.

– Эй! Ты это брось! – воскликнул Чарли. – Разве не знаешь, что морской закон запрещает плакать?

– Извини, – ответила Локон, видя, как взрывается очередное ядро. – Это я от восхищения. Очень уж красиво!

Со стороны казалось, будто «Воронья песнь» обстреливает остров Колдуньи какими-то неведомыми флоре и фауне гибридами спрутов и изумрудных эфиров.

Вскоре экипаж высадился на берег и устремился мимо обезвреженных стражей к башне Колдуньи. Форт бежал в авангарде и

нес меня над головой. Покривив душой, скажу, что выглядело это триумфально.

О таком успехе никто из нас и мечтать не мог. Но если Чарли не сумеет открыть дверь, мы застрянем на острове вне башни, и тогда нашей истории конец.

– Мне жаль, что в итоге мы все-таки оказались в плену, – сказала Локон и посмотрела на Чарли. – Собственно, все как мы и предполагали, да?

Чарли покивал, а затем сказал:

– Но, Локон… мне помнится, что-то мы говорили о спасителе в сияющих доспехах.

– Чарли, я сильно сомневаюсь, что существуют доспехи крысиных размеров.

Вдруг он прищурился, высматривая что-то невдалеке от лестницы.

– Отвлеки Колдунью, – произнес Чарли, собирая остатки своей храбрости.

Когда ты ничтожно мал, даже крохи отваги, как и капли спиртного, оказывают на организм поистине мощное воздействие.

Чарли спрыгнул и устремился к какому-то предмету, лежащему на полу. Кот незамедлительно кинулся в погоню, взвился в хищном прыжке и обрушился на… оловянную кружку.

Колдунья, переключившая в эту секунду внимание на оборону башни, могла бы заподозрить неладное, если бы Локон не отвлекла ее.

– Скажите, доводилось ли вам слышать сказки о прекрасных девах, заточенных в башне?

– Размышляешь о своей судьбе? – спросила Колдунья, никогда не упускавшая возможности помучить своих жертв. – Спрашиваешь себя, был ли смысл тащиться в такую даль, чтобы тебя приковали к стенке?

– Ага, – подтвердила Локон. – И знаете… думаю, на самом деле все не так уж и плохо.

– Не так уж и плохо?! – воскликнула Колдунья, направляясь к Локон.

С лестницы донеслось бряцание, будто что-то металлическое покатилось по ступенькам, однако Колдунья не придала этому значения.

– Дорогуша, о чем ты говоришь? Ты же бессильна! Хотела спасти возлюбленного, но не можешь помочь даже себе. Ты мнила себя

пираткой, грозой морей… А теперь подумай, чего стоишь на самом деле. Ничем не лучше девиц из сказок, которые ждут не дождутся, когда их кто-нибудь спасет.

Давайте на миг остановимся и представим себе эту картину.

Чарли. В облике крысы скачет вниз по ступенькам. Мельтеша лапками, кувыркается вместе с оловянной кружкой.

Кот. Своим наскоком сообщивший кружке импульс, он, остолбенев, наблюдает сверху.

Энн, Салэй и Форт (и я над их головой). Уже на подходе к башне.

Локон. Прикована световыми кандалами к стене и все же уверена в успехе.

– В любой из этих сказок непременно чего-то не хватает, – сказала Локон. – Ну что такого особенного в том, что кого-то нужно спасти? Всем нам время от времени требуется помощь. Сложно, конечно, живется тому, кто регулярно попадает в неприятности. Но опять же – с кем не бывает? Если бы никто не попадал в неприятности, то и спасать было бы некого, верно я говорю?

– Ну-ну! – проворчала Колдунья, начиная рисовать в воздухе руны. – Знала бы ты, какое проклятие тебя дожидается. Я берегла его для особого случая. Будь уверена, детка, несколько десятилетий ты будешь влачить настолько жалкое существование, что света белого невзвидишь.

Из коридора эхом донесся тоненький голосок:

– Волшебная дверь, прошу, откройся!

– Эти сказки умалчивают о самом важном, – продолжила Локон, пока Колдунья плела из рун сияющую стену. – А именно о первопричинах. Обо всем, что было ранее. Понимаете, я недавно открыла для себя истину: нуждаться в помощи не зазорно. Если живешь достойно, то почему бы и не принять протянутую тебе руку? Среди нас есть такие, кто действительно заслуживает спасения.

С пальцев Колдуньи сорвался энергетический шар проклятия, призванный окутать Локон сиянием и подвергнуть метаморфозе. Однако превращения не случилось. Шар взорвался ослепительным снопом искр, заполнил комнату белым светом и парализовал на мгновение работу всех органов чувств.

Когда зажмурившаяся Локон открыла глаза, она увидела меня и стоявших позади офицеров. Крыса сидела на моем плече. Вытянув перед собой руки, я держал инвестированный световой щит так, что он защищал Локон от чар. Щит был создан из эйонов, которые я теперь мог начертать. Вдаваться в подробности не буду, ибо теория магии очень утомительна. Скажу лишь, что результат получился впечатляющим.

В гости к Колдунье я принарядился: застегнутая под горло рубашка в цветочек, слишком короткие шорты и сандалии.

Разумеется, не забыл я и носки.

– Привет, Риина! – сказал я. – Надеюсь, все эти годы были такими же прекрасными, как и ты сама?

Колдунья опустила руки. При виде меня у нее отвисла челюсть.

– Да, да, знаю, что ты думаешь, – сказал я, демонстрируя свое облачение. – Сам понимаю, что прикид ужасный. Кстати, за эти годы я открыл для себя пару истин. Первая: никогда не обсуждать политику за ужином с родственниками. Вторая: ты, милочка, живое доказательство того, что не надо быть хоть сколько-нибудь смешной, чтобы прослыть фееричной клоунессой.

Насыщенное сияние пульсировало у меня под кожей.

Наконец-то!

Как выяснилось, чтобы получить доступ к силе, которой пользовались Колдунья и другие члены крайне закрытой группы, недостаточно просто подделать Связь. Чтобы попасть в эту касту, необходимо получить приглашение, а затем пройти обряд посвящения. Единственный шанс мне давала встреча с Колдуньей. Эта особа была достаточно умна, чтобы состоять в касте избранных, достаточно глупа, чтобы играть со мной в игры, и достаточно склонна к садизму, чтобы поставить приглашение в касту против возможности заколдовать меня.

– Да чтоб тебя… – пробормотала Колдунья.

Чары развеялись, я снова обрел здравый ум и твердую память. И Риина прекрасно это видела.

Я выиграл.

– Превосходная работа, юнга, – сказала Локон, по-прежнему скованная. – За такой подвиг нам придется повысить тебя в должности.

– Погодите… Мы победили? – спросила Салэй. – Хойд, а ты?.. Ну? Кто ты такой?

– Думаю, термин «колдун» послужит достаточным объяснением, – ответил я. – И, выражаясь точнее, мы не победили, а выиграли… Выиграли пари.

– Стой! – пискнул Чарли с плеча Хойда. – Это и впрямь было пари? Ты позволил наложить на себя проклятие ради простого спора?

– Пожалуйста, не надо утрировать, – попросил я. – Разве хоть что-нибудь из того, что мы совершили сегодня, было простым?

Колдунья махнула рукой, и Локон съехала по стене на пол.

– Ступай, – сказала Колдунья. – Пока я не передумала.

Форт помог Локон встать. Поблагодарив его кивком, девушка повернулась к хозяйке острова:

– Во-первых, снимите с Чарли проклятие.

– Я не могу снять проклятие, пока не выполнены его условия, – отрезала Колдунья.

Локон вопросительно посмотрела на меня. Способы разрушить чары, конечно, существовали, но Колдунье, похоже, они действительно были недоступны. Поэтому я кивнул. Колдунья явно не имела намерения хитрить.

Девушка перевела дыхание.

– Никуда мы не уйдем, – проговорила она со стальным блеском в глазах. – Уйдете вы.

– Что, прости?.. – опешила Колдунья.

– Вы проклинали невинных, искавших возможности просто поговорить с вами. Угоняли людей в плен. Грабили купцов, уничтожали флотилии. Вы бич этого моря. Вы бич этой планеты. – Локон расправила плечи, чтобы подбодрить себя. Из-за природной кротости она оказалась потрясена собственной дерзостью. – Я требую, чтобы вы покинули этот мир. Уходите и не возвращайтесь.

– Ой, я тебя умоляю! – хмыкнула Колдунья. – Кто ты такая, чтобы меня прогонять?

В ответ Салэй и Форт навели на нее пистоли. Энн как-то ухитрилась выхватить сразу три. Чарли зарычал. И хотя получилось не очень устрашающе, ему было приятно внести свой вклад.

Локон даже не подумала одолжить у кого-нибудь пистоль. Она подтолкнула меня вперед и приказала:

– Юнга! Застрели эту женщину! Ну или еще как-нибудь избавь нас от нее…

– Ты командуешь мной? – мягко осведомился я.

– А ты разве не в моей команде? – спросила Локон.

Что ж, ладно. По крайней мере, у нее хватило совести покраснеть.

Подчиняясь приказу, я вздохнул, шагнул вперед и вскинул руки. Встретившись с Колдуньей взглядом, без всяких слов понял, о чем она думает. Колдунья, как и многие ей подобные, была очень хороша в том, что мы называем прогнозированием рисков и выгод. Она прилетела на Лумар, потому что была уверена: эта планета для нее безопасна. Затем обнаружила здесь дракона. А потом прибыл я.

Я не исключал, что Колдунья может победить меня и снова зачаровать. Однако где гарантия, что победа достанется ей, а не мне? И даже если шансы погибнуть в схватке со мной один к пяти… Ведь долго не проживешь, если будешь испытывать судьбу даже при высоких шансах. А Риина успела прожить очень-очень долгий век.

Спустя немного времени мы стояли на палубе «Вороньей песни» и следили за мерцающей в небе искрой. Башня улетала. А вместе с ней и Колдунья.

Уж так я влияю на людей. Тот, кто долго пребывает в моем обществе, неизбежно начинает завидовать тем, кто никогда со мной не встречался.

Позади нас, радостно улюлюкая, аплодировали Дуги. Форт выкатил бочонок с каким-то замечательным напитком, который он берег для торжественного случая. Энн, несмотря на горестные причитания Лаггарта, решила, что корабельным пушкам необходимы имена. Салэй сжимала в кармане письмо и мучилась ожиданием встречи с отцом. Но и она позволила себе наслаждаться праздником.

Локон, неся на ладони Чарли, который так и остался крысой, подошла ко мне.

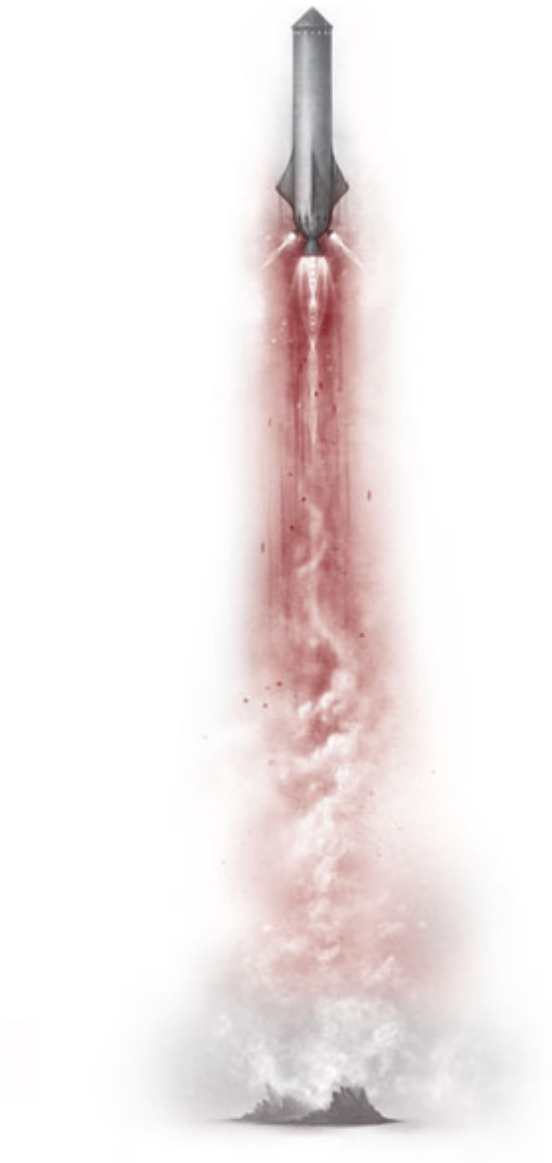
– Ты и правда не можешь помочь? – спросила она. – Никак нельзя снять проклятие?

И Локон, и Чарли смотрели на меня с надеждой.

– Увы, мне это не по силам, – ответил я. – Уж точно не на нынешнем уровне магического мастерства.

– Эх!.. – вырвалось у Чарли.

– Хотя… – произнес я, всматриваясь в окружавшие его руны, которые мне удалось различить. – Если кое-какие параметры все же получится подправить…



Эпилог

Пять месяцев спустя корабль прибыл на родину Локон, на Скалу, которая скалой (в общепринятом смысле этого слова) не была. Замедляясь, судно столкнулось с пристанью, потому что рулевой – отец и ученик Салэй – в таких делах был еще неопытен. Отец очень огорчался своим промахам, но Салэй в таких случаях лишь улыбалась и объясняла, как сделать лучше.

Причалившее судно носило название не «Воронья песнь», как вы могли подумать. Экипаж решил, что новую жизнь лучше начинать с новым кораблем. Кроме того, капитан изъявила желание иметь несколько дополнительных кают. Поэтому, как только команда получила королевское помилование, «Воронья песнь» ушла с молотка, а на вырученные деньги был куплен другой корабль.

Вскоре на палубе «Двух чашек» появилась капитан в треуголке с пером и длинном флотском сюртуке. Она сделала рулевому несколько жестов, которым Форт обучил всю команду. Оказалось, что общаться на корабле жестами по многим причинам очень удобно. Например, можно командовать такелажниками или задавать рулевому курс без необходимости драть глотку в попытках перекричать вой ветра или скрип спор. В этот раз жест означал поздравления – это был первый порт, в который помощник рулевого завел судно хоть и не идеально, зато самостоятельно.

После этого Локон подошла к планширу и сделала глоток из той самой чашки с бабочкой, которая, как вы помните, разбилась вдребезги. Невооруженным глазом было видно, что чашка склеена из множества кусочков. Однако капитан ничего не имела против склеенных чашек. Локон полагала, что сколы, забоины и даже трещины делают чашку только интереснее, помогают ей обрести историю. И история чашки с бабочкой грела капитану душу.

Прибыли начальник порта и инспектор. Салэй вручила им самую настоящую королевскую жалованную грамоту, во всех подробностях описывающую важность судна. В одиночку остановив Колдунью, Локон и команда получили в награду не только высочайшее помилование. Грамота свидетельствовала еще и об исключительном праве на пользование торговыми путями через Багряное и Полуночное моря. Эти пути открывали новые возможности торговли с далекими, еще совсем недавно недостижимыми морями. Можно было не сомневаться, что каждый матрос этого корабля в обозримом будущем фантастически разбогатеет. (А ведь когда я познакомился с ними, все они были простыми Дугами!)

Король, разумеется, утверждал, что он с самого начала верил, что все произойдет именно так, как произошло. С первого дня верил и в Чарли, и в его избранницу. Вам это может показаться лицемерием, однако мы предпочитаем называть это политикой.

Между тем, пока начальник порта и инспектор, не веря глазам, в очередной раз перечитывали жалованную грамоту, на палубе наконец-то появился Чарли.

Полностью в человеческом обличье.

Проклятие гласило, что Чарли получит свободу при условии, что доставит свою возлюбленную в башню к Колдунье и та ее зачарует. Я изменил проклятие. Теперь оно гласило, что Чарли получит свободу при условии, что доставит свою возлюбленную домой, сочинит для нее поэму, и та ее очарует. И поэма должна быть добротной, без неточных рифм.

Чарли попросил Локон оставить его в каюте одного, чтобы он мог дописать поэму и превратиться в человека. (Ведь того, кто искренне любит, очарует все, что сделано для него с теплом и любовью. Считайте условие выполненным.) И вот наконец он стоит перед невестой, протягивает рукопись и глупо ухмыляется.

Локон любила эту глупую ухмылку.

Не могу не обратить ваше внимание на то, что из одежды на нем была только крохотная пиратская треуголка.

– Дорогой… – шепнула Локон, наклоняясь к уху Чарли. – Одежда… Люди носят одежду.

– Похоже, к этому нужно будет снова привыкнуть, – сказал Чарли, оглядывая себя. – Гм… Прошу прощения!

Локон и Чарли не расстались, хоть и оба за время своих странствований изменились. Разумеется, каждый по-своему. Это ничуть не помешало их союзу, а, напротив, укрепило его. Локон и Чарли стали половинками одного целого.

Локон решила остаться капитаном и главным споровщиком, а Чарли обнаружил в себе яркий талант камердинера. Кроме того, он стал вполне сносным хранителем корабельных историй и музыкантом.

Я дал Чарли несколько полезных советов, и его творчество пошло в гору, – по крайней мере, теперь у меня не сводило от него скулы. Скажу по секрету, что вы тоже отнюдь не бездарность. Те, кто утверждает обратное, пытаются вас принизить и самоутвердиться за ваш счет. Не верьте таким людям. Они понимают, что принять вас в ином статусе просто не смогут.

Экипаж, обрадованный увольнением на берег (хоть и на берег Скалы), покидал корабль. Борт оставили все, за исключением Лаггарта, который попал в карцер за драку в портовой таверне, учиненную во время предыдущей стоянки.

Вероятно, вы обрадуетесь, узнав, что Лаггарт начал меняться в лучшую сторону. Я могу утверждать это с уверенностью, потому что приглядывал за командой Локон еще немало лет. Он уже меньше походил на прежнего сварливого брюзгу, в отличие от своих родственников, влачивших подобное существование до гробовой доски. В общем, он ступил на путь исправления, который обычно приводит… Ну, к чему-нибудь да приводит!

Пока Чарли одевался, Локон прочитала поэму, разрушившую его проклятие.

Извините, но пересказывать я не буду. Для Локон это личное.

Оторвав взгляд от бумаги, Локон кое-что заметила, и ее сердце преисполнилось радости. К причалу ковыляли родители, а следом плелся младший брат. Мать провела не одну бессонную ночь,

высматривая на море корабль дочери. И даже когда Локон нашла возможность отправлять домой письма, мать так и не смогла поверить, что дочь может вернуться. Собственно, никто из семьи не верил, пока не увидел Локон воочию.

Локон спустилась на причал, а затем ступила на некогда привычную каменную твердь – черную и просоленную. Это место казалось ей теперь до боли чуждым. Как что-то может вызывать такие противоречивые чувства – быть и привычным, и чуждым?

Но когда спустилась семья, Локон нашла ее объятия восхитительно привычными и ни в коей мере не чуждыми.

Родственники принесли с собой багаж, ведь девушка приготовила для них каюту. Она хотела уже сопроводить их на борт, но тут появился герцог. Как всегда, его красная физиономия была хмурой. Локон решила, что сменить выражение лица герцог просто не способен. И если на все случаи жизни вам нужен целый арсенал улыбок, то хмуриться можно всегда одинаково.

– Это еще что такое?! – рявкнул герцог, хлопнув тыльной стороной кисти по королевской грамоте. – Ты хоть понимаешь, что натворила?

– Понимаю. Я спасла вашего сына. Настоящего сына, а не эту челюсть на ножках, со словарем в шесть слов.

– Я о том, какой вред ты нанесла моему острову! – воскликнул герцог, тыча пальцем в текст, написанный рукой самого короля. – Любой может покинуть его по собственному желанию! Ведь на нем не останется ни одной живой души!

– Читайте дальше. – Локон спокойно хлебнула чая.

Герцогу пришлось перечитать грамоту несколько раз, прежде чем до него дошло. Король обещал щедрое пособие каждому, кто проживет и проработает на Скале двадцать лет. А это означало (при условии, если вам, конечно же, посчастливится найти на Пике Диггена работу), что на пенсию вы отправитесь с капиталом более чем солидным для достойной старости.

Но имейте в виду, в наши дни устроиться на Скале очень трудно. Никто не хочет уезжать. Пиво великолепное, компания неплохая, а заработок… Заработок компенсирует все остальное.

Локон вернулась на палубу своего корабля и встретила Чарли, который уже успел одеться. Она кивнула на причал и спросила:

– Хочешь поздороваться с отцом?

– Нет уж, спасибо, – сказал Чарли. – Ты передала ему письмо от матери?

(Следует отметить, что герцогиня покинула остров и, что еще более важно, покинула мужа несколько месяцев тому назад. Оказывается, обречь единственного сына на верную погибель – не лучший путь к сохранению счастливого брака.)

– Письмо в стопке, – сказала Локон. – Герцог найдет его, если не поленится читать дальше… О, смотри! Он снова хмурится.

– Так ему легче жить, – сказал Чарли. – Удобно, когда нужно держать всего лишь одну кислую мину.

Чарли приобнял Локон и положил голову ей на плечо.

– Я буду скучать по моей шерстке. Ужасно непривычно. Хотя уверен, преимущества человеческой жизни обязательно помогут мне смириться с этой утратой.

– Мне вот интересно, – томно проговорила Локон, накрывая руку Чарли ладонью, – существует ли морской закон, запрещающий капитану жить с собственным камердинером? Что скажут люди?

– Они скажут, что я счастливчик, каких поискать, – мягко ответил Чарли.

На Скале они не задержались. Как только пополнили запасы, Локон поблагодарила тех, кто помог ей сбежать с острова несколько месяцев назад. А затем корабль с девушкой и крысой на борту отправился бороздить океан.

С крысой, которая, как оказалось, не была крысой ни в каком смысле.

С девушкой, которая, как вы уже успели заметить, была скорее умудренной женщиной, несмотря на свой юный возраст.

Океан, который вы, надеюсь, теперь видите в воображении таким, каков он на самом деле. То есть полным изумрудно-зеленых спор и счастливых возможностей.

КОНЕЦ

Постскриптум

Теперь я уверен, что эта кампания по сбору средств на «Кикстартере» станет определяющей в моей карьере. До чего же сейчас странно сознавать, как скромно она начиналась!

Как это обычно и бывает, основой для книги послужило сразу несколько идей. Сюжеты в моей голове рождаются из-за переизбытка теснящихся в ней мыслей – они как горы, вздымаемые тектонической активностью.

Первая причина создания этой книги самоочевидна. Мне захотелось рассказать историю от лица Хойда. Я решил, что когда-нибудь обязательно напишу книгу, которая прольет свет на прошлое Хойда, и неплохо было бы заранее получить кое-какой опыт, чтобы чувствовать себя более свободно. Не думаю, что голос Хойда будет именно таким, каким вы слышали его со страниц этой книги, – подобная манера изложения вряд ли подойдет для его собственной истории. Думаю, она будет менее витиеватой.

Итак, у меня возникло желание начать с романа, который будет выглядеть несколько эксцентричным. С книги, где Хойд рассказал бы полную версию такой истории, как «Странствующий парус» или «Пес и дракон». Однако мне вовсе не хотелось, чтобы моя история звучала слишком по-детски. Я желал чего-то более универсального. Чтобы книга понравилась всем моим читателям. Если можно так выразиться, я замыслил написать взрослую сказку. Тогда-то мне и вспомнился потрясающий роман «Принцесса-невеста» Уильяма Голдмана. Тон его повествования послужил мне главным ориентиром. Также здесь надо упомянуть и «Благие знамения» сэра Терри Пратчетта и Нила Геймана. Это еще одна книга, чей стиль изложения сильно вдохновил меня.

Во время карантина «Ковид-19» я показал детям и жене экранизацию «Принцессы-невесты». Тогда я еще не предполагал, что все это сподобит меня начать работу над новой книгой. Честно говоря, у меня и мыслей таких не было. Как обычно, я просто обкатывал на подкорке мозга разные идеи. Подобные идеи могут вызревать годами, а то и десятилетиями.

Бесспорно, сериал «Принцесса-невеста» замечательный, его хочется смотреть от начала до конца, однако на протяжении всего

просмотра мне не давала покоя одна мысль. Почему принцесса, в честь которой названы книга и фильм, почти ничего не делает?

Оказалось, что мою жену Эмили мучил похожий вопрос. Как сложилась бы судьба героев, если бы Лютик отправилась на поиски Уэстли, а не записала его в мертвецы? Этим вопросом жена заронила в мою голову семя нового романа. Идея, зазмеившись на задворках подсознания, вскоре разрослась, точно лоза изумрудного эфира.

Кстати, эфиры! Про них я вспомнил весьма кстати. Уже который год мне грезился мир, где люди ходят по морям, состоящим из чего угодно, но только не из воды. (Нежидкие океаны – моя идея фикс.) Сперва я думал, что жители такой планеты скользят по ее поверхности на кайтах, но вскоре эта идея завела меня в тупик. Затем я вспомнил о флюидизации – это когда сыпучие вещества, подталкиваемые снизу газом, по своим физическим свойствам уподобляются кипящей жидкости. Вот так я придумал споровые моря.

Но и этого мне показалось недостаточно. Для построения мира требовалось, чтобы вещество, замещающее воду, было интересным. Какой смысл в споровых морях, если они ничем не отличаются от обыкновенных? Безусловно, такое легко визуализировать, и иногда для книги этого бывает вполне достаточно, но мне хотелось чего-то, что оказывало бы влияние на ход истории.

В общем, я вернулся к идее с первоэлементами – эфирами. Эта идея зародилась у меня в голове лет двадцать пять назад. Я уже не раз намекал на существование эфиров: пасхалки упоминаются во многих моих произведениях, относящихся к вселенной космера. И этот роман, как мне кажется, появился в самое подходящее время, чтобы познакомить вас с их взрывным потенциалом. В будущем вы еще не раз прочитаете об эфирах. Кроме того, родиной эфиров является отнюдь не Лумар.

Идея насчет споровых морей, становящихся смертельно опасными при контакте с водой, послужила своеобразным крючком, при помощи которого я в конце концов сумел вытащить из глубин подсознания сеттинг всего произведения.

У меня оформились три главные мысли, необходимые для написания книги. Во-первых, магическая система, определяющая сеттинг истории. Во-вторых, тональность истории, рассказчиком

которой выступает Хойд. В-третьих, сюжет: героиня отправляется спасать возлюбленного, затерявшегося в споровых морях.

Вы, вероятно, спросите: а как же образ героини? Что ж, из-за него я не стал ломать голову и просто начал писать. Впрочем, я поступаю так почти всегда. Вскоре я познакомился с юной героиней ближе. Я люблю раскрывать моих персонажей в процессе работы над книгой. Мне нравится выстраивать фабулу в зависимости от того, какие они принимают решения и совершают поступки.

Возможно, мне не следовало писать эту книгу втайне от всех. О новом проекте я не сообщил ни единой душе, кроме жены, и даже файлы хранил в облачном сервисе, в секретной папке, где моя команда ни за что бы их не нашла. Работая, я не желал делиться мыслями ни с кем, кроме жены. А еще мне очень импонировала возможность писать, не задумываясь о сроках и конечном результате. Я просто хотел творить в полной свободе как от условий договора, так и от ожиданий поклонников. Писать так, как писал давным-давно, прежде чем увяз в ограничениях, свойственных всякой профессиональной деятельности.

Я держал проект в секрете почти два года, и о его существовании знала только Эмили. Однако настал момент, когда я готов представить книгу вам. Именно поэтому, собственно, вы и держите ее сейчас в руках. Надеюсь, она доставит вам удовольствие и вы охотно поучаствуете в следующих трех проектах, каждый из которых уникален по-своему.

Брендон Сандерсон

notes

Примечания

1

Сайт для привлечения денежных средств, направленных на реализацию различных творческих и иных проектов, через добровольные пожертвования пользователей.

2

Компания – разработчик программного обеспечения, которое помогает запускать успешные краудфандинговые кампании.

3

Согласно Архиву Буресвета, Хойд, или королевский Шут, – путешественник между мирами, трикстер, появляющийся во всех книгах вселенной космера. Хойд – не настоящее имя, Шут украл его у того, кого когда-то любил. Хойд является вторым самым старым персонажем в мире космера (после Фроста). Его истинная личность и природа пока не раскрыты.